

Ф.Г.Углов

ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Глава I.....	2
Глава II.....	20
Глава III.....	43
Глава IV.....	65
Глава V.....	79
Глава VI.....	104
Глава VII.....	113
Глава VIII.....	122
Глава IX.....	130
Глава X.....	155
Глава XI.....	174
И. Дроздов. Размышления над письмами читателей.....	185

Глава I

В редакцию журнала «Вестник хирургии» пришло письмо: «Более полутора лет нахожусь под следствием по делу смерти больной, которая в январе прошлого года была оперирована мною по поводу гангренозного, перфоративного, калькулёзного холецистита. Во время операции возникло сильное кровотечение. Больная очутилась на грани смерти... Её удалось спасти, но в брюшной полости случайно была оставлена марлевая салфетка — я и мои ассистенты не заметили её.

В конце февраля того года больная в хорошем состоянии была выписана, но через семь с половиной месяцев после операции внезапно скончалась.

На вскрытии выявлен большой, шаровидной формы тромб, закупоривший весь просвет лёгочной артерии, что и послужило основной причиной смерти.

Одновременно с этим под печенью был обнаружен осумковавшийся тампон (марлевая салфетка). Перитонита не было.

Судебно-медицинская экспертиза, проведённая в нашем городе, дала заключение, что причиной смерти является тромбоэмболия лёгочной артерии и что оставленный тампон влияния на печальный исход не имел. Экспертиза же, проведённая в Москве, дала заключение, что причиной смерти явился случайно оставленный тампон.

Дело дважды прекращалось следственными органами на местах за неимением состава преступления.

Теперь мое дело находится в Прокуратуре Союза ССР, и я обвиняюсь в халатности. Мне угрожает исключение из партии, в которой я состою 30 лет, увольнение из института, где я проработал всю жизнь. Прошу высказать авторитетное Ваше мнение и мнение возглавляемой Вами редакции по моему делу.

С волнением и благодарностью ожидаю Вашего ответа.

Профессор Гафили».

Письмо было адресовано мне, редактору журнала. Вместе с заявлением профессор прислал протокол научно-клинической конференции, в которой руководитель клиники и его сотрудники, тщательно изучив историю болезни и данные вскрытия умершей, установили, что смерть больной последовала от эмболии лёгочной артерии и оставленный тампон не имел отношения к печальному исходу.

В чём же дело? Почему Москва настойчиво требует нового и нового пересмотра дела?

Мы рассмотрели заявление профессора Гафили на заседании редколлегии и ответили ему, что редколлегия как официальный орган может высказать своё мнение по затронутым вопросам, если получит официальный запрос от учреждения, в ведении которого находится рассмотрение дела. Что разбор причин и последствий такого несчастья в хирургии, как оставление инородных тел в брюшной полости, всегда сложен, а квалификация его в юридическом плане требует всестороннего обсуждения и тщательного изучения обстоятельств дела.

Отослал я это письмо, а на душе как-то мутно. С одной стороны, дело идёт о чести специалиста и, может быть, хорошего человека. А с другой, жизнь женщины, скорее её смерть. А как расценить ошибку профессора Гафили? Хирургическое несчастье, халатность?

Долго меня мучила совесть, все порывался написать профессору другое письмо, но как только я об этом начинал думать, тотчас возникал вопрос: а что практически я мог сделать для несчастного хирурга?..

К моему большому удовлетворению, получил уведомление от местной прокуратуры: я включен в состав экспертной комиссии по делу профессора Гафили и должен буду выехать на место для изучения обстоятельств происшествия.

Когда мы приехали в столицу одной из наших южных республик и приступили к изучению дела, передо мной предстала довольно сложная картина. Прежде всего я постарался как можно более обстоятельно познакомиться с профессором Гафили. Этот

хирург оказался очень популярным и широко известным в своей республике. Он отличался хорошими мягкими руками и добрым сердцем. Все говорили, что он очень внимателен и отзывчив к больным. Его любили, доверяли и часто просили, чтобы именно он сделал операцию тому или иному больному. Он никогда никому не отказывал. При этом часто брался за такие операции, от которых другие профессора отказывались или у них были очень плохие результаты.

Больные и их родственники буквально боготворили хирурга, гордились им, называли своим национальным Пироговым. Но среди его коллег были и те, кто ревновал, завидовал ему, а иногда и придумывал истории, которые бы могли скомпрометировать хирурга.

Но, как говорит русская пословица: «У лжи короткие ноги». Всякие наветы, пустая болтовня быстро забывались, а профессору Гафили приносили прочный авторитет его успешные операции, его человечность и отзывчивость к чужому горю.

В тёплые июньские дни, когда солнце ласково светит, но нет ещё изнуряющей жары, когда деревья покрыты сочными зелеными листьями, а поля душистыми цветами, так хочется поваляться на траве, послушать пение птиц, помечтать, отдохнуть от постоянной работы, хоть на время отвлечься от людского горя, от молящего взгляда больных и их родственников. Позади бессонные ночи, а впереди — новые тяжёлые, уже запланированные операции. Хорошо бы хоть один день отдохнуть. Профессор давно мечтал выехать за город, но все что-то мешало. Да и жене и детям сколько уж раз обещал загородную прогулку.

— Завтра, — говорит он, обращаясь к жене и детям, — поедem за город. И целый день в нашем распоряжении!

— Да, уже давно пора, — сказала жена. — Я и не помню, когда ты ездил за город. Сам-то на кого похож, да и дети давно свежего воздуха не видели, мечтают о поездке.

— Ну вот и отлично! Значит, заслужили отдых! Сегодня же всё соберите, чтобы утром пораньше выехать.

Все были счастливы, предвкушая удовольствие от предстоящей вылазки за город. С жаром обсуждали, куда лучше выехать и как лучше провести день. Все включились в подготовку. Кто побежал в магазин закупать продукты, кто замешивал тесто, чтобы взять с собою печенье собственного изготовления. Легли поздно: каждый по-своему мечтал о том, как он проведёт завтрашний день.

Утром вся семья была в сборе. Профессор Гафили возился со своим «Москвичом», делая последние приготовления в дорогу.

А в это время недалеко от них, в новом доме на третьем этаже, молодая женщина Елена Петровна Заходилова гладила бельё, то и дело высовываясь в окно, чтобы посмотреть, не случилось ли что с сыном, который играл во дворе. Отец был где-то там же, но он мог и не доглядеть за мальчиком... Поставив уже остывший утюг на окно, она пошла на кухню. Услышав какой-то шум на улице, подбежала и высунулась в окно. Утюг, стоявший на подоконнике, соскользнул и упал вниз. И надо же быть такому несчастью — упал прямо на голову сына!.. Голова оказалась разбита. Ребёнок впал в бессознательное состояние. Жизнь в нём едва теплилась.

Обезумевшие от горя родители, схватив на руки ребёнка, понесли его на квартиру к профессору Гафили, благо он жил неподалёку. Профессор в тот момент выезжал из ворот. Взглянув на родителей, находящихся в невменяемом состоянии, он с сожалением и виноватым видом посмотрел на жену. Он мог, конечно, отослать пострадавших в дежурную клинику, но язык не повернулся сказать такое родителям. Тем более что он понимал и тяжесть состояния ребёнка, и всю трудность предстоящей операции. Посадив несчастных родителей с ребёнком в свой автомобиль, Гафили осторожно, но быстро доставил их в клинику.

Началась тяжёлая борьба за жизнь мальчика. Надо было тщательно остановить кровотечение, сшить твердую мозговую оболочку, уложить на место все костные осколки и, обработав кожную рану, наложить аккуратно швы.

Пять часов продолжалась сама операция, а затем почти полтора месяца ежедневных забот и тревог за судьбу ребёнка, находившегося между жизнью и смертью.

В конце концов победа оказалась на стороне врача.

Через два месяца счастливые родители увозили из больницы здорового сына. Они со слезами на глазах благодарили хирурга. Так семья Заходиловых впервые встретилась с профессором Гафили.

Супруги, оправившись от несчастья, вновь зажили спокойной, счастливой жизнью.

Заходилов — хороший мастер на производстве; он, как и профессор Гафили, большой любитель автомобильных путешествий. У них был дом, огород и сад. Фрукты и ягоды со своего сада водились у них круглый год, да ещё на продажу хватало. Накопили средства, купили «Москвич». Каждое лето совершали поездки по стране, съездив в один конец, уже осенью обдумывали, куда поедут на следующий год.

И в этом году они уже загодя стали обдумывать предстоящий маршрут. На этот раз решили доехать до Сибири. По той дороге, по которой шли и ехали декабристы.

— Поедем, Саша, — говорит Елена Петровна, — поклонимся земле сибирской. Много горя повидала она, принимая лучших сыновей и дочерей России на тяжёлую и суровую жизнь. Гибли наши деды в борьбе за лучшую жизнь, и должны мы чтить их память. Поедем, поклонимся сибирским местам, сходим на могилы тех, кто навсегда остался лежать в земле сибирской.

Так и порешили.

Муж, понимая трудность предстоящего путешествия, стал к нему готовиться. Вечерами же, после работы, они вслух читали книги о жизни декабристов, вместе с ними переживая их тяготы.

— Какая сила духа у русских людей и какая у них любовь к Родине! Есть ли где на земле ещё такие люди?! — вытирая слёзы, говорила Елена Петровна.

Чтение подобных книг ещё больше укрепляло их намерение летом поехать в Сибирь.

Вдруг среди зимы у Елены Петровны возникли резкие боли в животе. Поначалу супруги не придали этому значения. Они знали, что у неё камни желчного пузыря, приступы болей возникали не однажды, но каждый раз, когда она примет желчегонное, ограничит себя в еде, у неё все быстро проходило.

На этот раз Елена Петровна поступила так же. Легче не становилось. Боли нарастали. Терпеть стало невозможно. Побежал муж в ближайшую телефонную будку, вызвал «Скорую». Приехала врач, молоденькая женщина. Потрогала рукой живот в нескольких местах, да так, что больная морщилась и стонала, и уверенно заявила: «У вас острый холецистит. Немедленно в больницу! Вот вам направление в хирургическую клинику». И доктор уехала.

Супруги крепко задумались. Больница... Возможно, операция... Но, может быть, можно обойтись без больницы?

Сбегал муж в аптеку, принёс лекарства, которые знакомый аптекарь посоветовал принимать, ушёл на работу. Вечером застал жену в ещё худшем положении. Боли усилились, лицо пожелтело, осунулось. А наутро муж позвонил на службу, сказал, что опоздает, и повёз жену на такси в больницу.

Здание больницы только что отстроено, тут много этажей, светлые большие окна. Двор, правда, не приведен в порядок, но сделан по хорошему плану. На территории два пруда, где ребяташки из соседних дворов уже ловят рыбу.

Направление у Заходилова хоть и было, но жену пришлось поместить пока в приемном покое. Тут было много народа и все ждали доктора. К больнице то и дело подъезжали машины «Скорой помощи». Из них на носилках и просто с помощью санитаров больные поступали в приемный покой. Небольшая комната становилась тесной, а больные все прибывали. «Скорая» подвозила главным образом людей с травмами. Вот на каталке завозят мужчину, сбитого машиной. Он только что пришёл в сознание, смотрит

печально на толчею вокруг себя. К каталке подходит дежурная сестра и громко кричит на санитаря, привёзшего человека:

— Куда ты везёшь? Я же звонила, что у нас все места заняты! С травмами уже пять человек, а травматолог один. Они и так будут ждать своей очереди несколько часов! Везите в другую больницу! Я не приму!

— Куда же я повезу в другую больницу, когда у меня наряд к вам! Да и больной очень тяжёл, он только что пришёл в сознание!

— Я сказала, что принимать больше ни одного человека не буду! Что хочешь делай, куда угодно вези — я принимать не буду!

Больной лежит на каталке с широко открытыми глазами. Он болезненно морщится от каждого слова дежурной сестры. Ему плохо, голова болит. Были бы силы — встал бы и пошёл домой. Но сил нет, и он слушает брань над своей головой. Наблюдала эти сцены и Елена Петровна. И от приёма такого ей становилось больнее.

Обо всем этом потом рассказывал муж Елены Петровны Заходилов. Он рассказывал мне как члену комиссии — «представителю свыше», разводил руками, недоумевал: «Как же так?.. Зачем же так грубо встречают пациентов в нашей большой, такой красивой и благоустроенной лечебнице?.. Государство не жалеет денег для народа, строит больницы, готовит врачей, а вот какие-то нерадивые люди не могут организовать приём, не могут хорошо встретить, обласкать человека в минуту, когда он особенно в этом нуждается?..»

— А что прикажете делать врачу? — оправдывалась дежурная сестра, сидящая за регистрационным столом. — Больных тридцать человек, а он один. Двое хирургов всё время оперируют. Он должен и им помогать, и больных осматривать. Ещё нет двенадцати часов, а нам прислали уже суточную норму. И видите: продолжают везти.

Заходилов мрачно стоял, прислонившись к стене, не вмешиваясь ни в какие разговоры. Он переживал за жену, которая — он знал это — сильно страдает и не имеет возможности даже прилечь.

Не дождавшись приёма, взял документы, увёз жену домой. Но болезнь не отступила.

Ночью жене стало совсем плохо. Муж побежал к профессору Гафили и разбудил его.

— Умоляю! Посмотрите больную жену. Может быть, можно её оставить дома и не класть в больницу. Если же обязательно нужно ложиться, то возьмите её, пожалуйста, к себе в клинику!

Профессор Гафили с трудом заснул в ту ночь. У него был тяжёлый день, а вечером его вызвали в клинику, так как один из оперированных им больных отяжелел. Переживая за него, он долго не спал, волновался, звонил дежурному врачу. Ночной визитёр вызвал минутное чувство досады. «Ведь и та клиника, — думал он, — куда было направление, неплохая. Хирурги там хорошо делают подобные операции». Но он подавил в себе это чувство. Гафили всегда считал, что больной вправе выбирать хирурга, которому он может доверить свою жизнь.

Я тоже недоумеваю, почему больной не может выбрать по своему желанию хирурга. Больной лечится только у определенного врача по месту жительства. А если этот врач невежественный, грубый, часто делает ошибки и я не хочу у него лечиться? Почему я не имею права идти к такому врачу, которому я доверяю? Я имею право выбирать парикмахера, чтобы доверить ему свои волосы, имею право выбирать портного и не идти к тому, который плохо шьёт и может мне испортить костюм. А вот здоровье своё доверяю тому, к кому прикреплен. Знаю, что хирург плохо оперирует, а вынужден доверить ему жизнь. Мне кажется, тут явная недоработка наших медицинских администраторов. Можно было извинить такое положение в первые годы и десятилетия Советской власти — мало было у нас врачей, не хватало больниц. Но теперь у нас есть всё — и врачи и больницы. Медики вооружены первоклассной современной техникой и инструментами. Искусство наших врачей приобрело всемирную славу. О гуманном характере советского

здравоохранения нечего и говорить — об этом теперь знают люди едва ли не всех стран. И если даже в наше время, даже в наших условиях встречаются несурезицы, о которых мы тут ведём речь, то, конечно же, они от нерадивости или от неумения людей, отвечающих за это дело.

У нас когда-то был издан приказ, по которому, чтобы поехать в другой город в какую-то поликлинику или к какому-то врачу, нужно направление республиканского министерства или облздравотдела! Это при наших-то расстояниях!.. Вот однажды я принимаю больного из другой области без направления, а мой вышестоящий начальник показывает мне инструкцию: нельзя! Больной говорит, что у него до районного центра 120 километров, а до областного — 400! Это ему за бумажкой надо ехать 400 километров, да ещё с двумя пересадками. А у него больное сердце. Но ведь надо ехать, так как без направления из облздравотдела мы его принять не можем, даже если у нас есть место. А может и такое произойти: приедет он в облздравотдел, а там ему скажут: лечитесь на месте.

Ну да ладно: отвлекся я от истории с больной. Итак, профессор оделся и поехал с Заходиловым.

Картина болезни оказалась тяжёлой. Уступая просьбе её мужа, дал направление в клинику. Тут же по телефону хотел распорядиться, чтобы готовили операционную, но оба супруга стали умолять полечить терапевтически.

Хирург сдался и по телефону назначил больной терапевтический курс лечения. На следующий день картина ухудшилась. Хирург вновь предложил неотложную операцию. Но ни больная, ни её муж согласия на операцию не давали.

Прошло три дня. Тяжесть картины нарастала. В брюшной полости разыгрывалась катастрофа, больной с каждым часом становилось хуже, она начала терять сознание.

— Если вы не дадите согласие на операцию сейчас же, — предупредил родных профессор Гафили, — то завтра будет поздно.

Супруги согласились.

На операции был выявлен воспаленный, наполненный камнями желчный пузырь. Стенка его омертвела и в одном месте прорвалась. Перед хирургом предстала картина острого разлитого перитонита.

В этих условиях операция удаления желчного пузыря была трудной и опасной. Омертвевшие ткани расплзались при прикосновении к ним. Когда хирург отделил шейку желчного пузыря от общего желчного протока, началось неудержимое кровотечение. Его не удавалось остановить ни зажимами, ни марлевыми тампонами. Врач убирал одни салфетки, клал другие, затем одну на другую. Кровотечение было настолько сильным, что больной пришлось переливать кровь одновременно в две вены. Но и это не помогало. Состояние больной быстро ухудшалось. Пульс частил, давление катастрофически падало.

В этих условиях глубокий наркоз был очень опасен, а когда наркоз ослабили и больная стала просыпаться, положение ещё более осложнилось.

Был профессор Гафили опытный и искусный хирург, не раз он выходил из трудного положения, но здесь почувствовал, что почва ускользает из-под ног. Дрогнули руки, на миг усомнился в своих силах. Но, как часто случается в подобных ситуациях с людьми сильными, позвал на помощь всю свою волю. Прижав кровоточащее место сразу несколькими салфетками, попросил одного из помощников: «Срочно пригласите в операционную заведующего кафедрой!» Профессор Межуров по возрасту уж много лет не оперировал, но обладал большим хирургическим опытом и хорошим клиническим мышлением.

Межуров явился в операционную немедленно. С первого же взгляда оценив сложившуюся обстановку, понял, что, прежде чем удастся обычными мерами остановить кровотечение, хирург потеряет больную. Он сказал: «Наложите на кровоточащее место длинные зажимы и, не накладывая лигатур, оставьте их в ране. Когда угроза гибели отодвинется, мы решим, как окончательно остановить кровотечение».

Гафили так и сделал. Тремя зажимами остановил мощное кровотечение, а менее сильное остановил тампонами. Оставив зажимы и тампоны в ране, осторожно зашил остальную её часть. Долго ещё продолжал он бороться за жизнь больной...

На тринадцатый день после операции с соблюдением всех предосторожностей зажимы и тампоны были удалены. Кровотечение не возобновилось. Ещё через несколько дней больная выписалась домой. Чувствовала себя здоровой. А ещё через месяц супруги Заходиловы отправились в долгожданное путешествие по Сибири.

Осенью Заходиловы вернулись из своего путешествия весёлые и довольные. объездили почти всю Сибирь, купались в её быстрых реках, загорали на горячем сибирском солнце. Побывали во многих исторических местах, связанных с именами декабристов.

Незадолго до наступления Нового года Елена Петровна Заходилова почувствовала недомогание. Муж вновь обратился к профессору Гафили. В тот же день профессор осмотрел больную и направил её в свою клинику на обследование. Там во время осмотра в рентгеновском кабинете больная внезапно скончалась.

На вскрытии у неё обнаружили эмболию лёгочной артерии и тампон в забрюшинном пространстве. Воспалительных явлений вокруг тампонов не было.

На научно-клинической конференции причина смерти больной Заходиловой подверглась всестороннему обсуждению. После сообщения профессора Гафили и патологоанатома, после многочисленных вопросов и обстоятельных ответов на них было сделано общее заключение, что причиной смерти больной Заходиловой явилось тромбозом эмболия лёгочной артерии. Что же касается забытого тампона, то он влияния на исход болезни не оказывал и, как принято у нас, медиков, выражаться, явился лишь патологоанатомической находкой.

Профессор Гафили тяжело перенёс смерть Заходиловой. Пережив очень много во время операции и во время выхаживания больной, он невольно привязался к этой семье. Поэтому ему тяжело было разговаривать с мужем, объясняя ему причину печального исхода.

К счастью для него, Заходилов проявил полное понимание. Он и сам видел, как старался и как переживал хирург, борясь за спасение больной, поэтому он, не сделав никакого упрека, только заплакал и сказал:

— Что же, видно, такова наша судьба.

Вскоре они снова случайно встретились. И снова сам по себе возник нелёгкий разговор.

— Понимаю, профессор, — говорил муж, — знать, судьба такая. А вы что ж, вы всё сделали для нашей семьи.

Профессор Гафили уехал в отпуск. Вернулся через месяц. В институте объявили конкурс на замещение вакантной должности заведующего соседней кафедрой хирургии, и Гафили решил принять участие в конкурсе. При этом он не знал, что там уже лежали документы хирурга той же кафедры, шансы у которого на избрание по всем показателям были ниже.

Не знал он и некоторых других обстоятельств...

Как-то вечером Заходилов сидел на скамейке у своего дома, предаваясь горьким размышлениям. Он думал о том, все ли было сделано с его стороны для спасения жены. И тут же себе говорил: да, конечно, он принял все возможные меры. Ведь операцию и наблюдение за больной вёл один из лучших хирургов города. И профессор, и его помощники добросовестно делали всё, чтобы её спасти.

Заходилов не заметил, как к нему на скамейку кто-то подсел.

— О чём грустите? — тихо спросили его. Заходилов вздрогнул и посмотрел на незнакомца.

Это был человек средних лет с большими, слегка слезившимися глазами. Заходилов, у которого все болело внутри, чтобы облегчить душу, рассказал историю болезни и смерти жены.

Незнакомец внимательно слушал исповедь, время от времени покачивал головой:

— Ай-яй-яй, как нехорошо! Что же вы, так и не обжаловали действия профессора?

Заходилов удивился, возразил:

— Что же я на него буду жаловаться, когда он для нас всё делал как для родных.

Он сына спас...

— Да, конечно, он даже не пожалел для вашей жены салфеточку...

— Ну тут же несчастный случай. Да она, как мне говорили, и не оказала влияния...

— Это кто же говорил?.. А вот умные люди думают иначе. Вам бы следовало написать заявление. Долг перед светлой памятью жены требует. Пусть ещё раз проверят, действительно ли это ошибка, или это тяжкое преступление...

Всё смешалось в голове Заходилова. Он теперь и совсем потерял покой — ночей не спал, всё думал: кто же виноват в смерти жены? И надумал... написать жалобу!

Так в прокуратуру поступило заявление Заходилова, в котором он обвинял профессора Гафили «в преступно-халатном отношении к его жене», из-за чего последовала её смерть. И просил привлечь врача к ответственности.

От подачи заявления до работы экспертной комиссии, в которой я принял участие, прошло более двух с половиной лет. Это были годы тяжких переживаний и волнений для профессора Гафили. Работала экспертная комиссия, велись допросы, писались протоколы и т. д., что само по себе не могло не сказаться на хирурге, на твердости рук, на точности глаза... Больные же люди наперекор всей этой шумихе по-прежнему с той же любовью, с тем же доверием шли к нему (поразительно: больные никогда не ошибаются в оценке врача!). Они так же настойчиво просили хирурга, чтобы именно он делал им операцию. Другие просили за родных и близких.

Профессор же Гафили жил в большой тревоге: он теперь боялся за себя, боялся ошибиться. А какой хирург может быть гарантирован от ошибки или несчастного случая, когда приходится делать операции, от которых отказываются другие?!

К чести местной судебной администрации надо сказать, что они подошли к делу серьёзно. Опросив всех причастных лиц, комиссия, а за ней и прокуратура не нашли состава преступления в действиях хирурга, и дело на него было прекращено. Так над головой Гафили, казалось, стало проясняться небо. Но нет. После того как стало известно о решении прокуратуры, хирург, подавший заявление на конкурс, выехал в Москву. Поездка оказалась не напрасной. Вскоре союзное министерство обратилось в Прокуратуру Союза с письмом о незаконном прекращении дела в отношении Гафили, мотивируя тем, что он при операции допустил преступную халатность. Прокуратура обратилась в Институт судебной медицины с просьбой дать ответ на вопросы, связанные с причиной смерти Заходиловой.

Прокуратура Союза отменила решение местных властей и поручила им произвести дополнительное расследование.

Местная прокуратура назначила новую комиссию, в которую опять вошли работники института, уже давшие своё отрицательное заключение. Но в комиссию были включены и два новых члена. Судебный медик из другой области и я как хирург и редактор хирургического журнала.

Итак, через два с половиной года от подачи заявления начала работать наша комиссия.

Прежде всего я хотел познакомиться и поговорить с самим профессором Гафили.

Годы тревог и волнений не прошли для него даром. Он выглядел больным и усталым.

Сиротливо всё это время было в доме Гафили. Жена, дети — все переживали за него. Жена старалась не показывать своих тревог, но у неё также появились и боли в сердце, и бессонница. Мужа она успокаивала:

— Не волнуйся, всё пройдет. Знаешь поговорку: «В мире зло недолговечно, а добро царит в веках». Не может быть, чтобы в нашей стране не разобрались во всем по справедливости.

— Да, конечно, всё так и будет! — быстро соглашался Гафили.

Так успокаивали они друг друга, стараясь глушить в сердце тревогу и даже вызывать улыбки, но тоска, как червь, подтачивала их здоровье.

Вызванный в нашу комиссию профессор подробно и обстоятельно изложил всю историю. Гафили не оправдывал себя. В нём проявилось благородное чувство врача, для которого интересы больного, заботы о его жизни и здоровье всегда были выше собственных интересов.

Оценив сложность и трагичность обстановки, в которой происходила операция, я понял явную натянутость предъявленного обвинения. Однако мои возможности были ограничены: я выступал в роли рядового члена комиссии — предстояло деликатно и умело разбивать гору обвинений. Да и сам факт наличия в нашей комиссии двух представителей этого института не предвещал лёгкого решения вопроса. Наверное, захотят защищать честь мундира и авторитет начальства. Ведь уже два раза выносилось решение о прекращении дела, но каждый раз вмешивались какие-то силы и дело о хирурге вновь закипало.

Я был единственным хирургом в комиссии, остальные — судебные медики.

Операционная сестра (она работала с профессором не более года) заявила, что в конце операции она установила недостачу тампона и сказала об этом хирургу. Но последний якобы не обратил на это внимания.

Два ассистента профессора отвергли это утверждение о недостаче тампона, они ничего не слышали, иначе больную не выписали бы домой, пока тампон не был бы извлечен.

Мы обратили внимание на поведение второй операционной сестры — Тани.

В то время когда старшая сестра отвечала на наши вопросы, Таня сидела, опустив голову, и время от времени бросала на старшую сестру недоуменные взгляды. Наконец, когда почти все из присутствующих на операции высказались, она попросила слова.

— Я как помощница старшей сестры, — заговорила Таня срывающимся голосом, — в первую очередь должна была следить за тампонами. Но операция была так сложна... Мы вытащили все запасные биксы и в конце операции не имели никакого представления, сколько салфеток выдали на предоперационный столик к хирургу. Хирургам же, занятым спасением больной, тем более было не до них. Из всех участников операции я была, наверное, меньше всех занята, и я должна была думать об этом и следить за тем, чтобы салфетки где-нибудь не застряли. Но я, поддавшись общей тревоге за судьбу больной, совсем забыла о салфетках.

Поступок молодой сестры произвел на всех большое впечатление. Опустив глаза, с красными пятнами на лице сидела старшая сестра. Неловко себя чувствовали и некоторые представители комиссии, которые, по существу, вопреки здравому смыслу все обвинения профессора Гафили строили на показании старшей сестры.

Но нам было мало заявления второй сестры.

Следовало уяснить: что обязана была сделать старшая сестра, если на её указание о недостаче салфетки хирург не реагировал? Правила внутреннего распорядка больницы гласили: она обязана была в устной или письменной форме доложить об этом заведующему отделением или главному врачу больницы.

Ни того ни другого старшая сестра не сделала.

Таким образом, отпал один из главных аргументов, на котором базировалось обвинение профессора Гафили.

Тщательно и объективно изучив всё дело, проверив все препараты и историю болезни, комиссия установила, что оставление салфетки не оказало влияния на печальный исход, а, учитывая трагичность создавшейся во время операции ситуации, сам факт

оставления салфетки комиссия рассматривает как несчастный случай в хирургии, который, к сожалению, нередко бывает даже у самых опытных хирургов.

И хотя хирург несёт ответственность не только за свои действия во время операции, но и за действия своих помощников, в данном случае следует учесть исключительно сложную ситуацию, в которой оказались хирург и вся операционная бригада.

Сделав такое заключение, мы разошлись по домам. Я полагал, что основная работа закончена, но смутная тревога не покидала меня. Когда мы собрались на следующее утро, представитель института судебной медицины заявил:

— Мы вчера вечером ещё раз продумали наше заключение и пришли к выводу: не вносить в наше решение пункт о невиновности профессора Гафили.

Я возразил:

— А мы и не даём определения характера действия профессора Гафили. Мы даём определение случившегося факта. Учитывая характер и течение операции, трагичность ситуации и крайне сложное положение операционной бригады, мы определяем этот факт как несчастный случай в хирургии. Подобное определение никто, кроме нас, дать не может. Ни следователь, ни прокуратура, ни судья. Только мы, специалисты-медики, можем и должны это сделать.

Члены комиссии согласились со мной. Пункт, полностью снимающий с профессора Гафили обвинение в «преступно-халатном отношении», был принят.

Печальная история, однако, не прошла для профессора бесследно. Несмотря на молодой возраст (ему не было и 50 лет), он уже не только чувствует своё сердце, но оно стало болеть, мешало работать. Последнее же время боли не отпускали ни днем ни ночью. Он то и дело глотал валидол. Примет таблетку — на какое-то время отпустит. А затем опять те же боли. Наконец и валидол перестал действовать. Пришлось перейти на нитроглицерин. Временами ему казалось, что он потеряет сознание или упадет, не окончив операции.

Накануне нашего отъезда он мне сказал:

— Вот я и сам испытал, как реагирует сердце на неблагоприятные поступки людей. У меня развилась стенокардия. Но я боюсь худшего. Уже не раз я мерил себе давление. Вижу, что оно начинает повышаться. Хорошо помню слова русского учёного Мясникова о том, что «гипертоническая болезнь, так же как и стенокардия, появляется в результате перенапряжения процессов торможения и психической травматизации эмоциональной сферы».

— А вы могли бы какое-то время не оперировать?

— Конечно, мог бы. Да как откажешь людям! Ко мне так много обращается больных. И вот ещё что обидно: мало осталось людей, которые бы сохранили ко мне прежнее отношение. Многие из тех, которые считались друзьями и кому я сделал немало добра, перестали не только заходить, но даже и звонить.

— Значит, плохие у вас были друзья. И жалеть о таких не следует.

— Вы правы. Я теперь их только и разглядел. Друзей-то, выходит, настоящих не так просто иметь. А уж если заимел друга — береги его, держись за него. Но нет ничего страшнее, как потерять друга. Ведь с потерей друга теряется и вера в человека. А без веры в человека и жить нельзя. Тогда и лечить человека не захочется. Зачем? Для какой цели?..

Я старался его успокоить:

— Теперь всё станет на место: надо только обратить больше внимания на собственное здоровье. Систематически лечиться, съездить на курорт, отдохнуть. В случае надобности я готов предложить вам свои услуги.

Он был явно растроган вниманием, и лицо его озарилось приветливой, светлой улыбкой.

— Я хотел бы пригласить вас к нам в клинику, посоветоваться относительно больной девочки, уточнить диагноз и решить вопрос об операции, о которой вы уже давно писали. Может быть, вы согласитесь сделать её у нас как показательную?

Я согласился, и мы дружески расстались.

Идя к себе в гостиницу, я всё время думал о профессоре Гафили. Он мне нравился своим бережным отношением к больному, своей человечностью. Несмотря на такие переживания, он не обозлен, по-прежнему с любовью и заботой говорит о людях.

Вот, думал я, несправедливость отступила. Человек оправдан. Но кто вернёт ему здоровье и силы? И думалось мне ещё о том, как нередки у нас случаи бюрократического бездушия, преступной волокиты, наносящей ущерб и делу, и здоровью человека. Вот хотя бы и в этой истории. Ужалили человека, надломили здоровье — и ничего, будто бы так и надо. Никто не наказан, даже упрека никому не сделали, а человек надломлен. И какой человек!.. Да будь он здоровым, жизнерадостным — тысячам людей он подарил бы здоровье, трудоспособность, а иным и жизнь!..

Мне особенно понравилось, что профессор Гафили был спокоен, сдержан в суждениях, сохранял деловитость.

Отсутствие самонадеянности, цельность характера — это черта сильного, благородного человека. Мне было приятно сознавать, что мы оказали помощь именно такому человеку.

Сдержанность в суждениях и поступках, склонность к самоанализу, иными словами — отсутствие самонадеянности вообще прекрасное достоинство человека, хирургу же оно просто необходимо.

Как мы условились с профессором Гафили, на следующий день я пришёл в клинику. Мне показали девочку двенадцати лет, у которой с детства кашель с мокротой. У неё поражены нижняя и один сегмент верхней доли левого лёгкого. Требуется довольно деликатная операция. Надо удалить нижнюю и часть верхней доли. Остальная доля здорова, и её требуется сохранить. Эту операцию я делаю с 1948 года и не раз об этом писал. Но она как-то плохо прививается в клинической практике — очевидно, из-за её большой сложности.

Больная была подготовлена к операции, и мы решили провести её, не откладывая.

Подавала мне операционная сестра Таня. Видно было, что она волновалась, но работала четко и быстро. Даже привыкший к слаженным действиям своих сестёр, я не мог не обратить внимания на быстроту и точность её движений.

После операции, которая прошла без осложнений, я спросил у Тани:

— Вы не собираетесь стать врачом?

— Да, хочу поехать в Ленинград и поступить в институт.

— И хорошо. А пока будете готовиться к поступлению в институт, можете поработать у нас в клинике. Место найдется.

— Большое спасибо за приглашение. А завтра приходите к нам в гости, — неожиданно для меня заключила она, смущаясь. — У нас будут врачи, сестры.

Мы согласились пойти вместе с профессором Гафили.

Вечером, оставшись один, я долго бродил по набережной. Перед глазами у меня был профессор Гафили. В клинике я видел, как он относится к персоналу и к больным и как к нему относятся люди. Он был со всеми приветлив, мягок. На сотрудников ни разу не повысил голоса. Это очень показательно. На младшего закричать не нужна большая храбрость. Повысить голос на того, кто от тебя зависит и не может тебе ответить тем же, — показатель распушенности, отсутствия самоконтроля и уважения к себе.

Больные его любят. Это видно по тому, с какой теплотой они о нём говорят и доверчиво идут к нему на операцию. Его авторитет очень велик. Некоторые пришли в клинику специально посоветоваться с профессором Гафили. И поступят они именно так, как он им скажет. Это несомненно!

Думал и о Тане. Она произвела на меня хорошее впечатление.

На вечере у Тани мне представили Юрия Нахватава, молодого и, как мне сказали, подающего большие надежды врача.

Таня дружила с Юрием.

Позже Таня рассказала мне некоторые подробности о своей дружбе с Юрием. Они познакомились в клубе на лекции «О любви и дружбе». Таня вместе с подругой пришла немного пораньше и села в первом ряду. Вскоре рядом с Таней сел молодой человек. Он был хорошо одет, с военной выправкой и, не представляясь, заговорил с ними. Спросил, как они понимают любовь в современных условиях.

— А вот мы послушаем лектора. Он нам расскажет, — смеясь, ответили подруги.

— Я могу вам сказать и без лектора: в современных условиях любви никакой нет. Я постарше вас, на себе испытал: сегодня ты вроде любишь, а завтра посмотришь — и нет её, этой любви.

Девушки с удивлением посмотрели на незнакомца, но ничего не ответили. Начиналась лекция. Лектор в увлекательной и интересной форме рассказал о большой любви, которая нередко начинается с дружбы и продолжается всю жизнь.

Он приводил примеры хороших и плохих отношений между юношей и девушкой и настойчиво предостерегал от безрассудного растрачивания своей молодости, от пороков, от легкомысленных поступков, за которые приходится расплачиваться не только молодостью, но и всей жизнью.

После лекции молодой человек пригласил Таню танцевать. Поинтересовался, как её зовут, и сам назвался: Юрий, врач-хирург.

— Итак, Танюша, какого же вы мнения насчёт вечной любви? — спросил он.

— Есть такая любовь! Должна быть. Только для этого надо по-настоящему любить, — с жаром ответила Таня, — чтобы были общие интересы, причём наполненные глубоким смыслом и направленные на большие дела.

Юрий слушал, снисходительно улыбаясь. Потом сказал:

— Не надо громких слов. Вы не на трибуне. Смешно и несовременно. Где вы видели такую любовь? В романах? В трагедиях Шекспира?.. Ныне век электроники и покорения космоса. Любовь? Не смешите!..

Таня вся вспыхнула:

— Если вы не способны на любовь, так не расписывайтесь за других.

И она, прервав танец, пошла и села в сторонке. Юрий последовал за ней. Почувствовав, что хватил через край, постарался обратить свои слова в шутку:

— Моя строгая повелительница сразу же сразила меня. Конечно, я пошутил, чтобы вас испытать. Сам я никогда так не думал.

Однако настроение было испорчено. Таня не захотела больше танцевать и пошла домой. Юрий, провожая её, всячески старался успокоить, затушевать неприятное впечатление.

Так началось их знакомство. Юрий был к Тани внимателен, заботлив. Но она замечала в его отношениях к другим небрежность и даже надменность. Не было той простоты, к которой она привыкла у себя в семье, не было скромности в его словах. Наоборот, он часто и много говорил о себе, откровенно расхваливая свои достоинства.

Однажды Таня не выдержала и сказала ему об этом. Юрий не обиделся.

— Нет, — сказал он, — это не хвастовство, а искренность, отсутствие лицемерия. Я не ханжа, не умею притворяться, и к тому же мне очень хочется тебе понравиться. Разве можно осуждать за это молодого человека?..

Они встречались довольно часто, много говорили о любви, но все как-то абстрактно. Юрий ни одним словом не обмолвился о своих чувствах к Тани. Она же сама не могла дать себе отчёт в том, как относится к Юрию. Есть ли у неё такое чувство, когда она могла бы сказать «люблю»?

После того как я пригласил Таню к себе в клинику, она в тот же вечер рассказала об этом своему другу. Юрий сидел задумчивый, рассеянный, а затем заговорил с жаром,

что он не мыслит себе, как останется здесь без неё. Что жизни ему здесь не будет, он должен поехать с ней в Ленинград.

— А как ты смотришь, Таня, на то, чтобы нам пожениться и вместе поехать в клинику? Я бы поступил работать врачом, а ты сестрой. Ты будешь готовиться в институт, я тебе стану помогать.

Для Тани такое предложение было желанным. И она согласилась. Поэтому, когда я пришёл в гости, Таня представила мне Юрия как своего жениха.

Я внимательно и даже с пристрастием посмотрел на него. Высокий, стройный, белокурый, безупречно одетый, в начищенных до блеска ботинках, с военной выправкой, он произвел на меня хорошее впечатление. Военная выправка у него ещё сохранилась, так как он лишь недавно уволился из армии. Трудно сказать, как ему удалось демобилизоваться. Он был молод и здоров. Но на вопрос об этом он не ответил, а укрывшись за шутку. С работой у него в родном городе, где жили его родители и где его многие знали, почему-то не ладилось.

Было странно, что он работал то лаборантом, то поликлиническим врачом на полставки, а то на службе «Помощь на дому».

— Мечтаю о научной деятельности, — говорил он мне. — Да здесь же нет возможности для творческой работы. Вот дали мне тему по пересадке костного мозга. Два года я уже этим занимаюсь и не вижу результатов.

Он показал мне записки по своей теме.

— Тема действительно большая и трудоёмкая. Она потребует много лет упорного труда. А то, что вами сделано, — говорю ему, — так это и началом назвать нельзя.

— Вот бы мне в клинику вашу попасть, — мечтательно заговорил Юрий, — я бы показал, на что способен. Вы бы не раскаялись, имея такого помощника.

Последняя фраза насторожила. Но хотелось помочь Тане, да и сам молодой человек мне нравился, и я подумал: если ему помочь, то из него получится неплохой хирург.

— Хорошо бы аспирантом к вам... — сказал Юрий, — я бы под вашим руководством и кандидатскую защитил.

— Дело не в кандидатской, а в знании. Но вообще-то мысль неплохая. Попытаюсь что-нибудь сделать для вас.

С тем мы и расстались.

Приехав в Ленинград, я позвонил в министерство, и мне дали дополнительно одно аспирантское место. Так Юрий пришёл в нашу клинику.

Когда Таня с Юрием приехали в Ленинград, я им помог устроиться. Таня вскоре поступила в институт, но не в медицинский, у нас же продолжала работать на полставки операционной сестрой, главным образом на ночных дежурствах по «Скорой». Юрий закончил аспирантуру, работал у нас ассистентом.

Я в то время руководил клиникой и был директором Института пульмонологии — Таня работала со мной в клинике, а Юрий в институте.

На первых порах он производил неплохое впечатление. Был расторопен и охотно выполнял всякого рода хозяйственные поручения. Он как-то быстро входил в контакт с различными людьми и многого добивался. Когда нам надо было что-нибудь достать из аппаратуры, он охотно брался за это и ехал с моим письмом в Москву. Его поездки неизменно заканчивались успешно.

Однажды он сумел получить для института исключительно редкий и для нас особенно ценный аппарат.

— Как это вам удалось? — спросил я у Юрия.

— Пришлось прибегнуть к подаркам для девушек, сидящих в конторе. Аппарат был уже адресован в другой институт, но они его переадресовали.

— Это, знаете ли, нечестно отнимать от другого института.

— Что вы, Фёдор Григорьевич. Хозяин этого института имеет большие связи и при содействии друзей забирает к себе почти всё, что мы приобретаем за золото. Я нарочно

зашёл в его институт. Не только лаборатории, у них коридоры заставлены импортной аппаратурой. Многие аппараты стоят в упаковке, врачи жалуются, что у них склад, а не институт. Считают, что от такого института не грех чем-нибудь позаимствовать.

— Всё же, Юрий, я требую, чтобы вы получали только то, что отпускается нам на законном основании, — сказал я строго.

— Хорошо, буду стараться, — весело ответил Юрий, не чувствуя никакого раскаяния в совершённом поступке.

На различных врачебных совещаниях Юрий держался уверенно, безапелляционно высказывая свои суждения, которые могли быть приняты за эрудицию и опыт. Но меня каждый раз неприятно удивляло его нежелание с кем-то считаться или советоваться.

— А что нам с ним советоваться, — говорил он в ответ на предложение пригласить какого-нибудь специалиста на консультацию. — Что, мы сами не сможем разобраться?

Отрадно желание молодого научного сотрудника самому во всё вникнуть, но я, к сожалению, не следил, как вёл себя Юрий, отказавшись от консультации. Докапывался ли он до истины или оставлял вопрос открытым.

Тем не менее я часто его учил:

— Не надо стесняться приглашать любого специалиста для совета. Это не только не унижает вас, а, наоборот, возвышает. А главное, узнав что-то новое от консультанта, вы в дальнейшем легче разберётесь в подобной ситуации.

— Я не хочу терять авторитет у больных. Они обязательно скажут: «Сам ничего не знает, вот и зовёт себе на помощь».

— Напрасно вы так думаете о больных. Для них хоть сто консультантов пригласите, лишь бы вылечили. Если же вы, не посоветовавшись ни с кем, не поставите правильно диагноза, не поможете больному, вряд ли он вас поблагодарит за такую самостоятельность.

Юрий молчал. И казалось, оставался при своём мнении. Это начинало меня беспокоить.

Однажды на утренней конференции он докладывал о больной, которую назначил на операцию. Я задал несколько вопросов по методике предполагаемой операции и сразу понял, что он к ней не готов и собирается делать заведомо не то, что нужно. Я сделал ему серьёзное внушение и отменил операцию до полной подготовки к ней. На конференции, как всегда, было много врачей, студентов. Юрий, бледный как полотно, покинул зал. Потом выяснилось, что дома, раздражённый, скандалил с женой.

Однако через несколько дней, спокойный и сдержанный, пришёл ко мне с другими вопросами. О случае на утренней конференции он как бы забыл и никогда не вспоминал. Вообще у него не было в привычке переосмысливать и возвращаться к старому разбору. Однажды долго с ним беседовал на эту тему. Он ушёл от меня, не согласившись с моими доводами.

С каждым годом его отношение к товарищам менялось всё резче. Он не проявлял элементарной скромности даже по отношению к врачам много старше его по опыту.

В его отчётах по работе лаборатории, которую ему поручили, он всячески выставлял свои успехи. На сделанные замечания о недостатках отвечал резко.

Несколько раз я вызывал его для разговора по этому поводу.

— Поймите, — говорил я, — скромность и простота — это самые важные качества человека, которые украшают каждого — от простого рабочего до министра.

Он слушал невнимательно и часто вставлял реплики, которые говорили, что мои слова до него не доходят. Я разговаривал с ним, наверное, больше, чем со всеми аспирантами, вместе взятыми, и чувствовал, что слова мои ударяются как о глухую стенку. Я беспокоился, что из Юрия не получится такого хирурга, какого бы мне хотелось иметь, но вопроса о его уходе из клиники не ставил. Может быть, потому, что он по-прежнему ездил в командировки, помогал оснащать лаборатории института нужной аппаратурой. Чего греха таить — клиницисты, да и вообще многие специалисты редко обладают способностями оснастить своё рабочее место необходимым оборудованием. Вся

эта организация всегда падает на плечи одного директора или его заместителя, остальные только требуют, а не помогают. А некоторые вообще склонны к иждивенческим тенденциям — могут почти не выполнять необходимой работы и ждать годами, когда им доставят всё готовое, вместо того чтобы это время потратить на организацию производственного процесса.

Юрий был из числа тех немногих, которые могли, что называется, из-под земли достать необходимое оборудование не только для себя, но и для других. Неиссякаемая энергия, напористость и какая-то необъяснимая способность сговариваться с нужными людьми, всё устраивать, всё доставать помогали вновь отстроенному Институту пульмонологии обзаводиться самым современным, подчас очень сложным и дорогостоящим оборудованием.

Правда, Юрий прежде всего приобретал оборудование для своей лаборатории. При этом говорил: «У нас все же главная лаборатория — другие переберутся. У нас исследуется много детей, без точной аппаратуры мы не сможем ставить предоперационный диагноз...»

Однажды к нам поступил мальчик В. 10 лет с врождённым пороком сердца. Предварительное обследование показало: болезнь настолько запущена, что операция ему уже не поможет. Мы предполагали, что у ребёнка большой дефект межжелудочковой перегородки. Вследствие того, что кровь поступала из левого в правый желудочек, давление в малом круге кровообращения, то есть в лёгочных сосудах, поднялось очень высоко и привело к склерозу их стенок. Если мы в этих условиях и устраним дефект, давление в сосудах лёгкого не уменьшится и ребёнок останется в прежнем тяжёлом состоянии. Риск же очень большой. Такие больные редко переносят радикальную операцию.

Окончательное решение вопроса возможно только после катетеризации, которая сама по себе в этих условиях рискованна и требует не только большой осторожности, но и тщательности при выполнении этой процедуры.

Юрий начал исследование. Не учтя состояния ребёнка, он пошёл на самое сложное обследование, хотя здесь можно было ограничиться и более простым и менее опасным. Он мог бы ввести катетер в сердце через вену и измерять давление только в правых полостях его — для больного так легче. Он же пошёл в левые отделы, а это больные всегда переносят плохо.

В середине исследования у ребёнка началась аритмия, то есть появился неправильный и неравномерный пульс. Молодой врач-наркотизатор, с тревогой сообщив о резко изменившемся пульсе, деликатно предложила:

- Может быть, нам прервать исследование? Юрий с раздражением сказал:
- Может быть, вы станете на моё место и будете сами исследовать?
- Я просто хотела вам подсказать... — начала оправдываться доктор, смущённая его грубостью.

— Я не нуждаюсь в ваших подсказках.

Юрий чувствовал правоту наркотизатора, но обозлённый тем, что не он сам это понял, продолжал делать по-своему.

Остановилось сердце... Юрий начал проводить реанимацию — безрезультатно. Ему бы позвать заведующего реанимационным отделением, что в двух шагах от него, или заведующего клиникой, кто тоже располагается на одном с ним этаже. Он этого не сделал, по-видимому решив, что сам управится не хуже других. Но оживить ребёнка не удалось.

Тяжело мне было смотреть на горе матери.

Врач-наркотизатор, вся в слезах, на другой же день подала заявление об уходе.

— С таким человеком работать не желаю, — заявила она.

При разборе этого дела Юрий спокойно заявил, что на столько-то исследований у нас столько-то смертельных исходов. Вполне допустимый процент.

— Как же вы плохо считаете, — возразил ему один доктор, — Если учитывать все ваши осложнения, они почти в 10 раз выше среднемировых, а оборудование у вас одно из лучших.

— Скажите, Юрий, — обратился я к нему, — а если бы на месте этого мальчика была бы ваша дочь, вы также считали бы, что это законный процент и не позвали бы в случае осложнений ни меня, ни заведующего реанимационным отделением?

Юрий молчал.

— Вот что, — продолжал я, — врачу жестокому и бездушному я не могу доверять больных. Ищите себе место.

Я возвращался домой из клиники с тяжёлым чувством. Где, как и у кого Юрий научился такому бездушному отношению к больным? Я уделял ему внимания больше, чем другим, но цели не достиг. Или здесь мое неумение научить, воспитать, или же гнилая сущность человека, о которую разбиваются любые благие намерения?

Вскоре после описанных событий мне сказали:

— А вы знаете, Таня с Юрием разошлись.

Это было для меня совершенно неожиданно. Мне казалось, что у них все в порядке и они живут счастливо.

Вечером, придя в клинику на вечерний обход и узнав, что Таня дежурит в операционной, я пригласил её в кабинет.

— Правда, что вы с Юрием разошлись?

— Да, правда, — спокойно сказала Таня.

— А в чём дело? Что случилось?

— Да ничего особенного, Фёдор Григорьевич, не случилось. Юрий — неисправимый эгоист. Ему нет никакого дела до окружающих, в том числе и до родных.

— А у вас ведь дочь?

— Дочь осталась со мной.

— Вы что же, поссорились с Юрием?

— Ссоры не было. Отчуждение началось сразу же после свадьбы. По существу, духовно мы никогда не были близки. Не так давно мы разъехались. Я сняла комнату и живу с дочкой. Юрий не захотел разменивать квартиру.

Затем, смущаясь, спросила:

— Вы, Фёдор Григорьевич, наверное, меня осуждаете, что я разошлась с Юрием фактически без серьёзных оснований. Но я не могла переносить этого неумённого стремления к сытой жизни. Не могу я так... думать только о себе.

Подумав, она продолжала:

— Вы его совсем не знаете. Он совсем не тот, что представляется вам, хотя и вы уже давно отметили его эгоизм.

Таня постепенно разговорилась. Ей, по-видимому, очень хотелось излить перед кем-нибудь свою душу. Я молча слушал. После операции чувствовал себя усталым, не хотелось никуда идти. К счастью, меня никуда не вызвали.

— Ещё при первом знакомстве у Юрия проскальзывала другая натура — не та, что всем была видна. Для него и любовь — это чепуха, над которой он подсмеивается. Это какой-то странный, бесчувственный человек; для него ничего не значит — ни любовь, ни дружба, ни мать, ни дочь. А обо мне и говорить нечего. Вышло так, что защита диссертации у Юрия совпала с периодом, когда я находилась в родильном доме. Ссылаясь на занятость, он ни разу меня не навестил. Ну скажите, можно ли терпеть возле себя такого человека? Мало этого, но и мать его ни разу не пришла ко мне. Она всё время помогала Юрию. Когда кто-то из хороших знакомых упрекнул её, что вот, мол, невестка рождает, а она про неё и не вспомнит, свекровь ответила: «Невестка ещё родит не одного ребёнка, а мне важно, чтобы Юрий защитил кандидатскую диссертацию». Я её не осуждаю. Она сама несчастна. Не понимает, что говорит. Эгоизм сына, проявленный ко мне, завтра падет на её голову. Юрий не раз уже показывал свою нетактичность к матери,

я всегда этим возмущалась. Её слёзы впереди, но, проливая их, она, наверное, не подумает, что сама виновата в воспитании сына. Да он и вас, своего учителя, предаст, если это ему будет выгодно, — добавила она с грустью.

...Таня ушла, а я ещё долго сидел, обдумывая все услышанное. Да, она повзрослела, стала тоньше разбираться в человеческих отношениях.

А Юрий? Откуда у него такое? Казалось бы, из простой рабочей среды. Родители труженики. Где он набрался этого высокомерия?..

Приведу некоторые подробности из жизни Юрия Нахватава. У Фёдора Ивановича, рабочего табачной фабрики, и работницы ткацкой фабрики Пелагеи Васильевны Нахватовых родился сын, которого они долго ждали. Вся сила любви этих двух людей, проведших жизнь в труде и заботе, была обращена на их единственного ребёнка. И не было такого желания, такого каприза дорогого дитя, которого бы не исполнили родители. Забота матери часто переходила границы разумного. Едут они в трамвае. Юре уже семь лет. Он учится в первом классе. Учитель на первых уроках говорил об уважении к старшим, учил уступать им место, заботиться о них. Как только входит пожилой человек, будь то мужчина или женщина, Юра соскакивает, хочет уступить ему своё место. Пелагея Васильевна насильно удерживает мальчика на месте: «Ничего, он взрослый, постоит, а тебя могут зашибить». Когда кто-либо из сидящих говорил, что он уже большой, нехорошо останавливать ребёнка в его добрых поступках, мать возражала: «Учите своих детей, а мы как-нибудь сами... обойдёмся».

Родители старались ничем не затруднять сына, ничего ему не поручать. Лишь бы Юрочка был здоров и учился. И он, будучи способным мальчиком, имел хорошую память, учился неплохо. Всегда стремился выдвинуться среди других. И это стремление, конечно, похвально, если оно продиктовано чувством здорового соревнования, жаждой знания и успеха не только своего-собственного, но и коллективного.

Дома им всегда восхищались, его постоянно хвалили и подчёркивали, что он лучше всех. В нём с малых лет крепло сознание превосходства над другими, это сознание вошло в кровь и стало затем главной чертой характера, его существом.

На первых порах, ещё маленьким, если он чего не знал, бывало, спросит:

— Мама, я схожу к Васе, спрошу его, как решается эта задача.

— Что ты, Юра, зачем тебе унижаться. Ты что, глупее Васьки, что будешь его спрашивать? Ты его спросишь по пустякам, а он вообразит, что он вообще умнее тебя.

Отец в этом вопросе придерживался других взглядов; оставшись наедине с женой, он говорил: «Что особенного, если мальчик обратится к товарищу за помощью? Вдвоем-то они скорее разберутся. А в другой раз Вася у Юры спросит — так они и будут учиться вместе». На это Пелагея Васильевна отвечала: «Юре ни к чему спрашивать у других. Пусть сам докапывается, а перед другими спину не гнёт».

Муж сдавался перед напором жены, хотя в душе был недоволен таким воспитанием сына.

Юрий и компанию водил только с теми ребятами, кто учился хорошо или чем-то особенным выделялся среди своих сверстников.

С раннего детства родные одевали его хорошо. Он к этому привык и постоянно требовал, чтобы его одежда была лучше, чем у других. Отец не обладал крепким здоровьем, но, чтобы иметь возможность дать сыну как можно больше, часто оставался на сверхурочную работу.

Он занемог, но болезнь отца не произвела на Юрия большого впечатления, во всяком случае, она не уменьшила его требовательности к родителям. Он снисходительно подтрунивал над ними: «Эх вы, старички квелые, изработались на своей фабрике».

Помочь им не старался.

Экзамен в институт он выдержал хорошо. Да и отметки у него были в школе неплохие, хотя круглым отличником, при всём его стремлении к этому, он так и не стал.

Будучи студентом, Юрий старался показать, что он из богатой семьи. Никому не говорил, что его родители рабочие. Любил угощать, особенно если это было выгодно. Не прочь был и сам кутнуть за чужой счёт.

Жил в другом городе, писал родителям письма и в каждом просил денег. Но отец уже совсем не работал, а мать билась изо всех сил. Тогда он перешёл на военный факультет. Здесь форма одежды красивая, полное обеспечение.

По окончании факультета его, сколько он ни старался, не оставили в Ленинграде, а отправили на Дальний Восток. Тут Юрий всерьёз приуныл и решил во что бы то ни стало демобилизоваться.

Отцу к этому времени стало совсем плохо. Он писал, давал телеграммы, просил сына приехать, чтобы перед смертью повидаться. Юрий не приезжал, но решил использовать болезнь отца как повод для демобилизации. И хотя отец уже умер и его давно похоронили, Юрий все бегал по начальству, доказывая, что отец болен и нуждается в помощи.

Юрия демобилизовали.

К этому времени он ещё больше уверовал в свои способности. Юрий приобрел опыт, умел, где надо, показать себя скромным и трудолюбивым.

На службе у него складывались двойственные отношения: с начальством — хорошие, с подчиненными — скверные.

...Но вернёмся к моей беседе с Таней. Того, что я рассказал о Юрии, я, конечно, тогда ещё ничего не знал. И потому, выслушав печальную повесть об их несложившейся жизни с Юрием, почему-то пожалел его.

Назавтра я позвал Юрия к себе в кабинет. Он пришёл притихший и молчаливый.

— Я не знал, что у вас тяжёлое личное переживание. Может быть, этим и объясняется ваше поведение, которое всеми осуждено. Я не хочу добавлять вам горя. Надеюсь, что урок из случившегося вы извлекли достаточный. Поэтому можете оставаться в клинике и продолжать работать.

Он ушёл из кабинета, не поблагодарив. Может быть, решил, что мы им дорожим как специалистом, а его развод использовали как предлог для отступления. Трудно сказать. Во всяком случае, никакого улучшения в его отношениях с больными и товарищами по работе у него не произошло.

Но я всё же не терял надежды на то, что мне удастся сделать из него хорошего хирурга. По-прежнему помогал ему, часто приглашал в кабинет, подолгу с ним беседовал.

Как-то на днях я получил письмо от профессора Гафили. Он пишет, что вскоре после решения нашей экспертной комиссии республиканская прокуратура прекратила его дело «за отсутствием состава преступления». Он работает на прежней должности. Были за эти годы случаи, когда он мог подать на конкурс, но как вспомнит последствия своего первого заявления, так его в дрожь бросает. Подумает, подумает, да и не подаст. Работы у него много, больные его любят. Авторитет его вырос ещё больше.

Пишет, что Заходилов боится ему на глаза показываться. Ему теперь стыдно не только перед профессором Гафили, но и перед соседями. И он, говорят, не раз горько сожалел о своём поступке. Надо было ему как-то обратиться к профессору Гафили, да не посмел.

Старшая операционная сестра также вынуждена была уйти из этой клиники, а в другое хирургическое отделение её не взяли. Считают ненадёжным человеком.

Есть в письме и такое место:

«Это хорошо, что Вы устроили судьбу Тани, помогли ей с учёбой и работой. Я всегда высоко ценил её достоинства как операционной сестры и как человека, — уверен, что медицина в её лице приобретет серьёзного и полезного работника. В то же время хотел бы предостеречь Вас от её мужа, Юрия Нахватова. Я узнал, что он при Вас стал близким сотрудником и Вы ему во многом доверяете. Не в моих правилах чернить людей, породить ссоры и неприязнь, но в данном случае я исполнен желанием уберечь Вас от

будущих горьких разочарований, которые — и я в этом убеждён! — непременно наступят у Вас по отношению к Юрию Нахватову. Он груб и нечестен, завистлив и неблагодарен, то есть обладает как раз теми качествами, которые не украшают любого человека, а хирургу просто противопоказаны. Вы сделали для меня много добра, и я бы очень хотел, чтобы Ваши благородные дела ничем и никем не омрачались. Не доверяйте Нахватову, держитесь от него подальше — это Вам мой дружеский совет».

Прочитав письмо, я подумал: «Нахватов, конечно, не сахар, но не так уж безнадёжно плох. Впрочем...»

Вспомнил ситуации, когда дурные свойства врачей, и особенно хирургов, приводили или могли привести к трагическим исходам. Особенно необходима в нашем деле честность. И это понимают все, кто хоть как-то соприкасается с хирургией. Был такой случай. По каким-то причинам операционная сестра не успела простерилизовать операционный материал. А когда хирург потребовал его, она побоялась сказать, что он нестерилизован. Это грозило смертельным исходом больному и строгим наказанием не только сестёр, но и самого хирурга.

Каким-то чудом всё обошлось благополучно. Сестра же, пережив этот случай, призналась во всём и подала заявление об уходе.

А грубость?..

Некоторые хирурги — даже известные! — во время операции кричат на своих помощников, в том числе и на женщин. Оскорбительные эпитеты слетают с их губ в адрес врачей, беззаветно отдающих себя тому делу, которому служит хирург. Некоторые оправдываются: «Работа нервная». Или: «Слишком велико бывает напряжение».

В одной из зарубежных клиник в предоперационной я увидел плакат: «Ваш характер никого не интересует. Оставьте его при себе!»

Прочитав его, я подумал: «Как хорошо, что здесь висит этот лозунг. В самом деле, почему это товарищи по работе и подчиненные должны видеть и терпеть невыдержанность характера того или иного работника? И неплохо бы такое объявление иметь во всех учреждениях, где сотрудники, чаще всего начальники, забывают, что они не в своей вотчине. На службе каждый человек должен быть выдержанным и спокойным».

Николай Николаевич Петров, наш крупнейший русский учёный и хирург, писал, что за течение операции ответствен хирург и он за всё в первую очередь должен спросить с себя. Не хватает нужного инструмента — значит, ты перед операцией не проверил. Плохо помогает ассистент — значит, ты его вовремя не научил, И так во всём.

При хорошем отношении к делу у хирурга не будет оснований ругать, а тем более оскорблять своих помощников. Он будет предъявлять больше требований к себе, с большим уважением относиться к своим помощникам, и тогда он вправе рассчитывать на правдивость и честность в работе с их стороны.

Глава II

Товарищ Юрия Нахватава по работе Дмитрий Гусев едва помнил своего отца. Тот погиб на фронте, защищая Родину. Мать Дмитрия, Анна Ивановна, не вышла замуж — не хотела приводить в дом отчима — и всю нерастрченную любовь и нежность отдала своему сыну. Работа отнимала у неё много времени, и растить и воспитывать ребёнка одной ей было трудно.

Дима рос бойким и смышленным мальчиком. Учился хорошо, но часто отвлекался от уроков. То займётся купленным матерью конструктором, и его не дозовёшься ни к обеду, ни к ужину. То начнёт рисовать, и тогда только давай ему бумаги; а то увлечётся книжками про путешествия, и Анне Ивановне стоит немало труда, чтобы отвлечь его от книги и заставить учить уроки.

Его выручали природные способности, быстрая сообразительность и цепкая память. Поэтому он часто радовал мать, принося хорошие отметки. Среднюю школу закончил хорошо, без труда поступив в медицинский вуз, закончил его с отличием, что дало ему возможность сразу же по окончании института поступить в клинику клиническим ординатором. После прохождения курса мы оставили его ординатором при клинике. Он довольно быстро освоил нашу медицинскую аппаратуру, которая с каждым годом становилась все сложнее, а специалистов-инженеров в штате клиники не имелось. И если бы не Дима, многие из наших аппаратов стояли бы без действия.

Анна Ивановна не могла нарадоваться на своего сына, справедливо считая, что во всех его успехах заложены её труд и бессонные ночи. Её беспокоили лишь два момента.

Первое, что Дима, взяв тему диссертации, над ней не работает. И второе — Диме уже под тридцать, а он и не заикается о женитьбе. А ей так хотелось бы понянчить внучат.

Все её мысли были о Диме...

— Он совсем о себе не думает. Случись что со мной, как он будет жить без меня?! — говорила она приятельнице.

Анна Ивановна всегда отличалась неплохим здоровьем и привыкла не обращать на него внимания. Поэтому, когда появились какие-то неприятные ощущения под ложечкой, она старалась не фиксировать на этом внимание, полагая, что это у неё «нервы шалют».

Наконец ей стало невмоготу, и она осторожно, чтобы не напугать сына, сказала ему, что у неё что-то побаливает живот. Дима испугался. Он и сам замечал, что мать поbledнела и похудела. Но он так привык, что заботятся только о нем, а ему не приходится ни о ком проявлять заботы, что не обращал на это внимания.

Теперь же, когда Анна Ивановна пожаловалась на боли в животе, он как врач сразу подумал о возможности плохого. И, мысленно сопоставив факты, забеспокоился ещё больше. Потом выяснилось, что первой мыслью его было бежать к профессору и обо всем посоветоваться.

В клинике у нас со времен Н. Н. Петрова был заведён неписанный закон: всех сотрудников и их близких в случае болезни показывать шефу. И он же, если было необходимо, делал операцию. Такое отношение к сотрудникам было естественным. Врачи и сестры, ухаживая за больными, часто перерабатывали, оставались около тяжёлобольных сверх положенного времени, иногда сутками дежурили у них безвозмездно, и поэтому мы полагали, что каждый из сотрудников клиники своим самоотверженным трудом заработал себе право на то, чтобы его проконсультировал и прооперировал сам профессор.

Незадолго до этого у профессора с доктором Гусевым был довольно строгий разговор. Вызвав его к себе, шеф просил отчитаться о работе над кандидатской диссертацией. Оказалось, что Гусев её давно в руки не брал, так как занялся каким-то новым аппаратом.

— Без этого аппарата мы не можем делать операции с искусственным кровообращением. Вся бригада меня торопит, а я никак в нём не разберусь. Вот и отложил свою тему.

— Послушайте, Дмитрий Иванович, — сказал профессор. — Так над темой не работают. Кандидатскую надо писать не более трёх лет. Вы же взяли тему пять лет назад, а у вас и конца-краю не видно.

— Вот сделаю прибор и тогда возьмусь за работу. Обещаю вам.

— Ну смотрите. А то отниму у вас тему и передам другому, — пригрозил профессор шутя.

Весь разговор, хотя и в строгих тонах, был проникнут доброжелательством к молодому доктору. Шефу нравилась его увлекающаяся натура, нравилось, что он совсем лишен тех меркантильных соображений, которые толкают иных врачей поскорее написать кандидатскую, чтобы получать большую зарплату. Гусев же больше думал о текущих делах в клинике, чем о собственном благополучии. Однако строгий тон разговора Дмитрий Иванович воспринял как недовольство им, и, когда Анна Ивановна сказала ему про свою болезнь, он не пришёл к шефу, чтобы проконсультироваться, а, встретив Юрия, высказал ему свои опасения и сомнения.

— Хочу посоветоваться с шефом, да не знаю, как пойти к нему. На днях так меня пробирал за мою диссертацию...

— И не ходи к нему. Я уверен, что он тебя не примет, он тобой недоволен и раздражен, — подлил Юрий масла в огонь.

— Как же быть? Ты знаешь, у мамы боли в подложечной области, а она всё молчала. Я давно замечал, что она плохо выглядит и похудела. Но она ничего не говорила, и я её не спросил. А сейчас вижу, что у неё какая-то нехорошая бледность. Боюсь, не опухоль ли. Может быть, придется делать операцию. Я хотел бы попросить шефа.

— Ну уж сразу и операцию. Пойдем к доктору Сеницыну.

— Но ведь он же редко оперирует, все больше занимается хозяйственными вопросами. Как же ему доверить мать?!

— Зачем ты говоришь об операции? Давай сначала ставить вопрос о госпитализации и обследовании. А это как раз по его части. Кроме того, ты же знаешь, он оперирует на желудке...

Обследование, проведенное в клинике, показало, что у Анны Ивановны рак желудка. Нужна была большая операция. Дмитрий Иванович опять пошёл советоваться к доктору Нахватову, полагая, что тот искренне желает ему помочь. На самом Деле Юрий хотел показать, что можно и без профессора сделать хорошо. Доктора Сеницына он попросил об этой больной шефу не говорить. Между тем сам доктор Сеницын давно хотел сделать большую операцию и тем самым утвердить свою репутацию как высокоопытного хирурга.

Не проявляя серьезного интереса ни к хирургической, ни к научной деятельности, Сеницын с завидным упорством защитил диссертацию и старался на хозяйственных вопросах показать себя нужным для клиники человеком.

Ему импонировала просьба Юрия. Он готов был проверить свои силы на большой операции. Мечтал о том, как все заговорят о нём, если мать доктора из клиники поправится. Вся слава достанется ему одному. Юрий его всячески поддерживал. Когда встал вопрос об операции, доктор Гусев решительно заявил, что он пойдет к профессору, своему шефу, и будет его просить.

На это Юрий по возможности спокойно заявил:

— Сходи, но думаю, что это бесполезно. Только вчера у нас был разговор с профессором об Анне Ивановне. Он сказал, что оперировать её не будет, а поручит доценту или кому-нибудь из хирургов.

— А разве он знает, что она лежит в клинике? — удивился Гусев.

— Да, он знает, — решительно солгал Юрий.

— Почему профессор ко мне так относится? Я полагал, он сам прооперирует мою мать. Он же никому не отказывает, — с недоумением проговорил Дима.

О том, что мать Гусева лежит в клинике и ей нужна операция, профессор ничего не знал и был крайне удивлён, когда при обходе реанимационного отделения увидел её уже

после операции — резекции желудка, проведённой Сеницыным с ассистенцией доктора Нахватава. Операция продолжалась долго, проходила не гладко, и больная была в тяжёлом состоянии. На вопрос шефа, почему её не показали ему перед операцией и не посоветовались, все смущённо молчали.

Ложь чаще всего присуща людям самолюбивым, но слабым и ограниченным, нечистоплотным в нравственном отношении. Ложь — это большой изъян души сердца, ибо без нравственной чистоты не может быть никакого чувства собственного достоинства. Благородный человек не унижится до лжи. Но иногда не сказать правду там, где её нельзя говорить, не только не предосудительно, но и благоразумно. В то же время солгать — в любом случае низко и глупо. Умный человек найдёт известные границы, «... по обе стороны которых не может быть ничего правильного» (латинская пословица). Эти границы ничем не обозначены, их может увидеть своим мысленным взором лишь человек честный, умный и смелый.

В сложной ситуации он проявит соответствующую гибкость, чтобы не прибегать ко лжи, ибо среди людей, обладающих высокой культурой, считается, что нет ничего более преступного, более низкого, чем ложь. Как правило, она является порождением злобы, трусости и тщеславия. Человек, пользующийся этим оружием для достижения своих низменных целей, никогда не достигнет желаемого. Временный успех, который ему удалось получить, очень быстро и очень часто кончается позором.

Как-то у нас лежал больной с неясным диагнозом. Это был средних лет мужчина, у которого уже длительное время были боли в области червеобразного отростка. Больного вёл врач Н. Он чуть ли не в первый день безапелляционно заявил, что у больного хронический аппендицит, и собирался на следующий день взять его на операцию. Но заведующая отделением увидела, что симптомы болезни не укладываются в клиническую картину аппендицита. Она предложила отложить операцию и сделать тщательное рентгеновское обследование толстого кишечника. Больному провели исследование, сделали снимки, но рентгенологи в тот же день заключение по полученным снимкам не дали, обещали написать позже. В день обследования дежурил по клинике Н. Воспользовавшись правами ответственного, он решил прооперировать больного, не дожидаясь заключения рентгенолога. Когда он брал больного, другой врач ему сказал:

— Заведующая отделением не рекомендовала брать больного до рентгеновского исследования.

— Обследование было сегодня утром.

— Какое же заключение?

— Рентгенологи не написали. Но, судя по полученным снимкам, там все благополучно, противопоказаний к операции аппендэктомии у него нет.

— Всё-таки нужно спросить заведующую. Можно ли брать больного, не дожидаясь заключения?..

Н. пошёл в кабинет заведующей. Сестра сказала, что заведующая ушла домой. Н. вернулся и сказал:

— Буду делать операцию.

Тут надо сказать, что у некоторых хирургов существует повышенный интерес, какое-то чрезвычайное желание оперировать. И они с гордостью заявляют: «Я сделал столько-то аппендэктомий!» Или столько-то грыжесечений и т. д. Нередко повышенный интерес к технике операции наблюдается у тех, кто плохо оперирует. Они этим хотят как бы «набить» руку, потренироваться.

Был у моего учителя Николая Николаевича Петрова помощник — уролог М. У него были на редкость плохие хирургические руки, и они сочетались с какой-то патологической страстью делать операции. Он был немолодой, много старше Н. Н. Петрова, но никогда не упускал случая прооперировать больного, особенно если больной лежал в его палате. Много раз больные и их родственники просили меня, чтобы я сделал операцию. Но я был на положении доцента и не имел права брать больных без разрешения врача, ведущего палату. Он же никогда не соглашался на это и обязательно оперировал

сам. Я часто ему ассистировал. И это были для меня поистине мучительные минуты. Душа разрывалась на части при виде его неловких, опрометчивых движений. Нередко вырывал у него из скальпель и спасал больного от неминуемой катастрофы. После таких операций я сам ходил больной и несколько дней вынужден был приходить в себя от этих душевных мук и потрясений. Мне такие хирурги непонятны. Я никогда не «жаждал» делать операцию. Я всегда хотел лишь одного — помочь больному, избавить его от недуга, спасти его, каким путём — это неважно. Если надо делать операцию, я легко иду на это. Если можно сделать все без неё — мне ещё лучше. Я решительно не понимаю хирургов, которые любят делать операции. Не знаю, чего тут больше: неосознанного стремления удовлетворить жажду риска или плохо скрытого желания «блеснуть» хирургическим талантом и тем самым возвысить себя в глазах окружающих. Так или иначе, но в этом стремлении нет главного: заботы о больном, естественной для врача потребности излечить недуг, облегчить страдание.

В нашем случае врач Н. руководствовался именно этим противоестественным для врача стремлением во что бы то ни стало сделать самому операцию. Предосторожности же старших товарищей относил к робости, желанию перестраховаться, тянуть время. Затяжка с операцией его раздражала. Он всё больше укреплялся в намерении доказать свою правоту.

Итак, во время своего дежурства, взяв в помощники студента 6-го курса, Н. стал делать операцию под местной анестезией.

Во время операции установил, что отросток запаян в какой-то конгломерат. Попытки выдвинуть отросток ему не удалось; он нервничал, кричал на своего ассистента, на сестру, на больного, который «дует» и не даёт оперировать», и под конец, видя, что ему не справиться с операцией, вызвал заведующую отделением. Та приготовилась, надела перчатки и, только коснувшись конгломерата, сразу же сказала: «Здесь рак слепой кишки. Надо делать расширенную операцию — удалить половину толстого кишечника. Здесь нужен наркоз и хороший наркотизатор, нужен целый набор инструментов, которые не подготовлены, и их надо готовить и стерилизовать, здесь надо не менее 1—1,5 литра крови — они тоже не подготовлены. Нужен дополнительно хороший ассистент».

Заведующая отделением вызвала старшую операционную сестру, доцента и попросила приготовить все необходимое.

Приехав в клинику, доцент убедился, что над больным нависла смертельная опасность. С большим трудом ему удалось спасти человека.

Я потом много думал над поступком врача Н. Передо мной по-новому предстала вся линия его поведения. Он всегда отличался излишней самоуверенностью, опасной для хирурга категоричностью выводов и суждений при этом на редкость ленив и малоспособен. Ложь в его характере развивалась от наличия у него этих двух противоположных качеств. Как говорят в народе: не мытьем, так катаньем, не трудом, так обманом.

У нас иногда наказывают не лжеца, а того, кто ему на слово поверил. Нет более порочного метода воспитания, чем этот. Человек обязан верить другому человеку, и тот, который не верит, сам должен рассматриваться как непорядочный человек. Но в то же время лжец всегда должен нести наказание за ложь, где бы и в каком бы виде она ни проявлялась. Справедливое общество нужно строить на полном доверии и в беспощадной борьбе с ложью.

Будучи во Вьетнаме, я был свидетелем такого забавного инцидента. Инженер из одной европейской страны, обращаясь к вьетнамцу Нгуен Ван Хо, сказал:

— Пойдите, пожалуйста, на стройку и проверьте, кончили ли там возить песок.

Вьетнамец пошел, но посреди дороги встретил рабочего стройки Го Хин Лина, который ему сказал, что песок возить кончили. Вернувшись, Нгуен доложил:

— Да, кончили, мне сказал Го.

— А вы сами проверили?

— Да, — отвечает Нгуен. — Проверил, мне Го сказал, что кончили.

— А вы сами видели?

— Нет, не видел.

— Тогда сходите и проверьте сами.

Нгуен был поражён. Среди них услышать от товарища о том, что сделано, не менее надёжно, чем увидеть самому, настолько невероятной для них казалась возможность неправды.

Бывая за границей и наблюдая за обычаями, я в некоторых странах заметил, что там очень часто в строго официальных, в том числе и денежных, документах верят на слово, сказанное даже по телефону.

В Хьюстоне мне был выдан именной чек на 500 долларов. В банке у меня попросили «идентификешен», то есть удостоверение личности. Но мы, приехавшие из России, все свои документы оставляли в Нью-Йорке, в консульском отделе, так как внутри страны паспорта там никто не спрашивает. Я ответил, что у меня удостоверения личности нет. Менеджер задумался. Как же быть?

Я звоню секретарю профессора Де Бэки и говорю: «Вива! Мне деньги не дают, потому что у меня нет «идентификешен». Она сказала: «Дайте трубочку менеджеру». Тот взял трубку, и я слышу, как секретарша Де Бэки ему говорит:

— Это профессор, хирург из России, находится у нас в клинике при Бейлор-университете. Пожалуйста, выдайте ему деньги.

— Хорошо, — сказал менеджер и, не требуя от секретаря даже письменного заверения, по одному телефонному звонку выдал мне наличными 500 долларов.

В Америке, например, берут налог, исходя из тех данных, которые напишет сам клиент. При этом не требуется никаких документов. На чистом листе бумаги клиент пишет весь свой доход, а также тот расход, который не подлежит обложению. Например, на жену и на каждого ребёнка по 600 долларов в год, какую-то сумму на секретаря и другие расходы. После этого клиент подводит итог и ставит свою подпись. С указанной итоговой суммы и берётся налог.

— Но ведь вы можете какие-то доходы утаить и какие-то расходы написать зря.

— Да, конечно, и мне поверят. Но мы этого никогда не делаем. Почему? Если инспектор вздумает проверить правильность моих записей не только за этот год, но и за предыдущие годы и установит, что я какую-то сумму скрыл от налога и преувеличил необлагаемый расход, то с меня: 1) взыщут эту сумму, 2) взыщут проценты за всё это время, 3) наложат на меня большой штраф и 4) обязательно посадят в тюрьму.

Или, например, у профессора Рандала, онколога из Нью-Йорка, у которого я был гостем, украли машину. Она была застрахована. Он позвонил в страховую компанию, заявил о пропаже, и ему в тот же день выдали новую. Я спросил его: «Но ведь вы же могли сказать неправду?!»

— У нас это исключено. Если страховая компания установит, что я сказал неправду, то с меня: 1) взыщут стоимость этой машины, 2) проценты с этой суммы за всё время, 3) наложат большой штраф и 4) обязательно посадят в тюрьму.

Такое строгое взыскание за ложь очень дисциплинирует людей и даёт возможность в обычной жизни и в деловых отношениях беспрекословно верить сказанному слову.

Рядом с правдивостью стоит другое красивое свойство человеческого характера — верность слову, умение выполнять обещание.

Во все века все народы с глубоким уважением относились к данному человеком слову. Нарушение его считалось самым низменным поступком, а человек, тот, кто изменил своему обещанию, считался ничтожным, достойным презрения.

Честерфильд в своих письмах к сыну об элементах нравственности ещё в XVIII веке писал: «Ты, несомненно, знаешь, что нарушить слово — безрассудство, бесчестье, преступление. Это безрассудство, потому что тебе никто потом не поверит, и это бесчестье, а равно и преступление потому, что правдивость — первое требование нравственности, и **никто не подумает, что не выполняющий своё слово человек**

вообще может обладать каким-либо другим хорошим качеством. Поэтому он навлечёт на себя ненависть и от него отвернутся люди». (Разрядка моя. — Ф. У.)

Среди русских людей во все века считалось, что нарушивший слово покрывает себя и свою семью позором. Поэтому в среде порядочных людей считалось неприличным брать расписки или письменные обязательства.

А насколько русские люди ревностно к этому относились, показывает следующий факт, описанный Н. А. Некрасовым.

Один зажиточный крестьянин, Ермил Гирин, стремясь помешать купцу-живоглоту купить мельницу, что явилось бы несчастьем для всей округи, обратился на ярмарке к народу с просьбой одолжить ему тысячу рублей, которые он обещал вернуть в следующую пятницу. Так как ни у кого из присутствующих столько денег не оказалось, решили собрать со всех, кто сколько может. Крестьянин брал деньги, но ни списка не составил, ни расписок не давал. В следующую пятницу крестьянин принёс деньги и стал возвращать долги. Каждый подходил и говорил, сколько он одалживал. Столько он и получил. Ни один человек не спросил лишнего. Наоборот, кто-то не спросил свой рубль. И крестьянин долго ходил по ярмарке, призывая получить одолженные ему деньги.

Этот пример показывает, насколько правдив и честен русский народ в своей натуре, насколько обязателен он в выполнении данного слова. Чем воспитаннее человек, чем выше ставит он своё человеческое достоинство, чем благороднее он, тем строже относится к своему слову, независимо от того, кому оно дано.

К сожалению, встречаются ещё люди, которые мало ценят своё слово. А если такой человек окажется во главе государственного учреждения? Ведь в этом случае человек даёт слово не только от себя лично, но и как руководитель учреждения. Тем самым он как бы ручается не одной своей честью, но и честью своего учреждения, честью власти, которую он представляет. Вот почему слово, данное директором или начальником какого-то учреждения, должно быть не менее авторитетно, чем подписанный им документ.

В жизни очень трудно иметь дело с людьми, которые бесцеремонно относятся к своему слову.

Помню, как мы строили клинику. Четыре года напряженной работы всего коллектива — мы всеми силами старались помочь строителям, устраивая субботники и воскресники, — завершались созданием клиники, которая отвечала элементарным требованиям кардиологического хирургического учреждения. Оставались некоторые недоделки, которые хотя и были не очень значительными, но для персонала клиники служили непреодолимым препятствием к началу работы. Казалось бы, ещё месяц-два, и клинику можно принимать. К сожалению, недоделки оставались, а рабочие уже «перебрасывались» на другой объект.

Я — к начальнику строительства.

— Фёдор Григорьевич, не беспокойтесь. Мы вашу клинику сдадим в срок и в полном ажуре.

Однако срок прошёл, а недостатки остались. Приходят строители, прорабы.

— Фёдор Григорьевич, надо подписать акт о приёме здания.

— Но я не могу подписать и принять здание с такими недоделками!

— Фёдор Григорьевич, обещаю вам, что через месяц все недоделки будут устранены. Вы только подпишите, иначе план не выполним, ребята премии не получат. Они обидятся, не захотят хорошо работать. А примете, мы через месяц подготовим клинику и сделаем её как огурчик.

— Ну нет, товарищи, мы в таком помещении работать не сможем.

Начались звонки с разных сторон:

— Гарантируем: через месяц все недоделки будут устранены, клиника примет должный вид.

Я сдался и подписал акт приёма здания.

Вспомнил свою поездку в Бразилию. Страна очень бедная и отсталая. Там в моем присутствии в столице принимали больницу. Десятиэтажное здание было подготовлено так, что хоть сейчас начинай операцию в любой комнате. Все было в абсолютной чистоте и приведено в готовность. Выключатели вмонтированы так, что стены можно мыть, не боясь короткого замыкания, а чтобы в темноте их не надо было отыскивать, кнопка светилась, и её легко можно было увидеть. Мы спустились в подвальный этаж. Ни соринки. Ни одной обнажённой трубы. Все они покрыты жаронепроницаемым материалом и пропитаны лаком, а краны краской, так что их можно мыть. Пол всюду имеет закругленные углы. Стены и пол сделаны из такого материала, что легко моются с помощью шланга, и сток воды идеальный, почти не требует применения тряпок.

Мы пришли вместе с администраторами, принимавшими эту больницу. Осмотрев здание, поднялись наверх, который предназначался для жилья нескольких хирургов-аспирантов, прикомандированных на три года. Комнаты со всеми удобствами, с холодильниками, уже стоящими у стен, были готовы для жилья. Но мало этого. Один общий коридор со стеклянной стеной был предназначен для оранжереи. И там уже были посажены цветы.

Разумеется, я ни на минуту не забывал, что нахожусь в капиталистической стране, где все блага создаются для имущих. Может быть, и в этой клинике будут лечить только состоятельных. И хозяева больницы, создавая для них удобства, рассчитывали на свои выгоды. Но почему бы и нам не отделять с такой тщательностью все новые больницы, школы, жилые дома?.. Взяв курс на высокие темпы, мы подчас забываем о качестве, о добротности, о красоте. В годы первых пятилеток у нас был лозунг: «Догнать и перегнать Америку». Мы тогда открыто говорили: учиться у капиталистов, все хорошее перенимать у них!.. Теперь же во многих областях мы догнали и перегнали Америку, другие передовые страны капиталистического мира. Может быть, потому и считаем зазорным учиться у капиталистов. А между тем это неверно. Я часто бываю за границей, вижу там много хорошего — особенно в сферах производственных, технических, научных. Почему бы нам не перенимать у них все их достижения?..

Но что с нашей клиникой?

Прошёл месяц. На объекте ни одного рабочего. Здание стоит, мы работаем в старом. Звоню.

— Да, Фёдор Григорьевич, виноват, немного задержались. Через месяц клиника будет готова.

Прошло ещё три месяца. В клинике за это время не побывало ни одного рабочего. Пошёл я к главному начальнику над всеми строителями.

— Что ж, Фёдор Григорьевич, придется въезжать вам в клинику с недоделками. Когда клиника начнёт работать и будут видны все недостатки, нам будет легче заставить строителей доделать.

— Но нам и так видны все огрехи.

— Все же советую въехать в клинику. Иначе она может простоять целый год. Вы же подписали акт о приёме.

— Но ведь вы же настаивали, обещали. Давали слово.

— Ну знаете... Что было, то было. А вот приняли. Работайте.

Начальник проявлял нетерпение. Получалось, что виноват не тот, кто обманул, а тот, кто поверил. Хорошенькая «философия».

Рядовые строители, конечно, тут ни при чём, а вот руководители их посмеялись над моей доверчивостью, наказали меня за веру в их слово, их обещание.

Как-то я прочитал книгу современного сибирского писателя В. Шугаева «Деревня Добролет». Там тоже описан подобный факт.

Автор спрашивает заместителя директора по хозяйственной части крупного фарфорового завода в Сибири:

— ...И крупные были недоделки?

— ...Почти в каждом цехе... Приёмочный акт из всех сил сопротивлялись подписывать.

— Плохо сопротивлялись.

— Нет, брат, хорошо... Заставили подписать.

— ...Как можно заставить?

— А вот... вызовут в район или сюда приедут: «Товарищи, срок пуска под угрозой срыва... Ваши претензии обоснованы... недоделки можно устранить во время освоения».

Приезжают строители: «Ребята, заверяем, клянемся... Вы только примите».

...Приезжает областное начальство: «Вы подпишите, а строителям никто не собирается спуску давать».

Мы упорствуем... У начальства всех рангов иссякает терпение — грозная атмосфера...

— Отстранить и разжаловать, что ли? — Примерно в этом духе...

— И вы, значит, дрогнули?

— Дрогнули.

— И дальше что?

— Строители на другой день в глаза смеялись: «Ну и губошлёпы, — говорят. — Теперь подождёте, походите».

— И во что же вам эта «дрожь» обошлась?

— На полтора миллиона продукции недодали».

Тот факт, что в нашем примере за спиной лжецов и обманщиков стояли люди, которых поставил народ для того, чтобы они защищали принципы справедливости, невольно вызывает мысли о том, что, по-видимому, в вопросах очковтирательства у нас кое-где заходят слишком далеко. А надо ведь так: «Не давши слово — крепись, а давши — держись», то есть в полной мере отвечать за данное слово вне зависимости от того, кому это слово дано.

Мне было особенно удивительно слышать о таком безответственном отношении к данному слову у сибиряков. Я рос в Сибири и знаю, как там относились к слову: невыполнение его было самым постыдным поступком. У нас в семье даже в шутку не говорили неправды.

Для благородного, культурного человека сказанное даже вскользь слово является законом. При этом он его считает таким же обязательным, как клятва, и выполнение его считает обычным, само собой разумеющимся делом.

Почти столетия я работаю врачом, и у меня не было ни одного конфликта с больным. А если и были жалобы и заявления со стороны больных или их родственников на клинику, то чаще всего это вызывалось нетактичным отношением к больному со стороны того или иного врача. Но и такие заявления были исключительно редки. И это в условиях большого размаха хирургической деятельности, большого числа новых, неапробированных операций, которые нам приходилось делать. А тут ещё и частая сменяемость врачей, проходящих ординатуру и аспирантуру.

Как правило, больные уходили спокойные и часто удовлетворённые, вне зависимости от того, сделали ли им операцию или нет.

Тяжёлое чувство неопределённости и беспокойства остаётся у больного, когда ни ему, ни родным не объясняется сущность заболевания, характер предполагаемых или осуществлённых мероприятий.

Я всегда считал, что больной должен принимать активное участие в борьбе за свою жизнь и здоровье.

В самом деле. Человек болен. Он требует лечения. Участие больного в этом лечении — важный фактор, и не использовать его в помощь врачу просто недопустимо. Между тем больной, если он понимает в основных чертах сущность болезни и своё положение, более энергично будет помогать врачам в борьбе с недугом.

Я всегда ставил себя в положение больного. Разве был бы я спокоен, если бы мне сказали: вашу болезнь лечить — дело врача, а не ваше.

Умный хороший врач с глубоким уважением относится к каждому больному. Он никогда не скажет ему неправды. Иногда в интересах больного врач не может сказать всей правды. Но солгать больному бесчеловечно и часто опасно.

Задача состоит в том, чтобы сказать правду, изложить дело так, чтобы у больного остались от разговора не страх и уныние, а вера в благополучный исход.

Правдивость и честность — основа поведения хирурга как с больными, так и с товарищами по работе. Нельзя быть правдивым с одними и лжецом с другими. Как нельзя быть проходимцем и патриотом ни в одно и то же время, ни по очереди. То есть сегодня патриотом, а завтра проходимцем.

Несомненно, что со временем твёрдое слово начальника заменит многие документы и вера на слово поведёт к упрощению в делопроизводстве, к вытеснению бумажной волокиты и бюрократизма.

Кстати сказать, в армии и на флоте свято поддерживается сила присяги.

За всю свою жизнь я видел ложь в разных её проявлениях, и всегда на сердце оставалось от неё тяжёлое, долго не проходящее чувство. И вот что ещё характерно: рядом с ложью всегда соседствует лесть, качество, которое идёт у нас от рабства, от нищеты, нужды и угнетения, от тех времен, когда человек, чтобы спастись от голода, от смерти и унижения, вынужден был прибегать к последнему средству — к лести. В сущности, лесть — та же ложь, но ещё со стремлением добыть для себя и близких своих различные выгоды и привилегии.

В детстве своём и затем в отрочестве, начиная жизнь среди мужественных и сильных сибиряков, я научился ненавидеть всякое проявление рабства, презирал лесть и обман. И, может быть, от этих людей, не склоняющих ни перед кем головы и добывающих хлеб праведным трудом, пошло моё уважение к людям смелым и независимым, моё презрение к людям, с лица которых не спадает притворная улыбка. А такие люди встречаются — и нередко. И подчас даже умные почтенные люди не могут установить им подлинной цены, не замечают, как ловко устраивают они свои делишки за их широкой спиной.

Расскажу такой эпизод.

Однажды у меня на даче зазвонил телефон, и я услышал в трубке бодрый и приятный мужской голос:

— Фёдор Григорьевич, позвольте передать вам привет от моего шефа Петра Петровича. Вы знаете, как я вас обоих уважаю, и мне приятно выполнить это поручение.

То был москвич-архитектор, сотрудник учреждения, которое возглавлял мой старый друг, известный архитектор Пётр Петрович. Мне не однажды приходилось бывать в учреждении моего друга, видел я и этого архитектора. Он был высок ростом и, разговаривая, склонялся к нам, неизменно улыбаясь. «Вот приятный человек!» — подумал я, знакомясь с ним. Правда, настораживали его глаза — они не останавливались на одном месте, а всё время куда-то уплывали, но деталь эта, едва пришедши на ум, тут же забывалась. И сейчас, заслышав его голос, я живо представил улыбающегося москвича и сказал:

— Где вы остановились? Может, приедете к нам на дачу? Приезжайте, право, посидим за чаем, потолкуем.

Москвич не заставил себя упрашивать, и вскоре всей семьей мы сидели за столом, угощали гостя.

Он, как всегда, был корректен, наклонялся к каждому говорившему, согласно кивал и ворковал грудным низким голосом: «Да, конечно, вы правы, очень мило с вашей стороны».

Он хоть и неохотно и с оговорками, но рюмки осушал до дна, и очень скоро лицо его, а затем и шея покраснели, глаза увлажнились, возбуждённо заблестели.

Москвич много рассказывал из жизни архитектурной мастерской, давал меткие характеристики и хоть прямо о себе не говорил, но из рассказов его как-то так ловко выходило, что все добрые дела замыкаются на нём и что от него идут все прогрессивные

начинания в мастерской Петра Петровича и чуть ли не во всей отечественной архитектуре.

— Вам повезло, — сказал я, увлекшись приятной беседой, — Пётр Петрович большой души человек и авторитет, можно сказать...

— Э-э... — махнул рукой москвич. И глаза его как-то нехорошо блеснули. — Прошло время, Фёдор Григорьевич! Ваш друг Пётр Петрович — вчерашний день архитектуры...

Этой его фразой я был оглушен. Как?.. Это Пётр-то Петрович — вчерашний день? — хотел возразить гостю. Но возмущение было так велико, что мы не нашли никаких слов для возражения, а только переглянулись молча да плечами пожали. Я смотрел на москвича, ожидал разъяснения только что слышанному. Авторитет моего друга был общепризнанным, его даже явные противники признавали, а тут... его сотрудник и ученик!..

Видимо, и гость наш понял, что сболтнул лишнее, лицо и шея его покраснели ещё более. Неловко как-то и виновато заговорил:

— Вы меня правильно поймите: шеф наш авторитет большой, школа его всеми признана, я только хотел сказать, что даже такие авторитеты ныне опровергаются.

— Кем? — спросил я с излишней строгостью. И хотел добавить: «Такими, как вы?.. Но ведь сами-то вы пока ещё ничего не создали...» И хоть возмущение своё против гостя я сдержал, но беседа наша расстроилась, нарушился тот доверительный дружеский тон, с которым все мы садились за стол. И как ни старался москвич загладить неприятное впечатление от своих слов, беседа не клеилась. А я ещё в душе досадовал и на друга своего, Петра Петровича, который не однажды характеризовал мне в радужных тонах своего сотрудника, расхваливал твёрдость его характера, принципиальность, нетерпимость к проявлениям модернизма в архитектуре, голого рационализма и безвкусицы. «Ну, погоди, — мысленно обращался я к другу, — вот приеду в Москву, расскажу тебе о твоём любимчике».

Но «любимчик» опередил меня, он сам первый рассказал Петру Петровичу о беседе, происшедшей у нас на даче. Только автором фразы «...вчерашний день архитектуры» он выставил меня, а не себя. И когда я приехал в Москву, Пётр Петрович со своей неизменной добродушной шутливостью укорил: «Что же это ты своего старого друга в запас списываешь?..» И, видя моё недоумение, пояснил: «Вчерашним днем архитектуры меня называешь?..» Я был ошеломлён, обескуражен. Овладев собой, сказал: «Змею же ты пригрел у себя на груди. Мерзавец он, этот твой любимчик! И ты в другой раз приветы мне с такими людьми не посылай».

И рассказал, как было дело. Пётр Петрович выслушал меня спокойно. Потом сказал:

— Я, Федя, знал, что ты не мог обо мне говорить такое. Догадывался и о том, что это он меня так характеризует, а потом одумался и начал путать следы. Мелкий человечиска — чего и ждать от него. Недаром из него и архитектор не вышел. В архитектуре как в поэзии: в сорок лет поэта нет и не будет. Так и тут. А ему уже скоро пятьдесят стукнет.

— Мелкий, мелкий, а какого черта за уши его тянешь?.. Он ведь начальник отдела у тебя, в любимчиках ходит. Извини, но я такого у себя в клинике не терплю.

— Знавал я и у тебя одного такого. Помнишь, доцент К.? Ты ведь тоже его за уши тащил, докторскую помог сделать, звания профессора для него добивался. А он как себя показал? Эх, Фёдор! Одинаковы мы с тобой оказались в этом деле. А почему? Да потому, что плохо понимаем людей. Все честные, порядочные люди тихо работают, сидят спокойно, на высокие должности не рвутся. А эти всё перед глазами. Прикидываются хорошими, преданными... А доверься им, они тебя же и понесут... А мы обижаемся, что они нас критикуют.

— Критикуй, пожалуйста, но не за спиной.

— А он вот захотел за спиной — нельзя, что ли?

— Можно, конечно, а только не двоедушничай. В глаза и за глаза одно говори!..

— Да уж верно: в должности его не понизишь. Прав А. С. Пушкин, говоря: «Чины не дают ни честности плуту, ни ума глупцу, ни дарования задорному мараке!»

Тут как раз во время нашего разговора в кабинет начальника мастерской вошёл знакомый читателю москвич-архитектор и как ни в чём не бывало склонился учтиво, растянул улыбку до ушей, басисто проворковал:

— Здравствуйте, Пётр Петрович, с приездом, Фёдор Григорьевич! Как доехали?

И, не дождавшись ответа, обратился к шефу. Говорил ему почти на ухо, в чем-то старательно убеждая его, доказывая. И, так же кланяясь, сладко улыбаясь, вышел из кабинета. Мы долго молчали, а затем я сказал:

— Ну ладно, ты обнимайся с ним, а мне его в гости не посылай.

— Я и не посылал его! Он сам тебя нашёл. И в другой раз найдёт. И ты будешь его вином угощать, вареньем собственного изготовления потчевать. И ничего, Федя, с такими не поделаешь. Потому как оружие их — лесть, а против лести редкий человек устоять может.

Да уж верно, лесть — оружие сильное. И люди, пользующиеся этим оружием, у нас ещё водятся. Иногда мы видим человека, который, едва удостоив кивком головы подчиненного, «на полусогнутых» трусит за начальником. Находясь во главе учреждения, такой руководитель заведёт порядок, когда его помощник или заведующий отделом без него не может решить ни одного вопроса. А всё решается так, как подскажет начальство. В угоду ему подчинённый откажется от своего самого «твёрдого» и самого полезного для дела убеждения.

Какого бы ни был человек положения, он никогда не прощает небрежения своему человеческому достоинству, но и проявление к нему внимания, доверия ценит всегда очень высоко. Люди, грубо обращающиеся со своими подчиненными, думают, что они, посеяв страх, поднимут свой авторитет. А ведь те, кто от грубости впадает в страх и в рабское подчинение, — это люди ничего не стоящие.

Ещё Добролюбов писал, что «кротость, переходящая в робость, и подставление спины есть человеческое явление вовсе не природное, а часто благоприобретенное, точно так же, как и нахальство и заносчивость. И между обоими этими качествами расстояние вовсе не так велико, как обыкновенно думают. Никто не умеет так отлично вздёргивать носа, как лакеи, никто так грубо не ведёт себя с подчиненными, как те, которые подличают перед начальством».

Угодничество — это самый большой враг прогресса. И те, кто его прививает и культивирует, и те, кто угодничает перед начальством, одинаково недостойны и вредны.

К. Маркс на вопрос анкеты, что вызывает у него наибольшее отвращение, ответил: угодничество.

Иногда говорят: и рад бы проявить самостоятельность, да атмосфера в нашем учреждении не позволяет.

Да, конечно, бывают такие обстоятельства, при которых смелое суждение, достойное поведение сильно затруднено. И всё-таки, если вы настоящий человек, вы всегда и останетесь таковым. Люди же, порождающие атмосферу угодничества, криводушия, совершают преступления, за которые рано или поздно приходит расплата. Ведь даже слабый человек имеет свою гордость. Принуждённый к лести и криводушью, он чувствует себя униженным и пресмыкается до поры до времени. И как бы человек ни был низок душой, он человек и никогда не забывает этого своего высокого звания. Придёт час, и он разогнет спину и выместит на обидчике все прошлые унижения. Взыграет в нём душа человека, поднимется гордость.

В повести Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» есть место такое — Тарас перед боем обращается к воинству своему:

«Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные мёды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим;

свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который жёлтым чоботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество!»

Русский характер извечно славился свободолюбием, неприятием лжи, криводушия. Новый же строй жизни, демократический дух отношений в социалистическом обществе скоро полностью приведут к преодолению таких уродливых пережитков старого мира, каковыми являются лезть и угодничество.

Хотелось бы пожелать нашему молодому поколению: живите гордо и красиво, не склоняйте головы перед глупостью и подлостью — высоко несите звание человека! Ведь вы внуки тех, кто совершил Октябрьскую революцию, дети героев Великой Отечественной войны. Ваш старший брат Юрий Гагарин первый среди людей преодолел магнитные оковы Земли и положил начало освоению космоса. Помните же, какую вы честь наследуете!..

Однажды я получил письмо:

«Здравствуйте, уважаемый Фёдор Григорьевич!

Я прочитала Вашу книгу «Сердце хирурга». Я читала её в каждую свободную минуту и особенно обратила внимание на 95-ю страницу, где Вы так хорошо сказали, как надо чутко относиться к больным и даже к родственникам больных. Я неоднократно плакала, читая книгу. Почему же я Вам пишу? Я даже не знаю! Просто хочу излить свою горечь и поделиться как с человеком, имеющим доброе сердце. Меня постигло большое несчастье. 30 сентября 1974 года в нашей районной больнице умер мой муж. Я его доставила в больницу 29 сентября на «Скорой помощи». Он сам вошёл в машину, сам сошёл с машины, был совершенно трезв, давление при измерении было 140. Возраст его 33 года. Он был очень крепкого телосложения, летом загорал. Но вот у него начался приступ, он жаловался на сильную перепоясывающую боль в области желудка. В нашей больнице ему ввели по прибытии 1,5 литра физиологического раствора, потом снова физиологический раствор, но состояние мужа не улучшилось. На следующий день утром у него плохо прослушивалось давление, он жаловался на судороги в пальцах рук, холодел. Голова кружилась. Он уже не мог подняться с койки. Всю ночь не спал. Поставили ему диагноз: алкогольный интоксикоз, алкогольный психоз. Да, накануне мы были с 5 до 8 вечера на свадьбе, где он выпил, а 29 сентября муж спиртного в рот не брал. До 30 лет он вообще не пил вина. Внимания врачи ему не уделили, лишь медицинская сестра вводила физиологический раствор. 30 сентября вечером сестра по неопытности ввела ему в вену большую долю новокаина. Муж проговорил: «Я что-то пьянею» — и потерял сознание, затем вскочил и перебежал на противоположную койку, у него расстроился желудок. И вот дежурный врач В.С. стала его лечить против алкогольного психоза. Дали таблетку, сделали укол и дали полстакана жидкости — все против психоза. Состав лекарств мне неизвестен. Не посоветовавшись со мною, врач В.С. вызвала милиционера, и мужу надели наручники как сумасшедшему. Волоком его потащили в машину «Скорой помощи» — на глазах у всех больных. В наручниках врач В.С. додумалась везти мужа в психиатрическую больницу за 70 километров, а ключи от наручников увезли в милицию. После одевания наручников мужу в машине стало совсем худо. Он кричал со слезами на глазах: «Я задыхаюсь, я задыхаюсь, снимите наручники!» И тут же мёртвый упал у моих ног в машине. Машина стояла у больницы, ещё не успела даже отойти... И вот при вскрытии трупа судебно-медицинской экспертизой оказалось, что у мужа был приступ острого панкреатита с некрозом поджелудочной железы и перитонитом.

Вот от чего он погиб во цвете лет!..

Уважаемый Фёдор Григорьевич, мне очень горька эта обида. И передо мной как перед женой не извинились... А мне только говорят: мужа бы операция не спасла, всё равно его нечем было лечить. Алкогольный психоз и белая горячка лечатся одинаково, как и острый панкреатит. Уважаемый Фёдор Григорьевич, прошу Вас убедительно, напишите мне всего две строчки, так ли это?..

Извините меня ещё раз. Не решалась Вас побеспокоить, думала, меня поймут.

С уважением к Вам М.З.»

Долгое время я находился под впечатлением этого письма, не зная, что и как ответить женщине. Оправдывать врача у меня рука не поднималась. Дополнительно обвинить его — это значило вызвать в сердце женщины дополнительные страдания. Между тем о характере его болезни я не мог судить на основании одного письма, не зная протокола вскрытия. Известно ведь, что больные с некрозом поджелудочной железы могут погибнуть в любой квалифицированной клинике при самом правильном, современном лечении.

Следовательно, не в смерти больного виновата врач В.С, а в том бездушии, которое она проявила к больному.

Я написал женщине письмо, стараясь успокоить её, сказав, что своими терзаниями она мужу не поможет, что она должна подумать о себе и детях.

Обычно бывает так: ответишь и вроде как будто снимешь со своих плеч тяжесть. Но в этом случае я хоть и отослал письмо, но тревога в сердце оставалась. Я отлично понимал, что горе у женщины безутешное, и у меня всё время держалось чувство досады на врачей и на медицинских администраторов, которые в этом печальном эпизоде, очевидно, во главу угла ставили заботу о престиже, чем желание помочь женщине. Ведь если бы кто из местных врачей или руководителей поговорил с ней тепло, душевно, разъяснил всю тяжесть болезни мужа, извинился бы за ошибку, за грубость — такое участие облегчило бы её страдания и ей не потребовалось бы обращаться ко мне с письмом и искать у меня сочувствия.

Как часто больные и их близкие страдают не только от незнания и невнимания врача, но ещё больше от его бездушия, от нежелания выслушать больного, внимательно расспросить родственников. Куда проще и легче приклеить больной ярлык «истеричка» или, как в данном случае, «алкогольный психоз» и оттолкнуть от себя, надев ещё и наручники.

Как любят некоторые невнимательные и малоэрудированные врачи прикрывать своё незнание и нежелание разобраться в больном такими терминами, как «нервное» или «психическое» заболевание, которое, как они полагают, снимает с них ответственность и освобождает от многих хлопот.

Прочитав письмо, я не знал, чему больше удивляться: чёрствости или безграмотности двух врачей провинциальной больницы.

Бросается в глаза отсутствие у этих врачей веры больному. Они бы хоть подумали: зачем больной будет зря говорить? Если он жалуется на боль, не отмахивайся, а проверь и подумай, отчего она может быть.

Больной на второй день после обильной еды и выпитого вина жалуется на опоясывающие боли в животе.

Это же каждый студент знает, что здесь надо подумать о панкреатите! У больного слабый пульс, падает давление, он теряет сознание от ошибочно введенного внутривенно новокаина. Врач, вместо того чтобы исправить ошибку сестры, надевает больному наручники!

Да, бездушие — страшная вещь! Бездушный человек не может работать врачом! Но разве только врачом не может работать черствый человек?.. Нередко мы встречаем таких людей в своей повседневной жизни! Откуда они берутся, эти люди? Кто их воспитывает такими?..

Часто на обходах и на консультациях мой учитель Николай Николаевич Петров говорил помощникам: «Учтите, что к нам идут не ради удовольствия. К нам идут люди,

отягощённые недугом. Они знают, что у хирурга они могут получить исцеление только через операцию, а это значит, как правило, боль, дополнительные страдания и даже угроза смерти от самой операции. Как бы нежно и заботливо хирург ни подходил к больному, все это остаётся. Оно только уменьшается, смягчается, но всё равно остаётся».

Когда я повторяю примерно то же, мне иногда возражают:

— Вы упускаете из виду, Фёдор Григорьевич, что сейчас не прежнее время, теперь почти все операции делают под наркозом.

— Нет, я ничего не упускаю. Знаю, что операция может пройти безболезненно. Но возьмите вы подготовку к операции. Сколько раз больного уколут, прежде чем он уснёт. А ведь как, какими руками уколут? Я видел нередко слёзы на глазах у больных, когда неумелые руки врача пытались сделать обычное вливание. А чего стоит человеку ожидание операции — тревожные думы, сомнения? А после операции?! Недавно мне самому делали операцию под наркозом. Действительно, я ничего не ощущал, но, когда проснулся, я почувствовал такие нестерпимые боли, что тут же приказал сделать себе укол морфия внутривенно. А больной-то приказать врачу не может, он может только стонать и просить, и смотря, на какого врача попадёт. Не на всех эти просьбы и стоны действуют.

Я отлично на себе испытал, что значит «безболезненные» операции под наркозом. И это при условии бережного отношения к больному. А если со стороны врача нет такого подхода, то страдания больного удесятятся. Вот почему я не устаю повторять: к нам идут не для удовольствия. К нам приходят люди со страданиями, и наша задача их облегчить, но не отталкивать больных от себя — мы, мол, этого не делаем!.. На такую отговорку вполне логичным будет вопрос:

«А почему не делаете? Почему одни делают, а вы не делаете? Ведь те, другие врачи, которые делают, они такое же образование получили, в тех же вузах учились. Так почему же они делают, а вы нет?»

Если уж ты вынужден отказать больному, то делай это не с пренебрежительным видом, как будто геройство совершаешь, а с чувством вины перед больным, с сознанием, что ещё не научился тому, чему обязан был научиться. И долг твой помочь больному, отыскать такого врача, который лечит, а не отказывать и не отпихивать больного от одного врача к другому, как футбольный мяч.

Как-то в нашу клинику пришла старушка со сломанной рукой. Руку у неё хотели отнимать. Она пришла в клинику и попросилась на приём к профессору. Женщина рассказала: «Упала и сломала себе руку. Пошла в поликлинику. Там женщина-травматолог стала смотреть, щупать, вертеть руку так, что я от боли кричала и чуть не потеряла сознание.

Гипс накладывал молодой практикант. Делал он это как-то грубо, болезненно, а врач даже не подошла, не посмотрела. Пришла домой, а боли в руке не только не успокоились, а стали хуже прежнего. Всю руку страшно разламывало. К вечеру рука отекала и боли стали нестерпимы.

Позвонила в «Скорую». Там сказали: «Надо терпеть» — и повесили трубку.

Кое-как дождавшись утра, пошла в поликлинику. Врач-травматолог, даже не взглянув на руку, сказала: «Надо терпеть». С тем я и ушла. К вечеру, когда терпеть стало уже невозможно, пошла в больницу, в приёмный покой, и стала просить дежурного хирурга посмотреть руку. Тот, как взглянул, так и ахнул. Тут же сам осторожно снял гипс. Оказалось, там уже кожа от давления омертвела. Хирург предложил положить меня в больницу, прямо без направления, потому что от того места, где омертвела кожа, пошло нагноение, воспалились отломки костей. Сейчас, говорят, собираются отнять руку, чтобы спасти жизнь», — вся в слезах закончила женщина.

Профессор набрал номер телефона хирургического отделения больницы. Сообщил своё мнение: «Жизнь больной вне опасности, и руку нет необходимости отнимать». Договорились о ходе дальнейшего лечения.

Так профессор и времени затратил немного, и больной оказал радикальную помощь.

Ехал я в троллейбусе к Московскому вокзалу. Против меня сидела молодая пара: ей лет двадцать, ему — чуть побольше. Они весело болтали, переговариваясь со стоящим рядом молодым человеком из их же компании.

К ним подошла старушка, встала, держась за ручку их сиденья. Молодые люди видели её, но места не уступили. Юноша продолжал весело беседовать, а девушка ещё крепче держала его под руку, как бы опасаясь, чтобы он не встал и не оставил её одну. С соседней скамейки поднялся генерал и уступил женщине место. Все наблюдавшие эту сцену с упрёком посмотрели на молодых людей, особенно на парня. Но ему и трава не расти: он по-прежнему был весел, продолжая разговаривать со своей подругой. Девушку, видно, тоже нисколько не волновало, что он не уступил место старушке, в то время как человек пожилой и заслуженный сделал это. Я подумал: «Вот с чего начинается в человеке грубость». И ещё была мысль: «Если бы девушка была умней, она бы встревожилась. Но её, по-видимому, не занимали высокие материи, она была счастлива, и больше её никто не интересовал».

Большую ошибку делает эта девушка, прощая своему другу, может быть жениху, бездушие к окружающим. Поступив так сегодня с посторонней женщиной, он завтра поступит точно так же с её матерью, а послезавтра и с ней самой. Потом она будет искренне удивляться, почему он к ней так изменился, ведь раньше был такой внимательный. А того не понимает, что он и раньше был таким, да только она не замечала в нём дурных качеств, была ослеплена любовью и бездумно прощала его недостатки — они казались ей невинными.

Грубость — это бескультурье, пробел в воспитании. И нередко женщина — мать, сестра, жена, претерпевая грубость от мужчины, близкого ей человека, не задумывается над тем, что и сама повинна в отсутствии у мужчины вежливости и такта. Человек не рождается грубияном, хамство им приобретается, а подчас и прививается. Когда-то мать позволила своему ребёнку проявить грубость, а сестра, невеста, наконец, жена благосклонно поощряли грубость близкого человека, проявляемую к другим, и возмутились лишь тогда, когда на себе её испытали. Да поздно! Грубость стала чертой характера, оружием защиты и нападения.

Если бы девушка, как бы ей ни хотелось сидеть с молодым человеком рядом, возмутилась и сама встала, демонстративно показав его невоспитанность, он бы запомнил это, может быть, на всю жизнь и в другой раз так бы не поступал.

Зашёл я как-то после занятий в студенческое общежитие, чтобы по просьбе моих молодых коллег рассказать им о работе на периферии. До начала беседы я походил по коридорам, зашёл в некоторые комнаты. Мне понравились дружеская, непринужденная обстановка и товарищеские отношения между студентами, между юношами и девушками.

В то же время мне не нравилось, как некоторые из студентов называют друг друга: Танька, Манька, Ванька, Васька.

Спрашиваю одного студента:

— За что вы с таким неуважением относитесь к этой девушке, почему называете её уничижительным именем?

Около нас остановилось несколько человек, они дружно заговорили:

— Что вы, Фёдор Григорьевич, это всё любя, выражение нашей дружбы и симпатии.

— Станный способ выражать любовь и симпатию. Когда мне кто-то нравится, мне хочется назвать этого человека ласкательным именем: Танечка, Манечка... Ну, если не хотите при других говорить нежные слова, назовите просто: Таня, Маня. На русском языке это звучит так же ласково. Но... Танька, Манька, извините, по-моему, это неуважительно.

— Мы говорим так, а думаем друг о друге с нежностью.

Я не согласился. Сказал, что слова есть выражение мыслей. Как говорит человек, так и мыслит. Пусть даже какое-то время в его сознании происходит процесс подмены одних мыслей на другие. Но этот процесс искусственный, человек не заметит, когда он прекратится, и слова его будут выражать подлинные мысли. Но главное: почему к девушке, которую ты уважаешь и с которой дружишь, надо обращаться уничижительно? Когда человек кому-то симпатизирует или тем более любит, ему обязательно хочется назвать её нежным, ласковым именем. И в русском языке имеются ласкательные имена. Очень нежные и красивые. Наш русский язык так богат, можно избрать так много красивых форм обращения. Зачем же выбирать столь уничижительную? «Девушки и юноши! — сказал я молодым людям. — Не думайте, что это мелочь! Отсюда начинается и нежность и грубость! Здесь зарождается ваш характер, ваше отношение к человеку. Больше того: с таких вот мелочей формируется ваша личность».

Чтобы не сделать из молодого человека, когда он станет мужчиной, хама, мать и сестра, невеста и жена не должны прощать ни малейшей грубости, которая бы оскорбляла человеческое достоинство женщины. Тут нет мелочей. Создается атмосфера грубости между мужем и женой, и это автоматически рождает грубость у детей.

К нам в гости в Ленинград из Иркутска приехала пожилая учительница. Воспитанная в трудовой семье на славных революционных традициях, прекрасно знающая русскую классическую литературу, проникнутая с ранних лет идеей служения народу, она мечтала, когда кончит школу, поехать куда-нибудь в глушь, где никогда не было учителя.

Ей было семнадцать лет, когда она попросила послать её в далекое село. Летом туда добирались только на маленькой лодчонке, а зимой на лошадях. Она была первой учительницей и единственным грамотным человеком в селе. Позднее окончила университет, работала директором школы.

Она мечтала побывать в Ленинграде. Ей всегда казалось, что в этом городе живут какие-то особые люди. И потому в общественных местах боялась сделать неловкое движение. Зайдя в трамвай и увидев, что все места заняты, нерешительно спрашивает кондуктора: «Скажите, пожалуйста, а куда можно поставить чемодан?» — «Ставьте хоть себе на голову!» — ответила девушка, которая по возрасту годилась ей во внучки.

За всю жизнь не слыхала она ни одного подобного слова. И вдруг от ленинградки, вчерашней школьницы, услышать такую, ничем не вызванную грубость?!

К сожалению, на этом не кончились её злоключения. В магазине она заплатила за молоко, а когда получила сдачу, вспомнила, что ей надо купить ещё сыру. Тут же протягивает деньги, а молодая кассирша: «Что вы сразу-то не думаете, что вам надо?!» — «Да я забыла, учтите мой возраст», — извиняющимся тоном говорит учительница. «Много вас тут проходит — всех извинять!»

Два случая. Других не было. Но они оставили тяжёлый след в душе женщины. Она прожила в Ленинграде целый месяц. Побывала в театре, видела окрестности Ленинграда, на каждом шагу встречала образцы культурного и вежливого отношения, что характерно для ленинградцев, но следы тех грубых слов так и не изгладились у неё за всё время пребывания в нашем городе.

Мелкие обиды и бестактности иногда ранят сердце не меньше, чем какие-то большие неприятности. Если же они повторяются несколько раз, то нервная система как бы устаёт и уже ненормально реагирует на раздражитель.

В одном университете на заседании учёного совета научный сотрудник в своей речи допустил бестактность в адрес уважаемого профессора, с которым до этого у него уже были столкновения. Профессор, выйдя на кафедру, в ответном выступлении сказал несколько слов, упал и умер. Жена профессора присутствовала на учёном совете, она подошла к научному сотруднику и воскликнула: «Это вы убили его!» Научный сотрудник, придя домой, принял какой-то порошок и отравился...

Так трагически закончился конфликт, вызванный всего лишь бестактностью.

Конечно, он произошел в обстановке нервного напряжения, усталости. Стоит, например, человеку хорошо выспаться, и он по-иному оценивает то, что вечером казалось ему непоправимым несчастьем. Отдохнувшая нервная система более правильно воспринимает тот же самый раздражитель. Вот почему русская пословица «утро вечера мудренее» находит своё научное объяснение.

Очень важно выработать в себе способность любые, даже самые крупные, неприятности воспринимать твёрдо, с достоинством, не показывая виду, что у тебя несчастье. Сам настрой человека, его поведение, слова — все может способствовать ослаблению его тяжёлых переживаний. Верно подметил это Иван Саввич Никитин в своей замечательной поэме «Бурлак»:

Непогода ль случится и вдруг посетит
Мою душу забытое горе —
Есть разгул молодцу: Волга с шумом бежит
И про волю поёт на просторе;
Ретивое забьётся и вспыхнет огнём! :
Осень, холод — не надобна шуба! —
Сядешь в лодку — гуляй! Размахнёшься веслом,
Силой с бурей помериться любо!
И летишь по волнам, только брызги кругом...
Крикнешь:
«Ну, теперь божия воля!
Коли жить — будем жить, умереть — так умрем», —
И в душе словно не было горя!

Горе-то, конечно, осталось. Но человек своей волей, напряжением мышц отвлек внимание на борьбу со стихией и отвел от себя тяжёлые думы. И горе как бы отступило.

Именно этим и объясняется известный афоризм: «Я не потому плачу, что мне грустно, а мне грустно потому, что я плачу».

Есть люди, которые в самых трудных, невесёлых, а порой и драматических обстоятельствах умеют находить элементы оптимизма и даже смешного и, фиксируя на них своё внимание, отвлекают себя и окружающих от тяжёлых дум.

Сергеев-Ценский в своей эпопее «Севастопольская страда» приводит такой эпизод. Хирург Пирогов Н. И., проходя мимо барака с ранеными пленными французами, вдруг услышал дружный смех. Он был удивлён, так как обстановка не предрасполагала к какому бы то ни было веселью. Он зашёл и спросил, в чем дело. Оказалось, что француз, у которого оторвало обе ноги, в комическом виде представлял разочарование своего сапожника, который лишился постоянного клиента.

Говорил он это так, что и сам раненый, и все его товарищи, несмотря на свои раны, дружно смеялись.

Несомненно, что у людей с подобным характером влияние отрицательных сторон жизни будет менее сильным, чем у людей с склонностью к пессимизму.

Этим и объясняется, почему при одних и тех же условиях одни остаются здоровыми, у других развивается тяжёлое расстройство нервной системы.

Физические нагрузки снимают нервное напряжение. И если человека неожиданно постигает потрясение, то в этом случае хорошо пройтись быстрым шагом до появления испарины или поколоть дрова, побродить по лесу, походить на лыжах. Неплохо также заняться любимым делом. Я лично, если у меня случается неприятность, сажусь за письменный стол и пишу. Сначала трудно сосредоточиться, но постепенно все куда-то отходит, и ты всецело погружаешься в любимое занятие. Оно настолько отвлекает, что уже через короткое время бывшие «крупные неприятности» становятся мелкими и ничтожными, и ты сам начинаешь удивляться, что они на тебя действовали.

У меня всегда вызывают чувство жалости люди, доставляющие другим неприятность своей грубостью. Это нищие духом люди, люди низкой культуры и

небольшого ума. Ведь известно, что умный человек даже глупого не назовёт дураком, глупый же самого умного может унижить, оскорбить и назвать дураком, ибо глупость и грубость — родные братья, можно сказать, близнецы.

Мы, врачи, часто встречаемся с заболеваниями, вызванными грубостью и невниманием других людей. С грубостью надо бороться как с серьёзным и опасным злом.

Мне кажется, что каждому надо начинать с себя. Когда кто-то к тебе обращается, надо прежде всего подумать, что этот человек ничуть не ниже тебя, наоборот, может быть, он и в умственном и в моральном отношении выше тебя. Может быть, завтра тебе придется обратиться к этому человеку. И если ты сегодня ему нагрубил, то какими глазами будешь смотреть завтра, зайдя к нему в кабинет? Если придерживаться правила разговаривать с любым человеком — с санитаром или уборщицей, с министром или с академиком — с одинаковым уважением, тебе никогда не будет стыдно за своё отношение к человеку. Умный, деликатный человек так обращается с другими, как бы он хотел, чтобы обращались с ним в подобной ситуации.

Как-то захожу в кабинет незнакомого мне директора ателье. Подхожу к столу. Сидящий за ним полный, важный гражданин на меня не смотрит, хотя я знаю, что он меня видит. Я стою, но сидящий занят своими бумагами или разговаривает по телефону и на меня никакого внимания не обращает. Выждав некоторое время, я называю себя. Человек на глазах меняется. Его каменно-неприступное лицо озаряется улыбкой. Он встает, здоровается и приглашает меня сесть, хотя перед этим я долго стоял перед его столом. Такой «дифференцированный» подход к посетителям характеризует натуру мелкую, невежественную, из тех, кто не любит и не уважает людей. С пренебрежением относится к человеку, но преклоняется перед званием, положением. А между тем как часто под скромной должностью, за внешним видом «простого» человека скрывается огромное богатство души, кладезь ума и духовной красоты.

Чем выше по служебной лестнице поднимается человек, тем больше у него «возможностей» выявить и развить отрицательные стороны своего характера. Только цельные натуры не поддаются соблазнам власти. Народная мудрость гласит: «Если хочешь проверить человека, дай ему власть в руки». Есть и другая поговорка: «Власть портит человека». Но последняя не совсем точна, ибо власть портит не всякого. Точнее другое изречение: «Власть делает великого человека ещё более великим, а ничтожного ещё более ничтожным».

Величие человека, облеченного властью, прежде всего проявляется в отношении к подчиненным, в заботах об улучшении условий их жизни, о росте своих сотрудников, в первую очередь наиболее трудолюбивых, одарённых. И наоборот: ничтожество власть имущего можно увидеть по тому, как он угнетает близких, чинит препятствия талантам. Ничтожество не терпит умных и смелых, принципиальных и самостоятельных. Такие говорят правду в глаза, не гнут спину, не льстят, разят сатирой пресмыкающихся у ног власть имущего.

Слабый и тщеславный, если он обладает властью, будет нетерпимо относиться к подлинным авторитетам, людям, освящённым славою. Он будет настойчиво бороться с ними, стремясь их обесславить, унижить, оклеветать, а затем и совсем снять их с работы, поставив на их место таких, которые по развитию не выше его самого.

Так и создается уровень учреждения — не выше его руководителя. Явление это распространённое, оно давно замечено народом: «Каков поп, таков и приход».

Когда я был директором Института пульманологии, к нам в Ленинград приезжало много зарубежных учёных, занимающихся лечением лёгких. Из одной маленькой страны приехало сразу пять учёных в ранге профессоров. В беседах с ними я заметил, что четверо учёных серьёзно разбираются в проблемах пульманологии, сами производят довольно сложные операции на лёгких, а пятый почти ничего не понимает в заболеваниях, больше интересуется административными делами. Как-то за столом один профессор, кивая на него, сказал: «Начальником нашим будет, вот департамент организуют...» В другой раз мне одному разъяснил: «Свой человек в политических сферах, в начальники его прочат».

Долгое время от этих профессоров я получал письма, с удовлетворением следил, как в своей маленькой развивающейся стране они внедряют советские достижения науки о лечении лёгких. Но потом они перестали писать — сначала один, затем второй, третий... А тут мне вышла поездка в эту страну. И я узнал печальную историю: профессор, ставший администратором, постепенно удалил с поля деятельности видных учёных своей страны. Одного довел до инфаркта, другого заслал в провинциальную больницу. Пусть не маячит перед глазами, не заслоняет его имени. Между тем в стране этой сильно распространены лёгочные заболевания. Ничтожество, пробравшись к власти, не посчиталось со страданиями народа, устранило людей, которыми гордилась национальная медицина, и поставило на их места жалких льстецов, ненужных и бесполезных для медицины.

А. С. Пушкин зло высмеивал тех, кто так беззастенчиво относится к людям, прославленным своими делами. Он писал:

«Уважение к именам, освящённым славою... первый признак ума просвещенного. Позорить их дозволяется токмо ветреному невежеству, как некогда, по указу эфоров, одним хиосским жителям дозволено было пакостить всенародно».

Оружие слабых поражает сильных.

Грубость, жестокость — это орудие людей слабых, никчемных, оно, как правило, своим острием направлено на образованных, умных, добрых, то есть на сильных.

Во время обхода мне показали вновь поступившего в клинику больного, мужчину средних лет.

— Что у вас болит? Когда вы заболели?

Лечащий врач представил мне картину заболевания. Больной в последнее время много работал, часто нервничал. Вчера почувствовал резкую боль в животе — его привезли в клинику.

Прощупывая живот, заметил небольшое вздутие и значительное напряжение брюшной стенки. Надавливание отзывалось резкой болью. Были симптомы, указывающие на раздражение брюшины, что заставляло предположить катастрофу в брюшной полости. Здесь мог быть и острый панкреатит, то есть воспаление поджелудочной железы, а возможно, и прободная язва желудка. Если в первом случае надо быть наготове, чтобы в любую минуту идти на операцию, то во втором её надо делать немедленно. С такими сомнениями врач и заведующая отделением Антонина Владимировна, также очень опытный врач-хирург, обратилась ко мне.

«Посмотрите, пожалуйста, больного. Не знаем, что делать. То ли оперировать сейчас, то ли отложить до утра», — сказала мне Антонина Владимировна. «Я считаю, что надо немедленно брать на операцию, — предлагал лечащий врач. — Как мы будем выглядеть, если прозеваем перитонит и прооперируем больного поздно?» — «Это правда, — согласился я, — опаздывать ни к чему, но нам нужно помнить и другое правило хирурга: «Не тот хирург, кто сделал блестящую операцию, а тот, кто воздержался от ненужной операции». Сделать операцию там, где не нужно, часто не менее опасно, чем не сделать там, где нужно. Поэтому прежде всего надо поставить правильный диагноз. Мне уже сказали, что при волнении у него часто возникали боли, но только в области сердца. Я подумал, что, может быть, и сейчас у него та же картина, только боли отдают не в грудную клетку, а в живот, что иногда бывает.

Я попросил врачей оставить нас с больным одних, сел к нему на кровать и сказал:

— Расскажите, пожалуйста, кто вас вынуждает нервничать, почему у вас болит сердце? Только при этом не волнуйтесь, помните: это нужно для определения вашей болезни.

Некоторое время взгляд больного был устремлён в потолок, потом он посмотрел на меня дружески, доверительно, стал рассказывать. И перед мной предстала следующая картина.

Валентин Петрович Бродин, инженер научно-исследовательского института, часто в ущерб своему здоровью, пренебрегая интересами семьи, работал над созданием новых способов расширения производства бумаги.

По характеру был отзывчивым и добрым. Его уважали и любили в коллективе. Но с начальством он не всегда ладил. Когда учреждением руководил большой специалист, он прислушивался к возражениям Валентина Петровича, понимая, что они продиктованы интересами дела. Но вот этот руководитель вышел на пенсию, и его место занял человек со вздорным характером, применявший метод «жестокое администрирование». Валентин Петрович на первом же совещании высказал свою точку зрения, которая не совпадала с мнением нового руководителя, и получил замечание в грубой форме.

В своём отделе Валентин Петрович не позволял с подчиненными не только грубости, но и повышенного тона. Он ненавидел нецензурную ругань, буквально физически не мог её переносить. И когда начальник на директорском совещании позволил себе в присутствии женщин нецензурную брань, он встал и сделал директору замечание. Директор осекся, промолчал, но злобу затаил. На следующем совещании снова пустил в ход нецензурную брань. Валентин Петрович встал и, ни слова не говоря, вышел из кабинета.

После подобных сцен он часто приходил домой, держась рукой за сердце. Дома заботливая жена, зная мужа, быстро его успокаивала; даст валерьянки, таблетку валидола, и к утру боль в сердце проходила.

По опыту мы знаем, как часто неприятный разговор, сцена в быту, на работе бывает причиной серьёзного заболевания сердца. Ведь оно, беспокойное, на все реагирует. Ему, вечному труженику, до всего есть дело...

В том день с новым начальством был у Валентина Петровича крупный разговор. Начальник совершенно незаслуженно оскорбил инженера и даже пригрозил, что уволит, хотя Бродину до пенсии осталось работать года два.

Валентин Петрович прекратил разговор и молча опустился в кресло. Он почувствовал резкую боль в животе. Посидев немного, он попросил вызвать такси, хотел ехать домой, но боли так усилились, что он, махнув рукой, сказал товарищу, провожавшему его, чтобы везли в больницу.

Поблагодарив Бродина за откровенный рассказ, я предложил врачам немедленно начать специальное обследование.

Установили, что у больного мелкоочаговый инфаркт. Мы воздержались от операции, чем, безусловно, спасли больного. Потому что любая операция для больного с инфарктом смертельно опасна.

Из этого эпизода видно, что чёрствое отношение к человеку, грубость, бестактность, бранные слова не так безобидны, как могут иногда казаться.

Как правило, расхождение во мнениях, особенно в пустяках, отчуждает лишь мелкие души и совершенно не оказывает влияния на широкую, красивую натуру, на умных, деловых людей, которые подбирают себе в помощники людей инициативных, умеющих отстаивать своё мнение и самостоятельно решать все вопросы. Некоторые «начальники» полагают, что управлять надо «жёстко», держать всех в страхе и подчинении. Но это как раз и воспитывает подхалимов. Настоящий руководитель не нуждается в грубости, чтобы управлять учреждением, и, наоборот, чем вежливее он сам с людьми, с которыми он общается, тем выше поднимается его авторитет и тем лучше работает его учреждение.

Возвращаясь к Бродину, надо сказать, что через полтора месяца он в хорошем состоянии выписался домой. Так благополучно закончился для него конфликт с начальством на этот раз. Но надолго ли он поправился, будет зависеть не только от начальства, но и от него самого.

Надо научиться спокойнее реагировать на всякие раздражители. Кроме того, надо уметь выслушивать мнение других. А если ты возражаешь против мнения другого, если ты с ним не согласен, возражения должны быть учтивыми и проникнутыми уважением к тому, кого оспариваешь. Независимо от того, разговариваешь ли ты со старшим или младшим по должности или по возрасту. Высказывая своё мнение, вежливый человек

обязательно добавит: «Может быть, я не прав, но такие-то факты говорят...» или: «Я не уверен, но мне кажется...», «Я склонен думать, что...» и т. д.

И ни в коем случае не изменять своего тона и не переходить на резкость, если, с твоей точки зрения, оппонент не согласится. Надо уметь уважать мнение другого, как бы оно ни расходилось с твоим.

Особенно это надо помнить молодым. Жизнь показывает, что со временем, когда становишься старше или просто опытнее, то, что казалось непреложной истиной и что ты доказывал, что называется, «с пеной у рта», со временем представится в другом свете, и ты посмеёшься над своей наивностью. Соблюдая такт и вежливость, оппоненты обогащаются в споре. Если же проявлять в споре неразумное упрямство или нарушить правила вежливости, то здесь легко перейти к отчужденности и даже к ссоре. Нельзя допускать, чтобы спор и ссора становились бы непримиримыми из-за ненужных вспышек гнева.

В разговорах и поступках очень важно сохранение такта.

В споре он состоит в том, чтобы отвергнуть мнение своего оппонента, не обидев его, и так, чтобы человек почувствовал себя тебе обязанным. А если же тебе не удалось переубедить товарища, собеседника, отнесись спокойно к этому факту, заключи беседу примерно такими словами: «Ну хорошо, ты, конечно, вправе оставаться при своём мнении. Но мне кажется, со временем ты по-иному отнесёшься ко всему тому, что я тебе говорю».

В дискуссии большое значение имеет умение говорить логично, красиво, обладать ораторскими способностями. Но решающую роль играет знание вопроса, эрудиция.

Как-то на заседании хирургического общества был сделан доклад по онкологии. Его делал один из учеников Н. Н. Петрова, работавший под его руководством. В прениях выступал крупный хирург. Он подверг резкой критике какие-то положения докладчиков, и, так как он обладал великолепными ораторскими способностями и говорил красиво и убедительно, казалось, что докладчику не оправиться от такого «удара». Тогда слово взял Н. Н. Петров. Ни к кому не обращаясь и ни одним словом не опровергая оппонента, он обрисовал дело так, что выступление хирурга выглядело не только неправильным, но и совершенно безграмотным. Все были поражены таким оборотом дела, и оппонент вынужден был тотчас же взять слово и долго и пространно объяснять, что он, по-видимому, неправильно выразился, если его не так поняли, что он совсем не то хотел сказать и т. д. И долго после этого заседания у всех было какое-то чувство гордости за человеческий ум, за эрудицию, против которых оказывается бессильным любое самое блестящее ораторское искусство.

Воспитанный человек никогда не будет запелляционным в своих суждениях. Чем он больше знает, тем терпеливее относится к мнению других, даже в тех вопросах, в которых он является специалистом.

В своё время, работая на периферии главным врачом больницы, я всегда внимательно слушал, когда кто-либо из сестёр или санитарок давал совет. Нередко бывало так, что какая-нибудь опытная санитарка подскажет тебе то, чего нет ни в каких руководствах.

Некоторые самовлюбленные молодые люди в споре со старшими и более опытными заменяют логику мышления стремлением приписать своему оппоненту «устарелость», «допотопность» взглядов, козыряют своей ученостью и т. д., что особенно наглядно показывает их плохое воспитание.

Плохо характеризует человека также то, если он без уважения отзывается о работе своего коллеги. В этих случаях он больше роняет свой престиж, чем престиж коллеги. Особенно важно ни при каких обстоятельствах не опускаться до грубости, которая очень тяжело ранит самолюбие человека.

Если пуля, выпущенная врагом, может повредить часть тела, то грубое слово попадает в сердце и нередко валит человека наповал.

Многочисленные эксперименты показывают, что отрицательный психологический раздражитель оказывает своё вредное влияние даже у животных. Большой группе крыс вводился никотин под кожу. Под влиянием никотина и вызванного им спазма сосудов наступали глубокие изменения в конечностях. Животные начинали хромать, а затем и совсем не могли ходить. У них появлялись отеки и изъязвления на лапах. Если к этому давалась ещё пища, бедная витаминами, все явления ухудшались, язвы увеличивались, отек нарастал.

А если и крысам время от времени подпускать кошку, то есть добавить отрицательный психологический раздражитель (страх), появляется такой тяжёлый спазм сосудов, что у большинства животных наступало омертвление пальцев, лапок, хвостов.

Что же надо знать о стенокардии и инфаркте?

К нам в клинику нередко привозили больных, у которых предполагалась какая-то катастрофа в брюшной полости, а на самом деле у них оказывалось больное сердце. Особенно часто врачи ошибались в тех случаях, когда они не расспрашивали больного о том, что предшествовало появлению резких болей. Если боли появлялись после неприятных разговоров, обид, оскорблений, унижений, страха, клеветы, грубости, несправедливости и других психологических травм, надо обязательно подумать о сердце. Не ими ли вызвана эта грозная картина? Ибо сердце раньше других и сильнее других реагирует на неприятности. «Сердце заныло», «не стерпело ретивое (сердце)» и много других выражений у русского народа говорят о том, что этот факт давно уже был отмечен. Среди болезней сердца, которые чаще всего возникают или усугубляются от неприятностей, надо в первую очередь назвать стенокардию, или коронарную недостаточность, которая может закончиться инфарктом.

Сердце, работающее непрерывно, требует усиленной подачи кислорода, что осуществляется с помощью крови, поступающей в сердце через так называемые коронарные сосуды. Мозг и сердце — главные потребители крови. Несмотря на их небольшой объём, они берут более $\frac{1}{3}$ всей крови, идущей из сердца, и малейший недостаток в снабжении кислородом этих двух важных органов сразу же сказывается головными болями или обмороком в одном случае, болями в области сердца, то есть стенокардией, — в другом.

Недостаточное поступление крови к сердцу — коронарная недостаточность — чаще всего бывает из-за сужения коронарных сосудов и наблюдается при их склеротических изменениях. Поэтому и коронарная недостаточность чаще случается у людей более старшего возраста.

Изменения в сосудах бывают различного характера; или сосуд равномерно суживается на всем протяжении, или появляются отдельные склеротические бляшки на стенке сосуда при относительно малых изменениях в остальных её частях. Однако даже одиночная бляшка, прикрывая просвет сосуда и создавая затруднения току крови к сердцу, может вызвать тяжёлую картину коронарной недостаточности. При этом если просвет сосуда закрывается полностью или происходит разрыв сосуда, наступает ишемия, то есть обескровливание какого-то участка сердца, с последующим омертвлением его, то есть инфарктом. Если участок обескровливания большой — инфаркт может привести к смерти больного. Когда же больной поправляется, омертвевший участок сердца замещается рубцом, что обнаруживается на электрокардиограмме.

В последние годы стенокардия и инфаркт наблюдаются у сравнительно молодых людей, у которых при исследовании ни общего склероза коронарных сосудов, ни склеротических бляшек не обнаруживалось. Поэтому всегда наличие стенокардии говорит за коронаро- или кардиосклероз.

Чем же в таком случае можно объяснить коронарную недостаточность, стенокардию и даже инфаркт миокарда? В настоящее время твёрдо установлено, что вся эта грозная картина может наблюдаться от спазма коронарных сосудов. При этом если склероз существует, то спазм усиливает коронарную недостаточность, а там, где склероза

нет, спазм сам по себе может вызвать всю картину инфаркта до печального исхода включительно.

Отчего же наступает спазм сосудов сердца? От различных хронических заболеваний сердца и сосудов, переутомления, нарушения режима.

Резко сказываются на сердце, вызывая спазм его сосудов, психологические раздражители, переутомление, недосыпание, расстройство нервной системы и особенно курение. Человек, у которого нервная система расстроена и имеет место спазм сосудов, начинает курить больше, чем обычно. А никотин сам по себе — яд, вызывающий тяжёлый спазм сосудов. И хотя закурившему кажется, что ему от папиросы становится легче, на самом деле каждой папиросой он ещё больше ухудшает своё положение, усиливая имеющийся у него спазм сосудов. Большое значение имеет нарушение режима, и в частности нарушение режима питания. Злоупотребление жирной пищей, переедание и полнота приводят к увеличению в крови холестерина и протромбина, предрасполагая организм к развитию склероза, увеличивают возможность закрытия просвета сосуда при спазме.

Вот почему при появлении болей в области сердца надо не только принимать валидол, но и продумать весь свой распорядок дня: режим, питание, отдых. Надо бросить курить и пить, наладить сон, установить более строгую диету, поприимать успокаивающие теплые ванны и провести лечение, способствующее снятию спазма и улучшению питания мышцы сердца.

Сюда входит курс внутримышечных уколов новокаина, кокорбоксилазы, витаминов и т. д. по назначению врача, а главное, принять все меры к тому, чтобы оздоровить обстановку, вызывающую стенокардию, или выработать в себе устойчивость и умение не реагировать бурно на неприятности. В остром случае, когда возник неприятный факт, который может привести к стенокардии, очень хорошо физическими упражнениями, физическим трудом, ходьбой, прогулкой и т. д. отвлечь своё внимание от неприятных дум. При желании и настойчивости это удаётся.

Глава III

Часто отчуждение, а то и вражда наступает в результате мелких ссор и случайных недоразумений.

Есть у меня два хороших друга, известные, выдающиеся артисты, живут они в разных городах. У них много общего: одно амплуа, родственность талантов, взглядов, духовных интересов. На сцене они исполняют роли классических героев. Они и выглядят под стать: высокие ростом, с гордой осанкой, красивые. Природа наделила их большим талантом перевоплощения, да к тому же каждый из них прекрасно образован, много и упорно трудится над проникновением в образ, над ролью. Несомненно, оба они одарены от природы. Но больше обязаны высокому положению в искусстве своему труду, обширным всесторонним знаниям. Я не встречал историка, философа, учёного, который бы так увлекательно, как они, мог бы рассказывать о людях и событиях нашей отечественной истории. Они могут рассказывать, как, в какой обстановке жили цари, что им подавали на стол, какую одежду они носили, как обращались с ближними и народом. Знают они жизнь простолюдинов, монахов, служивых людей.

Я люблю бывать на спектаклях, в которых играют эти артисты. Много раз я видел спектакли с их участием, но никогда не упускаю случая пойти ещё и ещё и каждый раз получаю большое наслаждение.

Всё бы хорошо, всё нравится мне в моих друзьях артистах, но стал я замечать, что при встречах, в застольных беседах они никогда не говорят друг о друге ни плохого, ни хорошего, хотя, конечно же, знают один другого, учатся друг у друга. Пробовал затевать разговоры с одним о другом — деликатно уходят от беседы, отмалчиваются. «В чём дело? — думал я. — Какая кошка между ними пробежала? Уж не ревность ли к громкой славе товарища, не зависть ли чёрная?.. Но нет, — гнал я от себя эти мысли. — Не могут такие замечательные люди предаваться низменным чувствам. К тому же оба они ничем не обижены: звания носят самые высокие, наградами отмечены тоже высшими. Нет, тут что-то другое».

Окольными путями слышал: недобрые люди их умело ссорят. Одному между делом сообщает: «Твой приятель-то, знаешь, что о тебе говорит? Талант твой на убыль пошёл. Диапазон игры уж не тот, образа не создаешь». Встретив другого, тоже походя обронят: «А твой-то коллега комиком тебя называет». Удивится артист: «То есть как это комиком?» — «А так, — вещает «доброжелатель», — в комедиях, говорит, ему играть, престарелых дам тешить». И капают яда потихоньку, капают. А капля, она, известное дело, камень точит. Им бы объясниться, поговорить... Что это, мол, ты на меня наговариваешь? Лучше уж в глаза скажи. Может, у меня и впрямь нелады с ролью получаются? Тебе со стороны виднее, да ты совет дай, что делать, научи. Нет же, как-то встретились на гастролях, поздоровались, погуляли у всех на виду — дескать, ничего, как видите, дружим, но тепла в разговорах не было, холодок так и сквозил между слов.

Одному из них я как-то сказал в застольной беседе: «Коллегу вашего недавно видел, привет вам передавал. Между прочим, он находит, что за последние два-три года вы сильно развили свой талант. Так и говорит мне: «Талант у него от бога».

Сказал я это между прочим, не придавая значения разговору. И собеседник мой, казалось, оставил без внимания мои слова. Однако, когда, провожая гостя, я довел его до калитки, то он, уже открывая дверцу автомобиля, спросил меня:

— Вы это правду сказали, Фёдор Григорьевич?

— Это вы о чем?

— Насчёт таланта.

— А-а! Ну конечно! Он очень высоко вас ценит! Приятель кивнул мне, улыбнулся. Глаза его блеснули радостью.

— Спасибо, — сказал он на прощанье и уехал. При очередной встрече с другим артистом я применил тот же нехитрый прием.

— Вы вот, вижу, недолюбливаете Н., — начал я издали, — а он к вам очень тепло относится и, я считаю, верно об игре вашей говорил.

— Это любопытно! — вскинулся мой приятель. — А ну-ка, Фёдор Григорьевич, что же он там о моей игре вещает?

— А говорит, игра у вас в последние годы стала душевнее. Раздумчивость появилась, образ лучше раскрываете, замысел драматурга умеете постичь.

Артист оживился.

— Да? — спросил он, недоверчиво глядя на меня. — Неужели? Мне ведь всё время только и говорят, что о его пренебрежении ко мне. Салонный артист, дескать, я, был талант, да весь вышел.

Артист долго молчал насупившись. Потом сказал;

— Спасибо вам душевное за весть такую. Я ведь его, чёрта, вон как люблю, да всё казалось, что он-то меня... Впрочем, ладно. Вот скоро мы встретимся, потолкуем.

Так, применив нехитрый, почти детский приём, «святую ложь» или «ложь во спасение», я не только примирил двух выдающихся деятелей искусства, но и сделал снова их друзьями. Они теперь охотно встречаются друг с другом, обмениваются советами, помогают один другому. И от этого выигрывают не только они лично, но и, смею надеяться, искусство в целом.

Об этом способе налаживания взаимоотношений между людьми мне подсказала моя сестра, Васса Григорьевна. Её назначили директором школы, где был недружный коллектив учителей. Когда она пришла в школу, учителя приходили к ней и жаловались друг на друга, говоря, какая та или другая учительница плохая и как она себя плохо ведёт.

Сестра внимательно, но спокойно слушает, а потом с некоторым недоумением и даже сожалением говорит:

— Вы вот про Марию Ивановну тут столько плохого наговорили, а она только что была у меня и хвалила вас, что вы и умная, и тактичная, и уроки так хорошо ведёте.

Учительница, смущённая, выходит из кабинета.

Так, разговаривая со всеми, сестра постепенно добилась не только прекращения ссор, но и взаимных симпатий между учителями, создав хороший, дружный коллектив.

По-разному люди воспринимают критические замечания. Чем выше интеллект, тем терпеливее человек относится к критике. Образцом в этом отношении может служить А. С. Пушкин. Он писал: «Читая разборы самые неприятные, смею сказать, что всегда старался войти в образ мыслей моего критика и следовать за его суждениями, не опровергая оных с самолюбивым нетерпением, но желая с ним согласиться со всевозможным авторским себя отвержением».

Чем величественнее человек, тем он с большим вниманием относится к критике, самой для него неприятной, потому что его не покидает стремление к совершенствованию. И наоборот, чем ограниченнее способности, тем нетерпимее отношение к справедливым замечаниям, даже высказанным в самой доброжелательной форме.

Обижаться на совет, на сделанное замечание или упрек могут только неумные люди, ибо обидчивость — самозащита ограниченности. А прибегать к оскорблениям в подобных случаях недостойно человека. Персидская мудрость про таких говорит: «Дурак в словесном споре изнемог, кулак закончить спор ему помог».

Своё достоинство человек сам ставит под сомнение, если он нарушает правила общения между культурными людьми. Так, например, некоторые, желая посмеить других или просто позабавиться, позволяют себе, будучи в одной компании, пересказывать то, что видели или слышали, будучи в другой, высмеивая кого-то или ради смеха извращая слышанное. Такое поведение человека в обществе воздаёт ему репутацию болтуна.

Точно так же уважающий себя человек не позволит себе слушать, а тем более пересказывать чужие слова скрывая говорившего. Со сплетнями дело обстоит так же, как

с воровством: укрывателя краденого считают таким же негодяем, как и вора; передающего чужие сплетни, таким же сплетником.

Некоторые люди любят говорить о себе и своих делах. Нередко это деятельные, способные люди, которые много делают в своей области. Увлекаясь делом, они с энтузиазмом рассказывают о своей работе, стараясь показать её ценность. Постепенно увлекаются и теряют над собой контроль.

У меня есть хороший знакомый, молодой учёный, несомненно, талантливый и трудолюбивый. Он честный и бескорыстный человек, отдающий всего себя науке. Когда он начинает говорить о своих работах, его слушаешь с удовольствием. Но в течение ряда лет, сколько бы мы с ним ни встречались, он ни о чем другом никогда не говорит, кроме как о себе и своих делах. Он никогда не спросит ни о чем другом, что не имеет отношения к его работе. И в конце концов при всей занимательности темы его надоедает слушать.

Или другой, который начинает с того, что делает мне комплимент, что вот, мол, благодаря мне он так вырос, что теперь добился того-то, сделал то-то, удивил людей тем-то и т. д. Можно долго слушать этого человека, но тема у него одна и та же, по существу, самовосхваление. И, как правило, заканчивается тем, что, поблагодарив меня за то, что я уже сделал для него, обращается с новой просьбой такого же характера. А начинает-то с того, что соскучился и зашёл проведать.

Надо воспитать в себе правило — как можно меньше говорить о себе и никогда самому не начинать эту тему. Если же по ходу разговора приходится сказать что-то о себе, надо стараться не употреблять ни одного слова, которое прямо или косвенно было бы воспринято как похвала себе или напрашивание на похвалу. Некультурный человек даже мнимое своё достижение превозносит до высоких степеней. А главное, он делает так, что его начинают превозносить другие, обычно его подчинённые или находящиеся от него в зависимости.

Однажды к руководству лечебным учреждением пришёл человек, который всегда производил впечатление нескромного. Сделавшись руководителем, он через несколько месяцев стал заявлять, каких крупных успехов он добился. Присутствовавшие на заседаниях врачи из других учреждений смущённо закрывали глаза, когда он то и дело заявлял: «Я сделал то-то, я открыл это, я впервые произвел то-то и т. д.». Некоторые его сотрудники быстро усвоили эту его слабость и начали превозносить своего начальника так, что ни одно выступление не обходилось без дифирамбов ему. Врача, наиболее «отличившегося» на этом поприще, он быстро выдвигал на более ответственную должность. Вскоре начальник потерял всякий контроль над собой и стал невыносим в обществе.

Трагичность ситуации в том, что такие начальники перестают замечать унижительность положения, в которое они ставят себя и подчинённых. Есть восточная пословица: «Достоин тот презренья и хулы, кто непомерно жаждет похвалы».

Как правило, это ведёт к застою и даже развалу работы. Когда научным учреждением руководит человек талантливый и специалист в своём деле, ему не надо ни прибегать к грубости, ни унижать кого-то, ибо унижают других лишь те, кто этим стремится возвыситься.

Николай Николаевич Петров на лекциях часто говорил: «В хирургии, как и в жизни вообще, существует два способа, чтобы стать выше окружающих. Один из этих способов, более трудный, состоит в том, чтобы самому подняться как можно выше в своих знаниях, в своей технике, в своей добросовестности к делу; другой способ, более лёгкий, основан на стремлении унижать и устрашать людей вокруг себя. Однако, — добавлял он, — только первый способ действительно возвышает человека и делает его более ценным для коллектива».

Напрасно в наше время некоторые иронизируют над «хорошим воспитанием», оно нам в социалистических условиях столь же необходимо, как и во все другие периоды человеческого бытия.

Что же надо понимать под «хорошим воспитанием»?

Хорошее воспитание — это такое, которое человек получает в здоровой трудовой семье, в школе, где работают умные честные учителя, в пионерской и комсомольской организациях и в вузе при наличии соответствующих воспитателей, в хорошем трудовом коллективе.

Могут возразить, что, мол, не каждый молодой человек попадает в благоприятные условия, где он может получить хорошее воспитание. Жизнь складывается по-разному. Верно. Но если молодой человек захочет, он может добиться этого путём самовоспитания. Много читая и наблюдая за поведением различных людей в обществе, такой человек сумеет сам взрастить в себе хорошие качества и добьётся того, что другие получают в семье или школе. Было бы желание и настойчивость.

Я часто задумываюсь о природе взаимоотношений между людьми, о сущности характера человека. Почему иногда люди, живущие в одной и той же социальной среде, одного и то же общественного положения и материального достатка ведут себя по-разному, совершенно неодинаковы в вопросах чести, благородства и обыкновённой человеческой порядочности.

Тут невольно стоят у меня перед глазами два человека — оба солидные, уважаемые, достигшие немалого общественного положения.

Расскажу о них по порядку, но тут же оговорюсь: во всех примерах, которые я здесь привожу, инициатива знакомства принадлежала пациентам: ко мне обращались с просьбой о помощи, и так завязывались знакомства. Отношения врача и больного — их нельзя назвать вполне независимыми. Здесь же инициатива была за мной: я прочитал только что вышедший роман из современной жизни и был приятно изумлён замечательной книгой. В ней было так много верных наблюдений, такие правдивые характеры обрисованы автором!.. И главное — никакой навязчивости, никакой риторики — жизнь как она есть.

— Вот книга! — сказал я друзьям, собравшимся у меня однажды вечером. — Ну автор! Да откуда он знает мир науки, нашу братию, учёных?! Верно, и сам побывал в нашей школе.

— Пётр Трофимович-то? Да нет, он вроде бы не был учёным, — сказал профессор литературы, знавший автора. — Зато в жизни своей он, как говорят у вас, Фёдор Григорьевич, в Сибири, хватил мурцовки. Родился в бедной крестьянской семье, рано осиротел, мальчонкой поступил на завод... Характер, конечно, личность! В годы войны танковой ротой командовал, от Москвы до Берлина дошёл, два ордена Славы имеет.

Много ещё говорили об авторе. Его знал не один профессор — и другие были о нём наслышаны, и каждый сообщал о нём какие-то живые, интересные детали, и мне захотелось познакомиться с ним. Я уж хотел просить профессора свести меня со столичным писателем, но тут же решил: при очередной поездке в Москву сам позвоню Петру Трофимовичу и скажу о своём желании выразить ему лично мнение о прочитанном романе.

Так и сделал. Мне ответил приветливый и, как мне показалось, несколько восторженный голос:

— Фёдор Григорьевич!.. Как же! Читал вашу книгу «Сердце хирурга». Ах, хорошо, что вы позвонили! Да заходите, если желаете, ко мне.

Пётр Трофимович говорил весело, возбуждённо. Мне его несколько возвышенная речь показалась даже искусственной, несерьёзной.

Я пригласил его к себе в гостиницу — предложил пообедать в ресторане, но заметил:

— Мне, право, неудобно отвлекать вас.

— Какие пустяки! К врачу обычно очередь выстаиваешь, а тут врач сам приглашает. Я с удовольствием.

И мы условились пообедать в ресторане «Москва».

Признаться, меня обрадовала такая лёгкость, с которой ко мне устремился Пётр Трофимович. Он как-то сразу, в одну минуту, поколебал моё представление об именитом

писателе как о важной персоне. К тому же я знал, что Пётр Трофимович не только автор нескольких романов, но и ещё главный редактор серьёзного издания.

Встретились в номере гостиницы: я не ожидал увидеть простого, даже, казалось, нарочито опрошенного мужчину средних лет, одетого аккуратно и без претензий на моду. У него и манеры, и речь, и костюм, и галстук — все было грубоватым. Он имел лишний вес. Жена моя, Эмилия Викторовна, тоже врач по профессии, про такого сказала бы: «Полтора ведра воды по своей охоте носит», то есть на десять-двенадцать килограммов весит больше нормы. А мы, врачи, знаем, как излишний вес вредит сердцу, при заболеваниях осложняет борьбу организма с недугом. Иной раз хирургам из-за чрезмерного ожирения больного приходится отказывать в операции. Вот почему при встречах с незнакомым человеком невольно обращаешь внимание на его комплекцию.

— Как здоровье, как самочувствие? — спрашиваю Петра Трофимовича.

— Наверное, этим вопросом вы встречаете каждого своего знакомого?

— Не каждого, но многих.

Разговор у нас поначалу не клеился, мы оба смущались, и, может быть, он уже пожалел, что так быстро согласился на встречу с незнакомым человеком. Однако я заговорил о его книге, и беседа наша оживилась. Мы её продолжали и в ресторане, куда спустились пообедать. Но тут к нам неожиданно подошёл тучный, с багровым мясистым лицом человек в замшевой куртке и распостёр над столом руки:

— Трофимыч! Да как ты тут очутился!

И, скользнув по мне беглым неприязненным взглядом, сел напротив Петра Трофимовича и крикнул официанту:

— Поди-ка сюда, братец!

И когда тот подошёл, показав на наши блюда, сказал:

— Мне то же самое притащите. Да поживее! А сверх того бутыль водки. Пшеничной, разумеется.

Меня поразила бесцеремонность подсевшего к нам багроволицего, я с любопытством поглядывал на Петра Трофимовича, а он бросал на меня виноватые взгляды, словно хотел сказать: «Не обращайтесь внимания — такой человек».

Выждав удобный момент, представил мне незнакомца:

— Вот вам, Фёдор Григорьевич, известный поэт, мой приятель.

Поэт повернулся ко мне, наклонил голову, выжидая, когда назовут и меня. И по мере того как Пётр Трофимович перечислял мои титулы, поэт оживлялся, в его бурых глазах вспыхнули интерес и любопытство. Он привстал и, протягивая мне руку, назвал себя. И подвинулся ко мне ближе, заговорил как со старым знакомым:

— Мне вас бог послал, Фёдор Григорьевич. Жену надо посмотреть. Занемогла. Не откажите, Фёдор Григорьевич!

— Да, да, конечно. Я — пожалуйста.

Заметил, как покраснел Пётр Трофимович, ниже склонился над тарелкой.

Поэт ещё более оживился. Разлил водку. Поднимая рюмку, сказал:

— Поднимем, братцы! Вздрогнём!

И, одним глотком осушил рюмку. Пётр Трофимович тоже выпил и сосредоточенно принялся за еду. Он, видимо, привык к поэту, не удивлялся его развязной речи, я же был огорошен этой демонстративной бесцеремонностью.

Беседы между нами никакой не было. Говорил один поэт. Говорил шумно, уверенный, что каждым словом одаривает нас, как рублём! И речь его была жёсткой, энергичной. Он раздавал характеристики людям, событиям, фактам.

— Вчера Николай новые стихи читал. Дрянь стишата!.. — И к Петру Трофимовичу: — А Николка, божий человек, у вас в любимчиках ходит. Напрасно! Талантишко у него мизер, кот наплакал.

Меня тоже не оставил без внимания:

— У вас, Фёдор Григорьевич, по слухам, затор в медицине: рак не можете одолеть. Учёных тьма, а рачок процветает, потому как леньность мысли и круговая порука.

По-моему, оба мы — и я, и Пётр Трофимович — выглядели беспомощно и глупо. Участвовать в разговоре нам было трудно; да, видно, обсуждение или дискуссия и не предполагалась нашим собеседником. Он в свои короткие фразы и вопросы и ответы на них включал одновременно. В другое время я таким собеседником возмущился бы, не стал бы слушать его сентенции, но здесь я чувствовал себя не столько хозяином, сколько гостем, к тому же я ожидал какой-то инициативы со стороны Петра Трофимовича, но он, хоть и несколько смущался за своего приятеля, слушал его равнодушно и даже как будто бы с удовольствием.

Впрочем, мало-помалу и мы втянулись в разговор — ухитрились по ходу беседы вставлять междометия, а то и по несколько словечек — поэт воспламенялся от наших слов и говорил ещё горячее.

— А вас, Фёдор Григорьевич, к себе зову. Недуги одолевают. Сплю плохо. С чего бы это?

— Трудно так сразу...

— С вечера засыпаю быстро. Отговорю по телефону вот с ихним братом... — он кивнул на Петра Трофимовича, — с редакторами. И валюсь пластом. А в три часа просыпаюсь. И хоть тресни, глаз не сомкну.

— Телефонные разговоры на ночь, возбуждение... — пытаюсь подать совет, но поэт продолжает:

— А то вот ещё поясница примется. О-о-о!.. Боли адские. Вы бы меня посмотрели.

— Пожалуйста. К вашим услугам.

— У жены моей букет болезней. И не перечтешь...

— Пожалуйста. Посмотрим, пообследуем...

— И тёща нездорова. Мается, бедная...

Поэт перечисляет всех своих родственников, жестами изображает их страдания — и разговор о каждом заканчивает энергичным словечком; при этом об эстетике и деликатности он мало заботится, крутые словечки его напоминают мне какой-то профессиональный жаргон — не то сплавщиков леса в Сибири, не то беглых бродяг; они так же вот одним крепким полубранным словом умели обрисовать своё положение или давали характеристики людям. Я в конце беседы с поэтом уже не пытался давать советы, не говорил «пожалуйста», а лишь кивал да все чаще поглядывал на Петра Трофимовича, который слушал его снисходительно, с затаённой, едва сдерживаемой улыбкой.

Но вот мы отобедали и стали прощаться.

Вернувшись в номер, я растворил балкон и стал смотреть на площадь, прилегающую к гостинице. К машине, стоявшей неподалёку от входа в гостиницу, направлялись двое. Без труда узнал в них Петра Трофимовича и поэта. Пётр Трофимович шел прямо, широким, уверенным шагом, а поэт трусил за ним и все говорил, говорил — он то наклонялся к спутнику, то забегал вперёд, заглядывая в лицо Петру Трофимовичу, и тогда походил на сытого, дорого одетого лакея. Он поспешно растворил дверцу машины, а сам забежал с другой стороны, сел за руль. Они уехали, а я ещё долго смотрел им вслед и думал о своих новых знакомых, о Петре Трофимовиче и о его приятеле, имени которого я тут приводить не стану, и не потому, что опасаясь его неудовольствия, чьей-то молвы, — нет, я слишком его мало знаю, чтобы выносить резкое, отрицательное суждение. А именно такое суждение мне хочется сказать об этом человеке. И разумеется, не по одному только впечатлению от первой встречи.

В тот день, оставшись один в номере, я больше думал о поэте, чем о Петре Трофимовиче, с которым давно хотел познакомиться. Меня поразило явное пренебрежение, с которым оглядывал меня поэт в первые минуты нашей встречи, до тех пор, пока, представляя меня, Пётр Трофимович не назвал мои титулы — академик, директор института... и так далее. Поэт при этих словах преобразился, поднял на меня милостивый взгляд, и в его беспокойных глазах замелькал огонек приязни. Впрочем, он хоть и обращался ко мне с вопросами, но вся его беседа, жесты, поза, особенно когда он заговорил с Петром Трофимовичем, выдавали в нём угодливость, прикрываемую

нарочито упрощенными грубоватыми словами. Я, конечно, им не возмущался, я жалел поэта. Лстывую душонку горько видеть и в рядовом человеке, а когда порок этот замечаешь в человеке заметном, становится больно.

Я всегда ценил в человеке независимость характера, умение ни в чем и ни при каких обстоятельствах не уронить чувства собственного достоинства.

А ещё мне нравится в людях простота. Простота, безыскусственность — первые свойства, которые свидетельствуют о красоте человека, его силе. Я недавно прочитал небольшую книжку личного шофёра В. И. Ленина С. К. Гиля «Шесть лет с В. И. Лениным». Одна глава в этой книге так и называется: «Скромный и простой», в ней Гиль пишет:

«Владимир Ильич... никогда и ничем не выделялся из толпы, одевался чрезвычайно скромно, в обращении с сотрудниками и подчинёнными был естественно прост.

Крестьяне-ходоки, приходившие к Ильичу за сотни, даже за тысячи километров, волновавшиеся перед входом в кабинет Ленина, выходили из него ободрёнными, повеселевшими.

— До чего прост, до чего добр! — говорили ходоки. — Вот это человек!

Мне неоднократно приходилось наблюдать, как тихо и незаметно появлялся Владимир Ильич на многолюдных митингах, как скромно пробирался он на сцену или подмости, хотя уже через минуту тысячи рук восторженно аплодировали ему, узнав, кто этот небольшого роста человек в старомодном пальто и обыкновенной кепке».

В поэте же меня поразило не столько отсутствие скромности и простоты, сколько, повторяю, угодливость.

У меня в тот день были другие дела, требовалось дописать статью в журнал, но я не мог не думать о поразившем меня наблюдении. Казалось бы, чего он мне — встретились и разошлись и никогда больше не увидимся, но нет: мне всё вспоминалась беседа в ресторане, слышался голос поэта.

Позвонил своему старому знакомому литератору, когда-то лечившемуся у меня.

— Ах, так вы познакомились с Карпом! Кто же его не знает!

— Карп? Почему Карп?.. Да нет же... — Я назвал фамилию.

— Ну верно! Он и есть. Да только мы называем его Карпом. Почему?.. Не знаю. Может, оттого, что он жирный, как карп, и благополучный, и скользкий — не знаю, да только Карп да Карп — так и называем. Чёрт знает как, но умеют люди! Я вот не умею, и Пётр Трофимович не умеет. Рекламы у него нет, зато читатель. Уж читатель у него есть. А письма, письма... Пусть он вам письма читателей покажет. Эх, Фёдор Григорьевич! Для нашего брата сочинителя благодарственное письмо от читателя важно. Получишь такое — и небо золотым покажется. Писатель ведь не критику, а читателю душу свою несёт. А Карп — он что ж, он для своей потребы живёт, он жир нагуливает. — Литератор вздохнул в трубку, а затем, как бы извиняясь за резкие суждения, и уже менее воодушевлённо продолжал: — Карп, конечно, поэт, но в прошлом писал неплохие стихи, бичевал пороки, отрицал чего-то, утверждал — у него были идеалы. Теперь не то, стихи у него пошли пресные. Лежат его книжечки в магазинах. В дружбу лезет только к сильным мира сего — особенно главных редакторов обожает. Да и с Петром Трофимовичем он рядом потому же. Вот не будет Пётр Трофимович главным редактором, и Карпа след простынет.

Это уж так! Давно замечено.

Жестокий суд произнёс над Карпом мой бывший пациент, но вскоре случай меня убедил в справедливости его слов. Приехал я во второй раз в Москву и вновь позвонил Петру Трофимовичу. Тот обрадовался моему звонку и пригласил меня к себе на дачу. Дача у него небольшая, но уютная, с хорошо спланированным участком. Я попал в дачный писательский городок — здесь поблизости находилась и дача Карпа, и некоторых других известных и малоизвестных литераторов.

Пожалуй, с час, а то и два мы с хозяином гуляли по усадьбе, сидели в кабинете, и только потом я узнал, что супруга Петра Трофимовича Нина Андреевна больна и лежит

тут же, на даче, в своей комнате. У неё болело в области живота, и приезжавшие каждый день врачи «Скорой помощи» не могли установить характер болезни. И на этот раз, посмотрев на часы, Пётр Трофимович сказал:

— Извините, Фёдор Григорьевич, сейчас к моей жене придёт «Скорая помощь» — вы не беспокойтесь, пожалуйста.

И рассказал мне о болезни жены.

— Да как же это мы, гуляем, а в комнате жена больная лежит. Что же вы мне-то об этом не говорите?

Тут как раз подошла «Скорая помощь», и я не стал мешать двум молодым женщинам-врачам делать своё дело. Сидя с Петром Трофимовичем на террасе, мы ожидали, когда от Нины Андреевны выйдут врачи, чтобы поговорить с ними. И когда они вышли, я представился, спросил об их заключении. Твёрдого мнения у них не было: то ли холецистит, то ли почка... Врачи терялись в догадках. Я пригласил их к больной, и мы вместе стали осматривать Нину Андреевну. Действительно, картина была сложная и противоречивая.

Установили диагноз калькулёзного холецистита, то есть воспаление желчного пузыря с наличием в нём камней.

Что нужно знать о холецистите? Острый холецистит чаще всего встречается у лиц с повышенным весом. Это подтверждает мнение учёных, что калькулёзный холецистит возникает в результате нарушения обмена веществ, имеющего место там, где люди употребляют в обильном количестве жирную пищу, ведут сидячий образ жизни, где отсутствует физическая нагрузка, имеет место снижение мышечного тонуса.

Из этих факторов наибольшее значение имеет переедание и полнота.

Возникновение камней в желчном пузыре отягощает картину и приводит к появлению резких болей.

Считается, что боли эти возникают в момент прохождения камня по желчному протоку. Иногда этот камень застревает в протоке, в результате чего боли почти не прекращаются, а застрявший камень может привести таким осложнениям, как флегмонозное или даже гангренозное воспаление желчного пузыря, а если камень застревает в общем протоке, то возникает желтуха.

Радикальным лечением калькулёзного холецистита, протекающего с осложнением, является удаление желчного пузыря. Там, где нет показаний к операции, лечение направлено на снятие воспалительного процесса и спазма, который и обуславливает схваткообразные боли.

Для снятия последних мы часто прибегаем к новокаиновой блокаде, то есть введению новокаина в вену или к нервным сплетениям брюшной полости. Последнее лучше всего осуществляется с помощью так называемой окологреческой блокады.

Ввиду того что Нину Андреевну больше всего беспокоили боли, я сказал врачам:

— Давайте сделаем больной новокаиновую блокаду. Облегчим боли, усилим её организм.

Врачи ответили:

— Это сложные уколы на большую глубину, они у нас делаются, но только в стационаре и хирургами.

— А я что же, не хирург?

Врачи улыбнулись, стали готовить инструмент.

Я тут же сделал двустороннюю блокаду, после которой больная почувствовала заметное облегчение. А через два-три часа ей уже стало так хорошо, что она засобиралась вставать с постели, чтобы приготовить нам ужин и угостить нас на радостях. Но я удержал Нину Андреевну, сказав:

— Вам нужно серьёзно лечиться. Предлагаю лечь в больницу.

— Нет, не желаю.

— А я настоятельно рекомендую. И предлагаю сделать это сегодня.

Через час из клиники пришла машина, и Нину Андреевну увезли. С ней поехали подруга-соседка и приехавшая к тому моменту её дочь, и она отговорила нас сопровождать её.

Вечером Пётр Трофимович хлопотал над приготовлением ужина, а я сидел на крыльце и бездумно смотрел перед собой. Вдруг посередине улицы, не взглянув в сторону дома Петра Трофимовича, протрусил сгорбленный, углубленный в свои мысли Карп. У нашей калитки он заметно прибавил ходу, как бы стараясь проскочить незамеченным. Я чуть его не окликнул, но вовремя удержался. Сказал вышедшему из кухни Петру Трофимовичу:

— Тут Карп проходил. Даже не взглянул в нашу сторону.

— А... Он туда ходит, вон в тот рыжий дом. Там новый редактор журнала живёт — тот, что на моё место назначен. А я роман пишу. Попросил, чтобы меня отпустили из журнала.

Не могу не рассказать тут о другом человеке, с которым свела меня судьба.

Как-то по делам Института пульманологии мне надо было сходить к члену академии Кондратьеву Кириллу Яковлевичу. Так как вопрос, с которым я пошёл, касался работы лаборатории катетеризации, я взял с собой двух сотрудников, молодых специалистов по инструментам и приборам. Нас принял человек средних лет. Поднявшись нам навстречу, он тепло поздоровался с нами, пригласил сесть. И сам не сел, пока мы не расположились в креслах. Вопрос, с которым мы к нему обратились, он решил тут же, при нас. Вызвал сотрудника, изложил ему суть дела, и, пока тот пошёл исполнять, мы по настоянию хозяина ожидали его в кабинете.

Всем нам бросилась в глаза корректность этого человека. За то время, пока мы сидели в его кабинете, он разговаривал по телефону, к нему заходили люди — со всеми он был вежлив и внимателен. Я не мог не заметить, с каким вниманием наблюдали за ректором пришедшие со мной два молодых специалиста. Они, конечно, много слышали о нем, знали, что К. Я. Кондратьев — большой учёный, автор крупных работ в области изучения атмосферы и влияния её составных частей на климат Земли. Их поразила простота и человечность Кирилла Яковлевича. При этом не было в его словах, поступках ничего от позы, рисовки, которые нередко встречаются у людей, занявших не по заслугам высокий пост и желающих во что бы то ни стало производить хорошее впечатление. Нет, Кирилл Яковлевич вёл себя и просто и естественно, так, что верилось: такой он и дома и с друзьями.

Вот зашла пожилая, скромно одетая женщина. По-видимому, она не совсем хорошо себя чувствовала. Встав навстречу, он подвёл её к столу, поставил стул и помог сесть. Женщина от волнения долго не могла говорить, вытирала глаза платком. Он терпеливо, участливо ждал, пока она успокоится, а заметив, что она никак не может прийти в себя, позвонил секретарю и попросил принести стакан чаю и поставил перед женщиной.

Оправившись, она изложила свою просьбу. Невольно прислушиваясь, я уловил, что женщина пришла не по адресу, ей надо было обратиться к кому-то другому, но ректор, выслушав её, позвонил в несколько адресов и добился положительного решения вопроса.

Затем к нему пришли сотрудники его кафедры. Один из них, похоже, допустил какую-то большую ошибку. Кирилл Яковлевич, указывая на ошибку, не распекал сотрудника, а выразил сожаление и попросил найти выход из положения.

В кабинете стояло несколько шкафов с книгами. Тихо, чтобы не отвлекать разговаривающих, мы подошли к шкафам. Большинство трудов составляли исследования верхних слоев атмосферы. Тут же была целая полка книг К. Я. Кондратьева. Автор один и тот же, а названия книг разные. И книги солидные, многие изданы за рубежом.

Когда Кирилл Яковлевич, освободившись, подошёл к нам, я спросил:

— Когда вы успели написать столько книг?

— Вы знаете, мне нередко задают этот вопрос, — улыбаясь, ответил он. — Я обычно отвечаю, что для этого надо больше сидеть за письменным столом. Я бы, может, и

больше написал книг, да вот видите... профессиональная болезнь. — И он показал довольно внушительную мозоль на ногтевой фаланге третьего пальца правой руки — свидетельство большой и длительной работы за письменным столом.

— Однако, — сказал я, — чтобы столько написать, надо ещё и много знать. Экспериментировать! Вы же ещё так молоды.

Он улыбнулся и перевёл разговор на другую тему.

Вошла секретарь и доложила, что заместитель министра просвещения, находившийся в университете, просит разрешения зайти попрощаться.

— Пожалуйста, пригласите его, — попросил Кирилл Яковлевич.

— Разрешите нам выйти, чтобы не мешать вашему разговору.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, он зайдёт на минуточку, только попрощаться. У него было дело к академику Л., и сейчас он собирается уехать.

Заместитель министра, сравнительно молодой человек, держался просто и с большим уважением к хозяину. Ректор принял его очень вежливо, с доброй улыбкой. Но эта улыбка и эта вежливость были несколько не больше, чем те, что были у него при встрече с той незнакомой ему женщиной.

Когда, провожая гостя в соседнюю комнату, Кирилл Яковлевич вышел, один из моих спутников негромко продекламировал:

— Украшен разум скромностью обычно,
И добротой украшено величье!..

— Вы, конечно, заметили, — сказал я, — что женщина обратилась не по адресу. Как бы на его месте поступил другой? Пожалуй, мог бы сказать, что это меня не касается, и она ушла бы не только разочарованной, но и совсем больной. А он, потратив десять-пятнадцать минут, помог ей, и она ушла от него счастливая, благодарная.

Но вот решили и наш вопрос. Уходя, мои спутники спросили у ректора:

— Кто эти люди? — показали на портреты, висевшие на стене. — Мы знаем одного только Менделеева.

— Члены учёного совета университета, но только бывшие. Менделеев проработал в университете чуть не пятьдесят лет. Математики Ляпунов и Чебышев — основатели так называемой Петербургской школы математиков, химик Лебедев — изобретатель синтетического каучука, физик Теренин и многие другие.

Кирилл Яковлевич с уважением относится к своим учителям, предшественникам. Недаром Александр Сергеевич Пушкин писал: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие». А Карамзин говорил: «Государственное правило — ставить уважение к предкам в достоинство гражданину образованному».

Не так давно я получил письмо из Киренска, моего родного города. Писали ребята той школы, где я учился.

«Уважаемый Фёдор Григорьевич!

Пишут Вам мальчишки из города Киренска, что расположен на реке Лене. Недавно мы прочитали в нашей районной газете «Ленинские зори» статью о Вас, о Вашем труде и решили написать Вам письмо.

У нас в школе много мальчишек. Многие хорошо учатся, активно участвуют в жизни школы. А вот некоторые учиться не хотят, в школу ходят лишь бы отсидеть, плохо ведут себя, нарушают дисциплину, хотя мечтают стать лёгчиками, врачами, космонавтами.

Фёдор Григорьевич, у нас к Вам просьба: скажите нам, что надо делать сейчас мальчишкам, чтобы стать потом уважаемыми людьми, настоящими мужчинами? Напишите, пожалуйста, какой случай Вам запомнился на всю жизнь, когда Вы были мальчишкой. Как Вы дружили? Кто у Вас считался настоящим мальчишкой, за что? Чем

Вы занимаетесь сейчас? И ещё, Фёдор Григорьевич, просим Вас отправить нам Вашу фотографию.

У нас в конце декабря в школе будет проходить слёт мальчишек, где мы поведём разговор о том, что надо делать мальчишкам уже сейчас, чтобы стать настоящими мужчинами.

Ждем с нетерпением ответа.

С уважением мальчишки киренской восьмилетней школы № 3».

Признаться, письмо это меня немало озадачило. Мальчишкой я был так давно, что решительно забыл особенности психологии этого возраста, интересы ребячьего племени. С педагогикой как наукой тоже незнаком. Однако отвечать нужно. И я стал перебирать в памяти своих друзей, знакомых — людей, которые мне импонировали своими достоинствами, которых можно было бы поставить в образец ребятам. Вспомнил Кондратьева, московского писателя Петра Трофимовича, таких людей, конечно, встречалось много в моей жизни, о каждом хоть садись и пиши книгу, но надо быть писателем, чтобы высветлить в человеке главное, изобразить черты его характера. Вот хотя бы и Кирилл Яковлевич Кондратьев — как рассказать о нём? Да и никаких подробностей из его жизни я не знаю.

Вот так ребята поставили передо мной серьёзную задачу. Вроде бы пустяк дело — написать письмо школьникам, а поди ты напиши.

Как раз на то время позвонил мне мой добрый знакомый, профессор русской литературы Пётр Сазонтович Выходцев.

— Фёдор Григорьевич, — говорит он, — не можете ли вы посмотреть моего друга — профессора Зубова Владимира Ивановича. Что-то у него не в порядке. Не то печень, не то сердце.

Профессора Зубова я не знал в лицо, но добрая слава о нем, порой восхищенные отзывы слышал давно. Да, в Ленинграде он человек почти легендарный.

Я не стал откладывать надолго посещение больного и в ближайшее время, созвонившись с Владимиром Ивановичем, поехал к нему на квартиру. Дверь открыл молодой человек высокого роста, крепкого сложения. Предложив мне раздеться, он крикнул: «Папа, к тебе!»

В переднюю вышел коренастый человек на вид чуть более сорока лет. Он протянул руку, но не точно по направлению ко мне, а несколько в сторону. Поздоровавшись, я внимательно посмотрел ему в глаза. И понял: он ничего не видит...

Я был поражен. Как! Неужели этот человек, сделавший так много в науке, слепой?!

И вот мы сидим за столом. Я узнаю печальную историю.

...По лесу идёт 14-летний мальчик, почти юноша, коренастый, крепкий, как молодой дубок. Это Володя Зубов. Мимо его любознательного взгляда ничто не проходит незамеченным. Около ямы от взорвавшейся бомбы он видит блестящий предмет. С интересом разглядывает, вертит его в руках. А что там, внутри? Все так прочно сделано, не разберёшь. Но вот лежит какая-то металлическая скоба, а вот и камень. Сейчас он докопается до сердцевины. Узнает, что это такое... Удар камнем... Взрыв... И окровавленный мальчик упал на траву.

Долгие месяцы и годы лечения... Впившиеся в лицо осколки повредили глаза, веки. Глаза подлечили, зрение понемногу начало восстанавливаться. Но раны вокруг глаз, рубцуясь, выворачивали веки, и ресницы то и дело ранили глаза... Несколько лет продолжалась борьба врачей с тяжёлым недугом. Мальчик мужественно переносил многочисленные операции, перевязки, помогая врачам... Но все оказалось напрасным. К 18 годам Володя Зубов совсем ослеп.

Несмотря на болезнь, операции, перевязки, боли и страдания, Володя не прерывал учения. Среднюю школу он закончил с отличием и поступил на первый курс физико-математического факультета Ленинградского университета. Через четыре года блестяще закончил пятилетний курс университета и был оставлен при кафедре. А ещё через год

защитил кандидатскую диссертацию. Через три года — в то время ему было двадцать шесть лет — он представил оригинальную работу в качестве докторской диссертации.

Его избрали заведующим кафедрой прикладной математики. В то время у руководства университетом в Ленинграде уже стоял Кирилл Яковлевич Кондратьев. Как большой учёный, он сразу же оценил не только научное, но и государственное значение открытий Зубова. Был создан целый новый факультет прикладной математики — процессов управления, деканом которого стал профессор Зубов. Правительство, заинтересовавшись работами молодого учёного, специальным решением субсидировало его научные изыскания. За 15 лет профессорской деятельности, к 45 годам своей жизни, он опубликовал 14 книг, из которых многие были переизданы за рубежом. Министерство высшего образования вынесло специальное решение о переиздании всех книг профессора Зубова. В 1968 году за работы по теории автоматического регулирования он получил Государственную премию.

Осмотрев его, я заметил явно выраженные признаки стенокардии. Предложил ему лечь в клинику.

Больному у нас с каждым днём становилось лучше И вот мы его выписали, и он вновь принялся за свою многотрудную работу.

Растёт новое поколение Зубовых. У Владимира Ивановича шестеро детей. Два старших сына учатся в Московском университете на физическом факультете. Он решил: «Пусть учатся в Москве, чтобы не говорили, что в Ленинграде их папа тянет». Только один из сыновей поступил в Ленинградский университет и учится отлично.

Супруга его, также математик, старается не отставать от мужчин. Несмотря на большую семью, она сама закончила и защитила докторскую диссертацию.

Я люблю эту семью и бывал у них не раз. Хлебосольные и приветливые, у них стол всегда накрыт, и всегда у них народ. Приходят ученики, товарищи по работе, друзья. И всем у Владимира Ивановича найдётся и доброе слово, и приветливая улыбка. Какой неугасимый огонь самых благородных человеческих чувств горит в сердце этого необыкновенного человека!

Глядя на детей Владимира Ивановича, разговаривая с ними, зная, что они хорошо учатся, я подумал: какое счастье, что им есть с кого взять пример.

Сколько в этом человеке заложено неиссякаемой энергии, трудолюбия и любви к людям! Но все это на фундаменте больших знаний. Ведь он всю жизнь учился отлично, а главное, он и сейчас продолжает учиться. Без труда даже большой талант завянет, а труд любые способности развивает.

Воля, трудолюбие, упорство... Черты характера замечательные, они прежде всего отличают настоящего мужчину, но мои киренские ребята хотят иметь и многие другие достоинства, они хотят быть и честными, и волевыми, и красивыми душой — одним словом, людьми достойными, благородными.

Но что же такое честность? Какие свойства человека составляют понятие благородства?

Вопросы нелёгкие. Горы книг написаны о честных, благородных людях. И каждая эпоха, каждый небольшой отрезок времени вносит свои поправки в эти понятия.

У нашего поколения — у меня лично — тоже сложились свои понятия о честности и благородстве.

Честный человек никогда не воспользуется служебными правами, чтобы поставить себя в какое-то исключительное положение, не станет злоупотреблять своей должностью, чтобы создать себе какие-то особые условия. Распосяжаясь государственными средствами, благородный человек не позволит сделать для себя и для своего учреждения больше, чем для других. Точно так же благородный человек, обладая властью, не станет себя восхвалять за заслуги, даже если они и действительно были. Он скромно умолчит о них, выставив вперёд других.

Как-то на заседании одного общества председатель, обладающий к тому же и административными правами, делал отчётный доклад. В разделе о достижениях он себя,

своих сотрудников и своё учреждение упомянул 23 раза. Слушатели не возмущались. Они смеялись, то есть выражали крайнюю степень осуждения такой саморекламы.

Во всех делах благородный человек показывает человеческое достоинство, не унижается и тогда, когда его жизни грозит опасность. В трудные минуты и проявляются все стороны характера.

Был у меня пациент Миша Скоробогатов. Вот какую историю мы узнали о нём.

Миша учился в 10-м классе. Он хотел быть инженером. Все свободное время отдавал чтению. Особенно любил Пушкина. Он и сам пробовал писать стихи, да ничего не выходило.

В школе Мишу любили за готовность помочь товарищу, за то, что не обижал младших, был обходителен с девочками.

Когда сверстники пытались рассказать что-нибудь нехорошее о той или иной ученице, он всегда резко прекращал подобные разговоры.

Ребята после такого «внушения» начинали относиться к нему со смешанным чувством недоумения и уважения.

Мишу таким воспитывали в семье. Отец говорил ему: «Ты бы не хотел, чтобы кто-то обидел твою сестру, и ты не позволяй сам, и не давай другим обижать девушку. Она тоже чья-то сестра, дочь, будущая невеста, жена, мать детей. А что может быть прекраснее и дороже для человека, чем мать?» Эти слова, а главное, личный пример отца и вся домашняя атмосфера, проникнутая уважением к женщине, воспитали в Мише отношение к девушке как к другу, товарищу, который лучше, чище, прекраснее и в то же время физически слабее, чем мальчик, и требует нежного обращения, заботы и защиты.

В этом отношении они придерживались противоположных взглядов со своим одноклассником Борисом Поляковым, парнем способным, но удивительно циничным. Борис хорошо одевался, умел бойко и красиво говорить, на вечерах был постоянным конферансье, и чувствовалось, что девушки ему симпатизируют. В их классе выделялась внешностью и способностями Ира Смирнова. Мальчики наперебой старались привлечь к себе её внимание, но она никому не отдавала предпочтения. Может быть, только Мише; ей нравилось его скромное и простое отношение к девушкам; она чувствовала, что это у него искренне. Миша не думал ни о каком ухаживании, но, если случалось, что им было по пути, он охотно провожал её до дома. Между тем Борис все настойчивее приставал к Ире. Где бы она ни была, кто бы её ни окружал, он обязательно подойдет и вмешается в разговор. Веселыми шутками, анекдотами он старался занять её, что ему нередко и удавалось.

Ира как-то странно относилась ко всему этому. С одной стороны, она не останавливала Бориса, когда тот вмешивался в её разговор с кем-либо из ребят. Но с другой стороны, она и не реагировала на его ухаживания. Не искала встреч с ним. По-прежнему тянулась к Мише. Однажды после школьных танцев Ира попросила Мишу проводить её. Но, едва они отошли от школы, их догнал Борис и всю дорогу рассказывал какую-то забавную историю.

Подойдя к дому Иры, ребята обычно прощались с ней и слушали, как она быстро взбегала на свой третий этаж. И на этот раз они постояли некоторое время и послушали, как стучат её каблучки по ступенькам лестницы. И только что собрались уходить, как вдруг услышали испуганный крик. Ира звала на помощь! Миша бросился вверх по лестнице и увидел, что двое бандитов, схватив девушку за руки, вырывают у неё сумку, снимают часы.

Миша, не задумываясь, бросился на них... Завязалась Драка. Те двое на первых порах опешили. Однако, увидев, что юноша один и никто из дверей квартир не выглядывает, выхватили ножи. Миша со всей силой ударил одного из них в подбородок, сбил с ног, но, когда повернулся к другому, тот всадил ему узкую финку в грудь. Миша упал...

Все это произошло в считанные минуты. Борис так и не появился.

Вызванная машина «Скорой помощи» отвезла Мишу в больницу. Дежурный хирург, осмотрев рану и заподозрив ранение сердца, приготовился оперировать, но, заметив, что кровотечение приостановилось, давление выровнялось, пульс стал хорошо прощупываться, решил с операцией подождать.

Кровотечение не возобновилось, состояние оставалось хорошим. Миша начал быстро поправляться. Через месяц он был выписан из больницы и пришёл в школу. Только сохранившаяся ещё бледность указывала на недавнюю драму.

Борис как ни в чем не бывало подошёл к Мише: «А ты знаешь, старина, я ничего не понял, зачем ты побежал вверх. Решил, что ты хочешь сказать что-нибудь Ире наедине, и, чтобы не мешать тебе, пошёл домой. И вдруг узнаю, что там у тебя стычка произошла. Жаль, что меня там не было. Я бы им показал. Уж я бы постоял за друга!» Миша с удивлением смотрел на Полякова. Если бы тот честно сознался, что струсил и сбежал, он, может быть, даже и извинил его, но слова Бориса, произнесённые с таким невинным видом, сбили с толку Мишу. Ничего не сказав Борису, он отошёл от него.

Ира также не упрекала Бориса и не стала слушать его объяснения. Она теперь только держалась от него подальше. Зато к Мише относилась с большой теплотой, даже с нежностью. Она в больнице у него была не один раз. И когда он пришёл в школу, Ира обрадовалась, бросилась к нему, и было видно, как она счастлива видеть его здоровым.

Они стали часто вместе ходить домой. Борис пытался к ним присоединиться, но Ира теперь относилась к нему неприязненно. Миша с Ирой никогда не говорили о Борисе, только один раз Миша сказал: «Поляков собирается быть врачом. То-то будет врачевать!»

Миша был счастлив сознанием, что помог Ире, и совсем не думал о том, какой ценой обошлась ему эта помощь, тем более что боли в области сердца исчезли и ему казалось, что болезнь его прошла. К сожалению, это оказалось не так. У него действительно было ранено сердце, и кровь частично вылилась наружу, а частично залилась в перикард, то есть в оболочку сердца, и это способствовало остановке кровотечения. Жизнь его, таким образом, была спасена без операции. Но кровь, заполнив оболочку сердца, свернулась и стала постепенно прорастать сосудами, превращаясь в рубец, сдавливающий сердце. Возникло заболевание, которое носит название «сдавливающий перикардит». Миша вскоре стал замечать, что он не может бегать. Побегит Ира от него и скажет: «Догоняй». А он сделает несколько быстрых шагов и останавливается. Затем обратил внимание, что ему трудно подниматься по лестнице. Через какое-то время появились все признаки тяжёлой сердечной недостаточности. Не прошло и года после ранения, а он стал, по существу, инвалидом. Родители забеспокоились, положили Мишу в терапевтическую клинику. Там признали у него цирроз печени и перевели в нашу клинику.

Это было в начале 50-х годов. Мы разрабатывали две проблемы: портальная гипертензия как результат цирроза печени и слипчивый перикардит. В том и другом случае имеет место асцит. Поэтому эти заболевания часто ошибочно принимали одно за другое.

Занимаясь той и другой проблемой, мы без труда поставили диагноз слипчивого перикардита и стали готовиться к операции. Миша Скоробогатов мне хорошо памятен потому, что на нём первом я применил метод операции, разработанный мною при этом заболевании.

Дело в том, что хирурги того времени и я на первых порах применяли такой разрез, при котором для обнажения сердца удаляли все ребра и грудину. После операции освобожденное от сдавливающего перикарда сердце оказывалось не защищённым грудной стенкой и было прикрыто только кожей. Любой неосторожный толчок в грудь мог привести к остановке сердца и смертельному исходу. Разработанный мною способ был лишен этого недостатка, но он ещё ни разу не применялся на человеке. Если моя методика на больном окажется такой, как мы предполагаем, то после операции Миша будет совсем здоров и может не опасаться за своё сердце: оно окажется защищённым рёбрами и их хрящами так же, как и до операции.

Посмотреть операцию Миши пришли врачи и студенты не только нашей, но и из других клиник. Интерес врачей был понятен: не так часто испытывался новый вид операции, к тому же на сердце, к которому у хирургов сохранилось особо бережное отношение. Я очень волновался. Опасную для больного операцию я всегда делал в большом напряжении. А тут предстояло испытать метод, который никогда никто не применял. И хотя я очень тщательно отработал его на кафедре анатомии, все же на человеке эта операция делалась впервые. Имя Миши Скоробогатова было в клинике у всех на устах. Сама же операция запомнилась мне не только тем, что она делалась впервые, но и потому, что во время неё случилось осложнение, которое чуть не стоило юноше жизни...

В одном месте при отделении утолщенного перикарда от мышцы сердца мой палец случайно соскользнул с перикарда и, прорвав сердечную мышцу, проник в полость сердца... Можно себе представить моё переживание в этот момент. Потребовалось время, чтобы полностью вернулось самообладание. Палец в сердце... Стоит мне его извлечь, как кровь зальет все операционное поле, и не найдешь места, куда накладывать швы. А бывает и так: струя крови высотой более метра зальет глаза тебе и твоим помощникам, и, пока тебя вытирают, больной может уже погибнуть от кровотечения.

Я взял левой рукой иглодержатель (хорошо, что при операции владею обеими руками) и осторожно наложил кисетный шов вокруг пальца. Поручив ассистенту затягивать кисет, я одновременно извлекал палец. Кровотечение было остановлено.

Операция прошла так, как я себе и представлял. Миша перенёс операцию хорошо и чувствовал себя спокойно, чего нельзя было сказать про самого хирурга! Едва я зашил рану, как сразу же заметил, что костный лоскут, наложенный мною на область сердца, «подпрыгивает» при каждом биении сердца, так, словно открытая форточка при ветре. Обожгла мысль: «Как же этот лоскут может прирасти к своему месту, если он каждую секунду смещается в ту и другую сторону?»

Попытался положить на «створку» какой-нибудь груз, чтобы удержать его на месте. Но это не помогло. Наоборот, у больного от давления появились боли в сердце, ухудшился пульс, появилась аритмия. «Что делать? Как выйти из создавшегося положения? Неужели придётся идти на новую операцию: удалять этот лоскут, оставив, как при прежней методике, сердце обнажённым?!»

Решил, что нужно понаблюдать день, два. А Миша Скоробогатов радовал своим хорошим видом, лёгким, незатруднённым дыханием, снижением венозного давления — важнейшим признаком освобождения сердца от сдавливания. Юноша не обращал никакого внимания на подпрыгивающий костный лоскут, полагая, что так и должно быть, и был несказанно счастлив, избавившись от одышки, от тяжести в груди, от сознания, что все страшное уже позади.

Приходило успокоение и ко мне. Видел, что день ото дня движения лоскута становились все меньше, слабее. А недели через две они совсем прекратились, лоскут лежал на своём месте, надёжно прикрывая область сердца. Только при надавливании на него он слегка утопал внутрь, но тут же становился на место. А ещё спустя две недели его уже нельзя было сместить, даже применив силу.

Идея оказалась правильной. Иссеченные небольшие участки ребер восстановились. Весь реберный каркас стал составлять единое целое, и грудь Миши Скоробогатова имела прежний, «первозданный» вид.

Метод выдержал испытание и был повторен ещё у нескольких десятков больных с таким же успехом, прежде чем ему предстояло держать экзамен в далекой Индии. Но об этом я подробно рассказывал в книге «Сердце хирурга».

Миша Скоробогатов полностью поправился. Он много лет был у нас на виду. Мы знали, что он окончил институт и стал хорошим инженером. Что любовь и дружба с Ирой у них продолжались. Они поженились, растят детей, и, сколько мы их ни наблюдали, они жили счастливой, дружной семьёй.

Так хорошо закончился у Миши его благородный поступок, и я рад, что имел возможность помочь ему в беде.

Кстати замечу, что благородный поступок Миши побуждал меня и со своей стороны проявить все возможное и невозможное для его спасения. Я, конечно, и в любом другом случае делаю все для больного, но здесь у меня был дополнительный стимул для поиска путей успешной операции. И хоть я перед тем проделал большую подготовку для испытания на практике нового метода операции, но появление в тот момент в клинике Михаила Скоробогатова, юноши с романтическим, благородным характером, его пример, его красивая душа побудили и меня смелее пойти на трудный для меня шаг в хирургии. И сейчас, когда уже прошло с той памятной операции столько лет, я испытываю большое чувство удовлетворения и гордости от сознания того, что метод мой, внедрённый и в нашей стране, и во многих странах мира, освобождает сотни и тысячи людей от страданий и постоянного страха за безопасность сердца своего и за свою жизнь.

Благородство — наиболее замечательное качество человека, качество, в какой-то мере врождённое, но главным образом приобретённое путём самовоспитания и воспитания семьёй, школой и окружающей средой.

Благородство как свойство души и характера высоко ценилось в людях с древних времен. До нас дошли свидетельства историков и писателей о поступках людей их времени, которые выдавались за образец поведения. Можно привести рассказ о полководце Сципионе, жившем за 200 лет до нашей эры. Он прославился войнами в Африке, завершившимися победами над Ганнибалом. Он покорил большую часть Испании, о нём среди его современников распространилась большая слава. В то же время победы не испортили его характера. И в доказательство историки приводят такой эпизод. В Испании среди взятых в плен оказалась юная принцесса редкой красоты, которую, как ему сообщили, скоро должны были выдать замуж за одного знатного соотечественника. Сципион приказал, чтобы за ней ухаживали и заботились не хуже, чем в родном доме, а когда разыскал её возлюбленного, отдал принцессу ему в жены, а деньги, которые отец прислал, чтобы выкупить дочь, присоединил к приданому.

Римский историк Валерий Максим писал об этом: «Прибыл юноша, подобный богам, и покорил всех не только силой оружия, но и щедротами своими и благодеяниями».

Конечно, с точки зрения современной морали, особенно нашей, социалистической, юный полководец не совершил ничего особенного. Он поступил так, как и должен был поступить всякий порядочный человек. Но для того времени, для нравов и обычаев тех лет это, конечно, был поступок, в котором сказалось его величие и благородство. Недаром оно и поразило так его современников.

Благородство мы встречаем и в повседневной жизни.

Много лет я жил на Петроградской стороне. На одной со мной лестнице жили Георгий Филимонович и Тамара Ивановна и их дочь, теперь уже врач, а тогда она была ещё в пеленках. В 50-х годах, когда я начал оперировать сердечных больных, мне посчастливилось с помощью операции спасти таких тяжёлых больных, от которых другие хирурги отказывались, как от безнадежных.

Известие об этом быстро распространилось, да и газеты об этом писали, и больные потянулись ко мне. Но у нас медицинскими администраторами заведён такой порядок, что без направления из облздравила больных принимать нельзя, а облздрав, бывает, направление не даёт. Что делать больному человеку? Попросит, побьётся да наконец плюнет и едет полуживой на свой риск и страх искать спасение в Ленинграде. Найдут меня, а я уж на себя принимаю удары администраторов, кладу таких больных в клинику и без направления, если вижу, что отказывать им нельзя. Но бывали случаи, когда я уезжал в командировку. Придут больные в клинику, директора нет, а без направления администрация не принимает. Что делать? Подождут, подождут они меня и пускаются на розыски моей квартиры. «Дом закрыт, — отвечают соседи. — Углов уехал в командировку». А у больных и сил нет идти ещё куда-то. Да и куда пойдешь?

Тамара Ивановна раз выйдет на площадку, второй раз. Больная сидит и плачет.

— Вы что никуда не идёте?
— А куда мне идти? Меня никто не принимает. Вся надежда была на Углова. Поможет — буду жить. Откажет — поеду умирать.
— Но он в командировке. Неизвестно, когда приедет.
— Когда-нибудь да приедет. Всё равно, кроме как к нему, мне не к кому идти.
— Вы бы хоть гостиницу сняли. Ведь он может не приехать много дней.
— Боюсь, что там мест не окажется. Да мне и до гостиницы не дойти. Я и сюда-то дошла еле-еле со слезами. Пока шла, сто раз отдыхала.
— Ну заходите ко мне. Отдохните, переночуйте, а там видно будет.

Так передавала мне Тамара Ивановна свой диалог с больными, которые, прожив у неё недели две, в конце концов дождутся меня и попадут в клинику. И таких случаев за время нашего соседства было не один и не два.

С виду несколько даже грубоватая, Тамара Ивановна обладала исключительной отзывчивостью и не могла пройти мимо бедных людей, не сделав им доброго дела. Кажется, это простое дело, а многие ли из вас приютят совершенно чужого вам человека на много дней, да ещё такого, за которым надо всё время ухаживать? Какое же надо иметь доброе сердце и как любить людей, чтобы поступать таким образом!.. Но Тамара Ивановна не исключение. Совсем недавно я узнал, что моя новая соседка по подъезду, где я сейчас живу, много раз повторяла то же самое, что и Тамара Ивановна.

Елизавета Григорьевна случайно проговорилась жене, когда я долго отсутствовал. Жена сказала, что, когда меня нет, ей приходится в день отвечать на 40—50 телефонных звонков. А Елизавета Григорьевна и говорит ей: «А когда вы уходите, то отвечаю и я».

— Как? — удивилась жена. — Случайно к вам попадают?
— Нет, узнают телефон соседей. А то и просто звонят в дверь и спрашивают, где Углов, не знаю ли, когда будет. Однажды неделю жила у меня женщина с больным ребёнком. Худенький он, посиневший, с одышкой. Как не приютить было?

Неотъемлемое качество благородного человека — доброта, ибо лишённый доброты — это пустой, никчемный человек. Благородный человек любит людей и борется за их счастье. Он активный борец против зла и, делая людям добро, ничего не требует взамен, ибо доброта бескорытна, и только такая доброта достойна человека. Доброту и милосердие А. С. Пушкин почитал превыше всех других достоинств человека.

В поэме «Анджело» он писал:

Поверь мне... ни царская корона,
Ни меч наместника, ни бархат судии,
Ни полководца жезл, — все почести сии —
Земных властителей ничто не украшает,
Как милосердие. Оно их возвышает.

Наша специальность ответственная, и, когда под угрозой оказывается жизнь больного, к хирургу предъявляются особые требования. Если каждый человек должен обладать положительными качествами, то хирург обязан их иметь в большей степени, чем другие, иначе он не должен идти в хирургию. И история хирургии знает немало примеров высокого благородства хирургов.

Сама наша профессия предъявляет к хирургу такие требования, которые подразумевают благородство его характера. В самом деле, если в больницу приведут того, кто когда-то оскорбил или обидел хирурга, хирург не будет таковым, если, забыв обиды, не сделает для него всего того, что предпринял бы для спасения своего близкого человека. Да и сама жизнь, и труд хирурга с бесконечными бессонными ночами, с полной отдачей всего себя интересам больных людей, изнурительные операции, изматывающие сердце и отнимающие здоровье, разве всё это не является примером благородства?

И как приятно сознавать, что наши гуманные поступки всегда находят самый тёплый, самый искренний и душевный отклик у людей.

Николай Иванович Пирогов, как известно, был первым, кто применил эфирный наркоз на человеке. Испытав его в многочисленных экспериментах, а затем и несколько раз на человеке, он решил показать учёным и студентам Медико-хирургической академии его благодетельные действия при операциях.

Собралась полная аудитория, и здесь Николай Иванович стал давать наркоз солдату, которому предстояла операция.

Но кто-то подменил склянку и подсунул хирургу недоброкачественный эфир. Когда Пирогов кончил операцию, он увидел, что солдат не дышит и сердцебиение едва заметно. Он применил все средства оживления. Долго трудился над больным, прежде чем ему удалось восстановить сердцебиение и дыхание. Солдат был спасён. Наутро Пирогов, делая обход, подсел к солдату и спросил его о самочувствии. А солдат и говорит:

— Вы уж, Николай Иванович, извините меня, что я доставил вам вчера столько хлопот, так подвёл вас.

Пирогов улыбнулся:

— Ничего, брат, все обошлось. Это не ты доставил мне много хлопот, а кто-то другой.

По-видимому, есть какие-то общечеловеческие свойства, моральные качества, которые необходимы, чтобы быть человеком. Каждый юноша, вступая в жизнь, должен проверить себя, обладает ли он этими качествами, по праву ли он носит высокое звание человека.

Важной чертой характера благородного человека является простота. Лев Николаевич Толстой несколько раз высказывался по этому вопросу. Простота есть главное условие красоты моральной. Сильные люди всегда просты. Карл Маркс считал, что из всех достоинств наиболее ценным является простота.

Благородные люди просты и скромны. Известно, что чем человек бесталаннее, тем больше он говорит о себе. В русском народе давно замечена эта закономерность. «Пустая бочка сильно гремит». И наоборот, незаурядные люди как полноводные реки — их жизнь течёт без шума, не привлекает к себе внимания, ведут они себя скромно. При этом чем талантливее человек, тем искреннее он считает, что ничего особенного он не делает. И почти всегда скромность прямо пропорциональна талантливости.

Скромность и простота усиливают все другие хорошие стороны характера и располагают людей к себе.

В воспитании человека немаловажное значение имеют природные качества человека. Большой ум, как правило, соединён с большим благородным сердцем. Люди же со средними и малыми способностями, с неустойчивыми чертами характера легче склоняются к неблагоприятным поступкам.

Большое значение имеет окружающая среда. Вот, например, в наш Военно-Морской Флот разные люди приходят. А наденут форму моряка, и законом жизни для них станут честность, храбрость, патриотизм, благородство.

Но вот человек попадает в среду людей, которых скрепляет пьянка, бесстыдство, сквернословие. Иные это даже называют дружбой, требуют соблюдения их «законов». Они стараются друг перед другом выставить себя героями, щеголяют непотребными делами, совращают девушек, устраивают дебоши.

Думал я о роли школы в воспитании человека, учителей, наставников, семьи, матери, отца...

Наконец решил написать письмо киренским мальчишкам.

«Дорогие ребята из далекого родного мне Киренска!

Дорогие мои земляки!

С большим интересом прочитал ваше письмо и отвечаю на него через вашу местную газету, ибо то, что волнует вас, видимо, полезно прочесть и другим подросткам.

Вас интересует моя биография — мой путь в науку. Постарайтесь найти книжку В. Я. Дягилова «Волшебник в белом халате», и вы узнаете, насколько этот путь был тяжёл и радостен, ибо трудности не ослабляют дух, а усиливают его.

Что надо делать мальчишкам, чтобы стать настоящими мужчинами, уважаемыми людьми? — спрашиваете вы.

Прежде всего надо помнить наказ В. И. Ленина молодому поколению: учиться и учиться. При этом учение надо понимать не только в буквальном смысле, то есть посещение школы, но и учиться у жизни, учиться всему хорошему, всему, что может в трудную минуту помочь преодолеть препятствие. В семье Угловых мальчишек с малых лет учили делать всё по дому. Наравне с девочками мы мыли полы, стирали бельё, ходили на реку и в проруби полоскали его. Я умею жать хлеба, косить сено, молотить, доить корову. Подростком я освоил столярное дело. У отца, Григория Гавриловича, по профессии слесаря, научился орудовать напильником, молотком и зубилом. Всё это мне пригодилось в жизни.

Чтобы стать подлинным мужчиной, надо с юных лет воспитывать в себе высокие качества настоящего человека. Прежде всего не врать и крепко держать данное слово. Слово русского человека всегда высоко ценилось. В прежние времена не брали расписок, достаточно было только слова. Не обижать женщину, не оскорблять её. Надо приучать себя с глубоким уважением и нежностью относиться к женщине. Она мать или сестра твоя или другого такого же, как ты, она под сердцем носила тебя, и её молоком ты вскормлён. Со дня рождения она учила тебя добру, оберегала твой покой, из-за тебя недосыпала и недоедала. Так как же ты можешь сказать своей матери, или матери твоего друга, или девушке, будущей матери, грубое слово?

Настоящий мужчина никогда не осквернит свой язык дурным, нецензурным словом. Да и слова эти достались нам от татарского ига, когда дикие захватчики издевались над нашим народом, выкрикивали бранные слова.

Подобные слова и по их происхождению, и по существу противны русскому народу, они оскверняют наш великий красивый русский язык, язык Ленина, Толстого, Достоевского. Никогда не употребляйте подобных слов и боритесь за то, чтобы и другие их не произносили.

Мне всегда были отвратительны нецензурные слова, и я ни при каких обстоятельствах не произношу их.

Однажды, будучи юношей, я попал в компанию отпетых хулиганов и рецидивистов. Вместе с ними сплавливали карбас из Качуга до Якутска. Они матерились, курили, пили и за то, что я не ругался вместе с ними, относились ко мне с подозрением и даже с презрением, грозили сбросить меня в воду. В один из вечеров, когда все собрались вокруг костра, я попросил минуту внимания и продекламировал им поэму А. С. Пушкина «Братья разбойники». Это произвело на них сильное впечатление. Парни, способные руками гнуть подковы, слушали с напряжённым вниманием. Они прониклись ко мне уважением, и уже никто не требовал, чтобы я вместе с ними ругался, но, наоборот, при мне не употребляли мерзких слов.

Каждый вечер они просили меня что-нибудь рассказать, и я декламировал им стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Никитина, которые тогда знал наизусть и сейчас не забыл.

Настоящий мужчина с уважением относится к старшим и к своим учителям. Тот, кто без уважения относится к своему учителю, тот плохой человек. Учитель твой самый близкий друг. Надо с малых лет приучать себя к уважению к взрослым. Когда в избу входит старший, надо встать. Нельзя разговаривать со старшим, держа руки в карманах. Это признак неуважения и бескультурья.

Настоящий мужчина должен быть сильный и волевой. И, как сильный духом, как человек с добрым сердцем и с чистой совестью, он никогда не обидит младшего и не даст его обидеть другому.

Человек непременно должен быть добрым. Злые обычно слабые, безвольные, никчемные людишки.

Надо стремиться делать людям добро.

У моей матери, Анастасии Николаевны, была одна мера: добро или зло. Этой мерой она судила события, людей, их поступки. Мать учила своих детей: «Не бойтесь делать людям добро — оно вернётся сторицей. Зло порождает зло. Добро родит добро. Кто посеет ветер — пожнёт бурю. Хотите, чтобы люди к вам хорошо относились, любили вас, — любите их, делайте им добро, и в ответ вы получите только хорошее».

Из-за любви к людям я и стал врачом. Ведь самая гуманная профессия на свете — это профессия врача.

Любовь к матери — самая сильная любовь, о ней написаны величайшие произведения искусства. Но есть в мире другая, может, не менее преданная любовь — любовь к родине. Неспроста люди называют родину матерью. Испокон веков любят свою Родину русские люди. Да и как её не любить. На земном шаре нет страны более обширной, богатой, более красивой, чем Россия.

Но любовь к родине требует прежде всего дисциплины — повиновения законам отечества.

Мужчина должен быть сильным и настойчивым в достижении цели, но он не должен быть упрямым и мелочным. Надо много и упорно трудиться с юношеских лет. Маркс писал, что талант — это девяносто девять процентов пота и один процент способностей. Значит, чтобы достичь каких-то высот в жизни, нужно упорно работать. Вспомните, как много трудился В. И. Ленин, как настойчиво и упорно работал А. С. Пушкин.

Надо ли играть и веселиться? Конечно, надо. Обязательно занимайтесь спортом. Но всегда помните мудрую русскую поговорку: «делу — время, а потехе — час». Игра и веселье — это только отдых, а основное занятие человека — труд.

Вы спрашиваете: как мы дружили в свои молодые годы? Трудно ответить. С тех пор прошло много лет. Одно несомненно, что в дружбе нашего времени верность другу, верность данному слову ценилась как высшее проявление дружбы. Измена и ложь были несовместимы с дружбой. Лгать считалось настолько позорным, что до восемнадцати лет я даже в шутку не говорил неправды. Когда стал постарше, я мог шутя что-то выдумать, но серьёзно никогда неправды не говорил. А если я сказал «честное слово», то меня можно было убить, но данное слово я бы не нарушил.

Этих правил я придерживаюсь всю жизнь.

Вы спрашиваете: чем я занимаюсь сейчас?

Как вы знаете, я хирург, заведую клиникой, лечу людей, а ещё читаю лекции в Ленинградском медицинском институте и редактирую журнал «Вестник хирургии».

Когда я получил ваше письмо, я оставил все дела, чтобы написать вам, потому что очень хочу вам добра и каждому из вас желаю стать значительным, интересным человеком. Но вы должны знать: мальчик становится мужчиной не тогда, когда расквасит нос товарищу, а когда поднимет платок, оброненный соученицей. Юноша становится мужчиной не тогда, когда он закуривает первую папиросу или выпивает запретную рюмку водки, а когда приносит матери первый рубль, заработанный собственными руками.

Я уверен, вы обязательно добьётесь своего и станете настоящими мужчинами, настоящими людьми, которыми Родина будет гордиться. Помогите тем, кто, как вы пишете, «не хочет учиться, плохо ведёт себя, нарушает дисциплину». Разъясните им, что если они мечтают стать лётчиками, врачами, космонавтами, то единственный путь к этому лежит через труд и учёбу. Путем труда шли к своей цели все великие люди. И просто хорошие люди тоже идут по жизни через труд и учёбу. Иного пути в природе нет.

Наша Родина даёт своей молодежи все. У вас школы, лучшие университеты, клубы и библиотеки, заботливые учителя. Родина за все свои заботы требует от молодежи только одного — уважения, любви, защиты.

Будьте здоровы, мальчики! Желаю вам здоровья, успехов в труде и учёбе. Желаю вам стать настоящими мужчинами.

Углов».

Скромность и простота, вежливость, доброта, верность, деловитость, трудолюбие и другие высокие качества... Где их взять, как добыть? Или, может быть, они даются человеку от рождения в виде некоего небесного дара?..

А. С. Пушкин писал, что независимость, храбрость, честь, благородство — качества природные, но образ жизни может их развить, усилить или задуть. Нужны ли они в народе так же, как, например, трудолюбие? Нужны, ибо они оплот трудолюбивого класса.

Эти качества каждый обязан развивать в себе, так как воспитанный человек бывает устойчив к отрицательным соблазнам, в то время как невоспитанный легко воспринимает все плохое.

Хорошо об этом сказал Шекспир в трагедии «Гамлет».

Но как вовек не дрогнет добродетель,
Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая,
Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,
Пресытится и на небесном ложе,
Тоскуя по отбросам.

Хорошее воспитание проявляется не в низких поклонах, не в превращении вежливости в фетиш, но в учтивом поведении человека, показывающем его уважение к людям, в приветливости, в доброжелательности, в простоте и скромности, в отсутствии стремления выставить себя.

Лишь эгоистичные люди воспринимают внимание к себе как должное и не считают, что они должны поступать так же. Надо научиться слушать других. В умении выслушать других часто сказывается весь характер человека. Многим хочется, чтобы их выслушали, и иногда это для них важнее конкретной помощи. Надо уметь выслушать со спокойным лицом, явно доброжелательно и ни в коем случае не показывать, что ты устал или что тебе надоело. Иногда люди рассказывают о своих бедах, неприятностях, нуждах. А их не слушают. Конечно, им становится обидно. Некоторые, вместо того чтобы смотреть в глаза и внимательно слушать, вперяют взгляд в потолок или куда-нибудь в угол, глядят в окно, перелистывают бумаги, роются у себя в столе. Это может глубоко ранить собеседника.

В трагедии Шекспира «Гамлет» Полоний, провожая сына Лаэрта в Париж, даёт ему следующие советы:

Держи подальше мысль от языка,
А необдуманную мысль — от действий.
Будь прост с другими, но отнюдь не пошл.
Своих друзей, их выбор испытай,
Прикуй к душе стальными обручами,
Но не мозоль ладони кумовством
С любимым бесперым панибратом. В ссору
Вступать остерегайся; но, вступив,
Так действуй, чтоб остерегался недруг.
Всем жалуй ухо, голос — лишь немногим;
Сбирай все мненья, но свои храни.

В этих коротких строках Шекспир преподал важные советы людям своего времени.

В наших, социалистических условиях, где гуманные мотивы положены в основу взаимоотношений между людьми, вопросы воспитания и самовоспитания человека приобретают исключительное значение.

Пренебрегать, а тем более высмеивать хорошее воспитание и благородство могут лишь люди, ограниченные от природы. Лишь те, кто не любит людей, не желает им добра, всеми силами будут стараться развенчать и опошлить эти святые правила и само понятие о благородстве.

Н. В. Гоголь писал, что в русском человеке есть удивительная черта, которая изумляет всех честных людей; это — чувство благородства, настоящего, нравственного благородства, которое в двенадцатом году заставляло их нести всё в жертву, — всё, что было у каждого за душой.

Воспитанный человек всегда с глубоким уважением относится к своим родителям, и не только будучи юношей, но и став немолодым и уважаемым человеком. В целом ряде наших произведений великолепно показано, как малообразованная, а то и совсем неграмотная мать делает внушение уже немолодому сыну, прославленному генералу или учёному, и как этот генерал почтительно выслушивает свою мать и благодарит за совет.

Подобное отношение к родителям — лучший показатель высокой культуры и большого ума человека.

Вполне возможно, что молодому человеку или девушке кажется, что родители, давая советы, бывают не правы. Но нельзя к советам старших относиться без внимания.

Воспитанный человек терпеливо умеет выслушивать рассуждения легкомысленные, неосновательные и даже наглые и в любом случае сумеет возразить тактично, необидно.

Человек воспитанный и разумный может, например, спешить, но он никогда и ничто не делает наспех, так как он знает: всё, что делается наспех, неизбежно делается плохо.

Дурно поступают, когда при разговоре удерживают собеседника за пуговицу или за руку. Если человек не желает слушать, не нужно его удерживать, лучше придержать язык.

Благородство присуще нашим людям, оно во всех наших устремлениях, во всех делах прошлого, настоящего — в наших планах на будущее.

Глава IV

Подлость и благородство, дружба и предательство. Сколько существуют на земле люди, столько они и задумываются об этих взаимоисключающих свойствах человеческой природы, о причинах, побуждающих человека поступать низко или совершать красивые, возвышающие душу поступки...

Я не беру на себя труд дать сколько-нибудь полное изображение этих свойств человеческой природы, но расскажу здесь о некоторых фактах, которым мне привелось быть свидетелем и которые больно меня задевали.

Жизнь клиники постоянно сталкивала нас с больными, чьи страдания были результатом их отношений с людьми, а иногда и с друзьями.

Однажды ко мне в кабинет зашла Таня. Я не видел её после нашего последнего разговора уже несколько месяцев. Она выглядела хорошо. Грустное выражение, которое долгое время не покидало её лицо, исчезло. Но она была явно встревожена.

— Что случилось, Таня?

— Фёдор Григорьевич! Мужа моей подруги разбил паралич. А ему всего тридцать шесть лет. У них ведь двое детей. А что будет с Галей, если Юрий умрет! — говорила она растерянно, что ей было несвойственно.

— Подожди, Таня, расскажи понятней, что случилось с Юрием и почему тут какая-то Галя; он что — женился на Гале и имеет от неё двоих детей?

— Ах, нет, извините, пожалуйста, — смутилась Таня — Это не мой Юрий. Это совсем, совсем другой человек. Он муж моей лучшей подруги — Юрий Рылев. Его разбил паралич!..

Но при чем же тут я? Его надо к невропатологу!

Фёдор Григорьевич, — вдруг серьёзно заговорила она. — Посмотрите его. Вы же оперируете на сердце, на сосудах. И знаю, что вы собираетесь оперировать на сосудах мозга. Может быть, эта операция и спасёт Юрия. А без операции он погибнет. Он и так уже без сознания. Рука и нога почти не действуют. Понемногу мне стало яснее.

— Хорошо, — говорю. — Покажите мне вашего второго Юрия! На одного я уже посмотрелся. Давайте буду смотреть другого!

Таня улыбнулась.

— Нет, Фёдор Григорьевич, это совсем другой. Ни чуточки не похож на моего... На бывшего моего, — поправилась она. — Этот человек — полная противоположность Юрию, которого вы знаете. Он лежит у профессора Булатова. Пантелеймон Константинович просит вас посмотреть его.

Из дальнейших разговоров с Таней, из рассказанного Пантелеймоном Константиновичем, который оказался старинным другом отца Юрия, тоже врача, а также из подробного рассказа Гали — жены Юрия я узнал его печальную историю.

Затем я попросил показать мне Юрия, и вместе с Пантелеймоном Константиновичем мы вошли в палату.

Там лицом к стене лежал человек с темно-русскими волосами. Когда он повернулся к нам, я увидел совсем молодое бледное лицо, черты которого исказила болезнь. Нижняя губа слегка отвисла, нижнее веко опущено. Речь невнятная, правая рука и нога неподвижны.

Это был Юрий Рылев, ранее красивый человек, высокого роста, с правильными чертами лица, — молодой преуспевающий учёный, недавно защитивший докторскую диссертацию.

Ещё в средней школе товарищи и учителя заметили его способность быстро решать сложные задачи. Впрочем, и по другим предметам он учился отлично и закончил школу с золотой медалью. Юрий успешно выдержал приёмный экзамен и, несмотря на очень большой конкурс, был принят на физический факультет университета. С первых курсов учился на пятерки, одновременно посещал научный кружок. За время пребывания в институте написал две научные работы и выступил с докладом на заседании научного

студенческого общества. Способного студента оставили в аспирантуре. А через три года он уже защитил кандидатскую диссертацию и был оставлен на кафедре ассистентом.

Отец Юрия, профессор, был крупным учёным-медиком. Семья жила в достатке, но он поддерживал в ней атмосферу деловитости и бережного отношения к деньгам. Денег отец давал сыну столько, сколько ему было надо, но каждый раз требовал подробный отчёт о расходах. Отец говорил, что деньги достаются тяжёлым трудом и к ним надо относиться с уважением. «Ты же, — говорил он Юрию, — своих денег ещё не имеешь. А к чужим деньгам порядочный человек относится особенно строго». Когда Юрию нужно было купить одежду или особенно книги, отец давал безотказно столько денег, сколько требовалось. Но заранее заявил сыну, что на табак и вино он не даст ему ни копейки. Сам профессор не курил и не пил, с сожалением смотрел на курящих и особенно на пьющих и часто беседовал с Юрием на эту тему.

Мальчик умом понимал, что отец был прав, и долго не поддавался уговорам своих друзей.

Между тем у курящих ребят есть какая-то страсть обязательно научить этой привычке своих сверстников. Я помню, в деревне товарищи часто уговаривали меня взять папиросу в рот: «Да ты хоть попробуй, ну возьми просто в рот и пусти дым». Я брал у них папиросу, вставляя в рот зажженным концом, и начинал дуть. Дым выходил из мундштука наружу. «Ты затянись», — уговаривали ребята. «Нет, глотать дым не буду». Даже когда стал постарше, стал в таких случаях отговариваться: «Не хочу портить ваших папирос». — «А ты испорти, мы не возражаем». — «Ну хорошо, давайте испорчу».

Я брал папиросу, рвал её на мелкие части и бросал. Затем, обращаясь к товарищу, говорил: «Ну давайте ещё одну папиросу испорчу!» Ребята отставали. Ненадолго. Затем снова уговаривали меня. Но я все же выдержал и не закурил.

Юрий же в конце концов поддался на уговоры и начал курить. Скоро пристрастился к этому и стал курить много, чем сильно огорчал своего отца.

У них в семье уважалась трудовая дисциплина. С раннего возраста Юрий был приучен прибирать за собой и помогать взрослым во всех домашних делах.

Отец и мать любили повторять, что всякий труд благороден и никакой работы стыдиться не надо. Поэтому мальчик помогал матери мыть посуду, готовить пищу, стирать бельё, мыть пол... Делал он это всё легко, быстро и, выполнив поручения отца и матери, бежал к себе готовить уроки. С охотой читал. Пушкин был его любимым поэтом и писателем, он с ним не расставался.

Отец его, когда Юрий был ещё совсем мальчиком, помогал ему в выборе книг, рассказывал о жизни писателей, о судьбе и истории особенно выдающихся книг и произведений. Так, Юрий ещё в школьные годы прочитал произведения Ломоносова, Державина, Жуковского, Крылова, Белинского, Добролюбова, Герцена. Затем перечитал всю классическую литературу: Толстого, Достоевского, Тургенева, Гончарова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Чернышевского. Знал он и наших лучших современных писателей, особенно тех, которые писали о жизни своего поколения, создавали в своих книгах широкую и верную картину современной жизни.

Многие стихи Пушкина, Лермонтова и Есенина Юрий знал наизусть и любил их декламировать в кругу друзей.

Подлость, обман и ложь Юрий презирал с детства, и часто в школе на него обижались ребята, когда он честно сознавался в том, что они вместе с ним натворили. На первой странице записной книжки он написал фразу, неизвестно откуда взятую или пришедшую ему на ум: «Благородство окрыляет, подлость ползёт и жалит».

Отец его любил медицину, считая, что это самая благородная и самая нужная для людей профессия. Хотел и сына приобщить к ней, но тот с раннего детства увлекался математикой. И хотя Юрию очень не хотелось огорчать отца, он вежливо, но твёрдо настоял на своём. Профессор смирился с решением Юрия и стал ему оказывать всяческое содействие.

Юрий много и упорно работал, мало отдыхал, почти никогда не использовал свой отпуск, а отдохнет недельку и опять сидит в библиотеке. А то вернётся в лабораторию и не выходит оттуда по нескольку дней.

Но однажды ему предложили путевку на Южный берег Крыма. И он поехал отдыхать. Этот отпуск остался у него в памяти на всю жизнь как нечто самое светлое и приятное. Тут же, на юге, он встретился с Галей Петруниной, бывшей в то время студенткой университета. Они всё время были вместе, ходили на экскурсии, взбирались на гору Ай-Петри смотреть восход солнца. А когда настало время прощаться, он продал свой билет и купил другой — до того города, где жила Галя. Придя к её родителям, попросил у них руки дочери.

Родителям Юрия Галя понравилась — скромная, умная, деловая, хорошая хозяйка. Она искренне полюбила Юрия и эту любовь перенесла и на его родителей: стала им ласковой и послушной дочерью.

Через год у Юрия и Гали родился сын, а ещё через год — дочь. Галя взяла академический отпуск, а когда дети немного подросли, стала заканчивать учёбу. Жизнь всей этой большой дружной семьи протекала счастливо и безоблачно. Юрий продолжал научные изыскания. В тридцать три года он сделал важное открытие в своей области, за что ему была присуждена степень доктора наук. Он работал помощником заведующего кафедрой, хотя не только сверстники, но даже работники значительно старше его оставались на должности ассистента.

Кому-то из них не нравилось столь быстрое продвижение коллеги. Что делать? Самое лучшее в этом случае, конечно, и самому побыстрее добиться успехов, но этот путь труден, не каждому по плечу; и завистник избирает второй путь. И вот в дирекцию института поступает анонимное заявление, в котором Юрий обвиняется в аморальном поведении. Директор назначил комиссию. «Тут же явная клевета!» — сказал один из членов комиссии, едва дочитав письмо. «Не спешите, — возразил директор. — В письме никто не оспаривает научных достижений Рылева. Речь идёт о моральном облике учёного. Надо проверить факты».

Комиссия установила, что факты не подтвердились. Тем не менее Юрия вызвал директор и сказал:

— Я пригласил вас, чтобы предупредить о необходимости строго держать себя. Вы на виду, на вас смотрят студенты.

— Но ведь факты не подтвердились, — сказал Юрий.

— Верно, факты не подтвердились, но дыма без огня не бывает. Раз пишут, значит, вы даёте повод. Я вас обязан предупредить.

Юрия предупредили, а того, кто написал явную клевету, не предупредили. Безнаказанность подогрела его, и вскоре появилось новое письмо. И была назначена новая комиссия, новые разборы. Между тем Юрий находил в себе силы работать. Сообщил об интересных опытах своих исследований. Утверждая свои принципы в науке, он опровергал других, теснил их авторитеты, — наверное, и того, кто писал на него анонимные письма.

Вечером — звонок в квартиру Рылевых:

— Галя, это ты? Не стану называть свою фамилию, но поверь, я тебя уважаю, мне тебя жалко.

— А что меня жалеть? У меня пока все идёт хорошо.

— Ты или глупенькая, или сознательно закрываешь глаза. Твой Юрий давно уже имеет...

— Оставьте меня в покое! Я не хочу вас слушать.

— А ты и не слушай, а позвони ему в лабораторию и узнай — один он там или с девочкой?..

Трубка повешена, а Галя в сильном смятении. Неужели это правда? Нет, не может быть! Это клевета!.. А что, если все же позвонить?..

Та, что позвонила, знала распорядок дня Юрия. В тот час он беседовал с аспиранткой. Галя набрала номер лаборатории, и, как на грех, взяла трубку аспирантка. У Гали ёкнуло сердце...

Будучи от природы человеком порядочным, Юрий легко верил людям. Легковерность присуща честным натурам. Потому их так легко ссорить между собой.

Как ни знали друг друга люди, как ни верили они своим друзьям и близким, клевета разъедала их взаимное доверие. В сердце заползли подозрения, сомнения, в конце концов они приводили к неприязни.

Жизнь Юрия превратилась в сплошную пытку. Бесконечные вызовы, объяснения мешали работать, расстраивали все планы. Среди членов комиссии, среди начальников, приглашавших Юрия на беседу, были разные люди: чаще всего умные, понимающие; с ними было легко разговаривать, но встречались и недоброжелатели. Во главе одной комиссии был именно такой человек. Он по заявлению, ещё до прихода в лабораторию уже составил мнение о виновности Юрия и задавал вопросы и записывал только то, что могло укрепить его в заведомо ложном убеждении. Говорит ли ему Юрий или заведующий кафедрой, или кто ещё из тех, кто болеет за дело, он демонстративно не слушает, перебивает. На одну сотрудницу, которая положительно оценивала и работу, и поведение Юрия, он даже закричал.

Конечно, выводы этой комиссии были строги и не справедливы.

Положение Юрия ещё более осложнилось.

Слабые люди в подобных обстоятельствах выбиваются из колеи, начинают пить. Другие ударяются в меланхолию, а то и в панику. Наконец, третьи, напрягая все силы против клеветы, не теряют самообладания, продолжают работать, но при этом их психика испытывает такие перегрузки, что приходит постепенно к полному расстройству. Чаще сдают сердце, сосуды или нервы.

Юрий Рылев принадлежал к последней группе. Продолжая работать, он почувствовал сильные головные боли. Обратился к врачу. У него признали начало гипертонической болезни, посоветовали меньше работать, больше отдыхать, бросить курить.

Он и сам чувствовал, что всё это ему надо сделать, но не мог нарушить привычный строй жизни. На это тоже нужны были силы.

И вот однажды утром Юрий, как всегда, встал рано и сел за письменный стол. Собрал нужные тетради, книги, разложил их перед собой, но сосредоточиться не мог. Головная боль, не покидающая его несколько месяцев, после сна становилась легче, и он пользовался утренними часами, чтобы хоть немного поработать. Но вчера он расстроился и спал плохо. Приходил заместитель директора.

— На вас опять заявление, — сказал он не то с досадой, не то с раздражением. — Вот читайте.

В заявлении была явная чушь, и тем не менее у него в голове появились такие спазмы, что он перестал читать и сжал руками виски. Когда боль уменьшилась, он посмотрел на подписи: среди других фамилий он увидел фамилию своего... товарища. Глазам не верил: Герман Михайлов!

Ничего не сказав, Юрий вернул заявление. Весь день он был рассеянным, ни с кем не говорил, а если с ним разговаривали, отвечал невпопад. Голову разламывало, долго не мог уснуть. Чередой проходили воспоминания о многолетней дружбе с Германом.

В студенческие годы они почти всё время занимались вместе и часто ходили вдвоём. Герман бывал и в доме Рылевых. Юрий также нередко заходил к нему домой. Жили Михайловы хорошо, можно сказать, богато. Герман всегда имел карманные деньги, хотя родители его вроде бы не занимали больших должностей. «Бережливые люди», — думал Юрий, восхищаясь их способностью создать в доме такой уют и порядок.

Герман был весёлый, не лишённый обаяния молодой человек. Он был прост в обращении с людьми, быстро сходился с товарищами, особенно с девушками. Правда,

Герман иногда вольно и неуважительно отзывался о них, но Юрий относил эту черту своего товарища к некоторой раскованности поведения, которую Герман проповедовал.

Герман Юрию сразу понравился. Разбитной, бойкий на язык, он был находчив и смел. Умел высмеять товарищей и даже учителей, но делал это всегда так, что сам оставался в стороне. Напишет какую-нибудь пакость про учительницу и подсунет записку товарищу. Тот прочтет, посмеется и передаст другому. Когда до учителя дойдет, про Германа никто и не вспомнит.

Юрий искренне смеялся над выдумками Германа и даже прощал ему привычку прятаться за спину других. Юрий сам так поступать бы не стал, но к своему другу относился снисходительно.

Иногда Юрия коробило циничное отношение Германа к девочкам. Но последний всегда находил оправдание своим словам и поступкам. Сам Юрий к девочкам относился чисто, оберегал их от грубости ребят, защищал от обидчиков. Циничное отношение Германа к девушкам продолжалось и позднее, когда они стали студентами.

В университете он открыто ухаживал за студенткой Надей Васильевой, дочерью известного в городе учёного. На людях заискивал перёд ней, а за глаза однажды сказал Юрию: «Влюбилась как кошка, не отвяжешься». Юрия коробило от таких слов, и он тут же выговаривал: «Во-первых, нехорошо говорить так о девушке, с которой ты дружишь. А во-вторых, похоже на то, что ты в неё влюбился и не отпускаешь её ни на шаг!»

Дружба Германа с Надей продолжалась долго. Они вели себя как муж и жена и всем говорили, что, как только кончат институт, зарегистрируются. Однако уже на 4-м курсе Герман стал избегать Надю, которая побывала в больнице и вышла оттуда бледной, осунувшейся, грустной.

Вскоре узнали, что Герман женился на другой студентке. Юрий возмутился поступком товарища.

— Ты опозорил девушку, так не поступают порядочные люди.

Герман молчал.

А когда Юрий особенно стал допекать его, с виноватым видом заявил, что его родители не захотели, чтобы он женился на Наде Васильевой.

— Ну, брат, — воскликнул Юрий, — ты и показал себя. И лицо свое, и характер. Это подлость вдвойне. С тобой и зняться не следовало бы.

Они долго не встречались. Но постепенно Юрий потеплел, и они снова стали дружить.

По существу, Юрий и Герман были разными во всём. Юрий был трудолюбив, Герман уклонялся от труда, особенно чернового, физического. Он считал физическую работу «божьим наказанием». Юрий был скромн, Герман бесцеремонен и часто лгал. Для Юрия данное им слово — закон, для Германа ничего не значило нарушить своё слово. Более того. У него была даже своя философия на этот счёт. Он считал, что только то слово надо выполнять, которое ты дал своему близкому человеку. Если же человек далёк от тебя, то выполнять слово необязательно.

И, несмотря на полную противоположность характеров и взглядов, они много лет дружили, да так, что друг без друга не обходились ни одного дня. Особенно до окончания средней школы. После десятого класса пути их разошлись. Юрий пошёл на физико-математический факультет университета, Герман — на литературный.

Но, поступив на разные факультеты, они оставались друзьями и по-прежнему часто ходили друг к другу в гости.

Юрий искренне и тепло относился к своему другу. Он верил в большую мужскую дружбу и даже идеализировал её. Он очень жалел, что им не пришлось на фронте доказать, что значит их святая дружба.

Юрию нравилось, что Герман всегда охотно его выручал. Понадобится ли ему какая-нибудь книга, Герман всегда её достанет. Если Юрию понадобится приобрести что-либо модное из одежды — и тут Герман придёт на выручку.

С возрастом Юрий все больше видел в своём друге недостатков, но он многое умел прощать людям — может быть, слишком многое. Думал, что это всё шелуха, наносное, пройдёт немного времени, Герман возмужает и дурь из него вылетит. Юрий пуще всего боялся проявить свою неверность в дружбе. В его записной книжке сохранилось немало высказываний мудрецов о дружбе...

Для истинных друзей
Ты жизни не жалеи.
Но отличать умеи
От недругов друзей.

«Что же Герман? — думал Юрий, размышляя над письмом. — Или он всегда был недругом, а носил личину друга, или он забыл святой закон дружбы и предал товарища? И не только предал. Он как бы всадил ему в спину нож в такое трудное время...»

Вспомнилось изречение, которое он много раз читал: «Как в дружбе, так и во вражде поставь определённые границы доверчивости твоей и неприязни, пока тысячу раз не проверишь человека. Пусть первая не доходит до того, чтобы стать опасной, а вторая — непримиримой. В делах могут быть очень странные превратности...»

Перевёл эти мысли на Германа. «Может быть, я напрасно доверился ему и открыл перед ним своё сердце, как перед братом? А чем он заслужил такое доверие с моей стороны?..»

Открыл книгу, начал читать:

«Не доверяй всем тем, кто выказывает тебе чрезмерную любовь, едва успев познакомиться с тобою и не имея на то достаточных оснований. Будь также осторожен с теми, кто смущённо признаётся тебе, что повинен во всех основных человеческих добродетелях, которые он именуется слабостью». «Странно, — подумал Юрий. — Это явно как будто с Германа списывали. Он с первых же дней, ещё не узнав меня, выказывал свою любовь и преданность. А уж о своих добродетелях он говорил всем и каждому и нисколько этим не смущается. Почему это так, я ведь это всё читал. Почему же я на это не обратил внимания? Наконец, за что я уважаю Германа?..»

Вспомнил, как Герман, будучи аспирантом, опубликовал подборку своих стихов. В глазах многих товарищей — всех, кто знал Германа, его престиж резко поднялся. В душе и Юрий восхищался талантом товарища, хотя стихи его многие находили бесцветными. Он, конечно, обладал способностями, но для развития ему не хватало упорства, трудолюбия. Только трудолюбие, доходящее до одержимости, поможет развить природный дар.

Примером этому являются все наши выдающиеся учёные, писатели, поэты. И лучший образец — А. С. Пушкин. При его могучем поэтическом даровании он обладал феноменальной работоспособностью. О его трудолюбии говорит и его словарный запас. Как известно, он составляет 22 тысячи слов и не имеет себе равного. А ведь чтобы эти слова употреблять, надо знать их значение.

Народная мудрость гласит: «Человек неталантливый, но трудолюбивый может достигнуть большего и принесёт народу пользы больше, чем человек талантливый, но нетрудолюбивый».

Расхваленный сверх меры, Герман зазнался, перестал трудиться. Его всюду представляли талантливым поэтом, а на самом деле он писал пустые, обычные стихи. Вскоре его перестали хвалить, но, привыкший к лестям, он решил, что его затирают. Окружил себя такими же, как он, неудачниками, недовольными всем на свете. Они вместе пили, хвалили друг друга, говорили, что их не понимают, и... опускались всё ниже. Перед посторонними выхвалялись, старались блеснуть учёностью. А люди этого не любят, воспитанный человек придерживается правила: носи свою учёность, как носят часы, — во внутреннем кармане, и не вынимай их только для того, чтобы показать, что они у тебя есть. Юрий продолжал верить в способности друга, но часто ему говорил: ты мало работаешь и много говоришь о своём таланте.

Герман раздражался при таких замечаниях; особенно же его бесило трудолюбие Юрия. Тот не щадил себя на работе и на глазах у всех вырастал в большого учёного. И чем дальше продвигался Юрий, тем сильнее завидовал ему Герман.

Талантливый человек порадовался бы успехам своего друга, ибо мера талантности прямо пропорциональна благородству характера человека, его порядочности. Но Герман превратился в завистника.

«Неужели зависть? — пришла вдруг догадка Юрию в горестные минуты размышления над письмом. — Зависть, это низменное чувство, водило его рукой... Что же другое могло побудить на такой низкий поступок?»

Юрий так был потрясен предательством товарища, что не мог ни делать ничего, ни думать ни о чём. В жизни своей он встречал немало неудач, неприятностей — нередко приходилось ему сталкиваться с заведомой ложью, неприятием его идей, мыслей. Жизнь есть жизнь, даже у самого удачливого человека хватает огорчений и непредвиденных затруднений. И он всегда терпеливо, не теряя достоинства и такта, преодолевал всякие препятствия, проявлял завидное терпение и упорство в достижении поставленных целей. Неудачи не обескураживали его, он не терялся, не терзался сомнениями и тем более не впадал в панику. Сам себе любил повторять: «Это естественно, этого следовало ожидать — лёгких побед не бывает. Случаются, конечно, лёгкие удачи, но они редки, на них нельзя рассчитывать». Так он мысленно рассуждал сам с собой, готовя себя, свою психологию к труднейшим делам, к решению таких задач, которые потребуют всё больших и больших сил. И верил, знал: такая философия помогает ему, служит подспорьем в решении научных задач, в преодолении мелких и крупных жизненных неурядиц. Но здесь он сник: предательство товарища его как обухом ударило. Враз, в один миг обрушился целый мир привязанностей, надежд, воспоминаний. Зашаталось главное, что держало его в жизни: вера в людей. Думалось невольно: «Если уж товарищ так поступает, то что же другие?.. Что же они такое — люди?.. Стоит ли для них трудиться, тратить так много сил?..»

Грустные это были мысли, тяжкие...

Он помнит, как Герман чуть не втянул его в одну компанию. Он обратил внимание на то, как настойчиво эти люди уговаривают новичков следовать их примеру и, если кто отказывается, поднимают того на смех, как «труса» или как «святошу». Чаще всего это пустые, никчемные люди, которые мнят о себе много и хотят быть на виду. Однако, не имея возможности блеснуть перед своими друзьями какими-то высокими и благородными поступками, они стараются превзойти друг друга в пошлости.

В этой компании, Юрий заметил, широко распространены выражения: «действовать как мужчина», «говорить как мужчина с мужчиной» и т. д., что чаще всего значит действовать грубо, говорить нецензурными словами и т. д. Но Юрий с детства, ещё от отца усвоил, что вульгарность речи есть признак вульгарности и заурядности. В этой компании он совсем не видел людей, которые бы проявляли спокойную уверенность и невозмутимость в сочетании со скромностью.

Быстро раскусив сущность ребят, составлявших эту компанию, ясно увидев их пустоту, Юрий покинул их и больше туда не возвращался.

Но он хорошо помнит, что даже среди этих людей измена и предательство по отношению к своему другу считались самым постыдным поступком...

У Юрия разладился сон. Иногда целую ночь напролёт не смыкал глаз. Он лежал, погасив свет, а мысли одна другой печальнее неслись в его разгоряченной голове. Как ни старался, как ни убеждал себя Юрий, он не мог унять возмущение вероломством Германа. В течение стольких лет так хитро и коварно играть роль товарища!..

Бессонные ночи отрицательно сказались на здоровье Юрия. Однажды к утру он почувствовал, что его голову сдавливают тисками. Попытка встать с постели кончилась тем, что он чуть не потерял сознание и вынужден был снова лечь. Только после того, как он почувствовал, что не может даже поднять головы, он позвал отца и все рассказал ему.

Отец сильно беспокоился. Созвонившись со своим институтским товарищем, профессором Булатовым, он попросил его приехать и проконсультировать сына.

Они оба долго его обследовали, но установить причину болезни не могли. Порекомендовав больному покой и сердечные, решили наблюдать, как потечёт болезнь дальше.

Следующую ночь Юрий провёл так же беспокойно. Принял большую дозу снотворного, забылся ненадолго тяжёлым сном и проснулся весь в поту. Головная боль усиливалась. Утром он попросил его поднять. Но когда Юрия поставили на ноги, он тут же потерял сознание. Его уложили в постель, сделали укол. Долгое время Юрий не приходил в сознание, а когда очнулся — правая нога и рука не слушались его. Инсульт!..

Стали растирать руку и ногу. Постепенно появилась слабая чувствительность и лёгкие движения в руке и ноге. Но он не мог говорить. Речь потом хоть и возвращалась, но была невнятной.

Снова позвали профессора Булатова. Он поставил диагноз правостороннего гемипареза (то есть неполного паралича), порекомендовал положить больного в клинику. За это время Юрию опять стало хуже. Наметившееся было улучшение в движениях конечностей и в произношении слов вновь сменилось ухудшением состояния. Головные боли нарастали. Больной часто терял сознание.

Галя и Таня не отходили от больного. Как только Пантелеймон Константинович Булатов упомянул, что он хотел бы проконсультировать больного со мною, Таня тотчас же прибежала ко мне. Поняв из её сбивчивого рассказа трагичность ситуации, я, отложив все дела, пошёл в терапевтическую клинику, где лежал Юрий. Пантелеймон Константинович вместе с отцом Юрия подробно рассказали мне ход заболевания. Требовалось срочно установить диагноз и наметить лечение, пока не наступил полный паралич.

Что здесь могло быть? Кровоизлияние в мозг? Но в этом случае у больного не наблюдалось бы периодов улучшения и ухудшения, был бы стойкий паралич. Пока же заболевание шло наподобие перемежающейся хромоты, которая случается при сосудистых заболеваниях нижних конечностей. Может быть, и здесь дело в сосудах, питающих мозг? А если так, то что именно явилось причиной паралича: спазм, закупорка, тромб или разрыв сосуда?

Несомненным для меня было одно: болезнь явилась результатом перенапряжения нервной системы, вызванного конфликтной ситуацией, искусственно созданной его недругами. Подобные явления существовали во все времена.

Страх перед голодной смертью, холодом, перед грозными явлениями природы, любовные драмы, смерти близких, наконец, встречи с врагами, соперниками, схватки с ними ставили человека на грань крайнего психического напряжения. Как правило, в эти моменты он действовал: кидался в драку, убегал, догонял, строил преграды, добывал пищу. Психическое напряжение спадало, нервы находили разрядку.

В наше время в большинстве случаев в моменты эмоциональных нагрузок, даже самых крайних, человек вынужден «включать тормозную систему», то есть стараться в любых обстоятельствах сохранить спокойствие. «Казаться улыбчивым и простым — самое высшее в мире искусство» (С. Есенин). О человеке, умеющем держать себя в постоянной, подобающей его личности форме, обычно говорят: человек культурный, воспитанный, волевой — этот лица не уронит, ведёт себя с достоинством и т. д. И это, конечно, правильно. Такое поведение соответствует самым высоким понятиям о морали современного человека, его нравственности, поведении. Но в этих случаях нагрузку на себя принимает нервная система. Однако наши нервы, как и всё на свете, имеют определённый запас прочности. Постепенно этот запас иссякает, и появляются аномалии, болезни, которые являются прямым или косвенным следствием перенапряжения нервной системы. Таких аномалий много, их не счесть; трудно найти в организме участок, который бы не находился в зависимости от состояния нервной системы и на который бы перенапряжение или стресс не действовали.

Тяжелый стресс возникает под влиянием чрезвычайных раздражителей: сильная интоксикация, инфекция, ожоги, травма и т. д.

Если в результате «чрезвычайного раздражителя» возникают повреждения или «поломы» в виде различных патологических процессов, развивается усиленная деятельность всех механизмов, приспособляющих организм к новым условиям.

Стрессовые воздействия ведут к глубоким нарушениям функций всех систем и органов, которые мобилизуют свои силы на борьбу с раздражителями. Возникает усиленная деятельность сердечно-сосудистой системы, нервной системы, всех эндокринно-гормональных механизмов. Надпочечники выбрасывают в кровь большое количество адреналина. Последний вызывает бурный спазм сосудов, что ведёт к усилению деятельности сердца, лёгких, печени, к чрезмерному расходованию энергетических ресурсов.

При длительном или очень интенсивном действии раздражителя адаптационные способности организма могут оказаться недостаточными или быстро израсходованными. Это приводит к потере или истощению возможностей к сопротивлению, к развитию дистрофических расстройств, возникновению заболевания и даже к гибели организма.

Дальнейшее развитие этого вопроса, в частности русскими учёными, с точки зрения учения И. П. Павлова о нервизме показало, что стресс может возникнуть не только от каких-то физико-химических воздействий на организм, но и от психической травмы в виде грубого слова, неприятного сообщения, тяжёлого горя.

Отсюда появился новый термин «психоэмоциональный стресс», который может производить не меньше разрушений в организме, чем действие любых физических агентов.

Большую работу проделал профессор В. Г. Старцев, который в течение двадцати лет экспериментально изучал этот вопрос на обезьянах. Он доказал, что психоэмоциональный стресс сопровождается глубокими сдвигами во всех физиологических системах: возбуждение, изменение электрокардиограммы, сердечного ритма, артериального давления, состава крови, уровня сахара в крови, гормональной картины, желудочной секреции. Ему удалось доказать, что только тот психоэмоциональный стресс приводит к болезни, который повторно прерывает естественное, нормальное возбуждение какой-либо системы. Для обезьян мощным психоэмоциональным стрессом является придание ей неподвижности, так называемый иммобилизационный стресс. Но могут быть применены и другие виды стрессов, как, например, увод от самки или ловля убежавшей из вольера обезьяны. И если нормальное пищевое возбуждение, то есть обычную еду, повторно прерывать иммобилизационным или другим стрессом, это приведёт к хроническому нарушению условных пищевых рефлексов, к желудочной ахилии, к предраковым заболеваниям желудка.

Применение усиленной работы сердечно-сосудистой системы при пятиминутном преследовании обезьянки с последующей её иммобилизацией приводит к гипертонии и инфаркту миокарда. При комбинации сахарных нагрузок с иммобилизацией развивается сахарный диабет и т. д. То есть экспериментально доказана возможность возникновения тяжёлых заболеваний различных систем и органов под воздействием психоэмоционального раздражителя.

Данные, полученные на обезьянах, помогают нам найти объяснение причин возникновения целого ряда заболеваний человека под влиянием психоэмоциональной травмы.

Можно легко представить, что если обычный приём пищи будет прерван каким-то неприятным телефонным разговором или ссорой, например между супругами, то сразу же нарушается нормальный пищевой рефлекс, желудочный сок перестает вырабатываться, наступает расстройство функции пищеварения. Повторные психоэмоциональные стрессы во время приёма пищи могут привести к тяжёлому расстройству функции всего пищеварительного тракта с последующим органическим заболеванием.

Если повторно во время энергичной деятельности сердечно-сосудистой системы будет иметь место психоэмоциональный стресс, может возникнуть серьёзное заболевание сердечно-сосудистой системы. Если в рабочем коллективе, скажем, начальником создана нездоровая обстановка, то уже при приближении к кабинету начальника у подчиненного будет сердцебиение, «как после десятикилометрового пробега». И если при такой возбуждённой работе сердечно-сосудистой системы возникнет психоэмоциональный стресс, это неизбежно скажется на функции сердечно-сосудистой системы. При повторных стрессах в подобной ситуации возникает тяжёлое заболевание в виде стенокардии, инфаркта или гипертонии.

Большое значение на силу воздействия психоэмоционального стресса оказывает психологический настрой человека, при котором возникает стресс.

Если человек, уже идя на работу, думает о ней с неприятным чувством, если у него при одной мысли о своих сослуживцах болезненно сжимается сердце, в этих случаях стресс окажет более сильное воздействие, чем на человека, идущего на работу как на праздник.

Приведённые нами краткие данные показывают, что здоровая обстановка на службе и дома, взаимное уважение и бережное отношение друг к другу, к человеческому достоинству товарища по работе и семье часто предохраняют или резко снижают степень воздействия на человека любого психоэмоционального стресса.

Очень важно отношение человека к раздражителям, умение относиться даже к очень неприятным явлениям как можно проще, легче, не придавая им особого значения, не отводя им в своём сердце много места. Тут надо подключать интеллект, ум, развивать в себе способность самоанализа, самоконтроля, самонастроения. Надо постараться воспитать в себе не только способность «казаться улыбчивым и простым», но и быть таковым.

Слабости людей, их пороки, встречающиеся ещё некрасивые поступки, взрывы нетерпимости следует воспринимать спокойнее, как нечто такое, что не вами заведено и вы одни не сумеете это исправить. На мой взгляд, тут необходимо выработать в себе некоторую снисходительность к подобным поступкам, умение понять и, может быть, извинить минутную слабость человека, особенно близкого вам. Разумеется, я не призываю к всепрощению, не советую подставлять левую щеку, если вас ударили по правой. Нет, конечно, за всякую подлость, хамство человека следует наказывать, ставить его на место — иначе он распояшется и будет ещё больше приносить людям зла.

Но ограждать своё сердце, свою нервную систему, своё здоровье от неприятных раздражителей — этому следует научиться, это необходимо для здоровья.

Юрий Рылев, всецело занятый наукой, не смог оказать сопротивления неблагоприятным раздражителям, и возникший в результате внутреннего конфликта психоэмоциональный стресс оказал губительное влияние на его сосуды в самом ответственном месте, на сосуды, питающие мозг.

Что мне было делать? Казалось бы, чего проще ответить, что это не по моей специальности. Что надо проконсультировать и лечить у невропатолога и т. д. Но можно ли было так ответить, когда все здесь присутствующие отлично понимали: только какое-то чрезвычайное вмешательство может предупредить катастрофу. И столько было в их лицах горя и мольбы, что я тут же решил, что надо сделать всё возможное и невозможное, чтобы спасти Юрия.

Я распорядился перевести больного в нашу клинику и срочно провести ему специальное исследование.

Надо было ввести контрастное вещество в аорту, с тем чтобы оттуда оно попало в сосуды, снабжающие кровью мозг. И в этот момент произвести серию снимков.

На рентгеновских снимках оказалось, что левая внутренняя сонная артерия, питающая левую половину мозга, закупорена полностью. Это значит, что очень скоро гемипарез перейдет в полный паралич. Есть ли надежда восстановить проходимость сосуда, а тем самым питание мозга, можно сказать лишь во время операции, которая сама по себе представляла большой риск.

Надо было вскрывать сосуд, питающий мозг. А если не удастся восстановить его проходимость? А если наступит разрыв сосуда и его надо перевязать? А если начнётся большое кровотечение, которое не удастся остановить?

Я знаю по прежнему опыту, как опасно иметь дело с сосудами на шее! Ведь если из-за возникшего кровотечения придётся перевязать сосуд, питающий мозг, то в большинстве случаев наступает смерть. А к этому надо быть всегда готовым. Более того. Если для работы на сосуде мне придётся его пережать даже временно, то и это уже большой риск, ибо если пережатие продлится более 3—4 минут, то наступит кислородное голодание и гибель мозга с тем же печальным исходом. Наконец, больной столь ослаблен, что может не перенести такую операцию! А как я выйду из операционной, как буду смотреть в глаза отцу, жене, его друзьям? Не лучше ли отказаться от такой рискованной операции, которой я ещё не делал, хотя давно уже и готовился к ней?!

Все эти сомнения я изложил перед Пантелеймоном Константиновичем и членами семьи Юрия. Видя совершенно безнадежное состояние больного, они сразу же согласились на операцию.

Я решил делать её тотчас же, вечером, не дожидаясь утра, так как каждый час тут мог иметь решающее значение. Когда я вышел из палаты, где лежал Юрий, за мной следом вышла Галя.

— Фёдор Григорьевич, — сказала она со слезами на глазах, — сделайте так, чтобы Юрий остался жив. Если он умрет, я также не буду жить. Ведь в его болезни виновата прежде всего я, и этого я себе никогда не прощу.

Надо сказать, что, как только обнаружилось у Юрия столь серьёзное заболевание, Галя не находила себе места от тяжёлых переживаний, беспокойства за судьбу мужа и постоянных упреков себе, что она своими глупыми ревнивыми подозрениями подливала масла в огонь, который сознательно разводили недруги Юрия.

Уже с первых жалоб его на головные боли, которые — она это хорошо видела — он тщательно скрывал, она вдруг сразу испугалась за него и как будто другими глазами посмотрела на всё, что делается вокруг.

Увлечённый своей работой, ничего не подозревая, он старался оправдываться, «вины не зная за собой» и чувствуя, что его оправдания оказываются шаткими перед хорошо подтасованными «фактами», нервничал, тяжело переживал своё бессилие.

Когда Галя увидела, что муж уже почти разбит параличом, что к этому всё идёт, что над ним нависла смертельная опасность, чувство собственной вины стало мучить её.

Тяжело переживал болезнь своего любимого ученика и руководитель кафедры, слишком поздно понявший всю несложную механику хорошо задуманной травли молодого учёного. Со всех сторон нам звонили, обращались лично, прося сделать всё возможное для спасения молодого учёного, сына, мужа, отца маленьких детей!

Но нас не надо было ни о чём просить. Мы и без этого принимали все меры к тому, чтобы спасти Юрия.

Очень сложно было определить место поражения сосуда, вызвавшего паралич. Процесс мог быть внутри черепа. И тогда наше хирургическое вмешательство было бы бессмысленно. Хорошо, что у Юрия была выявлена закупорка внутренней сонной артерии, и это давало какую-то надежду. Но что за процесс в сосуде? Может быть, полное заращение просвета сосуда, как мы говорим, его облитерация, и тогда мы бессильны помочь больному. Если же окажется артериосклеротическая бляшка, прикрывающая просвет, тогда есть надежда, что мы её удалим и восстановим проходимость сосуда.

Но тут мог быть и тромб, закупоривающий сосуд и уходящий глубоко в полость черепа. И тогда все будет зависеть от того, удастся ли извлечь тромб из сосуда. Словом, была сотня различных ситуаций, в каждой из них Юрия подстерегала смертельная опасность, а меня полная неудача.

Мне предстояла одна из тех операций, которые тяжело отзываются на моем собственном состоянии. Несколько часов я буду стоять у стола и испытывать сильнейшее нервное напряжение. В случае благополучного исхода меня ждёт много беспокойных

дней и бессонных ночей послеоперационного периода. В случае неудачи... Ещё более изнурительные часы, когда вся нервная система будет напряжена до предела. А умри больной? Нередко бывает так: вначале просят, умоляют, на любой риск согласны, а умрет больной, и разговаривать с хирургом не хотят, а кто грозит, заявление пишет. Всё ведь бывало в жизни.

Так не лучше ли сказать, что я этих операций не делаю, что я не хочу рисковать, и выписать больного?

Читатель, конечно, скажет: «Что вы, как можно? Ради человека надо идти на риск».

А многие ли из вас, дорогой читатель, ради человека идут на риск? Не чаще ли мы встречаем такое отношение — лучше я уклонюсь, зато мне спокойнее будет.

Очень многие и уж слишком часто и у нас употребляют слово «нет», хотя оно нередко означает бегство с поля боя.

Было бы очень хорошо, если бы каждый на своём посту отвечал бы за слово «нет» ещё больше, чем за слово «да». Тогда бы у нас реже наблюдались случаи бездушия, бюрократизма, невнимательного отношения к человеку. Тогда бы и вышестоящим организациям меньше пришлось бы разбирать жалоб и решать вопросов.

Итак, операция!..

Вскрыв участок шеи, я обнаружил артериосклеротическую бляшку. Она полностью закрывала просвет сосуда, питающего мозг. От бляшки вверх по сосуду шёл тромб длиной в 12 сантиметров. И он тянулся до внутримозговых разветвлений сосуда. Бляшку убрали сравнительно быстро, но тромб... Длинный, рыхлый, он всё время грозил разорваться. Я тянул его и чувствовал, как лицо моё заливают потом.

И когда вытянул, сразу же восстановилось нормальное кровоснабжение мозга...

После операции больной проснулся быстро. Когда он совсем пришёл в себя, первое, на что обратил наше внимание, — это перестала болеть голова. Речь значительно улучшилась. Заторможенные движения стали более активными. Сознание прояснилось. Постоянный туман и какая-то завеса, которая появлялась перед глазами, исчезли. Зрение стало чётким.

Юрий быстро поправлялся. Через десять дней мы разрешили ему ходить, а через три недели он выписался из клиники. Отдохнув несколько недель сначала дома, а затем уехав вместе с Галей в санаторий, Юрий вернулся в институт полноценным работником.

После того как Юрий Рылев выписался из клиники, я долго думал о нём и других больных, которые были поставлены на грань катастрофы не каким-то несчастным случаем, не болезнью от каких-то микробов, не от врождённых недостатков. Нет. Их болезнь так же, как тяжёлое состояние на грани инфаркта у профессора Гафили, есть результат действий других людей, в том числе таких, которые назывались друзьями, добрыми знакомыми.

Я вообще высоко ценю крепкую дружбу, особенно если эта дружба основана на общих жизненных целях, на родстве высоких благородных помыслов. К сожалению, и среди мужчин, даже очень уважаемых, встречается немало людей, преследующих в дружбе только свои, эгоистические цели. Такие люди ненадёжны, на них не стоит и рассчитывать. Они вас не предавали, не делали вам зла, но они и помнят о вас лишь в тех случаях, когда вы им нужны. При этом они сами по себе могут быть и неплохими людьми, но у них, по-видимому, превратное понятие о дружбе.

У меня есть хороший знакомый, инженер, с которым мы встречаемся хоть и редко, но с удовольствием. Это большой специалист в своём деле, эрудированный человек, приятный собеседник. Но он может многие месяцы не звонить. А если позвонит, значит, что-то я ему понадобился. То у него «маленькую пневмонию» обнаружили — надо посоветоваться и подлечиться, то какие-то неполадки в почках нашли — надо бы провериться, то дочку надо проконсультировать.

Встретимся, подлечимся, проверимся, и вновь на много месяцев приятель и голоса не подаёт.

А тут как-то вернулся в город из длительного путешествия и звонит. Спрашивает о здоровье, о том, как провёл лето, рассказывает о том, где был и что делал это лето. Разговор идёт долго, и никаких намёков на необходимость подлечиться, посоветоваться. «Вот, — думаю я, — вспомнил обо мне! Соскучился и звонит, чтобы поговорить». Только я этак подумал, а он «под занавес» и говорит: «А вы помните название лекарства для лечения моей поясницы? Когда мы этим займёмся?!» У меня так всё и оборвалось. Вот ведь как, даже один раз не выдержал! Я, конечно, и виду не подал. Назначил время, удобное для нас обоих.

Ещё более характерную историю рассказал мне мой друг Иван Владимирович. Работал он собственным корреспондентом «Известий» в Донбассе. Там познакомился с местным писателем, уважаемым в городе человеком. Как-то звонит этот писатель Ивану Владимировичу и ведёт с ним примерно такой разговор:

— Как живёшь? Как здоровье? Над чем работаешь? Как чувствует себя супруга? Как дочка?.. и т. д. — А под конец: — Не можешь ли поговорить с начальником шахты — пусть мне отпустит угля.

— А сам-то?

— Мне он может отказать, а тебе не посмеет. Тут ведь все закономерно...

— Ладно, поговорю.

Проходит какое-то время. Вновь звонит приятель. Говорит те же слова: «Как живёшь? Как здоровье? Над чем работаешь?»

И под конец: «Не можешь ли поговорить с таким-то? У них там доски бросовые есть. Они им ни к чему, а мне на даче сараюшечку пристроить...»

«Ладно, поговорю».

Проходит время, снова телефонный звонок. И снова приятель:

«Как живёшь? Над чем работаешь?..»

«Хорошо работаю, и жена чувствует себя хорошо и дочка... А тебе, наверное, нужно что-нибудь?»

«Да вот, видишь ли, кирпича не хватило...»

Разумеется, такие отношения ничего общего с дружбой не имеют. Мои друзья усвоили совсем другой модус: телефонный звонок. Говорит Николай Иванович... Или Юрий Георгиевич... Или Иван Владимирович, или ещё кто...

— Фёдор Григорьевич, как здоровье? Нормально? Может, нужно чего? Мы давно не видались.

— Спасибо, всё нормально, а повидаться бы действительно нужно.

Когда я в отъезде, позвонят домашним, спросят, что да как, когда приедет Фёдор Григорьевич.

А если за чем-нибудь обратишься, то от них за многие годы я не услышал слова «некогда» или «нет». Иногда отлично знаю, что другу моему некогда. Что земля у него горит под ногами. Спросишь:

— Вы спешите? Вам некогда?

— Да нет, — отвечает, — всё нормально. Никуда я не тороплюсь.

Большое впечатление производит на меня отношение к своим друзьям со стороны Кирилла Яковлевича Кондратьева... Зная объём его работы, его занятость, я всегда с восхищением слушаю, как Кирилл Яковлевич спрашивает, всё ли в порядке, не нужна ли помощь. А тут на днях я сломал себе поперечный отросток позвонка и вынужден был лежать, к тому же правой рукой я не мог писать. Вынужденное бездействие для меня было невыносимо. Уже через несколько часов после травмы позвонил Кирилл Яковлевич, справился о здоровье, спросил, не нужна ли помощь.

— Я скоро приеду навестить вас.

Приехал ко мне на дачу. Сидит минут сорок, час. С улицы доносится сигнал машины. Я смотрю на него. А он спокойно говорит:

Это такси. Я же с ним договорился, а он меня выдал.

Оказывается, он не мог отпустить машину, так как в городе у него (а приехал ко мне на дачу) срочное совещание.

А на следующий день позвонил и говорит:

— Вы сейчас работать не можете, так вам самое подходящее поговорить с кем надо. Вы как-то хотели встретиться с работником нашего университета. Как вы смотрите, если завтра мы с ним подъедем к вам и вы сможете выяснить с ним все вопросы?

— Это очень хорошо, — говорю я. — Но зачем же вам-то ехать ко мне на дачу, тратить время, которого у вас всегда в обрез?

— Ну, об этом вы не беспокойтесь, мне полезно отвлечься немного от своих книг.

Я-то знаю, какая это жертва для столь активного учёного, который дорожит каждой минутой, а тут надо потратить несколько часов.

— Кроме того, — добавляет он, — у нас в Комарове есть хорошая медсестра. Если вам нужны какие процедуры, вы скажите, мы вам её пришлем. Только позвоните.

Когда мы выразили свою признательность за такое внимание, Лариса Георгиевна, его супруга, говорит:

— В этом нет ничего особенного. У нас такое правило: если друг заболел или с ним случилась какая неприятность, мы все считаем, что это ЧП номер один. И все мы бросаемся ему на помощь, оставляя свои повседневные дела.

Как бы хорошо, если бы все люди взяли себе на вооружение такое правило. Чудесные у нас люди, но вот этого, очень важного свойства — заботы и внимания друг к другу — иногда недостает. Я же после знакомства с Кондратьевым никому не поверю, если он скажет, что у него не было времени позвонить и справиться о здоровье друга... Уж если Кирилл Яковлевич с его феноменальной загруженностью находит для этого время, то о других и говорить нечего. И за всех тех, кто, подобно мне, имеет таких чудесных, бескорыстных друзей, можно только порадоваться.

Глава V

В памяти моей вереницей проходят молодые люди. Юноши и девушки... Как по-разному складывалась у них жизнь, хотя большинство из них горели одним и тем же огнём любви к Родине, к людям, стремились к тем же благородным идеалам.

Далеко не все из них достигли вершин. Многие застряли в начале пути, разменяв свои годы на пустыки, с другими жизнь обошлась жестоко; третьи сдались, добровольно отказались от борьбы; четвертые по разным причинам не смогли добиться серьёзных результатов, не устроили личного счастья — обозлились на весь свет, стали угрюмыми, сварливыми.

Причин этих много. В одних случаях легкомысленный поступок, небрежность или бравирование мнимыми достоинствами служат началом непоправимых последствий. В других — влияние дурных товарищей; в третьих — искреннее непонимание того, что избранный образ жизни не только обедняет её, но делает малополезной и неинтересной...

Близко соприкасаясь с людьми в минуты, когда они волею обстоятельств ставятся на грань, разделяющую жизнь от смерти, я убедился, что стоит иногда пересилить себя, не поддаваться слабости и можно предупредить роковой исход.

Я убеждён, что молодёжь в основной массе своей талантлива. И мы знаем, какие героические подвиги совершала она в тяжёлые периоды жизни нашей Родины, как славно трудится молодёжь в мирное время, «превращая сказку в быль». И мне больно бывает смотреть, как иные молодые люди нередко безрассудно ведут себя, прожигая лучшие годы. В каждом таком случае страна, может быть, теряет большой талант, большого мастера и во всех случаях верного мужа, заботливого отца, полезного гражданина. И среди причин, стоящих на пути к гармоничному развитию личности, к полноценной отдаче своих способностей Родине, наконец, к личному счастью и счастью своей семьи, надо прежде всего указать на пристрастие к алкогольным напиткам.

Видится мне такая картина.

По железнодорожному полотну из Приозёрска шёл, спотыкаясь и покачиваясь, молодой человек, почти мальчик. Это Геннадий Л., семнадцатилетний студент технического института. Его красивые белокурые волосы растрёпаны, хорошо сшитый костюм выпачкан. Он шёл, что-то бормотал себе под нос, старался ступать на деревянные шпалы. Но они были на разном расстоянии друг от друга, поэтому его шаг, и без того неуверенный, казался издали совсем неестественным. Споткнувшись, он падал, но тут же поднимался и шёл дальше.

Возвращался он с попойки. Приехал в Приозёрск к товарищу по группе справлять его день рождения. Были мальчики и девушки из их группы. Было много вина и водки, была хорошая закуска. Геннадий старался показать себя «настоящим мужчиной» — много пил.

Отец его, инженер, и мать, преподавательница, души не чаяли в своём единственном сыне. Они снисходительно относились к его «шалостям» и сами не прочь были выпить — правда, только в компании и в меру. Сын, глядя на родителей, тоже не отказывался от рюмочки, особенно если в доме были гости. Ему нравилось это состояние, когда он чувствовал себя сильным и храбрым, когда голова слегка кружилась и хотелось делать что-то необычное.

Однажды — ему в то время было пятнадцать лет — Геннадий пришёл домой пьяный. Родители не слишком его бранили.

Словом, в гостях у друга он даже бравировал своим опытом. Девушки с удивлением смотрели на него как на бывалого человека.

Потом они отправились на станцию, чтобы проводить Асю К. Пришли поздно: Ася побежала и успела вскочить в последний вагон. Геннадий на своих непослушных ногах не догнал поезда. Это разозлило его, и он заявил, что пойдёт до станции Кузнечная пешком. И чем больше его уговаривали «не делать глупости», тем решительнее он настаивал на своём.

Геннадий был хороший спортсмен. В нормальном состоянии пройти любой маршрут составляло для него одно удовольствие. Но сейчас ноги плохо слушались и тяжесть в них нарастала.

Вместе с этим в голове все настойчивее прояснялось сознание того, что он поступает глупо. Вспомнилось лицо Володи — он удерживал Геннадия, а когда тот вырвался из рук друга и пошёл, то краем глаза увидел, как покачивал головой Володя и снисходительно улыбался: что, мол, поделаешь, если человек пьян. Володя бывает во всех компаниях, веселится не меньше других, но спиртного не пьёт. Вначале к нему приставали с рюмками, уговаривали, но он твёрдо скажет: «Пить не стану». И товарищи отставали. Авторитет его от этого не падал, наоборот, вырос. Он учился на «отлично» и читал много.

— Нет. Я должен бросить это глупое бравирование! — говорил себе Геннадий, размышляя и о поведении Владимира.

В голове шумело, мысли путались — он не заметил приближающейся сзади электрички.

Почувствовал страшный удар в спину — и потерял сознание.

К нам в клинику его доставили через час после травмы в тяжёлом состоянии, совсем без пульса, с наложенными на бедра кровоостанавливающими жгутами. Обе ноги были настолько исковерканы, что о сохранении конечностей не могло быть и речи.

С большой осторожностью отняли ему обе ноги: одну выше, другую ниже коленного сустава. И потратили много сил, борясь за его жизнь.

Геннадий молча, героически переносил боль. Он ни разу не застонал, что невольно внушало к нему уважение.

После операции юноша вёл себя мужественно. Убитых горем родителей утешал, даже шутил, говоря, что случай отнял у него ноги, зато ума прибавил.

Потом попросил товарищей принести ему книги, стал усиленно заниматься.

Выписавшись из клиники, Геннадий освоил протезы и ещё упорнее стал учиться. Отметки у него все пять лет учебы были отличные. К рюмке он не прикасался.

Вот уже много лет я наблюдаю за жизнью Геннадия: он стал доктором наук, крупным учёным, женился, имеет детей. И хоть сам никогда не говорит о своём увечье, но я часто думаю: почему Геннадию потребовался такой тяжёлый урок, чтобы понять элементарную истину?..

В нашей клинике только за один последний год побывали сотни людей, получивших травму в пьяном виде. Как же дорого они обходятся государству! А если учесть инвалидов и калек, которые пострадали по вине пьяных, то только одна эта сторона превращается в огромное зло для народа. По данным Всемирной организации здравоохранения, алкоголь служит основной причиной смерти в 50 процентах случаев во время автомобильных катастроф. Если же принять во внимание, что смерть от автомобильных катастроф стоит на втором месте среди всех причин смерти человека, уступая только сердечно-сосудистым заболеваниям, то уже одна эта цифра должна заставить насторожиться каждого.

Но судьба Геннадия ещё не самая страшная. Бывают последствия пьянства, которые можно считать хуже смерти.

... Вася Боев никогда в жизни не видел своего отца. Он родился в августе 1941 года, когда отец его, офицер Советской Армии, сражался с фашистами, защищал Родину.

Последнее письмо отец прислал из Киева... Других известий о нём не получали. И Вася только видел во сне, как отец качает его на ноге, а он, захлебываясь от радости, крепко держится своими маленькими ручонками за крепкие мужские руки.

Мать, учительница, с утра до вечера в школе, а ребёнок сначала на попечении соседок, а затем предоставлен сам себе.

Ещё до того, как пошёл в школу, выучился курить. И сколько его мать ни уговаривала, упрекая памятью отца, который не курил и которому было бы горько сознавать, что сын курит, ничего не помогало.

Учился Вася плохо. Отмечено, что дети, рано начавшие курить, проявляют меньше способностей к учению, чем некурящие. Приготовление уроков каждый вечер составляло настоящую муку для матери.

Из класса в класс Вася переходил с трудом. К восемнадцати годам едва окончил восемь классов и пошёл работать учеником электрика. С ранних лет пристрастился к вину. Напрасно мать упрекала его и молила не пить. Однажды, когда он явился домой сильно пьяный, мать наутро заявила: больше она терпеть этого не будет, и если он так с ней поступает, пусть идёт куда хочет — она от него отказывается.

Вместо того чтобы извиниться перед матерью, зная её мягкий характер, он заявил: «Хорошо! Я уйду и больше в дом не явлюсь!» — и хлопнул дверью.

Не выдержав характера, мать бросилась за ним:

— Вася, Вася, вернись, не уходи!.. Догнала сына, схватила за руку.

После этого Вася совершенно распоясался, стал часто приходиться домой пьяным, издевался над матерью.

На работе больше двух месяцев не задерживался.

Потом его призвали в армию. Там он служил хорошо, писал домой хорошие, ласковые письма. Мать была на седьмом небе. Вновь возродилась мечта дать Васе высшее образование.

Вася вернулся из армии подтянутый, весёлый, ласковый. Мать на радости купила ему бутылку водки, позвала знакомых и угостила сына и гостей на славу. Поднимая первую рюмку, Вася сказал хороший тост, при этом добавил, что за два года это его первая рюмка. К несчастью, она оказалась не последней; с неё начались прежние пьяные истории. И вновь глаза матери не просыхали от слез. Не зря говорится, что сколько мужчины выпили водки, столько их матери и жёны пролили слез.

Как-то привёл в дом девушку и сказал:

— Это моя жена — Катя.

Она училась в техникуме. На шею матери сели уже двое, так как Василий по-прежнему денег на питание не давал. С месяц пожили спокойно, а затем он взялся за старое. Жена плакала, а он, пьяный, кричал на неё и несколько раз сильно избил. Катя ушла из дому и подала на развод.

К этому времени с большим трудом он закончил вечернюю школу. Поступил в техникум. Однако бесконечные пьянки мешали учиться, он так его и не закончил.

Как-то Василий Иванович, уже солидный мужчина, выглядевший старше своих 28 лет, привёл в дом девушку и заявил:

— Это моя жена — Вера.

Вера оказалась хорошей, скромной девушкой, которая стала настоящей дочерью матери Василия. Вскоре они стали вместе проливать слёзы над пьяницей — мужем и сыном.

У Веры должен родиться ребёнок. Её заранее положили в больницу, так как беременность протекала тяжёло.

Роды у Веры проходили негладко. Врачи отметили удивительное для её возраста явление: почти полное отсутствие схваток. Пришлось форсировать роды.

Ребёнок родился слабеньким, почти не кричал и, прожив несколько часов, умер. Исследовав ребёнка, врачи обнаружили у него микроцефалию. Врождённое уродство, когда у ребёнка оказывается непропорционально маленький мозг. От греческих слов: «микро» — малый, «цефал» — мозг. Это значило, что, если бы он остался жить, он был бы полным идиотом.

...Через полтора года Вера родила второго сына. На этот раз он оказался здоровеньким: отец, тяжело пережив трагический случай, совсем прекратил пить. Но когда Василий увидел хорошего, здорового мальчишку, то на радостях решил задать пир.

Пригласил всех своих закадычных друзей, и они до поздней ночи пили, гуляли. Когда мать и жена стали урезонивать его друзей, он накричал и на мать и на жену. А заметив, что его друзья уходят, бросился их догонять. Обе женщины, выйдя вскоре вслед за ним, найти его не смогли. А утром Василия доставили к нам из вытрезвителя в бессознательном состоянии. У него оказался перелом основания черепа. Как и где это произошло, никто не знал. С большим трудом нам удалось спасти ему жизнь. Но оказалось, что мы напрасно старались. У него случились необратимые повреждения головного мозга, и он на всю жизнь остался идиотом...

Но как ни тяжёлы последствия травм, полученных в результате пьянства, каким бы бременем ни ложились они на плечи государства, как бы ни ломали они судьбы отдельных людей, травматизм как следствие алкоголизма представляет собою далеко не самое худшее зло.

Алкоголь резко изменяет психику человека, нередко начисто вымывая в нём все то, что отличает его от животного.

Вот страшный пример, который на всю жизнь остался в моей памяти.

Архип Тряпкин ребёнком остался один, без отца, рос в бедности. Пятнадцатилетним юношей пошёл на шахту работать. От поселка Раздольного до шахты было не близко, но юноша твёрдо решил стать шахтером, чтобы иметь специальность и обеспечить мать хоть под старость лет. Работал он прилежно и в двадцать лет был уже на хорошем счёту. Однако вскоре его рост прекратился. Дело в том, что с первых же дней пребывания на шахте он попал в среду таких рабочих, которые считали за правило, выйдя из шахты, выпить. Архип сопротивлялся, но ему говорили: «Что, тебя рюмка водки алкоголиком сделает, что ли? Рабочему человеку надо выпить «с устатку», чтобы лучше поесть, сил набраться».

И действительно, выпивая с товарищами по полстакана водки, Архип не чувствовал к ней никакого влечения и с удовольствием бы не пил, если бы товарищи не настаивали. Однако постепенно водка стала его привлекать, и он уже сам не забывал выпить перед едой.

К двадцати годам он уже пил наравне с другими, много пьющими рабочими и насмеялся над новичками или теми рабочими, которые категорически отказывались пить.

Когда в двадцать два года Архип женился, то попробовал бросить пить. Но не смог. И продолжал пить больше, чем прежде. Начались скандалы в семье. Жена, кроткая женщина, умоляла своего «Архипушку» не пить, но её просьбы и его обещания действовали один-два дня. У них долго не было детей. Когда же родился сын, Архип на радостях напился так, что чуть не умер. Пьяным забавлялся с ребёнком, да так, что у жены каждый раз сердце замирало от страха.

Однажды он пришёл, как всегда, пьяный — сын его спал. Отцу же захотелось поиграть с малышом. Жена загородила дорогу, но Архип её отстранил. Когда жена стала тянуть мужа за рукав от кровати, Архип с силой оттолкнул её, да так, что она ударилась головой об стенку. Началась потасовка; пьяный отец выхватил из кровати мальчика, но тот упал на пол и насмерть разбился.

Мать тут же сошла с ума...

Так выглядит пьянство, когда оно переходит границы, а где лежат эти границы — никто не знает, и каждый пьющий думает, что это его не касается. Между тем из тех, кто так самоуверенно похваляется, выпивая очередную рюмку водки, нередко и получают алкоголики и преступники, теряющие человеческий облик.

Не могу судить о всех молодых людях нашего времени, но многие из тех, с которыми я знаком, взяли себе за моду курить и выпивать спиртное. Таким образом они как бы утверждают себя в жизни, заявляют о своей взрослости, о праве «на все удовольствия и блага жизни». И если им говорят о ложности такого самоутверждения, о вреде курения и пьянства, они воспринимают это как посягательство на их свободу и самостоятельность. Мне кажется, тут виновата не одна только молодёжь, а взрослые,

подавшие дурной пример детям, не сумевшие вовремя внушить им отвращение к самым вредным и дурным привычкам, которыми поражена едва ли не треть всего человечества.

Молодой человек, впервые потянувшийся к водке, должен знать: ни один из тех, кто выпивает первую рюмку водки, не собирается быть пьяницей, а тем более алкоголиком.

Алкоголь — это наркотик, обладающий не только огромной разрушительной силой, но и имеющий в себе свойство развивать пристрастие к нему. И чем раньше будет выпита первая рюмка вина, тем раньше и тяжёлее скажутся её последствия. Для мальчика или девочки 14—16 лет рюмка сухого вина не менее пагубна, чем для взрослого бутылка водки. И можно только удивляться ограниченности иных родителей, учителей, когда они не понимают этого. Как назвать действия директора одной из музыкальных школ в Ленинграде, который при организации школьного вечера «планирует» количество вина на вечер из расчёта по бутылке на каждого подростка?

Чем раньше начнёт пить человек, тем больше у него оснований стать алкоголиком в расцвете творческих сил. Каждый, конечно, говорит о себе: «Я выпью сегодня, а завтра не буду, я не то что другие — этому зелью не поддамся». Между тем у пьющего человека очень рано слабеет воля, и он уже не в силах преодолеть свою страсть, хотя все ещё продолжает похвально, что он в любой момент, как только захочет, бросит пить. Но в том-то и дело, что он уже не может «захотеть». Наоборот, у него все сильнее развивается желание выпить. И он быстро катится вниз, пока с ним не случится катастрофа.

Есть люди, которые рассуждают примерно так: «Плохо, если человек не умеет пить, если он напивается до свинства, но если пить понемногу и не часто — это ничего. Есть же пословица: «Пей, да дело разумей». Или: «Пьяный проспится, дурак — никогда». Да, такие пословицы есть, и родились они, очевидно, в ту пору, когда народ не знал ещё всей пагубы, заложенной в спиртных напитках. С тех пор далеко шагнули и сознание народа, и наши сведения о вреде алкоголя. Ратовать в наше время за умеренное, «культурное пьянство» равносильно призыву «культурно» употреблять морфий или гашиш. Ныне наукой доказано, что алкоголь такой же наркотик, только с более медленным инкубационным периодом.

Лучшая профилактика привычки к выпивке — полный отказ от употребления вина с юношеских лет. Поверьте мне. Те, кто ни разу в жизни не напивался, кто всю жизнь воздерживался от употребления алкоголя, ни разу в жизни не пожалели об этом. Миллионы же пьющих горько сожалеют и раскаиваются в своём пристрастии, но чаще всего это раскаивание у них бывает бесполезным.

Борьбу с пьянством наша молодёжь должна начать с борьбы за будущих людей, за безалкогольную свадьбу.

Борьба с пьянством — это ведь борьба за будущее здоровое поколение людей. Достойный подражания пример подали Саша Маюров и его невеста Валя, о которых С. Швердин написал в «Молодом коммунисте».

«Саша Маюров, комсомольский работник, студент, лектор. И конечно, смельчак. Это он сыграл трезвую свадьбу, да ещё в ресторане, да и трезвенников среди приглашённых было меньшинство, а весело и радостно было всем. Именно радостно, потому что для хмельной кутерьмы слово «радость», по-моему, малоподходящее. Саше, конечно, повезло, потому что и Валя, тогда невеста, а теперь жена его, тоже была убеждённая трезвенница. Так что молодцы оба. Ведь ясно, чтобы провести трезвую свадьбу, победить бытовые предрассудки, от них потребовалась огромная убеждённость в своей правоте».

У Пушкина можно встретить стихи периода его молодости, когда он писал: «Что смолкнул веселия глас?.. Раздайтесь Вакхальны припевы... полнее стакан наливайте...» Можно подумать, что Пушкин проповедует пьянство. Но прочтите все внимательно: как заканчивает Пушкин:

«Да здравствует Разум!» Это значит, что люди собрались не для пьянства, а для обсуждения волнующих проблем а поднятие бокалов лишь дань традиции, создающей атмосферу непринужденной дружеской беседы.

Алкоголизм расстраивает здоровье миллионов людей, увеличивает смертность при целом ряде заболеваний, является причиной многих физических и психогенных болезней, дезорганизует производство, разрушает семью, резко увеличивает преступность и в значительной степени подтачивает моральные устои общества. Однако и это ещё не самые тяжёлые последствия пьянства. Самым большим злом для любого народа и человечества в целом следует считать появление высокого процента умственно неполноценных детей.

Несмотря на столь губительные последствия, немногие представляют себе это зло в его полном объёме. И странно смотреть, как беззаботно к этому относятся многие люди.

Происходит это потому, что расплата приходит позднее, а вначале имеет место кажущееся веселье и хорошее настроение. И многие люди, для того чтобы повеселиться, расслабиться, мысленно отойти от повседневных забот, употребляют вино или водку, и без этого они даже не мыслят себе ни отдыха, ни развлечений.

Действительно, вино или водка (это всё равно, дело только в количестве выпитого в пересчете на градусы), принятые в компании в небольших дозах, развязывают язык, снимают скованность и создают впечатление веселья у людей с заторможенными реакциями. Алкоголь действует прежде всего на высшие центры психической жизни, в частности на центры внимания и самоконтроля. При опьянении утрачивается рассудочность действий, обдуманность поступков, а отсюда излишняя болтливость, легкомысленные поступки, чувство самодовольства.

Здесь нет и не может быть настоящего веселья, после которого остаются приятные эмоции. Это поступки людей под наркозом, вслед за которым приходит посленаркозный период. Веселье и смех у трезвого человека переключают нервную систему на радостное настроение. При этом у молодых людей, а также у людей с сильной нервной системой и волей переключение и настрой наступают легко и быстро без всякого алкоголя, и прибегать к нему — это только портить себе отдых и веселье.

Смех, шутки и хорошее настроение без вина во сто крат ценнее, чем так называемое «веселье», достигнутое приёмом алкоголя. В первом случае они благотворно действуют на нервную систему и способствуют продлению жизни.

Во втором — это нездоровое перевозбуждение нервной системы, вредное само по себе и ведущее неизбежно ко второй стадии, к посленаркозному действию, то есть к угнетению нервной системы.

Герцен по этому поводу писал:

«Вино оглушает человека, даёт возможность забыться, искусственно веселит, раздражает; это оглушение и раздражение тем больше нравится, чем меньше человек развит и чем больше сведён на узкую, пустую жизнь...»

Иным это утверждение великого русского писателя и мыслителя может показаться сомнительным, могут сказать: «Талантливые люди тоже пьют, а иногда и спиваются». Верно, нередко можно встретить и талантливого, и образованного человека, увлекающегося выпивкой. Но Герцен говорил о типическом, о наиболее характерном, о том, что чаще всего встречается. И тут он, конечно, прав. Среди менее образованных и развитых людей чаще встречаются запойные пьяницы. И тут правомерно будет сказать, что пьянство чаще всего идёт от бескультурья, от слабости интеллекта, от неспособности уяснить всю глубину вреда, заключённого в алкогольных напитках.

В старые времена немало способных людей спивалось и гибло раньше времени. Их сломила безысходная нужда и неравная борьба с голодом и нищетой. Как они ни бились, они везде встречали суровый отпор, отбрасывающий их на мрачное дно общественной жизни, обрекавший на вечную работу без цели, съедавший ум вместе с телом.

Но это время миновало. Талант и настойчивость у нас пробьют себе дорогу к сердцам людей, если человек будет упорно бороться и трудиться, а не станет свои первые же неудачи и трудности заливать водкой.

Некоторые полагают, что если человек не напивается допьяна, то это безвредно и на работе не сказывается. Это неверно. Опыты академика И. П. Павлова показали, что у собаки, получившей даже небольшую дозу алкоголя, рефлексы резко снижаются и приходят к норме только на шестой день. Это значит, что человек, пьющий хотя бы раз в неделю, всё время находится под вредным влиянием наркотика, и, если проверить его реакции с помощью точных приборов, они окажутся сниженными и процент ошибок у него будет в этот период больше, чем в трезвом состоянии.

И, по существу, тот, кто пьёт часто, практически никогда не смотрит на жизнь трезвыми глазами.

Необходимо категорически отвергнуть мнение о том, что алкоголь в ряде случаев полезен, что он является питательным веществом, что он может быть применен с лечебной целью.

Ещё в 1912 году И. П. Павлов говорил о необходимости исключения алкоголя из употребления и считал смехотворными «научные» утверждения о пользе небольших доз его.

Пироговский съезд врачей в 1915 году принял резолюцию, в которой дал научное обоснование вреда алкоголя с медицинских позиций. В этой резолюции сказано: 1) нет ни одного органа в человеческом теле, который бы не подвергался разрушительному действию алкоголя; 2) алкоголь не обладает ни одним таким действием, которое не могло бы быть достигнуто другим лечебным средством, действующим лучше, полезнее, безопаснее и надёжнее; 3) необходимо исключить алкоголь из списка лекарственных средств.

Что касается питательности алкоголя, то в нём действительно содержится значительное количество калорий, однако эти калории идут не на созидание, а на сгорание за счёт неразумного употребления энергии.

При приёме алкоголя его действие не ограничивается только тем, что приводит человека в состояние эйфории, когда тот воспринимает окружающее в розовых тонах. У алкоголя есть другая сторона — его непосредственное действие на ткани и органы человека. Принимаемый систематически, он разрушает все органы и системы, и в первую очередь мозг, так как последний насыщается этим ядом в большей степени, чем другие органы, и неизбежно приводит к деградации умственных способностей человека. О концентрации алкоголя в мозгу говорят данные вскрытия лиц, погибших в состоянии алкогольного опьянения. Если принять концентрацию алкоголя в крови за 1, то в печени его будет 1,48; в спинномозговой жидкости — 1,59; в головном мозгу — 1,75.

Можно часто услышать, что вот человек пьёт, а какой талантливый!..

Может быть, у этого человека и есть выраженные способности, но у него не хватило ума, чтобы понять, насколько он сам добровольно губит свои способности. И мы почти не знаем людей, которые бы много пили и в то же время, прожив долго, оставили бы после себя могучий след. Чаще всего они губили свои способности и быстро выходили из строя. Если же они благодаря своим способностям что-то и создавали, то очень рано гибли. Не надо забывать, что способности человека принадлежат не ему одному, а народу, сыном которого он является. Поэтому в силу сыновнего долга каждый талантливый человек обязан беречь свои способности, а не сжигать их в винном угаре.

Дрожание рук, которое мы часто наблюдаем у алкоголиков, есть одно из многих проявлений тяжёлых изменений во всей центральной нервной деятельности человека, в его психике. Изменяется характер, появляются низменные инстинкты. Высшие ассоциативные центры, являющиеся более чувствительными к вредным агентам и менее устойчивыми к их воздействию, разрушаются раньше. Остаются низшие центры. Вот почему пьяницы обычно грубые, с низменными наклонностями люди, которые поражают ограниченностью мышления. Среди пьяниц чаще всего встречаются нарушители трудовой дисциплины, прогульщики, лодыри. У этих людей ослабевает воля. Стремясь выпить, они могут попрошайничать, воровать, способны на любое тяжёлое преступление. Постепенно

они опускаются, превращаются в подонков общества. Многие из них кончают жизнь в психиатрических лечебницах.

Как известно, среди психических заболеваний, вызванных алкоголем, наиболее типичными являются: 1) белая горячка, которая характеризуется галлюцинациями, повышением температуры, повышением кровяного давления, дрожанием рук и всего тела; 2) корсаковский психоз, проявляющийся расстройством памяти, потерей ориентировки, понижением интеллекта, потерей трудоспособности; 3) запой.

Даже от пятидесяти граммов водки у человека затрудняется восприятие, мышление, понижается внимание, движения становятся менее точными, резко снижается работоспособность, хотя выпившему кажется, наоборот, что сил у него прибавилось. Исследования показали: если трезвый человек вытягивает, например, на силомере сто тридцать килограммов, то через два часа после приёма ста граммов водки — только сто восемь.

Особенно стойко снижается работоспособность при систематическом употреблении даже небольших доз алкоголя. Был проведён такой опыт. Две группы молодых, здоровых людей выполняли сдельную работу. Одним разрешили пить пиво, другим — только безалкогольные напитки. У группы людей, употребляющих пиво, резко снизились заработки, и они попросили не давать им пива. Тогда пиво стала получать другая группа, и у неё сразу же снизились заработки из-за снижения работоспособности.

Доказано, что приём 30—50 граммов водки снижает интеллектуальные способности человека на срок от нескольких часов до одного-двух дней. Даже при выполнении таких простых задач, как счёт устный или письменный, 20—25 граммов алкоголя ведут к снижению темпа работы и увеличению количества ошибок. У наборщика скорость набора уменьшалась на 15 процентов, а количество ошибок у машинисток возрастает на 20 процентов.

Уменьшая мышечную силу, алкоголь в то же время нарушает координацию движений. Приём даже малых доз алкоголя нередко ведёт к браку в работе, к тяжёлым авариям...

Хорошо сознавая, что во время операции ничтожная ошибка может повести к трагедии и гибели больного на операционном столе, я за всю жизнь не нарушил правило: не только в день операции, но и накануне её ни разу не выпил глотка вина и всегда ложился вовремя спать, чтобы к операции быть совершенно свежим и бодрым. Вообще же в застольях отпиваю из рюмки самую малость, чтобы не вызвать нареканий соседей по столу и не выглядеть белой вороной. Те, кто присутствовал на операции, особенно на сердце или на лёгких, видели, как хирург в глубине проходит ножницами между двумя крупными сосудами. Они в спайках, их отличить от рубцов почти невозможно, но если отклонишься своим разрезом хоть на один миллиметр, то поранишь сосуд и это может привести к катастрофе. Что, если бы руки хирурга дрожали, внимание рассеивалось, мышцы рук уставали, как часто его операции кончались бы трагедией!

А другие профессии? То и дело мы узнаём, что совершил аварию шофёр, который накануне выпил. Значит, у него нервная система ещё не пришла в норму и реакция оказалась замедленной, движения не столь быстры и не так точны. Чехословацкие учёные провели наблюдение над частотой аварий у пьющих шофёров. Оказалось, что приём кружки пива увеличивает аварии в 7 раз, при приёме 50 граммов аварии чаще в 30 раз, а у выпившего 200 граммов водки аварии в 130 раз чаще, чем у трезвых шофёров.

В опытах на животных к молоку, которым поили собак, прибавляли алкоголь в небольших дозах, но длительное время. У них развивались тяжёлые заболевания внутренних органов. Так, одна собака в опыте, продолжавшемся несколько месяцев, получила в общей сложности два литра спирта. Когда животное погибло, то на вскрытии выявили большие изменения в печени, почках, в желудке и особенно в сердце. Прибавление водки в пищу у молодых щенков вызывает резкое замедление физического и умственного развития и отставание от своих сверстников.

Мне как врачу приходилось наблюдать трагедии, явившиеся в результате употребления алкоголя, особенно в юношеском возрасте.

К нам в клинику поступил Сергей Н. Ему едва перевалило за двадцать, а у него уже был цирроз печени с тяжёлейшим желудочным кровотечением. Он рано начал употреблять спиртные напитки. По-видимому, именно у молодых печень легче подвергается тяжёлому отравлению, и как следствие этого — гепатит, то есть воспаление печени с исходом в цирроз, когда печёночные клетки заменяются рубцом.

Так было и с Серёжей. Он сын родителей, живущих в достатке. В детстве ни в чём не знал отказа. Тратил денег, сколько хотел. Но если отец иногда пытался ввести какую-то дисциплину, то мать и особенно бабушка так на него набрасывались, что тот предпочитал уходить от домашних ссор. С четырнадцати лет Сергей уже попивал коньяк. С шестнадцати — ходил в ресторан. Учился он плохо, в институт поступил не сразу.

Когда Сергею исполнилось двадцать два, родители устроили именины. Серёжа собрал своих друзей, и они пили всю ночь.

Утром у него появилась неудержимая рвота. Сначала пищей, а затем чистой кровью. Его срочно отвезли в больницу, где, несмотря на все меры, кровотечение продолжалось. Несколько дней врачи боролись за его жизнь, часто теряя надежду, что можно спасти больного. Наконец удалось остановить кровотечение. Сергей начал постепенно поправляться. Врачи серьёзно предупредили его, что пить ему совсем нельзя. Месяца два он воздерживался, а потом, видя, что все идёт хорошо, снова начал пить, как и раньше. Через год кровотечение повторилось. Оно было сильнее, чем в предыдущий раз, для спасения Сергея потребовалось больше крови, времени и сил. Наконец кровотечение остановилось. Больной стал поправляться. Выписался он из больницы только через два месяца после остановки кровотечения.

На этот раз не только отец, но и мать и бабушка просили и умоляли его не пить. Но он привык не обращать ни на кого внимания и делать так, как хотел. Поэтому снова пренебрёг мольбами родителей.

Через год — новое кровотечение, ещё сильнее, чем прежде. В этот раз его доставили в нашу клинику.

Несмотря на то что мы ввели ему более двух литров крови, наступил тяжёлый коллапс, то есть резкое падение сердечной деятельности, когда пульс и давление не определялись. Гемоглобин снизился до 27 процентов. Мы начали переливать ему кровь сразу в две вены. Постепенно пульс и давление восстановились. Но кровавая рвота и кишечное кровотечение продолжались ещё восемь дней. Даже после того, как кровотечение остановилось, общая слабость нарастала. Появился асцит — жидкость в животе — первый признак тяжёлой печёночной недостаточности.

Пять недель мы принимали все меры, чтобы вывести Сергея из тяжёлого состояния. Постепенно он начал поправляться. Только через три с лишним месяца больной наконец окреп настолько, что его можно было выписать из клиники. Но родители боялись брать сына домой. Они понимали, что в любой момент кровотечение может повториться и на этот раз его вряд ли можно будет спасти. Мы не могли не согласиться с ними; известно, что восемьдесят процентов больных с циррозом печени умирают в течение года после первого желудочного кровотечения.

Зная о тех операциях, которые мы делали подобным больным, родители попросили пойти на этот шаг.

Задача была трудная. Слишком тяжело пострадала печень у этого молодого алкоголика. Трудно ей будет справиться с работой после операции, которая сама по себе представляла для него очень большой риск. Словом, как это часто случается в нашем деле: и отказать нельзя, и шансов на удачу мало. Я прямо сказал об этом родителям. Отец ниже опустил голову, отвернулся, и было видно, что решать судьбу сына он предоставлял матери. А мать без колебаний взмолилась: «Фёдор Григорьевич, верим вам, верим...», и, видя, что я её не совсем понимаю, продолжала: «Сделайте операцию, ради бога, не отказывайте, не убивайте нас!..» И зарыдала.

Что же оставалось делать! Я согласился.

При этом заболевании происходит сморщивание печени и кровь из желудка и кишечника, в нормальных условиях проходящая через печень и очищающаяся, здесь задерживается и очень медленно и с большим трудом проходит через печёночный фильтр. В результате давление крови в сосудах брюшной полости повышается в пять-шесть раз. Сосуды не рассчитаны на такое давление, и при малейшей травме, а то и без неё возникает кровотечение... Чтобы предупредить повторное кровотечение, надо снизить давление в сосудах брюшной полости (так как из всех этих сосудов кровь собирается в одну большую вену, которая называется воротной, — она как бы является воротами для вхождения в печень). Но как это сделать? Это возможно только путём наложения соустья между воротной и нижней полой веной, расположенной в забрюшинном пространстве.

Освободить эти два крупных, диаметром от полутора до двух с половиной сантиметров, тонкостенных сосуда — большое испытание для нервной системы хирурга. Стенки всех малых ветвей, впадающих в эти две вены, истончены и напряжены. При малейшем к ним прикосновении они рвутся, и оттуда начинается кровотечение, остановить которое каждый раз — проблема. Даже подойти к этим сосудам и то невероятно трудно. Достаточно сказать, что мы, чтобы подойти к сосудам, расположенным в брюшной полости, вскрываем грудную клетку, поднимаем печень вверх и подходим к сосудам сзади и сбоку.

Наложение сосудистого шва — целая проблема. Стенки вен тонкие, как папиросная бумага, они рвутся иногда от одного неосторожного укола, а тут надо наложить десятка полтора швов и стянуть стенки сосудов, чтобы их сблизить, но ни в коем случае не разорвать. Здесь опасности поджидают хирурга на каждом шагу. А ведь может быть и так, что после этой операции, сделанной правильно, больной погибает. Почему? От почечной недостаточности, которая возникает у этих людей вследствие длительного алкогольного отравления. И вот хирург затратил много сил, умения, измучил всю операционную бригаду, а больной погиб. И хоть смерть его последовала не по твоей вине, каково хирургу встречаться с его родными?

Чтобы не подумал читатель, что я преувеличиваю трудность операции, скажу, что в нашей стране мы имеем немало блестящих хирургов и талантливых учёных, которым так же, как и нам, не хотелось бы говорить больному «нет». Однако несколько лет наша клиника оставалась единственной в стране, где производились эти операции.

У Серёжи операция окончилась благополучно. Через два месяца он выписался из клиники в хорошем состоянии. Показался мне через три года. Кровотечения за все это время ни разу не было. Пить он бросил. Окончил институт. Женится. Имеет ребёнка.

Проблема алкогольного цирроза печени продолжают волновать мировую медицинскую общественность. В 1975 году Всемирная организация здравоохранения опубликовала отчёт по вопросу растущей опасности алкоголизма. В этом отчёте циррозу печени уделено большое внимание. Приводятся данные по двадцати пяти странам, из которых видно, что там, где потребление алкоголя на душу населения наивысшее (Франция — 24,66 литра), там показатель смертности от цирроза печени в десять раз выше, чем в стране с наименьшим потреблением (Финляндия — 4,16 литра). При этом никакой разницы нет, употребляют ли в данной стране крепкие или слабые напитки.

Столь интенсивное внимание Всемирной организации здравоохранения к алкогольным циррозам печени не случайно. Каждый такой больной обходится государству в столь большую сумму, что в целом это наносит огромный ущерб бюджету. Например, по данным той же организации, от 10 до 15 процентов госпитализированных больных страдают от заболеваний, вызванных потреблением алкоголя. Более 40 процентов общей суммы, выделенной для нужд здравоохранения, расходуется на лечение этих больных. Страшная сумма, которая должна заставить задуматься каждого, кто хотя немного думает о благе народа.

По существу, у человека нет такого органа, на который бы не распространялось губительное действие алкоголя. В частности, пьющие люди болеют пневмонией в 3—4 раза чаще, чем непьющие. Точно так же и туберкулез лёгких, особенно в более старшем возрасте, значительно чаще у тех, кто злоупотребляет алкоголем.

Вредное действие алкоголя на желудочно-кишечный тракт общеизвестно. У лиц, злоупотребляющих водкой, рак желудка встречается гораздо чаще, чем у трезвенников или пьющих слабые напитки. В Америке была проведена большая кампания за употребление более слабых спиртных напитков. Американцы стали пить виски, сильно разводя его содовой водой. В результате у них резко сократилось количество больных раком желудка.

В настоящее время доказано, что алкоголь способствует гипертонической болезни. Учитывая степень распространения этого заболевания, тяжесть течения и последствия его, алкоголь и в этом случае оказывается очень вредным и опасным агентом.

О действии алкоголя на сердце общеизвестно. Так называемое «бычье сердце» бывает у людей, пьющих слабые спиртные напитки, но в очень больших дозах.

Сердце, желудок, печень, сосуды — всё это в равной степени страдает от алкоголя. Но, как было сказано раньше, наиболее тяжёлые последствия алкоголь оказывает на мозг.

Один шведский учёный пишет: изменения структуры головного мозга возникают не только у закоренелых алкоголиков. Они могут проявляться уже после нескольких лет регулярного употребления спиртного. Наблюдения, проведённые на 20 пациентах клиники по лечению алкоголизма при Каролинской больнице в Стокгольме, свидетельствуют, что у всех обследуемых остановлено уменьшение объёма мозга, или, как говорят, «сморщенный мозг». Младший из них злоупотреблял спиртными в течение четырёх лет, остальные в среднем в течение 12 лет.

У всех были обнаружены явные признаки атрофии мозга.

Изменениям подвергалась кора головного мозга, где происходит мыслительная деятельность, осуществляются функции памяти и т. п. Однако у разных пациентов эти изменения были обнаружены и на разных участках коры. Все двадцать подверглись также психологическим тестам. У пятерых из них отчётливо проявилось снижение мыслительных способностей. У 19 пациентов изменения произошли в лобной доле, и у 17 в затылочной («Дагенс нюхетер», Стокгольм).

Естественно, неизбежно возникает вопрос: есть ли шансы на улучшение деятельности мозга у человека, прекратившего употреблять спиртные напитки?

На этот вопрос, как считают некоторые специалисты, следует ответить положительно.

Мозг и вся нервная система при постоянном употреблении алкоголя резко страдают, а изменения в психической жизни человека возникают рано и прогрессируют быстро.

Сначала снижается внимание. Пьющий с трудом сосредоточивается и при выполнении задания допускает много ошибок.

Затем замечается ослабление памяти. Был у нас один научный сотрудник, который очень часто пил. Несмотря на хорошее образование, он ничего не мог запомнить, хотя ему было сорок-пятьдесят лет, то есть он находился в самом расцвете умственной деятельности. Что бы ему ни поручили, он доставал книжечку и записывал. Если не запишет, все сразу забудет.

Умственный кругозор пьющего человека суживается, интересы ограничиваются. Пьяница даже при всём желании не может отвлечься от вина и хоть в шутку, но постоянно упоминает о бутылке: она у него всё время на уме. У пьющего утрачивается логичность, умение схватить самое главное. Эти качества заменяются шаблонными фразами, эффектными выражениями, употребляемыми не всегда к месту. Всё мышление становится поверхностным, способность к синтезу исчезает.

Я знал научного сотрудника, который больше 10 лет работал над докторской диссертацией. Провел массу экспериментов, прочитал гору литературы, благо хорошо

знал два или три европейских языка и в переводчиках не нуждался. Профессор попросил его принести план диссертации. Он принёс написанное убористым почерком на 12 больших листах. Просмотрев, профессор убедился, что знаний много, но синтез их отсутствует. Он не может из имеющейся горы фактов извлечь самое главное. Профессор тут же, исходя из записанного, составил план диссертации на одной странице. Через два года, защитив диссертацию, научный сотрудник сказал своему руководителю:

— Если бы вы мне этот план составили раньше, я бы уже давно был доктором наук.

То есть у человека ещё сохранились аналитические функции мозга, а синтез — высшая способность мышления — был уже значительно ослаблен.

У алкоголика сильно страдает критическое начало. Он перестаёт правильно понимать обстановку, оценивать своё поведение и своё положение. Отсутствие самокритики объясняется состоянием эйфории, в котором часто пребывает алкоголик, даже вне опьянения.

Воля ослаблена. Алкоголик легко подпадает под влияние порочных людей, совершает nepозволительные действия, которые до начала пьянства никогда бы не совершил. Он склонен ко лжи, обману. В далеко зашедших стадиях ложь доходит до опасного вымысла, который находится на границе с нарушениями психики.

Алкоголик редко доводит задуманное дело до конца. Он может чем-то загореться, за что-то взяться, но при первой же трудности отступает. У него нет ни сил, ни желания её преодолеть.

В далеко зашедших случаях меняется характер алкоголика. Он становится легковозбудимым, злобным, упрямым и жестоким, иногда доходит до бешенства. Так деградирует личность.

Если в таком состоянии человек и бросит пить, полного выздоровления не наступает.

У людей, много пивших и даже уже покончивших с этой привычкой, рано наступает так называемое старческое слабоумие. По-видимому, вследствие повышенной концентрации алкоголя в головном мозге происходит более быстрое разрушение клеток, отчего деградация умственных способностей начинается раньше.

По данным Всемирной организации здравоохранения, число случаев смерти от разных причин у лиц, неумеренно потребляющих алкоголь, в три-четыре раза превышает аналогичный показатель для населения в целом. Средняя продолжительность жизни советских людей — семьдесят два года, пьющих — пятьдесят пять лет.

Вот какой ценой покупается «удовольствие» приложиться к рюмке.

Итак, вино — большое зло для человека, но если бы зло, причиняемое этим напитком, касалось только того, кто пьёт!..

Увы, водка причиняет не меньшее, а, пожалуй, большее зло семье, детям пьющего, коллективу, где он работает, обществу, в котором живёт, государству, народу, к которому он принадлежит. Пьянство — бич человечества. Все выдающиеся люди Земли резко отрицательно высказывались против этой пагубной привычки.

«Опьянение есть добровольное сумасшествие». Аристотель.

«Вино мстит пьянице». Леонардо да Винчи.

«Из всех пороков пьянство более других несовместимо с величием духа». Вальтер Скотт.

«Люди впускают врага в свои уста, который похищает их мозг». Вильям Шекспир.

«Употребление спиртных напитков скотинит и зверит человека». Ф. М. Достоевский.

Подобные высказывания можно было бы продолжать без конца.

Французский врач Деммэ длительное время наблюдал за потомством в десяти семьях алкоголиков. За двадцать восемь лет в этих семьях родилось пятьдесят семь детей,

из них двадцать пять умерли до года, из тридцати двух оставшихся в живых пять страдали эпилепсией, шесть — тяжёлой водянкой головного мозга, двенадцать детей росли беспомощными идиотами, и только девять детей были здоровыми и нормальными.

Не каждый выпивающий является алкоголиком, но даже умеренное употребление спиртных напитков не проходит бесследно для его потомства.

Ребёнок, родившийся от таких родителей, возбуждён, плохо спит, часто вздрагивает во сне, всего пугается. В дошкольном возрасте такие дети капризны, неуравновешенны, порой необузданны, жестоки. В школе учатся плохо, на уроках невнимательны, страдают недостатками памяти, хуже других успевают. Взрослыми они становятся тяжёлыми невропатами. Поэтому уже сто лет назад было высказано положение, которое позднее полностью подтвердилось, что неумеренно пьющий производит на свет психопатов, а умеренно пьющий даёт потомство невропатов.

Кроме того, у пьющих родителей дети часто рождаются с различными уродствами и мучаются всю жизнь, расплачиваясь за грехи родителей. «Пьянство — причина слабости и болезненности детей», — писал Гиппократ.

Как острое, так и хроническое отравление алкоголем действует в высшей степени губительно на зародышевую плазму. Под влиянием алкоголя внутренние элементы зародышевой клетки подвергаются глубоким изменениям, которые кладут начало наследственным вырождениям, или дегенерациям.

Конечно, способности противостоять действию спиртного или позыву пить могут передаваться в силу объективной наследственности, но не это вызывает алкоголическое вырождение. Повторяю, оно зависит только от повреждения алкоголем зародышевых клеток.

Если же человек вследствие алкоголизма своего отца стал слабоумным или эпилептиком, то он обнаруживает тенденцию передавать своё слабоумие или эпилепсию потомкам, хотя сам может совершенно не употреблять спиртных напитков.

Величайшие русские учёные — Д. И. Менделеев, С. П. Боткин, И. М. Сеченов, И. П. Павлов, В. М. Бехтерев — проводили исследование действия алкоголя на живые организмы и убедились в огромном вреде, причиняемом им всему живому. Беременным морским свинкам в течение некоторого времени давали маленькие порции алкоголя. Из 88 детёнышей, рождённых ими, 54 погибли сразу же после рождения. К корму беременной собаки в последние три недели до родов подливали немного водки. Собака ощенилась шестью щенками, но трое из них оказались мёртвыми, а остальные — хилыми и больными.

Врачами всех стран отмечено, что дети пьющих родителей развиваются физически и умственно неполноценными, а родившиеся нормальными отстают в развитии, чаще заболевают, труднее переносят болезни. Большинство таких детей погибает в самом раннем возрасте.

Это обстоятельство заставило Дарвина, Конте и других крупнейших учёных высказаться весьма категорично: привычка к употреблению алкоголя вредит человечеству больше, чем война, голод и чума, вместе взятые.

Учёные следующим образом объясняют влияние алкоголя на потомство:

1 Действие алкоголя идёт по двум направлениям: первое — алкоголизм у мужчин сопровождается глубокими изменениями в половой сфере, включая импотенцию, уменьшение продукции спермы и даже атрофию семенников

Группа учёных из Нью-Йорка опубликовала результаты проведённого ими исследования, предлагая по меньшей мере частичное объяснение этого явления. Так, было установлено, что алкоголь действует на печень таким образом, что это приводит к уменьшению выработки мужского полового гормона — тестостерона.

В первые пять дней испытуемые, которые во время исследования находились в клинике, совсем не употребляли алкоголя. У них проводился ряд диагностических тестов, направленных на определение исходной функции печени и других органов, один из тестов представлял собою биопсию печени, во время которой крошечный кусочек этого органа

брался при помощи полрой иглы, вводимой через брюшную стенку. Изучая образец ткани, врачи смогли измерить активность специфического фермента печени, разрушающего тестостерон.

В течение следующих четырёх недель каждый испытуемый находился на индивидуальной диете соответственно весу его тела. В качестве одного из компонентов этой диеты он выпивал незначительное количество спирта, разведенного во фруктовом соке до крепости вина.

Через 18 часов после того, как месяц «пьянства» был закончен, исследователи произвели дополнительную биопсию печени. Было обнаружено, что уровень фермента, разрушающего тестостерон, возрос от 2 до 5 раз. Анализ крови подтвердил снижение уровня циркулирующего тестостерона, указывая на отсутствие компенсаторного выделения гормона у испытуемых. При алкоголизме поражение печени может быть стойким, но у участвующих в эксперименте выявленный эффект после прекращения потребления алкоголя оказался обратимым.

2. Второй путь воздействия алкоголя на потомство — это прямое влияние на зародышевую клетку. Когда человек находится в алкогольном опьянении, все клетки его организма оказываются насыщенными этим ядом, в том числе и зародышевые клетки, из которых при слиянии мужской и женской клеток зарождается человек. Если зародышевая клетка, будучи отравлена алкоголем, в то же время отделится от телоносителя, она оказывается повреждённой и обуславливает начало дегенерации. Если именно в этот момент произойдет её слияние с другой зародышевой клеткой, даже неотравленной, а ещё хуже, если также алкоголизированной, то произойдет накопление дегенеративных свойств клеток, что и даёт начало появлению отрицательных свойств будущему организму.

Отравление, которое может повредить зародышевую клетку и послужить началом дегенеративных качеств, происходит от многих ядов, действующих разрушительно на цитоплазму и ядро живых клеток, но в практической жизни такое отравление наблюдается чаще всего при алкогольном опьянении.

Учёные подвергли статистической обработке материал, полученный при всенародной переписи в Швейцарии в 1900 году, при которой было выявлено девять тысяч идиотов; оказалось, что почти все они были зачаты в период сбора винограда и на масленице, когда всего более пьют. Максимум нормальных зачатий приходится на начало лета — период наибольшей трезвости.

Русский народ, как, впрочем, и многие другие народы, веками придерживался традиции: на свадьбах молодые не брали в рот капли спиртного.

К сожалению, в последнее время у нас стали забывать эту традицию.

Недавно мы с женой ехали четыре дня в поезде до Иркутска. Рядом с нами поместилась молодая женщина с двумя мальчиками. Одному лет шесть, другому года четыре. Младший был бойкий, смыслённый, правильно говорил, даже пробовал читать. Старший же был вял, говорил мало и невнятно. Когда мы познакомились с ним поближе, оказалось, что он резко отстает от среднего уровня ребят. Ему уже пора идти в школу, а он ещё плохо произносит самые обиходные слова.

Мы заинтересовались ребёнком, я деликатно расспросил его мать о том, когда была свадьба, пили ли они вино и когда родился ребёнок. Оказалось, в день свадьбы жених её сильно напился, и она, поддавшись уговорам приятелей, также выпила. Их первенец родился через девять месяцев после свадьбы.

Насмотревшись на горе родителей, у которых рождаются дети-идиоты, я тяжело переживаю, когда вижу пьяных жениха и невесту.

К нам в клинику поступил больной мальчик шести лет. Его привела молодая интеллигентная женщина Надежда Щеглова. Со слезами на глазах она просила вылечить её ребёнка. Это её единственный сын. Роды были неблагополучные, она долго лежала: с осложнением, и врачи сказали, что детей у неё больше не будет. Она очень любит детей, не мыслит своего существования без них. Но у неё, к сожалению, только один, и тот

тяжело больной. «Помогите, пожалуйста, — попросила она. — Если ребёнок не поправится, я этого не перенесу».

И она рассказала свою историю жизни и замужества.

Надя Щеглова родилась в семье военнослужащего. Отец, кадровый офицер, всю войну провёл на фронте. Был ранен, контужен, но оставался в строю и после войны в чине подполковника продолжал служить в воинских частях. Он часто менял место жительства, поэтому его жена, хотя и имела педагогическое высшее образование, не работала, а все свои знания, всю нежность души отдавала детям: Наде и её старшему брату.

Надя росла в хорошей среде, развивалась успешно. В семнадцать лет она поступила в институт. Там встретила и полюбила однокурсника — Виталия, который был старше её на десять лет, так как до поступления в институт служил в армии и несколько лет работал на производстве. Он также учился хорошо, хотя и совмещал занятия с работой. Окончив институт, решили пожениться.

Перед отъездом сыграли свадьбу. Виталий на свадьбе много пил и раз чуть ли не насильно заставил пить Надю.

Отец и мать почти не пили, печальными глазами они смотрели на Виталия, который вёл себя недостойно, говорил глупости.

На следующий день, проснувшись, Виталий сразу же попросил опохмелиться. Надя тревожно спросила мужа: «Уж не пьешь ли ты?» — «Да, — сказал Виталий, — выпиваю».

Потом они уехали на юг. У них были деньги, и Надя заметила, как Виталий по вечерам, после прогулки, обязательно заглянет в кафе и выпьет бутылочку вина. Наде это не понравилось, но на её намеки, деликатные замечания муж не обращал внимания.

Осенью они уехали на Урал, и оба поступили работать.

Нередко Виталий приходил домой выпивши.

Однажды Надя решила на серьёзный разговор с мужем. Он её успокоил, говоря, что выпивки нужны для дела, что ему ничего не стоит бросить и не пить совсем. Надя несколько успокоилась, но потом убедилась: пьянство — хронический порок Виталия.

Надя написала матери письмо и попросила совета; не лучше ли ей приехать к родителям и пожить у них несколько месяцев без мужа.

У неё подходило время декрета.

Виталий отнесся к отъезду Нади спокойно. На прощание сказал: «Даю тебе слово — пить без тебя не стану».

И в тот же день напился.

Такое бесцеремонное отношение к данному слову — плохой признак. Оно говорит, с одной стороны, о безволии человека, которому нельзя доверять, а во-вторых, дурная страсть зашла так далеко, что он уже находился у неё в плену.

Вскоре Надя поняла, что её присутствие около Виталия бесполезно; она осталась у родителей.

Роды прошли трудно.

Ребёнок родился синим, долго не брал грудь, сосал плохо и всё время кричал. Придя в себя, Надя обратила внимание на ненормальную синюшность и на странный бессмысленный взгляд у ребёнка. Когда она выписывалась, ей сказали, что у её мальчика врождённый порок сердца и водянка головного мозга. С этого момента все её мысли, вся её жизнь сосредоточились на одном: как вылечить ребёнка?..

Она, как только окрепла, понесла его к одному доктору, к другому, повезла в областной центр, затем в Москву. Везде ей называли тот же диагноз, но помочь не могли.

Ребёнок рос, сильно отставая в физическом и, главное, психическом развитии. Когда ему было два года, ей сказали, что у него резко выраженная дебилность и одновременно порок сердца. Полагая, что психическая отсталость есть результат порока сердца, она просила сделать операцию на сердце. Но в то время мало кто делал такие операции.

Надя не успокаивалась, всюду писала, всюду ездила, просила, умоляла сделать ребёнку операцию.

Виталий к тому времени совсем спился. Несколько раз его увольняли с работы. Он шёл на другую, но и там вёл себя по-прежнему. К Наде относился равнодушно. Узнав, что его ребёнок так тяжело болен, он начал беспокоиться, даже кое-куда съездил вместе с Надей, чтобы договориться с врачами. Но вскоре охладел и предался ещё большему пьянству. Всем теперь говорил: «Пью с горя».

Так прошло шесть тяжёлых лет. Мать по-прежнему жила надеждой на излечение ребёнка, зная, что детей у неё не будет. Нет и не будет семейной жизни. Выживая сына, забыла себя и даже свою специальность.

В таком состоянии она обратилась к нам.

После обследования было установлено, что у ребёнка сложный двойной порок, незаращение межжелудочковой и межпредсердной перегородки. Требовалась большая, ещё достаточно не отработанная операция, сопровождающаяся высокой смертностью.

Но главное — у ребёнка был врождённый идиотизм резкой степени. Этот порок никакая операция устранить не могла.

Всё это мы объяснили Наде как можно деликатнее, но в то же время достаточно твёрдо. Дали понять, что лучше всего ей отдать ребёнка в дом для подобных дефективных детей, а самой разойтись с Виталием, хорошенько, полечиться и выйти замуж, — может быть, у неё будет ещё ребёнок.

Она сидела молча. Инстинкт матери боролся в ней с голосом разума — видно было, что она не может ни отдать ребёнка, ни лечиться сама. Но мы продолжали её убеждать.

— Скажите, — неожиданно спросила она, — пьянство мужа могло отразиться на ребёнке?

— Да, несомненно, — ответил я. — Имело значение и другое: в день свадьбы не только он, но и вы были нетрезвы.

Она молча кивала головой.

— Да, да! Я так и думала. Я давно уже решила, что это моя вина... тут больше моей вины. Я не хотела пить, но Виталий... он настаивал. Ну ладно. Вот и расплата.

Я пытался смягчить её терзания.

— Конечно, и ваша выпивка могла играть роль, но главное — это систематическое пьянство мужа. Поэтому, если вздумаете выходить замуж, не повторите свою ошибку. Не выходите за пьяницу.

— А как их узнаешь? Они ведь так часто врут! С этим мы и расстались. Я никогда больше не видел Надю, и она мне больше не писала. Но трагедия женщины врезалась мне в память. И сейчас, спустя много лет, передо мной стоит её страдальческое лицо с безнадёжным, обречённым выражением в глазах...

Такова расплата за выпитое вино в день свадьбы. Столь же тяжело может откликнуться употребление вина беременной и кормящей женщиной. Описано немало случаев тяжёлых отравлений младенцев, вплоть до появления судорожных припадков, оттого что кормящая мать употребляла вино («чтобы увеличить отделение молока»?) не только в день кормления, но и накануне.

Наука установила, что детская смертность в районах, где женщины пьют вино, значительно меньше среди детей, искусственно вскармливаемых, чем среди тех, кто питался материнским молоком.

Таким образом, дети алкоголиков ещё до рождения и сразу появившись на свет уже испытывают на себе влияние алкоголя, причём нередко в такой степени, что все это делает их несчастными на всю жизнь. Если дети не погибли в раннем возрасте или не стали полными идиотами, они всё равно не имеют никаких шансов на счастливое детство. Нет необходимости описывать горестное положение детей в семье алкоголика. Оно достаточно красочно описано в художественной литературе. Причём самое мрачное описание драматических сцен, происходящих в семье пьяницы, не в состоянии в полной

мере представить то трагическое положение, в котором оказываются дети при наличии пьяницы отца. Там же, где пьют оба родителя, там детям хуже, чем быть круглыми сиротами.

Но даже и там, где отец, что называется, «пьёт умеренно», дети испытывают на себе с ранних лет весь гнёт этой страшной привычки.

Дело не только в материальной стороне дела, хотя и это отражается на детях со дня рождения. Пьющий отец предпочитает купить пол-литра, чем детскую игрушку или художественную книгу своему ребёнку. Но, самое главное, дети, которым так важна сердечная теплота и забота отца как старшего друга и защитника, видят и слышат или глупый смех и браваду, или отупелый взгляд и пьяную болтовню, а то и скандалы и драки в семье. Вместо того чтобы в выходной день пойти с детьми в кино или в музей, отец идёт в ресторан или зовёт друзей к себе, и они в течение многих часов набивают тянущиеся к знаниям любопытные головки детей всякой пьяной болтовней, плоскими шутками, а то и того хуже. Детям нужно читать, готовить уроки, а тут «назидательные» речи, которые невнятно бормочет пьяный отец, или песни подгулявшей компании, а то и драки, и буйные эксцессы. И ведь это всё часто в той же комнате, где дети должны заниматься и спать. Какие тут уроки! Какой тут нормальный, здоровый сон?! Группа учителей, изучавшая, как отражается пьянство родителей на успеваемости детей, установила, что в 36 процентах случаев причиной отставания школьников был алкоголизм родителей, а в 50 процентах случаев — частые (по мнению взрослых, «невинные») выпивки и вечеринки дома.

Дети любят подражать взрослым, особенно родителям. Отец или мать — это первые люди, на которых детям хотелось бы походить. Но что они видят? Часто вместо красивого, благородного человека, которым в мечтах они представляют своего отца, перед их глазами встаёт эгоист, вымогатель, грубиян, вконец опустившийся человек.

Но если у детей нет хорошего примера, то ведь они могут подражать и плохому. И вот в семье пьяницы вырастает сын, похожий на отца. Какое приобретение для общества! Какую женщину, подобно его матери, осчастливит он сам!

Но не это ещё самое страшное наследие, которое достаётся детям от пьющих отцов! Самое тяжёлое — это деградация умственных способностей, которая наблюдается у детей алкоголиков, если они даже и родились физически нормальными. При клиническом изучении нервно-психического развития 64 детей, родившихся от отцов, систематически пьянствовавших не менее четырёх-пяти лет до рождения детей, установлено наличие умственной неполноценности у всех этих детей, даже при удовлетворительном физическом развитии. При этом выявлено, что чем больший «алкогольный стаж» имел отец, тем резче проявлялась умственная отсталость у его ребёнка.

В. М. Бехтерев предупреждал, что бедность и преступление, нервные и психические болезни, вырождение потомства — вот что даёт алкоголизм.

Не менее, если не более тягостно положение жены пьяницы. Рождаются дети, мать берет на себя все грубости, всю дикость, а иногда и беспричинную жестокость, чтобы оградить от этого своих детей. Она следит за учением детей, заботится о том, чтобы они были чисты, здоровы, хорошо воспитаны. Она должна накормить детей и пьяницу мужа. На него ей смотреть противно, а она вынуждена говорить так, чтобы хоть в какой-то мере сохранить у детей чувство любви и уважения к отцу.

Часто женщины, больные из-за неудачного брака, с горечью говорят: «О какой любви или даже уважении можно говорить, если каждую неделю, а то и каждый день видишь эту бессмысленную от водки физиономию, слышишь всякую чушь, которую он несёт заплетающимся языком?»

До замужества та или иная женщина привыкла быть в обществе весёлых, жизнерадостных друзей и подруг, она много читала, часто бывала в театре и кино! Девушкой мечтала о красивом, сильном, благородном спутнике жизни, о том, как она будет ходить с ним к родным, к друзьям, в театр, кино... как её муж будет блистать

остроумием, как он всем будет нравиться. А вот вышла замуж, и ей не только не хочется куда-то идти с пьянчужкой, ей стыдно признаться, что её муж совсем не тот человек, о котором она мечтала.

Жизненный опыт, откровенные разговоры с больными убеждают в том, что даже большой и искренней любви может оказаться недостаточно для образования прочного союза и семейного счастья, если супруги, и особенно муж, не проникаются чувством ответственности за семью и за будущих детей.

Любовь и брак только в том случае принесут радость и счастье всем членам семьи, когда супруги, и в первую очередь муж, окажутся достаточно умны, тактичны, заботливы и добры, если они с самого начала будут строить свои взаимоотношения не на эгоизме, не на стремлении выставить себя на первое место, но на искреннем и полном альтруизме, на стремлении все сделать для счастья и радости близкого человека.

Пренебрежение этим обстоятельством очень нередко риводит к разрушению семьи, даже возникшей в результате большой и искренней любви. Тут не остаётся следа и от простого доброжелательного отношения друг к другу. К тому же скоро в результате пьянства появляются и болезни, расстройство нервной системы.

Как-то я по просьбе директора школы пошёл на встречу с будущими выпускниками средней школы. Я прочитал им небольшой доклад о болезнях и операциях на сердце, рассказал о труде врача-хирурга и ответил на вопросы школьников. Когда беседа кончилась, ко мне подошла худенькая, с печальными глазами девочка и робко спросила, не мог бы я посмотреть её маму.

— А что с ней?

— У неё болит сердце.

— А отчего же оно болит? — спросил я, предполагая заранее, что у матери порок сердца, который требует операции, или какое-то терапевтическое заболевание. По-видимому, вопрос я сформулировал не совсем правильно, потому что девочка вся зарделась и сказала:

— Я думаю, что оно у неё болит от папы. Он каждый день пьёт и огорчает маму.

Девочка мне, можно сказать, уже поставила готовый диагноз.

— Хорошо, — сказал я, — пусть мама придёт ко мне в клинику, и пусть она захватит анализы и документы о болезни, если она где лечилась.

И указал адрес и часы.

В назначенное время ко мне пришла ещё совсем молодая женщина. Ей было лет 35—36. Жалобы на боли в сердце, отдающие в руку, в лопатку, — типичные жалобы для стенокардии. Но кроме того, она сказала, что полгода назад у неё был приступ, который сопровождался потерей сознания с последующим парезом верхней и нижней конечностей, затруднением речи. Все эти явления прошли быстро, но она в больнице пролежала более двух с половиной месяцев.

Это было уже много серьезнее. Здесь могла речь идти о тромбозах или кровоизлиянии в мозг. Случается такой приступ или от болезни сосудов сердца, а могло быть самостоятельным заболеванием.

Я попросил женщину раздеться по пояс. Вся она была покрыта розовыми и бледными пятнами. Признак резкого расстройства нервной системы. Проверил ряд рефлексов — они отсутствовали. Да, тут всё говорило о тяжёлом истощении нервной системы типа истерии.

Я послушал её. Тоны сердца были чистые, ясные, не было ни тахикардии, ни перебоев. Стало ясно, что боли в сердце вызваны не органическими, а чисто невrogenными факторами. Отсюда и причины паралича выглядели иначе. Известно, что болезни, вызванные истерией, могут симулировать самые тяжёлые органические заболевания. Проверив анализы, заключения врачей, лечивших женщину от паралича, сопоставив их с теперешним состоянием, я убедился, что и болезнь сердца, и паралич — все её состояние находится в связи с тяжёлым расстройством нервной системы.

Я стал подробно расспрашивать женщину, предупредив её, что она должна говорить мне всю правду, — тогда только я смогу назначить ей верное лечение.

— На службе у меня всё хорошо, — начала она свой рассказ. — Я инженер, заведую отделом. У меня прекрасные отношения с сослуживцами, начальство относится с доверием, меня часто отмечают за хорошую работу, и на службу я хожу легко, свободно и с охотой.

Это очень важно было знать, так как служебные отношения часто отражаются резко на всей нервной системе человека. Не от одного я слышал, что у него такой начальник, что он на службу идёт как на заклание. Здесь же со службой все в порядке.

— А как у вас в семье? — продолжал я расспрашивать.

— У меня муж, дочь, которую вы видели; мы имеем неплохую квартиру, со всеми удобствами. Живём в относительном достатке.

— Кто ваш муж?

— Муж тоже инженер, работает на заводе.

— Каковы у вас отношения?

— Обычные. Он тихий, не скандалит...

Несмотря на успокоительные слова, чувствовалось, что она тут что-то не договаривает.

— У вас не бывает ссор, недомолвок?

Как не бывает? Всё, всё бывает, разве без этого прожить? Но я думаю, что мы ссоримся не больше, чем другие.

Женщина замолчала, на глазах у неё навернулись слёзы. Затем, преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, она сказала:

— Нет, не всё у нас благополучно. Мы поженились по любви и несколько лет прожили счастливо. Муж тихий, спокойный, ко мне относился бережно и почти не пил. Любил меня, а в дочурке и сейчас души не чаёт. Но несколько лет он пьёт систематически. Сначала, когда я попыталась его упрекать, он отговаривался тем, что это нужно ему по службе. В то время по глупости я не поставила ему ультиматума и упустила время. Теперь, наверное, уже поздно.

— Что же, он часто напивается, скандалит, устраивает дебоши?

— Ничего этого нет. Он не теряет рассудка, не напивается допьяна. Но пьёт он ежедневно, и я всегда вижу перед собой пьяного человека. Не помню, когда я говорила с ним трезвым.

— А как он к вам относится?

— Хорошо, по-доброму, без скандалов... Мы уже несколько лет живём как добрые соседи... — закончила она с горечью.

— Каковы ваши супружеские отношения?

— А никаких. Я же сказала, что мы живём как добрые соседи.

— Чем же это вызвано?

— Какое чувство может возникнуть у меня, когда я вижу эти полупьяную, блаженно улыбающуюся физиономию.

Она заплакала.

Положение моё оказалось сложным. Вся её тяжёлая болезнь была результатом семейного конфликта, и именно конфликта интимных сторон брака. Болезнь серьёзная. Один раз она чуть не привела к стойкому параличу. И может привести и к параличу, и к тяжёлой сердечной недостаточности, к гипертонии и т. д.

Медикаментозное лечение без налаживания семейной жизни будет малоэффективно. Это ясно. Но какой тут можно дать совет, когда у них далеко зашло. Прописав ей полный курс медикаментозной терапии, я всё же сказал ей:

— Без налаживания интимной стороны вашей семейной жизни ваше лечение не будет эффективным. Как это ни сложно, как это ни трудно, всё же проявите настойчивость, постарайтесь, чтобы он бросил пить, подлечился и попытайтесь наладить здоровую интимную жизнь. Это будет очень важным моментом в вашем лечении.

— Я постараюсь. Я все понимаю. Не знаю только, удастся ли...

С этим она ушла.

Я долго находился под впечатлением этой тяжёлой истории. Вот вам пример, когда человек на службе считается полноценным работником. Да и в семье для посторонних все вроде выглядит прилично. И каждый скажет: он же не алкоголик! Он пьёт умеренно! А вот к какой семейной трагедии приводит его «умеренная» выпивка. По существу, семьи нет. Девочка, судя по её словам, не только не любит — она ненавидит отца за его пьянство, ибо она инстинктивно чувствует, что в этом причина болезни матери. Жена презирает мужа. Где же тут семья?

И конечно, с её стороны было бы куда более разумным, если бы она в самом начале его пьянства поставила ему ультиматум и ушла. У неё, может, была бы нормальная жизнь. А что её ждёт в дальнейшем с таким мужем? Ничего, кроме неприятности и болезней. Неудивительно, что очень многие наши женщины предпочитают жить одинокими, чем с такими мужьями.

Там же, где муж настоящий алкоголик, — там вся жизнь для женщины превращается в трагедию. Ничего светлого, ничего радостного не остаётся у неё. Жизнь и счастье женщины оказываются растоптанными пьяным сапогом глупого и безвольного мужчины.

Из-за ослабления своих потенциальных возможностей алкоголик перестаёт доверять своей жене, так как его мучают болезненные подозрения, что жена ищет себе мужа «на стороне».

Ослабление внутренних тормозов, атрофия высших чувств и полное отсутствие критического отношения к себе, к своим поступкам устраняют все препятствия к проявлению бешеных вспышек ревности, которые в грубой форме обрушиваются на жену, превращая жизнь жены и детей в сплошной ад. Скандалы и драки в доме становятся обычным явлением, так как алкоголик в пьяном бреду в каждом шаге жены усматривает её измену: если она с ним ласкова — значит, она старается его задобрить, чтобы он ничего не заметил. Если она невнимательна и холодна — это потому, что он любит другого и ей до мужа нет дела. Если она куда-то соберётся уходить, например в магазин за продуктами, — это только предлог. На самом деле она спешит на свидание. Если жена никуда не собирается уходить — она условилась устроить свидание дома и только ждёт, когда муж уйдёт...

Такое поведение мужа-алкоголика быстро приводит к полному угасанию чувств у жены. Часто уже в ранней стадии алкоголизма мужа жена испытывает отвращение к нему и его ласкам. Этому способствует психическая травма, возникающая у неё при виде пьяного мужа, являющегося домой в жалком, отталкивающем виде. Её охватывает брезгливость, которую она не в силах преодолеть. Если же муж в таком виде начнёт приставать к жене с претензиями на ласки, то отвращение жены достигает такой силы, что начинает доминировать над всеми другими чувствами. В результате она будет питать отвращение даже и к трезвому мужу.

Как-то дежурный по клинике мне доложил: приехала женщина из Челябинска. Говорит, что у неё болит сердце, просит, чтобы посмотрели. Я дал распоряжение обследовать её. Затем посмотрел электрокардиограмму. Изменений не было. Врач ей сказал, что сердце у неё здоровое, что нет необходимости отнимать время у профессора, а она настаивает. Говорит: «Не уеду, пока меня не посмотрит профессор».

— Если женщина ехала так далеко, — сказал я заведующему отделением, — то, наверное, у неё были на то причины. Приглашайте больницу.

В кабинет вошла молодая женщина — на вид ей не было и сорока лет. Я попросил её рассказать о своей болезни.

— Я приехала к вам, потому что у меня всё время болит сердце. Я ничего делать не могу, а если чуть поволнуюсь, то совсем все бросаю, держусь за сердце руками.

— Обращались вы к местным врачам?

— И к местным, и к районным, и даже в область ездила. Сделают электрокардиограмму и, как ваши помощники, скажут, что сердце у меня здоровое. И отказываются лечить.

Я послушал больную. Особых изменений не было. Небольшая глухость тонов и несколько учащенное сердцебиение.

Попросил помощников сделать ей баллистокардиограмму, которая лучше всего определяет состояние мышцы сердца.

Через полчаса врач и больная вернулись. В руках у врача был сверток бумаг. Кривые, полученные при записи исследования мышцы сердца, показали значительные отклонения от нормы. Специалист сделала заключение: у больной третья-четвертая степень изменений.

— Расскажите нам о себе подробнее, — обращаюсь я к больной.

— Я обладала удивительным здоровьем. Студенткой была спортсменкой-разрядницей и не раз брала призы. Вышла замуж, родила сына и всё же спорт не бросала и на здоровье не жаловалась.

Но вот мой муж начал пить. С этого времени начались все мои беды. Однажды я простудилась. Мне врачи рекомендуют лежать, а я не могу. Муж приходит пьяный, мальчик в таком возрасте, что его страшно оставлять одного с пьяным отцом, вот и не лечилась. Но это всё прошло. Я крепкая. Поправилась. Хуже другое. Мальчик подрастал, ему нужны были книги, одежда, а муж всё пропивает.

Однажды сын, уже шестнадцатилетним мальчиком, поссорился с пьяным отцом, и тот выгнал его на улицу, на мороз и долго меня к нему не выпускал. А когда я наконец вырвалась, мальчик был чуть жив. Он сильно застудился, и у него получилось осложнение на ухо. Из ушка стала выделяться жидкость. Сходит в поликлинику, дадут какие-то капли, вроде получше, а совсем не проходит. Надо бы везти его в город, но не на что, да и боюсь мужа одного оставить — всё пропьёт. В прошлый год у сына обострились боли в ухе. Сходил он к врачу. Выписали какие-то лекарства, а он их не заказал. «Купил лекарство?» — спрашиваю. Сын мнётся: «Оно очень дорогое. Сейчас у меня нет денег, вот заработаю — куплю». — «Нет, не надо ждать. Надо купить сейчас же. У меня есть немного спрятанных от отца денег».

— Но, — продолжала женщина, — у моего мужа на деньги какое-то исключительное чутье. Куда бы их ни прятала, он обязательно найдёт и пропьёт. Так и в тот раз, денег не оказалось. Лекарство мы не купили, а через некоторое время боли стали меньше, хотя совсем не прошли. Летом сын со своими товарищами поехал на стройку. Писал хорошие, бодрые письма. И вдруг телеграмма от начальника отряда — сын внезапно скончался. На вскрытии — гнойник в среднем ухе, который прорвался в мозг...

Женщина долго молчала, закрыв глаза рукой. Молчали и мы.

— С того времени, — продолжала она, — сердце, которое лишь изредка беспокоило меня, теперь уж не отпускает.

Мы приняли больную в клинику и долго лечили. Месяца через полтора она, уезжая, зашла ко мне в кабинет, где я вместе с другими врачами принимал больных.

— Мне стало лучше. Спасибо вам. Но совсем боли не прошли. Как вспомню про сына или про ту обстановку, что ждёт меня дома, опять сердце заболит.

Помолчала. И затем снова заговорила, вспоминая прошлое:

— Пил он и до свадьбы, но пил немного и слушался меня. Бывало, скажу ему: «Довольно», он и рюмки не возьмёт. Любил меня очень. Мне бы тогда быть понастойчивей да требовательней, он бы и совсем бросил пить. А я всё уступала да всё прощала.

Однажды, ещё до рождения ребёнка, пришёл домой совсем пьяный. Мне бы уйти от него да предупредить строго, что если повторится, то жить с ним не стану, а я, глупая, сапоги с него снимала да ухаживала. Он куражится, а я уговариваю. Ну он и обнаглел. Убедился, что со мной можно не считаться. Вот и получила, что заслужила, — с горечью добавила она и, смахнув слезу, простилась и вышла.

Мы сидели, удручённые драмой женщины.

— Печальная история, — сказал я врачам. — А для нас ещё и поучительная. Вот она заявила, что у неё болит сердце. Но местные врачи не нашли изменений в её сердце и признали её здоровой. Некоторые из вас тоже ей не поверили. А не подумали о том, зачем здоровый человек поедет за тысячу километров в больницу? Если бы она была здорова, она бы поехала в Петергоф, пошла бы в Эрмитаж, Русский музей, а она часами сидит в больнице, ожидая приёма врача. Разве это не убедительное доказательство, что женщина больна, что сердце у неё болит, оно её тревожит настолько, что она оставила пьяницу мужа в квартире. Она знает: муж может всё пропить, он может поджечь квартиру. И всё-таки приехала. Разве это не доказательство, что она больна?

— Но, может быть, Фёдор Григорьевич, сердце у неё не такое уж и больное, а просто «нервное», и сама она истеричка, — заметил один молодой кандидат, недавно успешно защитивший диссертацию.

Я возразил:

— А разве нервное сердце не больное? Оно человека беспокоит, оно не даёт ему жить и работать. Другое дело, что мы не умеем ни диагностировать, ни лечить «нервное» сердце. Так при чём же тут больной? Зачем же на него взваливать наше невежество?

Мы, конечно, не всё знаем, не всё умеем, но уж, во всяком случае, проявить к больному максимум внимания мы можем, и мы это обязаны делать. Здесь же, как вы сами убедились, больная оказалась более права, чем врачи. И достаточно было сделать дополнительное исследование, чтобы в этом убедиться. Почему мы не торопимся сказать, что мы ещё недостаточно грамотны в медицине, чтобы поставить более или менее сложный диагноз? Зато торопимся оттолкнуть больную словами: «Вы здоровы». Или: «Мы этого не делаем», «Мы это не лечим», «У нас нет условий для лечения таких болезней» и т. д. Скажут так больному и спокойны — считают, что они сделали своё дело. Теперь больной как знает, так и поступает, а мы своё дело сделали. И ведь это не только медицины касается.

Скажи «да» — это значит тебе надо что-то делать, давать какие-то распоряжения, что-то писать, кому-то звонить. А тут ещё начальник может сделать недовольную мину: дескать, много на себя берете, и так у нас дел хватает. А произнёсти короткое «нет», и не будет виноватых. Вот уж где оправдывается поговорка: «На нет — суда нет». Я бы только её переделал на другую: «За «нет» — суда нет». А жаль. Если бы за каждое «нет» несли ответственность, не приходилось бы вот так людям попусту ездить за тысячи километров.

Вот так сама собой возникла в моём кабинете беседа об этике врача, о его долге, о долге любого работника, ответственного за судьбы других людей, за судьбу порученного ему дела.

И никто мне не возразил. Слишком очевидны были доводы.

Любой пьяница — это обуза и позор для семьи, даже если он в нетрезвом виде и ведёт себя «нормально», то есть не буянит, не устраивает скандала. Пьющий человек, как правило, плохой производственник. Загляните в его трудовую книжку. Редкий долго задерживается на одном месте. Чаще всего он уже успел поменять несколько служб. И чем больше человек пьёт, тем чаще он меняет место работы. Нередко в трудовой книжке, чтобы с пьяницей не судиться и не делать скандала, администрация пишет: «По собственному желанию». На самом деле это увольнение за пьянку. И очень плохо делают руководители, не отмечая того, что человек заслуживает. В сущности, они обманывают государство.

Поступай они честно, пьяница был бы поставлен в такое положение, когда он или должен бросить пить, или его никуда не примут на работу. Посмотрите на выпившего человека во время работы, и вам станет противно находиться рядом с ним. У пьяного всё валится из рук, мешается чистое с грязным, дельное с мусором, и его пребывание на работе не только бесполезно, но и очень вредно во всех отношениях. А сколько брака, сколько несчастных случаев, в том числе и с человеческими жертвами, на производстве

бывает по вине пьяниц! Причём страдает не только и не всегда пьяный, а нередко совершенно трезвый, ни в чём не повинный человек.

От пьяного страдает общество. Огромное большинство преступлений, самых тяжёлых, совершается в пьяном виде. Л. Н. Толстой писал: «Девять десятых из всего числа преступлений, пятнающих человечество, совершается под влиянием вина».

Разврат, обман, подлоги, поджоги, насилия, развращение малолетних и, наконец, убийства, иногда чудовищные, — вот путь, которым идёт по жизни пьяница. Нередко он и сам трагически погибает или заканчивает жизнь самоубийством.

Проблема пьянства — проблема мировая. Вот данные по некоторым странам: по состоянию на 1962 год в Америке насчитывалось 90 миллионов человек, употребляющих спиртные напитки. Из них хронических алкоголиков 5 миллионов 732 тысячи человек. В 1973 году это число выросло до 9,6 миллиона человек. По терминологии американцев, свыше 13 миллионов граждан Америки относятся к категории сильно выпивающих.

В Америке, как, впрочем, и в других капиталистических странах, процветает так называемый «менеджерский алкоголизм» — употребление вина в сфере деловых людей. Югославский учёный по этому поводу пишет: «Проблема алкоголизма деловых людей специфична в связи со специфичностью отношений, господствующих в капиталистическом обществе. Практика показывает, что при всех деловых встречах обычно употребляются алкогольные напитки. Учитывая, что таких встреч у деловых людей бывает по нескольку в течение одного дня, то получается, что деловой человек вынужден в течение дня несколько раз выпивать хотя бы по рюмочке».

Второй контингент — может быть, более значительный — бездомные, неустроенные люди, не имеющие работы жилья, выбитые из колеи жизни. Американский криминолог Т. Плаут так описал это явление: «Напиваясь, эти отбросы общества выползают из своих трущоб на светлые улицы цивилизованного города и тотчас же попадают в тюрьму за пьянство и затем снова выбрасываются обществом в те же трущобы. Количество бездомных алкоголиков в американских городах катастрофически растёт».

Во Франции в издательстве «Деноэль» вышла книга Франсуа де Клозе «Ложь Франции».

Сколько же во Франции алкоголиков? — задается вопросом автор. И приводит цифры из различных официальных источников. По данным Национального института статистики и экономических исследований, число алкоголиков во Франции превышает 6 миллионов, что составляет 18 процентов взрослого населения. Это один мужчина из каждых четырёх и одна женщина из каждых двенадцати.

По свидетельству автора, во Франции алкоголь вызывает четверть несчастных случаев на работе, сорок процентов дорожных происшествий и убийств.

Многочисленные болезни, которые вызывает алкоголизм, приводят пьяниц в больницу. Госпитализация одного больного алкоголика обходится в 2,5 раза дороже, чем госпитализация больного, не подверженного алкоголизму. В общей сложности пьянство поглощает 42 процента бюджета государственных больниц в Парижском районе, который между тем не относится к числу наиболее «пьющих».

Автор среди прочих причин распространения дурной страсти называет и такую, как доступность спиртного. Он говорит, что во Франции не только не ведётся борьба с этим злом, а, напротив, для него создаются все условия. Существует баснословно широкая сеть быстро да плюс многочисленные рестораны, случайные буфеты. Благодаря этой общенациональной системе, которой нет равных во всём мире, всегда можно быть уверенным, что найдётся под рукой стакан вина. Не говоря уж о том, что оно продаётся свободно везде и в любой час и что алкогольные напитки дешевле всех прочих. Обычное красное вино стоит в два или три раза дешевле, чем содовая вода, кока-кола, фруктовый сок, минеральная вода. Правительство сделало яд доступным для любого кошелька, введя более высокие налоги на воду, чем на вино.

Ко мне из-под Читы приехала совсем молодая женщина.

Она прочитала мою книгу «Сердце хирурга» и написала письмо с просьбой принять её. Не дождавшись ответа — я был в отпуске, — приехала в Ленинград. Её принял один из моих помощников и направил в Институт нейрохирургии на консультацию, поскольку она жаловалась на приступы эпилепсии. В институте её обследовали, признали эпилепсию неясного происхождения и прописали ей ряд противосудорожных средств.

С этими данными она вновь пришла в клинику с надеждой на то, что я тоже смогу её посмотреть. Я был дома, секретарь позвонила и доложила, что меня ждёт женщина и не хочет уезжать, пока я её не посмотрю.

Я попросил её к телефону и попросил завтра под вечер прийти ко мне на квартиру.

При встрече она рассказала мне свою историю.

Её отец, крестьянин-сибиряк, отличался богатырским сложением и крепким здоровьем. Он был в колхозе на хорошем счёту, работал бригадиром. Колхозники, и он в том числе, помимо земледелия и скотоводства, занимались охотой, и будущий отец Груни (так зовут мою больную) был ещё с юности заядлым охотником.

Спокойный, рассудительный, непьющий, он был видным парнем и в двадцать лет женился на девушке из того же колхоза.

В 1941 году, когда он, тридцатилетний, ушёл на фронт, у него было уже пятеро детей. На фронте он показал себя прекрасным солдатом, не раз отличался в боях, награждался медалями, орденами. Два раза был ранен, один раз контужен, но каждый раз, поправившись, возвращался на фронт.

После войны, вернувшись в колхоз, начал пить, да так, что знавшие его односельчане с горечью удивлялись, как сник и опустился некогда красавец мужчина, богатырь и лучший работник на селе.

Дети его сначала учились в деревне, а затем и в областном городе. Он оставался с женой, которая извелась, глядя на опустившегося мужа.

Совершенно неожиданно, в возрасте, когда никто этого не ожидал, она принесла шестого ребёнка. Это и была наша Груня, которая родилась уже от пьяницы отца. И в то время как все её пять братьев и сестёр отличались завидным здоровьем, она росла девочкой слабой и больной.

Отец продолжал пить не переставая. У него всё чаще появлялись галлюцинации, и однажды после очередной пьянки его нашли в сарае повесившимся на 57-м году жизни.

Груне в то время было 15 лет. Она сильно переживала за отца, которого продолжала любить, и в день похорон с ней случился приступ тяжёлой эпилепсии с длительной потерей сознания.

Придя в себя, Груня ничего не помнила, а ей не сказали о приступе, и она постепенно оправилась от удара, нанесенного смертью отца. С тех пор приступы стали повторяться приблизительно раз в год.

В 17 лет Груня вышла замуж, и ко времени приезда у неё было уже двое детей. Однако приступы эпилепсии не прекратились после замужества, как надеялись местные врачи, а продолжались — сначала раз в год, потом всё чаще и чаще, в последнее время один раз в месяц. Главное же, они сопровождалась всё более тяжёлыми судорогами, и все дольше Груня оставалась без сознания.

Выслушав больную, я склонялся к выводу: недуг молодой женщины — следствие алкоголизма отца.

После тщательного обследования Груни мы назначили ей полный курс лечения, который она должна будет проводить ежегодно.

Через два-три года просили показаться нам вновь.

Наши ободряющие разговоры, наш оптимизм передались и ей. Она уже не смотрела на будущее так мрачно, перестала говорить о самоубийстве, а обещала аккуратно выполнять все наши назначения. С тем мы её и отпустили.

У Леонида Андреева есть прекрасный рассказ «Жизнь Василия Фивейского» — тяжело он действует на психику человека, но сила правды, изображенной в нем, неоспорима, как неоспоримы и его высокие художественные достоинства.

Поскольку он имеет прямое отношение к нашей теме, позволим себе привести из него один эпизод:

«К ночи попадья напилась, и тогда началось для о. Василия то самое страшное, омерзительное и жалкое, о чём он не мог думать без целомудренного ужаса и нестерпимого стыда. В болезненной темноте закрытых ставен, среди чудовищных грёз, рождённых алкоголем, под тягучие звуки упорных речей о погибшем первенце у жены его явилась безумная мысль: родить нового сына, и в нём воскреснет безвременно погибший. Воскреснет его милая улыбка, воскреснут его глаза, сияющие тихим светом, и тихая, разумная речь его, — воскреснет весь он в красоте своего непорочного детства, каким он был в тот ужасный июльский день, когда ярко горело солнце и ослепительно сверкала обманчивая река. И, сгорая в безумной надежде, вся красивая и безобразная от охватившего её огня, попадья требовала от мужа ласк, униженно молила о них...»

Попадья все больше предавалась пьянству и в то же время мечтала о ребёнке.

Наконец мечта её сбылась.

«На крещение, ночью, попадья благополучно разрешилась от бремени мальчиком, и нарекли его Василием. Была у него большая голова и тоненькие ножки и что-то странно-тупое и бессмысленное в неподвижном взгляде округлых глаз. Три года провели поп и попадья в страхе, сомнениях и надежде, и через три года ясно стало, что новый Вася родился идиотом.

В безумии зачатый, безумным явился он на свет».

В то время когда Леонид Андреев писал этот рассказ, не было серьёзных научных исследований о влиянии алкоголя на организм, но писатель, зорко видевший жизнь, верно подметил часто наблюдавшееся явление и средствами художественного слова поведал людям то же, что и подтвердила в наши дни медицинская наука.

Я мог бы продолжать рассказы о печальной судьбе людей, унаследовавших от пьющих родителей тяжёлые недуги. Таких больных я много встретил на своём врачебном веку, и, может быть, оттого во мне развилось такое отвращение к пьянству. Много раз я выступал со статьями в газетах, в том числе в центральных, обращался к людям по радио, с экрана телевизора с рассказами о вреде пьянства. Да что я! Все лучшие умы человечества восставали против пьянства.

Известно, что В. И. Ленин был ярким врагом алкоголя. Он считал, что преодоление возможности пьянства является одним из самых главных мероприятий по защите здоровья рабочего класса и всего народа. Владимир Ильич беспощадно боролся со всеми проявлениями пьянства, считая, что оно несовместимо с революцией, прогрессом и высокими задачами, стоящими перед рабочим классом и трудящимися нашей страны.

Глава VI

Я был в Пушкинском театре. Смотрел «Перед заходом солнца» с участием Симонова. Я любил этого артиста, могучий талант которого сказывался буквально в каждой вещи, где он играл. Один уважаемый мною театральным деятелем говорил о Симонове, что это настоящий русский самородок, который не кончил никакого театрального института, но игра которого является образцом для любого актёра.

В пьесе «Перед заходом солнца» он особенно был хорош, и мы со всей семьёй смотрели этот спектакль не один раз.

В перерыве, прохаживаясь по коридору, я увидел Николая Ивановича Потапова и его супругу Екатерину Тимофеевну, моих блокадных друзей. Николай Иванович почти сорок лет работает в Пушкинском театре, но, будучи заядлым театралом, часто посещает свой театр в качестве зрителя. Симонова он так же, как и мы, очень любил и старался не пропускать пьесы с его участием. Мы нередко ходили в театр вместе. В этот раз мы пошли одни и очень обрадовались, когда в перерыве встретили его. Они с женой стояли в фойе и разговаривали с актёром этого же театра, игру которого я видел не раз. Николай Иванович представил нам его: «Это Иван Петрович — наш актёр, которого вы не раз видели на сцене. Один из тех, кто создаёт славу нашего театра».

— Ну, ну... зачем так громко, — смутился мужчина, здороваясь с нами. — Рядовой актёр, не больше.

— Не надо скромничать, — возразил Николай Иванович. — Фёдор Григорьевич сам видел вашу игру и не раз отзывался о ней с восторгом.

Через короткое время Иван Петрович извинился и попросил разрешения отойти.

— Хочу покурить, пока перерыв не кончился. Когда он ушёл, Николай Иванович с сожалением сказал:

— Хороший человек, талантливый актёр, но папиросы изо рта не выпускает. Мы все его отговариваем, но бесполезно. Весь жёлтый, непрерывно кашляет, а курить не бросает. Хоть бы вы на него как-нибудь повлияли, — обратился он ко мне.

— Здесь я бессилён. Ума и воли добавить человеку не смогу. Да и такта тоже. Только что познакомился с новыми людьми и, не сказав им пары слов, бросает их и бежит покурить. Но ничего не поделаешь. К сожалению, курцы почти все такие. А курить он бросит, конечно, когда его болезнь за горло возьмёт. Да только вот беда: тогда уж это может оказаться поздно.

Мое предсказание, к несчастью, оправдалось скоро. Николай Иванович позвонил ко мне в клинику и попросил проконсультировать актёра.

— У него температура и кашель. Лечится дома. В больницу ложиться не хочет. На днях заметил прожилки крови в мокроте. Испугался и попросил меня позвонить вам...

— Приходите с ним в клинику.

На следующий день Николай Иванович привёл в клинику больного. За полтора-два месяца, что прошли после нашей встречи, он заметно побледнел. Кожа лица приняла желтоватый оттенок. Послушав больного, просмотрев анализы и снимки, я уже не сомневался в диагнозе, который представлялся мне в весьма мрачном свете.

Иван Петрович смотрел на меня выжидающе.

— Я рекомендую вам лечь в клинику для обследования.

— А что у меня?

— Сейчас ещё не могу сказать твёрдо, что именно. Одно несомненно: болезнь серьёзная. Вы давно курите?

— Лет тридцать пять.

— И много?

— Да, я злостный курильщик. Редко обхожусь одной пачкой сигарет в день. Как правило, выкуриваю две. А это имеет какое-то значение при моем заболевании?

— Полагаю, что ваша болезнь и есть результат курения. Но это мы уточним при обследовании. Должен предупредить: может встать вопрос об операции.

Иван Петрович да и Николай Иванович были подавлены. А когда актёр ушёл, Потапов, провожая меня до машины, спросил:

— Что вы подозреваете, Фёдор Григорьевич?

— Я почти не сомневаюсь, что у него рак лёгкого. Притом довольно запущенный.

— А есть какая-нибудь надежда на выздоровление?

— Предстоит большая операция. Надо будет удалить часть, а то и всё лёгкое. И это в лучшем случае.

— А что же в худшем?

— Операция может оказаться технически невыполнимой или бессмысленной из-за распространения ракового процесса на соседние органы.

— Фёдор Григорьевич! Это что же: уже доказано, что рак лёгкого от курения развивается?

— Не только от курения. Но те, кто много курит, заболевают раком лёгкого в двадцать раз чаще, чем некурящие. Поэтому мы можем смело сказать, что рак лёгкого в основном развивается на почве курения.

Николай Иванович переживал за друга.

— Сколько я ему говорил: «Брось курить!» А он все отшучивался. Вот и дошутился. Плохо убеждал.

— Нет, Николай Иванович, дело не в вас. Волевого и умного человека и убеждать не надо. Ведь сейчас наукой доказан вред курения. И очень многие медики расстались с этой пагубной привычкой, особенно учёные. Раньше, лет двадцать — двадцать пять назад, на конгрессах почти все делегаты во время перерыва ходили с папиросами. Теперь лишь немногие курят. Знают: слишком тяжёлые последствия возникают от табака. Достаточно сказать, что, помимо различных международных конгрессов онкологов и фтизиатров, обсуждавших эту проблему, Всемирная организация здравоохранения в 1974 году посвятила проблеме курения обширнейший доклад, подводивший итог многолетней работе учёных всего мира. Установлено, что невинная на вид папироса, являющаяся для многих вначале забавой, а затем удовольствием, превращается со временем во врага, отнимающего здоровье у каждого, кто не сумел вовремя одуматься. По данным Всемирной организации здравоохранения, курящие умирают от пневмонии в десять раз, от язвы желудка в шесть раз чаще, чем некурящие.

Однажды я получил письмо от моего друга из Бостона (США), профессора Ричарда Оверхольта, одного из крупнейших специалистов в области лёгочной хирургии, с которым мы знакомы с 1950 года, когда впервые встретились в Риме на Международном конгрессе специалистов по лёгочным заболеваниям. Вот что он пишет:

«Дорогой друг!

Я пишу Вам, потому что чувствую необходимость сделать что-то для того, чтобы остановить непрерывный похоронный звон, причиной которому — сигареты, и защитить право некурящих дышать воздухом, не загрязненным опасным табачным дымом.

Немногие понимают, насколько смертоносен сигаретный дым. Только в этом году он убьёт свыше 300 тысяч из нас, что в шесть раз больше, чем число погибших в течение всех лет войны во Вьетнаме.

300 тысяч — это много, но величину этого числа невозможно осознать, пока вы, подобно мне, не разделяете страдания и слёзы своего ближнего, который безвременно умирает. Представьте, что должен чувствовать я как врач у постели человека, который задыхается, а я не в состоянии помочь ему, потому что его лёгкие, сгнив, вышли из строя.

Да, умирают тысячи. И каждый из них кем-нибудь любим. Они проводят свою жизнь, с трудом дыша в кислородных палатках, под тяжёлым бременем платы за медицинское обслуживание, в то время как табачные фермеры и фабриканты сигарет продолжают свой обычный бизнес.

Ситуация действительно страшная, хотя небезнадёжная. Вот почему я бы хотел, чтобы Вы присоединились ко мне в поддержке организации «Наступление на курение и здоровье», которая борется против табачных интересов, предпринимает легальные

действия для создания территории для некурящих на всех самолетах, в автобусах, поездах и других общественных местах, а также запрещения дорогостоящих реклам, соблазнительно взывающих к молодежи.

Может быть, Вы желаете знать, являются ли Территории для некурящих делом, о котором стоит беспокоиться?

Отвечаем на это: «да». Позвольте мне как врачу объяснить Вам, что дышать сигаретным дымом вредно. Если мы хотим жить, мы должны иметь для дыхания чистый воздух. Многие научные и медицинские исследования, включая доклад главного хирурга США, продемонстрировали, что вдыхание чужого сигаретного дыма опасно для Вашего здоровья.

Наша организация будет работать над достижением следующих целей...

1. Осуществить учреждение Территорий для Некурящих в ресторанах, отелях, на спортивных аренах и в других общественных местах и обеспечить защиту некурящих рабочих на их рабочем месте.

2. Запретить обман сигаретной рекламы и её процветание. Мы должны остановить наступление рака и эмфиземы, имеющих место из-за того, что людям вещают о сигаретах с гигантских рекламных щитов, с обложек книг, которые читают дети, в рекламных программах телевидения.

3. Сделать сигаретные компании юридически ответственными за многие тысячи и миллионы смертей, потерю трудоспособности и разрушений, которые они вызывают каждый год.

Искренне

ваш

Ричард Оверхолт».

Ричард Оверхолт, как и большинство хирургов мира, ярый противник курения. Во время одной из наших встреч он меня спрашивает:

— А как вы думаете, что стоит папироса?

— Я никогда не покупал папирос, но думаю, что она стоит у нас одну-две копейки.

— Я имею в виду уже выкуренную папиросу.

— Выкуренная папироса, по-моему, ничего не стоит.

— Ошибаетесь! Выкуренная папироса стоит курящему пятнадцать минут жизни!

— Неужели так дорого? Откуда у вас такие сведения?

— Я недавно вернулся из Англии. Королевское общество врачей специально изучило этот вопрос. Они взяли сто тысяч людей некурящих и такое же количество курящих. В остальном обе группы были одинаковы по возрасту, по месту жительства и по занятиям. Оказалось, что средняя продолжительность жизни курящих на несколько лет меньше, чем некурящих. Разделив разницу лет на количество выкуренных за тридцать — тридцать пять лет папирос, они установили, что каждая папироса обошлась им в пятнадцать минут.

— Эти данные опубликованы? — поинтересовался я.

— Да, в одном из научных журналов.

— Удивительно, что и до сих пор некоторые врачи скептически относятся к данным о вреде курения, ссылаясь на какие-то научные работы, опубликованные, у вас в стране.

— А у нас есть немало врачей, работающих в табачных компаниях. К сожалению, некоторые из них продают не только своё врачебное время и знания, но и свою врачебную совесть...

У нас в клинике курить запрещено, но сколько ещё таких клиник и больниц, в которых курят и врачи и пациенты. Как же там чувствуют себя некурящие больные? Особенно лёгочные. Они и без того кашляют, а тут ещё табачный дым. У больных с бронхиальной астмой на почве табачного дыма развивается такой приступ, что их приходится из палат доставлять в реанимационное отделение.

Иван Петрович поступил в клинику через два дня. А ещё через неделю он был взят на операцию... К сожалению, оправдались мои самые мрачные предположения. Рак

лёгкого оказался запущенным, далеко зашедшим, и технически было невозможно спасти больного даже ценой удаления всего лёгкого.

В медицинской науке есть много работ, которые доказывают вред курения. Учёные брали 200—300 тысяч человек, близких друг к другу по возрасту, занятиям, бытовым условиям. Разница только в том, курят или нет. Оказалось: среди некурящих рак лёгкого встречается 12 раз на сто тысяч человек. Среди тех, кто выкуривает пачку сигарет в день, — 112, а из тех, кто выкуривает две пачки, — 284.

Также доказано, что табачный деготь, введённый экспериментальным путём животным в лёгкие или на кожу, во всех случаях вызывает рак.

По моим личным наблюдениям в клинике, как правило, раком лёгкого болеют те, кто много и долго курил.

Многие мужчины, здоровые и цветущие, в 45—50 лет заболели раком лёгкого и погибли потому, что они курили 30 — 35 лет.

Наилучшие результаты мы получали там, где мы оперируем в бессимптомной стадии, то есть когда рак обнаруживают при случайных или профилактических осмотрах. Вот почему курящие люди, особенно после 40 лет, не реже чем один раз в год должны проходить профилактические рентгеновские осмотры.

Чем же всё-таки объяснить, что эта с виду невинная забава получила такое распространение? Ведь в ней, особенно вначале, нет ничего приятного. Человек набирает полный рот дыму и потом вдыхает его. У него горечь во рту, а запах для окружающих противен даже на расстоянии. И с ним невозможно разговаривать. Можно только удивляться непритязательности девушек и женщин, целующих курящих мужчин. Что же касается курящей женщины, то я всегда, и в пору моей молодости, испытывал дрожь в теле от одной только мысли её поцеловать. Ведь поцелуй должен доставлять и чувственное и эстетическое наслаждение. А о каких чувствах, и тем более эстетике, может идти речь, когда ты приближаешься к губам, от которых идёт запах разложения? По утрам курящий человек встаёт с ощущением дурного запаха во рту. И он это ощущение и запах не в состоянии удалить, как бы ни чистил зубы и как бы ни полоскал рот.

После десяти-пятнадцати лет пагубная привычка курильщику становится в тягость, но к тому времени власть папиросы как наркотика столь сильна, что она преодолевает и рассудок. Может быть, в затяжных случаях наступает деградация умственных способностей, когда человек перестаёт понимать элементарные истины, понятные всем, но непонятные курящему.

Длительное время курение считалось безобидной привычкой, так как расстройство организма и болезни, связанные с курением, наступают не сразу, а через пятнадцать-двадцать лет курения. Научных исследований по этой теме не велось, вызванные табаком болезни приписывались другим, более поздним факторам. Но и сейчас находится ещё немало людей, даже среди врачей, которые делают вид, что им неясно влияние курения на здоровье человека. Обычно такие защитники табака, не имея в своём распоряжении серьёзных научных данных, все, как один, ссылаются на «дедушку», который якобы «не выпускал трубку изо рта и прожил до семидесяти лет». Вот этот бедный «дедушка» и выставляется всеми против бесспорных научных данных. Но никто не знает, сколько бы тот прожил, если бы не имел пагубной привычки. Не знают, как отравляли ему и окружающим его людям жизнь, настроение и здоровье папиросы.

В настоящее время установлено, что курение вызывает преждевременный износ сердца, сосудов, мозга и других жизненно важных органов.

О влиянии табака на сердце говорит, например, такой эксперимент: изолированное сердце кролика ритмично работает благодаря тому, что через сосуды, питающие сердце, непрерывно проходит специальный физиологический раствор, приближающийся по некоторым признакам к крови. Но если взять папиросу, вытряхнуть из неё весь оставшийся табак, а на папиросную бумажку капнуть этого раствора и с бумажки эту каплю ввести в систему, снабжающую сердце физиологическим раствором, сердце остановится.

Резкое влияние табака на сердце человека в какой-то мере смягчается компенсаторными механизмами, которые мобилизуются организмом для борьбы с вредным реагентом. Тем не менее его влияние остаётся и постепенно приводит к преждевременной дряхлости, инвалидности и приближению ранней старости.

Врачи часто советуют больному бросить курить. Тот, кто не прислушивается к таким словам, нередко погибает. Но некоторые живут долго и бахвалятся, что вот, мол, врачи мне рекомендовали бросить курить, а я не бросил, и вот видите — жив!

Так случалось во время войны с раненым. Ему говорят: надо ампутировать ногу, а он не согласен и погибает. Но иногда раненый, которому хотели отнять ногу и не отняли, остаётся жив. Это может произойти потому, что порой трудно бывает определить точно момент, когда можно спасти жизнь раненого ценой отнятия ноги и когда уже и это бывает поздно. И вот, чтобы не опоздать, врачи иногда предлагают отнять ногу, пока она ещё сохраняет жизнеспособность, боясь опоздать. И в этих случаях может получиться, что раненый отказался отнять ногу и не погиб. Он затем всю жизнь говорит об ошибке врача и своей «победе» над ним. Но 99 из 100, которые, не послушав решения консилиума и отказавшись отнять ногу, погибли, — те уже не говорят о своей ошибке и «победе» врача. Они молчат и никому не скажут, что надо слушать совета врачей и разумно подходить к их рекомендациям.

Так и с курением. Но многие из тех, кто, не послушав нашего совета, продолжал курить, уже давно молчат. А вот оставшиеся в живых посмеиваются над врачами.

В табаке содержится никотин — чрезвычайно ядовитое вещество. Выкурив пачку сигарет, человек поглощает смертельную дозу его. Но пачка выкуривается не сразу — у человека вырабатывается некоторая устойчивость к яду.

О вредном действии никотина на центральную нервную систему можно судить по действию первой выкуренной папиросы: тошнота, рвота, холодный пот, иногда потеря сознания — вот симптомы, которые говорят об отравлении клеток мозга.

Одна выкуренная сигарета увеличивает пульс на двадцать ударов в минуту, поднимает давление на несколько десятков миллиметров, понижает кожную температуру. Эти изменения держатся около тридцати минут.

Таким образом, в течение дня сердце постоянно получает дополнительную нагрузку, которая со временем приводит к заболеванию.

При вдыхании табачного дыма сосуды сужаются, и ток крови по ним замедляется, а в некоторых случаях даже на какой-то момент приостанавливается. Замедление тока крови в сосудах сердца проявляется коронарной недостаточностью, то есть приступом болей в области сердца. Поэтому курение, как правило, усиливает или вызывает приступы коронарной недостаточности. У многих больных эти приступы сразу исчезают, как только они прекращают курить.

Всемирная организация здравоохранения, изучая вопрос о роли табака, обнаружила, что курящие умирают от коронарного тромбоза на четыре года раньше, чем некурящие.

У людей с болезнью сосудов курение вызывает их резкий спазм, в результате чего любое лечение будет бесполезным, если больной продолжает курить.

Для таких больных даже пребывание в атмосфере табачного дыма может оказаться губительным. Опыты с такими больными показали, что затягивание даже незажженной сигаретой приводило к заметному уменьшению тока крови в пальце. Иногда у этих больных во всё время курения наблюдалось полное прекращение тока крови в подногтевом ложе. Температура пальцев рук и ног снижалась до шести градусов.

Интересно отметить, что употребление любого фильтра в сигарете не предупреждало уменьшения тока крови и снижения температуры тела.

Сосудорасширяющие средства обычно не помогали.

Алкоголь временно расширяет сосуды, и можно подумать, что курение и алкоголь друг друга нейтрализуют. Но нет, человек может напиться допьяна, и это не предупредит спазм сосудов, вызываемый никотином.

Статистика говорит: смертность от сердечно-сосудистых заболеваний среди много курящих в два раза выше, чем среди некурящих.

Табак пагубно влияет и на желудочно-кишечный тракт.

Курящие иногда говорят: курение делает пищу более вкусной. Конечно, если предварительно наполнить рот какой-либо горечью, то после этого самая обычная пища покажется вкусной. На самом деле курение снижает аппетит. Давно замечено: бросивший курить начинает прибавлять в весе. После прекращения никотиновой интоксикации все обменные процессы улучшаются, лучше усваивается потребляемая пища.

Пагубное влияние табака особенно убедительно выявляется на женском организме: на деторождаемости, на детях. В ФРГ при обследовании более чем 4 тысяч женщин установлено, что частота холодности и безразличия, бесплодия, менструальных расстройств, самопроизвольных аборт и так далее среди женщин курящих встречается почти в три раза чаще, чем среди некурящих. У курящих женщин коэффициент смертности детей в первые три года также значительно больше, чем у некурящих. В Калифорнии при обследовании 7499 женщин было установлено, что преждевременные роды у курящих женщин наблюдаются почти в два раза чаще, чем у некурящих. При этом оказалось, что частота преждевременных родов стоит в прямой зависимости от интенсивности курения женщин. Так, например, среди женщин, которые выкуривают по 35 сигарет в день, преждевременные роды наблюдались почти в 3 раза чаще, чем среди тех, кто выкуривает 15 сигарет в день. Было выявлено, что никотин, всасываясь в организм, вызывает сокращение родовой мускулатуры женщин, спазм гладких мышц матки.

При выкуривании беременной женщиной одной сигареты сердцебиение плода увеличивается на пять ударов в минуту. Было проведено наблюдение над кроликами, когда крольчихи вдыхали табачный дым, равный 20 сигаретам, выкуриваемым человеком в день. При этом оказалось, что у маток, вдыхавших табачный дым, мертворождённые встречались в 10 раз чаще, чем у вдыхавших обычный воздух. Кроме того, у родившихся живыми вес был на 17 процентов меньше, чем в норме.

Мыши, находившиеся в комнате с табачным дымом, не размножались в течение года, в то время как контрольные размножались нормально.

Отсутствие размножения среди экспериментальных животных вызвано атрофическими изменениями в органах размножения.

Многие самки крыс, находившиеся в атмосфере табачного дыма, страдали от временного бесплодия и абортов, имели большое количество мертворождённых плодов.

Курение табака сказывается отрицательно и на половой функции мужчин. Уменьшение половой активности у мужчин в 30 и 40 лет часто вызвано чрезмерным курением табака. Полагают, что одна из причин этого заключена в тех токсических изменениях крови, которые оказывают вредное влияние на образование половых гормонов.

В Англии были обследованы 500 мужчин, бывших заядлыми курильщиками, но полностью прекративших курить. Оказалось, что чем дольше продолжалась их привычка курить табак, тем более выраженным было снижение их мужской активности.

Если курение табака столь резко влияет на организм взрослого, то вполне понятно, что на юношеский организм его действие ещё губительней.

С целью выяснения действительной опасности для юношества этой привычки в американских школах подвергли тщательному изучению 21980 подростков обоего пола, в том числе 11070 мальчиков и 10 910 девочек. Курящие оказались меньше ростом, чем некурящие, объём груди и экскурсия грудной клетки у них меньше, отстают они и в умственном отношении. Подбрасывающий мяч при игре в бейсбол после выкуривания двух сигарет теряет на 25 процентов мячей больше, чем контрольный.

Процент курящих детей выше в тех семьях, где подают пример оба родителя. Привычка эта у мальчиков чаще там, где курит отец, а у девочек — если курит мать.

Отмечено, что курящие юноши не проявляют большого интереса к спорту; они избегают трудных в умственном отношении задач, например в математике, обнаруживают малоактивный интерес к школьной и социальной жизни, они меньше склонны вникать в жизнь и интересы своих друзей. Много курящие юноши на вид старше своих одноклассников. Они не имеют тех запасов жизненных сил и той выносливости, которая свойственна юности, и поэтому нередко оказываются позади товарищей их возраста.

Надо удивляться родителям-курцам, особенно образованным, какой пример они подают и на что толкают своих детей! Это же можно сказать учителям, воспитателям, комсомольским и пионерским работникам и, конечно, врачам!

Мой отец, рабочий-слесарь, говорил с нами так: «Курить очень вредно. Я имею эту привычку, но очень сожалею об этом, так как отвыкнуть не могу. (Кстати сказать, потом он бросил курить раз и навсегда.) Вам я курить не советую. Но если вы всё-таки решитесь на это, курите при мне, и я вас наказывать не буду. Если же вы будете дымить тайно от меня, я вас очень сильно накажу». При отце курить было стыдно. Без отца — и страшно и стыдно. В результате все мы, трое сыновей и трое дочерей, не стали курить.

Плохую услугу оказывают народу некоторые легкомысленные литераторы, деятели кино, театра; часто можно видеть, как герой кино или пьесы в трудные минуты жизни глубокомысленно затягивается папиросой. Плановые организации, торговля увеличивают планы производства табака, рекламируют папиросы. Пожалуй, ни один товар не имеет такой красивой упаковки, как сигареты. Тут мы, пожалуй, можем посоревноваться с табачными компаниями Запада.

Можно ли бросить курить тому, кто уже привык к табаку? Безусловно, можно, надо только хорошо захотеть.

Надо повести всенародную борьбу с этой вредной привычкой.

Застрельщиком и вдохновителем в ней должен стать наш славный комсомол. Кому, как не ему, прежде всего следует подумать о судьбах молодёжи, о судьбах людей, которым принадлежит завтрашний день.

Но пропаганда — это полдела. Нужны и другие радикальные меры. Как врач, как хирург, видевший много горя от курения, я хотел бы высказать некоторые свои соображения об этой вредной привычке.

Некоторые курильщики могут сказать: «Это моё личное дело — может быть, и я отравлюсь, но зато получаю удовольствие». Но никотин есть наркотик, и, как всякий подобный препарат, например морфий, героин, должен быть категорически запрещен. И дело это вовсе не личное. Общество хочет видеть своих членов здоровыми и работоспособными. Мы должны думать не только о себе, но прежде всего о народе, нашем государстве, о его будущем. Пока курят взрослые и свободно продаётся табак, трудно бороться с курением детей и подростков.

Обычно курить начинают очень молодые люди. Мальчик начинает курить для того, чтобы казаться более взрослым, больше для фасона. Затем человек постепенно привыкает к табаку, становится наркоманом. Ловушка захлопнулась на всю остальную жизнь. Говорят, что нетрудно бросить курить. Это верно, если перед нами серьёзные и волевые люди. Однако безвольные не отказываются от сигареты даже после того, как у них появлялись серьёзные расстройства сердечной деятельности и врачи категорически требовали оставить эту вредную привычку.

Следовательно, основная задача в борьбе с этим злом в государственном масштабе состоит в том, чтобы не дать папиросу молодому человеку, перекрыть дорогу для вступления в ряды курильщиков все новых и новых молодых людей, прервать цепную реакцию распространения курения, остановить заразу! Нужно лишить возможности курильщика, в особенности начинающего, получать сигареты.

Мне иногда говорят: «Вы, Фёдор Григорьевич, слишком строго судите курильщиков и любителей выпить. Привычки эти дурные и даже вредные — с этим никто не спорит, но они слишком долго укоренялись в людях, чтобы покончить с ними разом. Максимализм в таких делах излишен».

Да, это верно, я это вижу: мои суждения о пьянстве и курении бывают резкими, категоричными, но я их не считаю чрезмерными. Более того, я заметил, что хирурги, специализирующиеся в лёгочных болезнях, охотно разделяют самые максималистские мнения по борьбе с курением и пьянством. И это естественно и закономерно. Если другие люди только слышат — и иногда краем уха — о пагубе никотина и алкоголя, то хирурги, вторгаясь скальпелем в область лёгкого, своими глазами видят страшный след, оставляемый в организме этими агентами. Что же до меня, то я не только в течение ряда лет руководил Институтом пульманологии, но и с молодых лет изучал природу рака лёгких, разрабатывал методику операций при этой болезни, которая, как я уже говорил раньше, встречается у курильщиков в двадцать раз чаще, чем у других людей. Протест против никотина и алкоголя у меня, можно сказать, профессиональный, выстраданный в процессе труда и раздумий над судьбами людей.

Впрочем, я знаю и другое правило: плох тот учёный, который полагается только лишь на собственное мнение. Способность слушать других и критически относиться к своим выводам — пожалуй, основная черта исследователя.

Что же думают по поводу курения мои коллеги — отечественные и зарубежные?

Не буду тут называть фамилии, но приведу наиболее распространенные мнения врачей и учёных, с которыми я встречался в нашей стране и за границей и с которыми у нас велись беседы на эту тему.

Вот одно мнение: «Для борьбы с курением нет другого способа, как повысить цены на табак и папиросы в 20—30 раз, а затем вовсе прекратить производство табака государством».

«Люди будут сами выращивать табак», — возражают на это.

«Нужно запретить частным лицам посадку табака на приусадебных участках. Нам ведь важно, чтобы дети и юноши не начали курить, а если каждая папироса будет стоить хотя бы 50 копеек или рубль, то вряд ли наши дети начнут курить!..»

Говорят, что в таком случае люди, привыкшие к табаку, начнут употреблять сушеную траву и другие суррогаты. Но, во-первых, это долго продолжаться не может, так как человек при таком курении не будет получать наркотик, из-за которого он, собственно, не расстается с сигаретой. Второе — и это главное — такой способ будет применяться только старыми заядлыми курильщиками, которым нужно чём-то заглушить развившуюся у них потребность в наркотике, но не молодыми, ещё не курившими людьми следующего поколения.

Другие полагают, что начнётся контрабандный ввоз из-за границы, а также подпольная продажа табака. Но, по-моему, это возражение неосновательно. Например, в Ленинграде выкуривается за год около 5 миллиардов папирос! Такое количество табака провезти контрабандой или вырастить тайно невозможно. Во всяком случае, мальчишкам такой «редкий и драгоценный» продукт не достанется.

Заметим, между прочим, что условия для борьбы с посадками табака частными лицами несравненно более благоприятны, чем в случае борьбы с производством алкогольных напитков, которые в отличие от посадок табака можно готовить тайным образом в закрытых помещениях.

Нередко высказывается мнение: государственная казна в случае прекращения производства табака потерпит большой урон.

Надо быть экономистом, чтобы знать эту проблему. Но мне кажется, что в социалистическом государстве найдутся средства для сбалансирования этих временных потерь — временных потому, что в случае решительных мер должны высвободиться производственные мощности, посевные площади и люди, занятые сейчас производством табака и табачных изделий.

Но вот ещё одно мнение: резкое прекращение выпуска сигарет может подействовать подобно гидравлическому удару и вызвать нечто вроде шока у курящих.

Да, конечно, с этим нельзя не считаться. Но мне думается, при наличии мощных средств пропаганды — газеты, радио, кино, телевидение — можно решить и эти вопросы.

Надо надеяться на ум народа — народ всегда верно оценит мероприятия, направленные на его пользу.

На мой взгляд, необходимо на каждой этикетке всех табачных товаров указывать:

- а) количество никотина;
- б) опасность раковых субстанций в табачном дыме.

Многие считают, что должно быть официальное запрещение пропаганды табачных товаров в устном, письменном и графическом виде, как прямое, так и косвенное. Хорошо бы сделать табачные киоски и магазины труднодоступными для покупателей. Убрать все табачные киоски с тротуаров, с людных мест, удалить их от школьных и детских учреждений.

Необходимо приближать то время, когда наши дети и внуки с недоумением будут читать в книгах о том, как их деды — замечательные во всех отношениях люди! — пропускали через лёгкие ядовитый дым.

Глава VII

Чем небрежнее относятся к машине, тем скорее она выходит из строя. А человек?! К нему-то отношение должно быть гораздо бережней.

Для бесперебойной и длительной работы важнейших органов человека необходим режим, то есть последовательность труда и отдыха. При отсутствии отдыха происходит переутомление, а затем и болезнь.

Болезненные изменения обычно наступают не сразу. Благодаря компенсаторным механизмам организм выправляет все нарушения, но проходят месяцы, иногда и годы, и наступают необратимые изменения.

Режим имеет особенно большое значение для людей умственного труда, где переутомление приводит к истощению нервной системы. Для предупреждения его необходима смена впечатлений и разрядка. Например, после работы за письменным столом сходить в кино или театр, пройтись быстрым шагом по улице, поработать физически, поделывать какую-нибудь домашнюю работу, погулять с ребёнком или даже просто почитать книгу. Все это лучше, чем ничегонеделание, потому что, ничем не отвлекаясь, человек умственного труда и «отдыхая» продолжает обдумывать свою работу. Отвлечённый каким-то занятием, мозг отдыхает полнее. Хорошую разрядку даёт общение с природой, пребывание на свежем воздухе. Кто свой выходной день проводит за игрой в домино или преферанс или целый день сидит около телевизора в душной комнате, тот оказывает своему сердцу и мозгу плохую услугу. Дело в том, что в обычных условиях мы часто дышим воздухом, относительно бедным кислородом. Человек может этого не чувствовать, а сердце, например, или мозг это ощущает и по-своему реагирует. Первое — тахикардией, а второй — головными болями.

Длительное кислородное голодание постепенно приводит к органическим изменениям мышцы сердца, поэтому надо, чтобы периоды кислородного голодания сменялись периодами полноценного снабжения кислородом. Человек, пробыв целый день на свежем воздухе, особенно в лесу, где кислорода значительно больше, чувствует себя вроде бы несколько опьянённым, ибо в это время все его мозговые клетки как бы омываются.

В поддержании здоровья и длительной активной жизни большое значение имеет сон как самый ценный и необходимый отдых.

Продолжительность сна у человека колеблется в зависимости от характера и интенсивности труда, возраста, а также и от индивидуальных особенностей. Можно воспитать в себе привычку спать больше или меньше в каких-то пределах, но в среднем для взрослого человека продолжительность сна составляет 6—8 часов. При этом люди напряжённого умственного труда должны спать, как правило, больше, чем люди, занимающиеся физической работой. Есть люди, например американский врач, профессор Де Бэки, которые спят всю жизнь по 4—5 часов, сохраняя полную работоспособность при очень большой и напряжённой работе. Но это, по-видимому, врождённая способность, ибо Де Бэки говорил мне, что и отец его спал очень мало.

Для активной жизни имеет значение не только продолжительность сна, но и его время. Наиболее полезным является ночной сон. Но если в силу профессии человек вынужден работать ночью, достаточный дневной сон также полностью освежает человека. Суточный сон может быть непрерывным в течение 7—8 часов или же в два, а иногда и три приёма. То есть человек, поспав 4—5 часов, встаёт, работает какое-то время, а затем снова ложится спать утром или после обеда.

Трудно сказать, что лучше. Многие спят днём и интенсивно работают остальное время. Я же привык спать ночью не менее 7—8 часов. Днём же никогда не сплю и даже не ложусь. Этих часов сна мне достаточно, чтобы сохранить полную работоспособность до ночи.

Режиму сна надо уделять большое внимание и при его расстройствах принимать меры к восстановлению.

В этом отношении бессистемный приём снотворных мало помогает. Чтобы наладить сон, снотворное лучше всего принимать следующим образом: за 15—20 минут до сна принять снотворное, запить его теплой водой и лечь в постель. При этом обычно наступает сон. В последующие 5—7 дней в то же самое время повторять приём лекарств. Через 5—7 дней необходимо лечь в постель в то же самое время, но лекарства не принимать, а только выпить теплой воды. Обычно, если рефлекс уже образовался, сон наступает даже от приёма воды. Если нет, приём лекарства продолжить ещё 3—4 дня.

Для устранения бессонницы очень важно отрегулировать время отхода ко сну. Большую пользу оказывают теплые ванны — ровно в 36 градусов по Цельсию, принимаемые непосредственно перед сном в течение 15—20 минут. Однако, чтобы они оказали действие, их надо принимать систематически и длительное время.

Для хорошего отдыха большое значение имеют физические упражнения всех видов, особенно прогулки. При этом будет более полезным, если они целенаправленны. Например, ходьба на работу и обратно, до станции, до магазина и т. д.

Я хотел бы обратить внимание молодёжи на важность соблюдения режима с раннего возраста. У молодых людей создаётся впечатление, что любые нарушения режима никаких последствий не дают. На самом деле частое и длительное нарушение режима, особенно если оно сочетается с вредными привычками и различными злоупотреблениями, рано истощает компенсаторные механизмы, и к зрелому возрасту такой человек придёт уже с резко изношенным организмом.

Режим в жизни человека не есть что-то такое, что лежит бременем и мешает жить свободно и весело. Режим — это прежде всего разумная смена труда и отдыха, сохраняющая бодрость, силу и здоровье и делающая жизнь интересной и приятной.

Отрицательный раздражитель, если он имеет место на фоне систематического нарушения режима у людей среднего возраста, значительно чаще приводит к спазму всех сосудов или — избирательно — сердца, мозга, почек.

Здесь надо вовремя разобраться и поставить правильный диагноз. Ошибка в диагностике может иметь двойные последствия. Или диагноз сосудистых изменений не будет выявлен, лечение не предпринято — и это поведёт к необратимым последствиям. Или же эти изменения будут интерпретированы неправильно, будет поставлен более грозный диагноз, и может быть предпринята ненужная операция, которая сделает человека инвалидом, а то и кончится печально.

Именно таким образом чуть не получилось с одним моим знакомым профессором. Утомлённый напряжённой работой до предела, он тем не менее не позволял себе даже кратковременного отдыха. Появились боли в сердце. Лечится на ходу, а сам работает много, несмотря на плохие условия.

В последнее время к болям в сердце присоединились боли в области почки. Последние так быстро нарастали, что выступили на первый план и стали невыносимыми. Он звонит мне с тревогой, просит посмотреть.

Я посмотрел больного и его снимки. В одной из почек были выявлены глубокие изменения, весьма подозрительные на опухоль. При такой картине, не уточнив причины, оставить больного без дальнейшего обследования и лечения значило обречь его на самое плохое. Я созвонился со своим другом, хирургом-урологом, прекрасным клиницистом — профессором Ключаревым Борисом Васильевичем. Последний немедленно его принял. Увидев снимки, забеспокоился и назначил новые обследования, для чего положил его в специальный институт.

В конце концов удалось установить, что изменения в почках того же характера, что и в сердце, — сосудистого происхождения. Необходимо соответствующее лечение, отдых, расслабление от постоянного напряжения... Мы амбулаторно провели ему энергичное лечение, после он на лето уехал в творческую командировку, отвлекся, отдохнул от постоянной работы, затем взял отпуск, съездил к матери в деревню и вернулся в Ленинград совсем здоровым, полным энергии и сил.

В среднем возрасте при напряжённых темпах жизни и при наличии отрицательных раздражителей особенно страдает сердце. И, как можно было убедиться по ряду примеров, изложенных в начале книги, непринятие вовремя профилактических мер может кончиться инфарктом.

Инфаркт, как я уже рассказал выше, это омертвление какого-то участка сердца, которое может быть в результате разрыва, закупорки, а то и просто в результате длительного спазма сосуда сердца. И чтобы не допустить кровоизлияния или закупорки сосуда при спазме, мы можем его снять с помощью новокаиновых блокад и полностью восстановить его проходимость. Но это надо сделать до того, как наступил инфаркт. Поэтому я говорю больным: «Лучше прийти к врачу десять раз зря, чем один раз поздно».

Обратившись своевременно в поликлинику, больной может быть полностью избавлен и от болей, и от угрозы инфаркта. И многим больным, вовремя жалующимся врачам на боли в области сердца, нам удавалось не только снять боли, но и предупредить развитие инфаркта.

Молодые люди, читая эти советы, наверное, думают: «Зачем это он нам всё говорит? Ведь книга адресована молодёжи, а нам это не грозит?!» На это я отвечаю:

— Во-первых, в наше время инфаркты у молодых даже со смертельным исходом не такое редкое явление. Во-вторых, здоровье надо беречь смолоду. И в-третьих, молодость, к сожалению, скоропреходящая пора, и очень быстро у вас настанет зрелый возраст со всеми заботами, неприятностями и часто болезнями. Так вот, чтобы эти болезни в зрелом возрасте не наступили или чтобы они не были столь тяжёлыми, подумайте о своём организме своевременно.

Даже металл и тот не только изнашивается, но, как выражаются металлурги, «устаёт». Так что же говорить об организме человека?

Директор завода шампанских вин сообщил мне интересную подробность: на каком-то этапе вино перевозится из другого города. И если по прибытии вина ему не дадут «отдохнуть» три недели, шампанского не получится.

Даже для вина требуется длительный отдых. А разве людям он не требуется? Только что вернулся человек из командировки. Там у него была напряжённая работа, волнения, беготня и, может быть, недосыпание. Дома ему бы обязательно надо несколько дней отдохнуть, чтобы привести свою нервную систему в порядок. Но где тут?! Он, едва сойдя с поезда, иногда не заходя домой, уже бежит на работу и с головой погружается в новые заботы и волнения. Разве это не работа на износ? Разве это не варварское отношение к своему здоровью? При этом нельзя думать, что забота о здоровье есть чьё-то частное дело. Мы все — сыны и дочери своей Отчизны, принадлежим ей. И для нашей Родины далеко не безразлично, уйдём ли мы из жизни в 40 лет, когда мы ещё только набираем опыт и только частично его отдаём другим. Или же мы сможем передать сполна свои знания, опыт следующему поколению. По существу, ранний износ — это есть украденные годы наиболее интенсивного и полноценного труда, создающего богатства для народа. И ведь что характерно. Те, которые создают что-то ценное, они-то как раз и работают до самозабвения, не считаясь со здоровьем. И люди выбиваются из строя в расцвете творческих сил. Мне часто хочется сказать этим людям: берегите себя! Занимайтесь профилактикой! Не относитесь небрежно к своему здоровью. Научитесь спокойно принимать удары судьбы. Борьба есть борьба. Жизнь есть жизнь.

Кроме режима труда и отдыха, для сохранения работоспособности человека большое значение имеет также режим питания. Многие люди слово «поправился» отождествляют со словами «прибавил в весе». Можно часто услышать, как человек, вернувшись с курорта, желая показать, что он хорошо отдохнул, заявляет, что он «поправился на пять кило».

На самом деле полнота не есть признак здоровья. Наоборот, она снижает сопротивляемость организма, и полный человек легче заболевает каким-нибудь недугом и труднее его переносит по сравнению с человеком нормального или даже пониженного веса.

Эти данные были установлены и затем неоднократно проверены не только медицинскими, но и страховыми учреждениями на Западе. Они установили закономерность: человек после 40 лет, если он весит больше положенного веса, при прочих равных условиях проживёт меньше, чем тот, кто имеет свой нормальный или даже пониженный вес.

В Америке, например, при страховании жизни человек платит дополнительную страховку за каждый килограмм лишнего веса.

Что же считать за нормальный вес? Для разных народов он несколько различен. Для нашей страны можно считать за нормальный вес количество килограммов, равное росту за вычетом 100. Например, если у человека рост 160 или 170, значит, его нормальный вес для одного будет 60, для другого 70 килограммов.

Для людей более высокого роста вычисление веса идёт из расчёта роста минус 105 или даже 110. Например, для человека ростом в 180 нормальный вес будет 75 килограммов, а при росте 195 — 85. Точно так же и возраст требует некоторого снижения веса для нормальных показателей. Например, после 60 лет человеку ростом в 175 лучше иметь вес 70, чем, например, 80, то есть не только не полагается добавка на возраст, но, наоборот, на возраст полагается дополнительная скидка веса.

Это очень важно каждому соблюдать, так как излишний вес не даёт человеку никаких преимуществ, принося в то же время сердцу дополнительную нагрузку.

Полнота снижает функции всех органов, и прежде всего сердечно-сосудистой системы. Вместе с увеличением жира под кожей идёт нарастание его в грудной и брюшной полостях; сердце и его оболочка пронизываются слоями жира, что затрудняет работу нашего «мотора». Скопление жира в брюшной полости поднимает диафрагму, а вместе с ней и верхушку сердца, что приводит к перегибу сосудов и дополнительному затруднению в работе сердца.

У полных людей изменяется состав крови, нарастает сверх меры холестерин и протромбин, что способствует появлению атеросклеротических бляшек и повышенной свёртываемости крови. А это, как известно, предрасполагает к инфаркту. У таких людей нарушается обмен веществ и образуются камни желчного пузыря. И чаще всего операции приходится делать именно этим полным людям, имеющим лишнего веса по 20—30 и более килограммов. Тут уже не приходится говорить о технической стороне дела, так как хирургу оперировать полных — сплошное мучение. Делается разрез значительно больше обычного, иначе будешь оперировать как в узкой воронке. Все ткани, все сосуды заросли жиром. Прежде чем подойдешь к нужному месту, намучаешься. И попробуй отличить сосуд от общего желчного протока, когда все это пронизано слоями жира. А ведь ошибка хирурга часто может стоить больному жизни.

Мне пришлось видеть операции, которые проводил профессор Тунг у вьетнамцев на печени и желчном пузыре. Он их делает часто, так как там распространяются паразитические заболевания печени, требующие операции, и я был восхищен прекрасным видом всех сосудов и протоков. На них не было ни грамма жира. До чего просто и легко работать хирургу. Да и больные во много раз легче переносят такие операции, чем у нас.

Но технические трудности хирурга при операции у тучных больных — это очень малая часть тех трудностей, которые испытывают сами полные больные во время и после операции.

Чтобы операция прошла без лёгочных осложнений, больному надо часто садиться, вставать, ходить. Худенький человек все это легко проделывает сам, а если не может, няня его посадит. Если же прооперированный имеет лишних 30—40 килограммов веса, он лежит совершенно неподвижно. Он не только сесть или подняться — он повернуться не может. Попробуй его посадить. А уж о том, чтобы поставить, нечего и думать. Вот и лежит такой больной пластом, неподвижно. А там, где нет движения, там развивается послеоперационная пневмония, которая резко отяжеляет состояние больного, затягивает течение болезни и нередко является причиной печальных исходов, хотя операция и сделана правильно.

А именно у полных часто приходится прибегать к операциям на желчных протоках, так как у них резкое нарушение обмена и изменения в составе крови.

Хирург, увидев тучную больную, со страхом думает о том, что ждёт его и весь персонал во время операции и после неё. Он понимает, что для полного человека операция представляет большую опасность. И охотно идёт на поводу у больных, которые просят его полечить без операции. Но лечение без операции не помогает. Больному становится хуже, возникает угроза перитонита. И хирург вынужден брать больного на операцию в ещё более неблагоприятных условиях.

Так возникают различные осложнения. Но сложность с полными людьми заключается не только в том, что они часто заболевают воспалением желчного пузыря, пневмонией и т. д. Главное — у тучных людей резко снижаются защитные силы организма, и любая травма или заболевание у них протекает тяжелее и даёт больше осложнений.

Это особенно демонстративно выявляется при операционной травме. У тех больных, у кого вес намного больше нормального, на 15—20 килограммов, даже такая сравнительно небольшая операция, как удаление червеобразного отростка или ушивание грыжи, становится опасным вмешательством, создающим прямую угрозу для жизни. А о более крупных операциях и говорить не приходится.

К нам поступил Андрей Белов 30 лет. Это было в конце 40-х годов. Мы уже делали десятки операций на лёгких и на грудном отделе пищевода. Поэтому вскрытие грудной клетки у нас было освоенной операцией. Больной поступил с какой-то неясной опухолью в грудной клетке. То ли это был рак лёгкого, который, хотя и редко, встречается в таком возрасте. Может быть, это была доброкачественная опухоль лёгкого. Но так как, судя по словам больного, она у него растёт, что отмечено и на повторных снимках, он и поступил к нам на операцию.

Молодой человек был очень толстый. Вес его превышал нормальный более чем на 25 килограммов. Было странно видеть молодого человека с таким огромным лишним весом. Он рассказал, что во время блокады и после неё он очень голодал. Его мать, вернувшись из эвакуации, поступила в столовую поваром. Она каждый день приносила домой в судках первое и второе. Кроме того, стали давать хороший паёк. Затем и совсем отменили карточки. Но мать продолжала носить обеды. И так как она была сыта, то все доставалось сыну. Не выбрасывать же продукты. Вот он и ел. Да и мать всё время приговаривала: «Ешь, сынок, поправляйся. Вдруг опять голод!..»

...Опухоль росла, и ждать похудения было опасно.

Вскрыли грудную клетку — сердце стало резко сдавать. Давление упало, пульс зачистил. Едва сумели определить, что опухоль бугристая и что потребуются удалить все лёгкое. Из-за резкого падения давления приостановили операцию и стали ждать, всё время переливая больному кровь и вводя сердечные. Однако пульс не улучшался, давление не поднималось. И сколько мы ни старались, нам не удалось наладить работу сердца. Больной умер на операционном столе от одного вскрытия грудной клетки.

Мы получили большой урок. С тех пор по возможности стараемся не назначать операции больным, вес которых уж слишком превышает норму.

Но однажды мы вынуждены были отступить от этого правила и намучились всей клиникой.

Было это уже в конце 50-х годов. К нам поступил мой хороший знакомый, рентгенолог, профессор, директор одного научно-исследовательского института — крупный и тучный мужчина. У него было 20 килограммов лишнего веса. Приехал он посоветоваться относительно какого-то неясного затемнения в правом лёгком. Диагноз рака лёгкого не вызывал сомнения. Надо было делать операцию. А как её делать, когда лишний вес 20 килограммов? У нас все эти годы перед глазами стоял больной Белов, который в 30 лет погиб от одного только вскрытия грудной клетки.

Но ждать, когда больной похудеет, и на этот раз мы не могли. Скрепя сердце взялись за операцию.

Операцию больной перенёс не так уж плохо. Но вот в послеоперационном периоде мы и хлебнули горя.

По правилам уже вечером больного надо было поднять с кровати и поставить на ноги, но это оказалось невозможным. Он не только стоять, но и сидеть не мог — валился как сноп. Как мы ни мучились, как ни старались, а случилось то, чего мы боялись. Воспаление в оставшемся легком. И вот тут-то нам пришлось ворочать больного, ставить банки, горчичники, делать дыхательную гимнастику — все это с усилиями всех работоспособных людей клиники и со страшными стонами больного.

В конце концов он поправился и уехал домой. Но прошло после этого 20 лет, а он мне всё памятен — с таким трудом далась нам операция!

Мне опять могут возразить молодые люди, что, мол, это нас не касается, так как юноши и девушки часто бывают очень худенькими и даже мечтают о том, чтобы пополнеть. Здесь уместен тот же ответ: молодость быстро проходит, а в вопросах полноты большую роль играют различные, в частности гормональные, факторы. Стоит девушке выйти замуж и принести ребёнка, как вопрос о полноте станет очень остро. В период кормления молодая мама должна усиленно питаться, чтобы обеспечить нормальный рост ребёнка. Это же самое надо иметь в виду и в период беременности.

Пищи должно быть не только достаточно, хотя и не очень обильно, чтобы ребёнок не был слишком большой и полный, но она должна быть и разнообразной, чтобы все необходимые составные части, из которых будут формироваться все органы и ткани, были бы в пище. В частности, все необходимое для создания мозга. Если в пище будет чего-то не хватать, ребёнок возьмёт это у матери. Природа заботлива по отношению к потомству. В связи с этим в период беременности и кормления ребёнка женщина не должна выполнять интенсивную умственную работу, так как это может привести к истощению её нервных и мозговых клеток! Если молодая женщина в период беременности не должна очень много есть (достаточно, но не много!), то в период кормления она, как правило, и ест и пьёт обильно, чтобы было достаточно молока ребёнку. И в этот период она обычно сильно полнеет. У неё происходит изменение фигуры и отложение жира в определённых местах. После того как женщина прекращает кормление, она обнаруживает, что у неё лишнего веса 10—15, а то и более килограммов. Если она сразу же не обратит на это внимания и не сбросит этот вес в течение одного-двух лет, он уже закрепится и перед вами будет совсем молодая женщина со значительно лишним весом.

От чего зависит увеличение веса?

Многие склонны объяснять это нарушением обмена веществ. Однако в большинстве случаев никакого нарушения обмена веществ нет, а есть простое несоответствие между количеством потребляемой пищи и расходом энергии. Проще говоря, имеет место ПЕРЕЕДАНИЕ.

Такое определение обычно встречается с недоверием. Начинаются уверения, что он ест мало, что его знакомые или родные едят больше, а всё равно не полнеют и т. д. Может быть, это и так, но тем не менее факт переедания остаётся. Без переедания нет полноты. Даже при нарушении обмена веществ только переедание приводит к полноте. При этом у разных людей по-разному. Одним, чтобы пополнеть, надо много переесть. Другим даже лёгкое переедание сразу же скажется увеличением веса.

Но как знать, сколько надо есть?

Человек, как правило, не задумывается над тем, сколько он потратил энергии и сколько ему надо съесть. Заложенные в мозгу специальные центры подсознательно регулируют взаимоотношения между потреблением пищи и расходом энергии. Пищевой центр, заведующий аппетитом, нормализует эти взаимоотношения, поддерживая вес в стабильном состоянии.

Однако эта корреляция может нарушиться, например, от избыточного употребления пищи. Какое-то время компенсаторные механизмы будут защищать организм от полноты. То есть человек вроде и много ест, а не полнеет. Однако, если это

переедание будет продолжаться долго, компенсаторные механизмы могут быть истощены и регуляция нарушается. Человек начнёт полнеть.

Полнота может быть и в результате уменьшения затраты энергии. Например, человек длительное время занимался физическим трудом или спортом или много ходил и тратил на это много сил и энергии. И хотя у него был хороший аппетит и он много ел, оставался в прежнем весе.

Но вот он перестал заниматься физическим трудом или спортом, перестал ходить пешком, стал ездить на машине. Аппетит же сохранился тот же. А если ещё и калорийность пищи повысилась, то вот вам и предпосылки для полноты. Предупреждать полноту следует диетой.

При этом большое значение имеет возраст. Во-первых, после 40 лет происходит постоянная смена привычек. У некоторых людей появляется склонность к покою. А тут ещё и обменные процессы несколько снижаются, а аппетит сохраняется. Вот вам и полнота.

Нарушению корреляции между потреблением и расходом в немалой степени способствует нарушение режима питания. Например, вместо четырёх- или, как минимум, трёхразового питания он ест только два раза: утром и перед сном. Сильно проголодавшись, он незаметно для себя съест больше, чем нужно, а съеденная перед сном пища легко отлагается в виде жира. Поэтому при том же количестве пищи, но при неправильном режиме питания человек может полнеть.

Переядания, хотя бы они и чередовались с периодами недоедания и даже голода, не могут не внести нарушения в физиологические функции организма, приводя к утомлению и ослаблению его компенсаторных механизмов, регулирующих все обменные процессы.

Иногда мы становимся свидетелями тяжёлого заболевания человека, основной причиной которого явилось разовое переядание.

Недавно у нас в клинике лежала больная с обострением холецистита. Это была полная женщина, очень любившая вкусно и сытно покушать. Мы её полечили, посадили на диету, и ей стало совсем хорошо. Наметили её на выписку.

Накануне вопреки назначенной ей диете она разложила перед собой снедь: селёдку, свинину, жирную сухую колбасу и другие продукты, принесённые ей тайком сердобольными родственниками, и собралась поесть.

Соседи по палате стали её уговаривать, убеждая, что это ей вредно.

— Что вы, у меня единственное удовольствие в жизни — это хорошо и вкусно поесть. Зачем я буду лишать себя этого?! — И она основательно поела.

Ночью у неё развился тяжёлый приступ гнойно-некротического панкреатита. Несмотря на экстренно проведённую операцию и принятие ряда мер, спасти её не удалось.

Накормить гостей сытной, вкусной пищей, приготовленной в обильном количестве, — это традиция многих народов. Однажды я был приглашен в одно горное селение в Грузии. Получилось так, что в этом селе было три или четыре человека, которым я делал операции. Они и уговорили нас с женой приехать к ним в гости.

Подъезжая к дому одного из моих пациентов, мы увидели, как несколько мужчин разделывают туши быка и барана, зарезанных специально к нашему приезду. Из них были наготовлены самые разнообразные и очень вкусные кушанья. Я приехал, будучи на диете, и попросил хозяев дать мне черничного киселя. Они мне его разыскали, но в то же время так настойчиво угощали, что мне было неудобно отказываться от их национальных кушаний. После этого угощения я вынужден был на несколько дней выдерживать почти голодную диету, чтобы не разболеться.

У нас, русских, также существует испокон веку традиция накормить своих гостей, что называется, до отвала.

Хозяйка, встречая гостей, считает своим долгом приготовить как можно вкуснее, лучше и больше. В результате приход гостей, как правило, означает обильную еду в

течение нескольких часов, заправленную соответствующим количеством алкогольных напитков. Если же за столом окажутся любители выпить, то они после нескольких рюмок становятся не только неинтересными собеседниками, но и просто нетерпимыми для трезвых. Обильное угощение отзовется различными недомоганиями, обострениями гастритов, холециститов, панкреатитов.

Несомненно, эта традиция становится в тягость многим людям, и она в какой-то мере тормозит общение друзей. Иной раз и зашёл бы на огонёк к старому приятелю, да знаешь, что причинишь хозяйке много беспокойства, а с другой стороны, и сам лишней раз не пригласишь друзей, зная, что жена будет не один день занята приготовлением обеда, да и во время пребывания гостей она большую часть времени будет находиться на кухне.

Бывая за границей, я замечал, что иностранцы угощают очень скудно: кофе с крошечными бутербродиками. Или какой-то напиток, алкогольный или безалкогольный, с пластинками сухого картофеля или орехами. А если и устроят обед или ужин, то все это в очень маленьких дозах.

Я знаю одну очень культурную семью, где гостям могут подать сыр или колбасу куском, батон хлеба и нож около них. Кто хочет, может себе отрезать и сделать бутерброд, а не хочет — никто не неволит. При этом точно известно, что это люди щедрые и такое угощение не от скупости.

Может быть, не надо впадать в ту или иную крайность. В то же время, мне кажется, настало время изменить наши традиции, отказаться от обильной еды при встречах, от соревнования, кто лучше угостит. Сделать всякое угощение необременительным для гостей и неутомительным для хозяев. Полностью исключить алкогольные напитки при встрече гостей и думать о том, как бы эти встречи сделать интересными.

Борьба с полнотой должна идти по двум направлениям — увеличению расхода энергии и уменьшению потребления. Первое достигается физкультурой, ходьбой пешком, на лыжах, купанием, походами по грибы, всеми видами физической работы.

Однако самое важное — уменьшение потребления: уменьшение её количества и изменение качества за счёт увеличения белков, уменьшения жиров и углеводов.

Есть надо четыре раза в день небольшими порциями. Вечерняя трапеза — самая скромная и не позднее восьми часов вечера. Восточная мудрость гласит: «Завтрак съешь сам, обед раздели с другом, ужин отдай врагу».

Чтобы держаться определённого веса и не полнеть, надо не переедать и помнить народную мудрость: «выходить из-за стола всегда немножечко голодным». Опыт показывает, что уже через пять минут чувство голода сменяется чувством удовлетворения с полной работоспособностью. Наоборот, если человек выйдет из-за стола сытым, у него через несколько минут появится чувство пресыщения, появится желание полежать и резко снижается работоспособность. При склонности к полноте надо систематически взвешиваться не реже чем раз в неделю и регулировать питание, нормализуя свой вес.

Всё это относится не только к зрелому возрасту, но и к юношам и даже к детям.

Во время своего пребывания в Горловке мы посетили одну семью, где мальчик 13 лет выглядел как взрослый располневший мужчина. Когда мы сели за стол, он ел больше, чем каждый из нас. Причём никто его не ограничивал. В своё время, когда у мальчика только начала выявляться склонность к полноте, отец хотел ограничить ему количество съеданной пищи. На него набросились мать и бабушка: «Что ты, зачем ограничивать? Ест, и слава богу. Пусть больше ест. Быстрее расти будет». И он начал расти, но не столько в высоту, сколько в толщину. Когда уже и женская часть семьи стала проявлять беспокойство и попыталась ограничивать, это оказалось не так просто. Мальчик старался есть, когда дома никого не было. Попытки ограничить его питание были слабыми, они не дали сразу нужных результатов, и все от него отступились. При нас он ел сколько хотел, и то, что он съедал, вызывало беспокойство.

Сейчас этот мальчик без лечения уже не сможет прийти к норме. Во всяком случае, здесь нужен такой строгий режим и порядок, которого в данной семье, по-видимому, не достичь.

Уменьшая количество пищи для похудения, надо следить за тем, чтобы белков было не меньше 80—100 граммов в день (в 100 граммах мяса или рыбы содержится приблизительно 20 граммов белков). При этом пища должна быть более разнообразной и богатой витаминами.

Разнообразить пищу надо для того, чтобы человек имел возможность получать так называемые незаменимые аминокислоты (составные части белка), которые крайне необходимы, но содержатся в самых разнообразных продуктах. Из различных видов белковой пищи наиболее ценным и полезным является творог.

В настоящее время излишний вес не говорит о благосостоянии. Он говорит о том, что нет должной заботы о культуре тела. Если ожирение не приняло патологических размеров, то изменением режима питания, ограничением пищи и увеличением физической нагрузки можно привести свой вес к норме.

Если обычным путём не удаётся снизить вес, можно прибегать к различного рода диетам.

При этом лечение голодом нерационально и даже, более того, вредно. Дело в том, что у человека ежедневно разрушаются белки, которые требуют обязательного пополнения, иначе они будут изъяты из тканей и органов самого человека, в том числе и его мозга.

Чтобы этого не было, при любой диете надо съедать не менее 250—300 граммов белковой пищи. Поэтому здесь более целесообразна так называемая «восточная» диета, которая состоит в следующем:

8 часов — чашка чая или кофе + кусочек сахара.

11 » — одно крутое яйцо + 8 черносливин.

14 » — 200 г отварного постного мяса или сарделек + 100 г гарнира (капусту или морковь) + 1 апельсин или яблоко.

17 » — 30 г сыра + 1 апельсин или яблоко.

20 » — стакан простокваши или кефира.

Питьё не ограничено. Такое питание продолжается десять дней. Если строго соблюдать диету — человек теряет в весе четыре килограмма.

Через 3—4 месяца диету можно повторить.

Стройным, здоровым, работоспособным может и должен быть каждый. Для этого ничего не требуется, только забота о своём теле, что является необходимым требованием каждого культурного человека.

И очень важно: сдержанность в еде нужно воспитывать в себе смолоду. Именно смолоду закладываются все привычки, все увлечения, все пристрастия, которые в пожилом возрасте, сформировавшись, станут характеристикой человека, составной частью личности.

Глава VIII

В период созревания организма юноша и девушка инстинктивно стремятся найти себе пару, найти объект для своего чувства. При этом нередко физическое влечение превалирует над психологическим, и молодой человек или девушка не задумываются над тем, насколько избранник достоин их чувства. Этот период чреват многими ошибками, если у того или другого не хватит ума, чтобы не поддаться чисто физическому влечению.

Чем ниже интеллект, тем слабее контролируется чисто физическое влечение, тем менее устойчив молодой человек в моральном отношении. Если же у юноши недостаточно развито чувство человеческого достоинства, внутренней совестливости, он будет стремиться к отношениям, которые не связывали бы его, не были бы для него обременительными.

Вместо того чтобы свою любовную энергию переключить — сублимировать на какой-то полезный умственный или физический труд, он будет добиваться внебрачной любви. И чем ниже его моральные устои, тем с большей силой он будет склонять свою партнершу, нередко прибегая к обману и ложному заверению в любви и преданности.

Впрочем, нередко бывает и так, что, уверяя девушку в своей любви, юноша в тот момент и не лукавит. Но впоследствии у него может наступить охлаждение к своей партнерше. Покидая её, он рассуждает примерно так: если с ним она пошла так быстро на любовную связь, то, значит, легко изменит с другим. У девушки же первая любовь оставляет глубокий след, и охлаждение друга она воспринимает как трагедию.

Наши народные традиции требуют от юноши и девушки сохранения целомудрия до брака, а брак совершать только после длительного и всестороннего знакомства жениха и невесты. У нас веками существовал обряд обручения, который почти за год предшествовал свадьбе. В течение этого года молодые люди считались женихом и невестой и ближе узнавали друг друга.

Внебрачные же любовные отношения всегда осуждались.

Молодежь должна сознавать, что, помимо подрыва моральных устоев, безответственное отношение к вопросам брака и семьи станет источником целого ряда личных трагедий, причём не только юноши и девушки, но и ребёнка, который может родиться от подобной связи. Хуже, когда ребёнок рождается у родителей, которые ещё сами не вышли из юношеского возраста и не располагают возможностями для воспитания. Это может серьёзно повлиять на дальнейшую жизнь ребёнка, а для женщины приведёт порой к потере физического здоровья.

Девушки должны понимать, что молодые люди, мотыльками перелетающие с одного цветка на другой, убоги духом, не способны познать глубоких чувств, которые возможны только при взаимной любви, основанной на уважении, дружбе и абсолютной честности. На обмане строят жизнь лишь эгоисты, сами неспособные на большое человеческое счастье и, как правило, приносящие несчастье другим.

«Человек своего счастья кузнец». Девушки должны помнить, что они могут стать жертвами пустых людей. Прежде чем связать свою судьбу, надо постараться узнать человека: его характер, интересы и особенно интеллект. Ибо ум и пошлость несовместимы. А если это глупый человек, то уж совсем безнадежно, ибо:

Гром побед отзвучит,
Красота отцветёт,
Но дурак никогда и нигде не умрёт.

Высокое, прекрасное чувство рождается только при альтруистической любви. Она свойственна людям благородным, с высокими моральными устоями, с сознанием человеческого достоинства.

Наибольшее количество неудачных браков часто связано именно с тем, что у некоторых мужчин физическое влечение берет верх над высшими чувствами и

внутренними тормозами, которые развиты у человека тем слабее, чем менее он склонен к альтруистической любви, чем ниже его внутренняя культура.

Сила психологического компонента влечения зависит от степени развития самой психики. Чем она более развита, тем сильнее эмоциональная сторона влечения. И у людей с хорошо развитой психикой эмоциональный компонент превалирует над всем остальным. Надо сказать, что у женщин сила психоэмоциональных факторов в этом значительно больше развита, чем у мужчин, поэтому недостойное поведение мужчины очень сильно оскорбляет женщину, надолго глубоко ранит её. Всякого рода конфликты, связанные с неблагородными поступками мужчины, оставляют в психике женщины тяжёлый след, даже нарушают её здоровье, особенно нервную систему. Неврозы, неврастения, вплоть до психических расстройств, встречаются у женщин чаще, чем у мужчин, именно как результат психической травмы, вызванной грубым поведением любимого мужчины.

Деликатность, тактичность и даже нежность требуются от мужчины, если он, вступая в брак с любимой женщиной, не может в данное время его узаконить формально по тем или другим причинам. Мужчина должен помнить, что женщина при этом оказывается в более бесправном положении, чем он, и последствия такой любви ложатся тяжёлым бременем на плечи подруги значительно больше, чем его. Кроме того, нельзя забывать и чисто морального фактора, когда общественное мнение в силу сложившихся традиций к поведению людей предъявляет высокие требования и часто осуждает женщину значительно больше. И если женщина, пренебрегая всем, идёт на незарегистрированный брак, то это, как правило, говорит о силе её чувств.

Вот почему мужчина обязан проявлять в отношениях с любимой чувство большой деликатности.

Если же такой брак строится на основании доверия и любви с одной стороны и одновременно на обмане и низменных, животных чувствах — с другой, то вопрос уже выходит за пределы человеческих отношений между порядочными людьми. Обман во всех случаях есть признак низости и подлости.

Неблагородное отношение к женщине характеризует мужчину и как человека. Ибо человек не может быть подлецом в одном и благороден в другом. Если в нём есть человеческое достоинство, он сохранит его и дома, и на службе, и при заключении деловых контактов, и в любви.

Полная эмансипация женщины в нашей стране достигнута и тем, что она получила экономическую независимость от мужчины. Сейчас мужчина не поставит женщину в безвыходное положение, оставив её одну с ребёнком, как это было прежде. Однако некоторым мужчинам все ещё кажется, что они осчастливят женщину, если усыновят их же собственного ребёнка, родившегося до того, когда брак не был ещё зарегистрирован. Женщина, доверившись мужчине без оформления брака, вправе рассчитывать на деликатное к ней отношение. Вот одна история, когда этого не случилось, и сколько страданий она принесла молодым людям.

Георгий Стуканин работал на заводе токарем пятого разряда. До армии окончил техническое училище, в армии служил в танковых частях, работая механиком. Руки у него были золотые: за что ни возьмётся, все у него спорится. Вернулся из армии, поступил на завод. Парень он видный, хорошо зарабатывал. Девушки на него заглядывались. Но он серьёзно ни за кем не ухаживал. Как-то не находил себе по сердцу.

Однажды заметил он в своём цехе красивую и очень скромную, державшуюся с достоинством девушку Зину. Она со всеми была ровной, спокойной, не важничала, но и не фамильярничала. Придёт на работу — и сразу за своё дело. Понравилась она Георгию. Стал он проходить мимо неё специально, чтобы заметила. А она ни на кого не смотрит и его не замечает. Выходят они с завода после работы. Он говорит: «Пойдёмте в кино». А она: «Да билеты трудно достать». — «У меня билеты есть». — «Тогда с удовольствием. Я кино люблю». С того времени они всюду ходили вместе. После кино или театра он провожал её до дома. Она пригласила его домой: «Заходите, я познакомлю вас с мамой».

Обстановка в доме была скромной, но очень уютной. Мать держалась приветливо, но также с достоинством. Попотчевали они гостя ужином, напоили чаем, и он за приятной беседой засиделся допоздна.

После этого он часто заходил к ним, и как-то вечером, когда мамы не было, он признался, что любит её, и они в первый раз поцеловались.

А когда через некоторое время мама заболела и легла в больницу, Георгий попросил Зину разрешения остаться у неё. Она с испугом посмотрела на него. В ней боролись два чувства. С одной стороны, девушка любила его и видела, что и он её любит. С другой стороны, она хотела, чтобы это было по-настоящему, чтобы они сходили во Дворец бракосочетаний, чтобы была свадьба...

Зина молчала.

— Ведь я же тебя люблю не просто так, а как жену, и беречь тебя буду, и ухаживать как за женой. А свадьба и загс — это ведь чисто формальное дело...

Зина согласилась, и после этого у них наступило несколько медовых месяцев. Они были счастливы любовью и заботой друг о друге.

Как-то сидели они, счастливые, обнявшись, в её комнате. Целуя его, она сказала ему на ухо: «Гоша! А у меня будет ребёнок», — и в этих словах звучало счастье и гордость.

Но для Гоши это было неожиданно и, по-видимому, не входило в его планы. Он сразу стал каким-то растерянным: «Как же так?»

— Это совсем неожиданно! Ты что же со мной не посоветовалась? — лепетал он.

А Зина сидела спокойная, улыбающаяся. При мысли о том, что у неё от любимого человека будет ребёнок, она вся расцветала. Он, взглянув на неё и увидев её улыбающуюся, без тени беспокойства и сомнения, озлился и на себя, что он так растерялся, и на неё, что она оказалась выше его.

— А что, если я с тобой не зарегистрируюсь? Не очень смешно тебе будет? Как ты будешь тогда жить?

Тяжёлое чувство обиды и горечи наполнило её сердце. Всё светлое и счастливое исчезло как дым. В сердце вместо радости и любви — одна горечь и неприязнь. Даже какое-то брезгливое чувство. Она встала, посмотрела на него с презрением и сказала:

— Так вот ты какой?! Не ожидала я! Уходи от меня! Не нужен мне ни ты, ни твоя регистрация.

Тут только дошло до Георгия, как обидел он Зину. Стал её успокаивать, сказал: погорячился от неожиданности... А она как бы и не слышит. Слова его всё в ушах звенят и как плетью хлещут.

Ушёл он от Зины в тот вечер как побитый. Дома рассказал всё родителям. А те, вместо того, чтобы его осудить, стали ругать Зину, которую и в глаза не видели.

— Подумаешь, зазналась, — заговорила мать. — Должна бы в ноги поклониться, что такой парень согласен с ней зарегистрироваться, а она ещё нос воротит. Подумаешь, обиделась. Знала, что делала, когда до свадьбы гуляла с парнем. Теперь и отвечай.

— Гоша же, наверное, обещал жениться, — не очень уверенно вставил отец Георгия.

— Мало ли что парень наговорит, а ты сама думай, — опять заговорила мать.

Но тут уж отец, коренной питерский рабочий, заговорил:

— Нет, мать, ты в этом не права — не то время. Теперь, брат, полное равенство и свобода. Сейчас слово рабочего человека должно быть вернее документа. Кому бы он это слово ни сказал: товарищу, или подруге, или даже незнакомому. Слово есть слово, хоть умри, а выполняй. Язык не балаболка. За то, что сказано, надо головой отвечать. Надо знать цену слова.

Теряя веру в слово, мы мельчаем. Чуть что — подавай бумагу. А слово? Оно должно быть крепче бумаги, в нём честь человека. Иногда слышишь: «Мало ли что я говорил. А где бумага?» Нет, я так понимаю: если парень девушке обещал жениться — это закон. И тут Гоша не прав. Зря обидел девушку.

Несколько дней в душе Георгия происходила борьба. За эти дни он не видел Зину. Но ясно почувствовал, что любит её, и отец прав, и он зря обидел Зину.

В то же время какой-то бес глупого самолюбия всё время копошился в нём и мешал ему поступать правильно, по-рыцарски, по-мужски. Прийти, извиниться искренне, честно, попросить прощения и, сделав все по закону, наладить жизнь ещё лучше, красивее.

А червь глупого самолюбия точил: «Я же мог отказаться от регистрации, и никто бы мне ничего не сделал. Почему же она придралась к моим словам? Я же правду сказал: как бы она стала выкручиваться, если бы на моем месте оказался нечестный парень? Почему же она это не оценила и, несмотря на мои извинения, остаётся холодной и безразличной?»

А голос рассудка его резонит: «Разве так извиняются? Надо извиняться всей душой, без оглядки и без снисхождения к себе. Ведь она же действительно обиделась крепко. Ещё бы. Сам всё время твердил о любви, а как до дела дошло, то и сама выкручивайся!»

Во внутренних переживаниях и сомнениях пролетело несколько дней. Наконец голос разума и совет отца взяли верх, и он решительно пошёл к Зине и уговорил её пойти в загс. Но девушке явно было не по себе от этой регистрации, которая проходила в какой-то спешке, как-то украдкой, вроде какое-то нехорошее дело делают или нехороший поступок покрывают.

Зина не чувствовала никакой своей вины. Она глубоко, искренне полюбила этого человека и хотела иметь от него ребёнка.

Конечно, было бы хорошо воспитывать его в дружной семье. Но в крайнем случае она и одна воспитает малыша. У неё неплохая специальность, да и мама поможет.

Рассуждая так, Зина чувствовала себя свободной и независимой. Она жалела свои разбитые мечты, свою разбитую любовь, но не боялась остаться одна. И самое главное — она не хотела никаких суррогатов, никакой замены любви. Или любовь чистая, красивая, преданная, какая у них была все эти месяцы, или не надо никакой.

Она понимала, что для её будущего ребёнка важна регистрация. Но Зина не испытывала большого счастья от этой процедуры. Её вид и довольно безразличное отношение к регистрации опять стали злить Георгия. Она должна быть счастлива, что он их «общую вину» как бы взял на себя. И её скучный вид, отсутствие любви и внимания к нему раздражали Георгия. Углублялся внутренний конфликт, возникший в результате полного непонимания со стороны юноши женской психологии, которая значительно более сложна, нежна, легче ранима и труднее восстанавливаема, чем у мужчин.

Известно, какое это деликатное чувство — влечение и любовь и как часто под влиянием различных недоразумений и супружеских конфликтов исчезает любовь и появляется равнодушие, возникает неприязнь и даже враждебность. С течением времени муж и жена могут стать чужими людьми, живущими вместе только из-за детей или каких-либо деловых соображений. Как часто мы встречаем случаи холодности и даже отвращения к мужу из-за отсутствия культуры чувства в браке, из-за отсутствия культуры отношения к жене, непонимания и нежелания понимать особенности её психики.

У мужчины, когда появляется влечение к жене, легче проходит чувство обиды, если даже конфликт не разрешен. У женщины все происходит иначе. Она не станет нежна к мужчине, если у неё сохраняется чувство обиды или досады на мужа. Для женщины необходимо какое-то время, чтобы «остыть», чтобы забыть оскорбление или какой-то несправедливый упрёк. И если мужчина хочет, чтобы у жены восстановилось нормальное отношение к нему, чтобы она простила ему, стада ласковее, нежнее, он не должен быть мелочным, не должен придирается к её отдельным словам, сказанным, может быть, сгоряча.

И не обижаться, не создавать новых поводов для конфликтов, если, несмотря на все старания мужа, холодность жены всё же сохраняется. Такова сложность женской

психологии. И не новым конфликтом, а только большей нежностью, деликатностью и вниманием он может восстановить хорошие любовные отношения.

Георгий никогда не задумывался над тем, как тяжело было Зине услышать жестокие слова от человека, которого она так искренне и горячо любила. Он не знал, что обида оскорблённой любви очень долго держится в сердце женщины, и мужчина, если он настоящий мужчина, если он рыцарь, а не мелочный и пустой эгоист, должен своим отношением, вниманием, проявлением любви и заботы загладить конфликт и восстановить былые отношения. Если же он мелочен и себялюбив, то робко, через силу произносит слова извинения, и, если женщина сразу же не кидается ему на шею, забыв все обиды и даже грубость, он моментально снова «лезет в бутылку», усугубляя возникший конфликт и увеличивая трудности его преодоления.

Именно таким мелочным эгоистом показал себя Георгий. Уговорив Зину пойти на регистрацию, он рассчитывал, что Зина сразу же все простит и станет к нему по-прежнему нежна и внимательна. Не понимая, что Зине меньше всего нужна эта регистрация, на которую она пошла только ради ребёнка. Ей нужна была его любовь, его чувство, которое он трусливо боялся показать из опасения, что она «зазнается» ещё больше и «сядет на него верхом». Он поэтому так «робко» и вёл себя с ней. Сделает шаг к ней навстречу, а сам несколько раз оглянется — не лишний ли шаг шагнул? Короче, Георгий не показал широкой русской натуры, которая так хорошо выражена в стихотворении:

Коль рубить, так уж сплеча,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коли драться — драться смело,
Коли бить, так уж за дело,
Коли пир, так пир горой,
Коль любить, так всей душой!

И уж если ты понял, что виноват, и пошёл просить извинения, то надо делать это без оглядки. А Зина принадлежала именно к таким натурам, которые не хотят ничего половинчатого, ничего впосилы, особенно когда Дело касается чувства. Поэтому регистрация не растопила льда, появившегося между ними. Не приблизила их и свадьба, которую Георгий приурочил к какому-то празднику.

Обстановка на свадьбе не была торжественной, чувствовалась скованность. И свадьба прошла совсем не так, как мечтала Зина. Девушка сидела грустная, молчаливая. Георгий же злился, что она все ещё чем-то недовольна. Он, кажется, все сделал, что положено с его стороны: и зарегистрировался, и свадьбу сыграл. А она все ещё дуется. Это его злило, было досадно перед своими ребятами, перед девчатами, которым, он знал, что нравится и они с радостью пошли бы за него замуж. А Зина недовольна. У неё вид такой, что она делает снисхождение ему, что выходит за него замуж.

Так, не попытавшись её понять, не поговорив с нею откровенно обо всем честно и прямо, самокритично и мягко, он своей свадьбой не только не приблизил Зину, но, может быть, даже отдалил от себя. Надо сказать, что очень часто происходит глубокий разрыв и разбивается жизнь двух любящих существ, хороших и честных людей, только потому, что они вовремя и откровенно не могут выяснить возникшие между ними недоразумения. И все это потому, что ни один не хочет начать разговор первым, а если и заговорит, то не бывает откровенным до конца.

В этом отношении мужчина должен сделать первый шаг, хотя бы он и чувствовал себя уязвленным, а жену неправой. Дело в том, что понять женскую психологию нам, мужчинам, часто бывает очень трудно. Правильно или неправильно, но она-то твёрдо уверена, что она права. И с её точки зрения, может быть, так и есть. А может быть, если объективно рассудить, она и права, а он ошибочно это всё себе представил. Без откровенного большого разговора выяснить этого нельзя. А оба супруга молчат, потому что никто не хочет начать разговор первым, чтобы не показать, что он не прав. Кто-то из них робко пытается начать разговор. Но другому этого мало. Он хочет полного признания

своей вины со стороны супруга или супруги. Та же, не чувствуя своей вины, не хочет идти на полное самобичевание и замолкает. Игра в молчанку продолжается. Конфликт нарастает и может кончиться полным разрывом двух любящих существ, которые потом всю жизнь будут жалеть об этом.

На свадьбе Георгий, подвыпив, нетактично реагировал на молчаливую грусть Зины и даже оскорбил её. Зина ещё больше замкнулась и, поселившись в семье Стуканиных, чувствовала себя одиноко. Георгий чувствовал себя обиженным и почти не разговаривал с Зиной. Мать тоже то и дело ворчала на свою невестку и всем была недовольна. Только отец Гоши старался смягчить общую тяжёлую обстановку. Пытался заговорить как ни в чём не бывало, рассказывал о новостях на заводе, пытался шутить, но его никто не поддерживал. Прожив в доме мужа несколько недель и не дождавшись с его стороны ни откровенного признания, ни искреннего раскаяния в своей грубости и не видя выхода из создавшейся обстановки, Зина ушла к матери. Её поступок ещё больше обозлил Георгия. «Ничего, — говорил он про себя, — небось как нужда тебя схватит за горло, придешь к мужу, поклонись».

Но Зина не пошла к мужу. Она ждала, когда он одумается и придёт к ней. А не придёт — значит, не любит. В таком случае и жалеть нечего.

Находясь в родильном доме, она всё ждала записки от Гоши. Но записки вместе с передачей приходили только от мамы. Она же и пришла за нею в день выписки. Напрасно искала Зина глазами мужа. Георгия не было. Его мелкое самолюбие оказалось выше общечеловеческих норм поведения, когда друг, если он действительно друг, в минуты опасности забудет все разногласия и протянет руку помощи. А ведь роды всегда таят в себе угрозу, и не для одной, а для двух жизней, и каждая женщина это очень хорошо чувствует. Освободившись от бремени, она, ослабевшая, но счастливая, нуждалась в поддержке сильного и умного друга, который с благодарностью отнесётся к ней за тот труд и боль, которые женщина принимает на себя, беря ответственность за них обоих. И только мелочные эгоисты могут думать в этот момент о своих обидах. Мужчина с богатой внутренним содержанием натурой всем этим пренебрегает полностью и без остатка. Он придёт к своему другу щедрый своей добротой, все простивший ей, даже если она в чём и была виновата, за подвиг, который совершает женщина, производя на свет человека, за великое таинство рождения новой жизни. Каким же надо быть маленьким человечком, чтобы не подняться выше своих обид даже в такой ответственный для жизни женщины момент!

Мало того. Она своими усилиями, своими муками производит на свет его ребёнка, а он в это время рассчитывает и скрупулёзно измеряет, чья вина больше.

С горьким чувством растущей обиды и боли приехала Зина в дом Стуканиных; сюда её привезли мать и родители мужа, желающие помирить молодых супругов. Конечно, если бы Зина не любила, если бы она не мечтала восстановить семейную жизнь, она бы не поехала к Георгию. Но тот расценил это по-своему и ждал её «полного и чистосердечного раскаяния». Ни разу не подошёл к ней как человек, как друг, как сильный мужчина. И осталась она в доме мужа как чужая. Проходили дни, недели, месяцы, а они не становились ближе.

Зина не выдержала и, взяв ребёнка, снова уехала к матери. Георгий, вместо того чтобы побеспокоиться о ней, о ребёнке, опять решил её «проучить» и ждал, когда «нужда» снова её приведёт к нему. Он не помогал Зине в воспитании сына.

Прошел год. Гнетущая атмосфера была в доме Зины. И в этой атмосфере рос и развивался их сын, не зная ласки отца, не видя улыбки матери.

Георгий не женился. Он все ещё любил Зину и не мыслил себе жизнь с кем-либо, кроме неё. Не думала о замужестве и Зина. Чувство к Георгию у неё почти прошло. Слишком велика была горечь обиды. Но как подумает она, что у её сына будет отчим, который, быть может, невзлюбит его и испортит ему жизнь, так сразу же отгонит всякие мысли о новом браке. А сватали её многие... Да и немудрено. После родов она

поправилась, похорошела ещё больше. И многие, весьма достойные мужчины пытались за ней ухаживать, но она никому не уделяла внимания.

Лишь инженер, средних лет мужчина, не имевший детей и три года назад потерявший жену от болезни сердца, упорно продолжал оказывать ей внимание, не претендуя на взаимность.

Он нередко заходил к ней домой, подолгу разговаривал с её мамой, любил играть с её ребёнком, который быстро привязался к нему и охотно шёл с ним гулять.

Зина с доброй улыбкой смотрела на этого человека, и у неё иногда появлялась мысль связать с ним свою судьбу. Подала заявление на развод с мужем. Георгий же не мог примириться с тем, что Зина уйдёт от него навсегда. И он не давал согласия на развод...

Шли годы. Однажды, проходя мимо дома, где жила Зина с матерью, он увидел, как его жена шла с каким-то мужчиной, который держал за руку его сына. Он был поражён увиденным, тяжёлое чувство безвозвратной потери охватило его. Он чуть не бросился к ним... Но, сдержав себя, подумал: а что он им скажет?..

Георгий пережил мучительные дни. Он понимал, что в нём заговорила ревность, которая захватила все его существо и затуманила рассудок. Много раз он порывался бежать к Зине, но останавливался. Тяжёлое чувство какой-то безысходности не покидало его. Он плохо спал, ничего не хотел есть и чисто механически поглощал то, что давала ему мать.

Как-то у Георгия сильно заболел живот. С трудом передвигаясь, он пошёл на работу и пробыл там весь день. Обедать не мог. Его тошнило, и боли не отпускали. Кое-как пришёл домой и лег. Мать забеспокоилась, хотела вызвать «Скорую», но сын не разрешил: «Не могу я сейчас лечь в больницу. У меня срочная и ответственная работа. Денёк завтра отлежусь, а потом пойду на завод. Позвоните мастеру, скажите, что я прошу разрешения на завтра не выйти на работу, не совсем здоров».

Назавтра боли усилились. Но и в этот раз он не разрешил вызвать «Скорую». На третий день температура поднялась высокая, он стал заговариваться. Вызванный участковый врач, молодая, недавно окончившая институт, подумала, что у него, может быть, тиф. Попросила вызвать инфекциониста. Тот, посмотрев, велел срочно вызвать хирурга. Только на четвёртый день болезни Георгий был доставлен в нашу клинику, где у него был признан острый аппендицит с инфильтратом и прорывом его в брюшную полость. Картина острого перитонита аппендикулярного происхождения.

Георгия немедленно взяли на операционный стол. Был удален гангренозный перфоративный отросток, удален гной, и операцию закончили оставлением тампонов в брюшной полости.

В первые дни была реальная угроза его жизни. Больной метался в бреду. От него не отходили ни на минуту.

Сразу же после операции ко мне подошла молодая женщина и, отрекомендовавшись его женой, попросила разрешения посидеть около больного. Трое суток она почти не отходила от него. Когда же опасность миновала, женщина перестала дежурить, но каждый день приходила в клинику, расспрашивала врача и сестру о самочувствии больного.

Когда Георгий стал поправляться, я сказал как-то вскользь, что жена сидела у него трое суток не отходя.

Стуканин удивился.

— Нет у меня жены, — резко сказал он. — Это, наверное, была мама.

— Ну, брат, я, наверное бы, отличил маму от жены. Ты говоришь, что у тебя нет жены, а она сказала, что жена, и так за тобой ухаживала, как дай бог, чтобы мать ухаживала за своим сыном.

Больной задумался и не сказал ни слова.

Когда он уже совсем стал поправляться, я, проходя по вестибюлю, увидел Зину. Поздоровался с ней. Она, спросив о состоянии здоровья Гоши, попросила:

— Вы, пожалуйста, не говорите ему, что я около него дежурила, не надо!

— Вы поздно меня предупредили. Я уже сказал.

— Это очень плохо, — с какой-то болью сказала она и печальная вышла из клиники.

На следующий день я позвал к себе в кабинет больного, усадил его и сказал:

— Если это не секрет, расскажите мне, что у вас с вашей женой.

— Такими вещами я ни с кем не делюсь, — сказал он задумчиво и даже мрачно. —

Но я знаю, что вы спасли мне жизнь, и я обязан сказать вам всё, о чём вы спрашиваете.

И он подробно рассказал мне историю их печальной любви. Я слушал его, не перебивая и ни о чём не расспрашивая. Да этого и не надо было делать. Страдая молча, про себя, не имея возможности ни перед кем излить свою душу, он изложил мне всю картину настолько подробно, что я ясно представил себе всю их драму.

Как можно тактичнее я постарался раскрыть перед ним психологию женщины, её переживания, её желание иметь хорошую семью, а не формальное право называться женой.

— Вы же, вместо того чтобы проявить эту любовь, решили показать характер, причём показывали его даже тогда, когда Зина и ваш ребёнок подвергались смертельной опасности. Ведь роды бывают и неблагоприятными, когда и роженица и ребёнок могут погибнуть.

— Я как-то об этом не подумал, — мрачно сказал Георгий.

— А вот Зина в минуту опасности пришла к вам на помощь и трое суток не отходила от вас. И тем, что остались живы, вы в значительной мере обязаны ей. В тот переломный момент, когда чаша весов жизни была неустойчива, любой недогляд мог привести к печальному исходу. Она же не смыкая глаз следила за каждым вашим движением, выполняя каждое ваше желание, выраженное губами или движением руки. Вы же в трудные минуты её жизни старались «показать характер», копались в мелочных обидах. Если у вас есть характер, то показывайте его перед тем, кто сильнее вас, кто враждебен вам, кто причиняет вам или вашим близким зло. Перед любимой женщиной показывают характер только слабые, бесхарактерные люди, робкие перед сильными и перед начальством и грубые с женщинами и с подчинёнными. Это всё закономерно. И вы оказались в рядах слабых и безвольных людей. А вы ведь танкист. Вы обязаны были сделать это. Не зря говорится: «Кто самый сильный из людей? — Тот, кто сильнее своих страстей!»

Вы проявили полное отсутствие душевной чуткости и теплоты по отношению к любимой женщине, оказавшей вам доверие, которого вы не заслуживали. И девушкам можно только настойчиво советовать — не доверяйте таким людям, как Георгий Стуканин, иначе наживёте много неприятностей. Так, что ли, Георгий Стуканин? — спросил я, чувствуя, что после этого разговора его отношение к самому себе, а следовательно, и к Зине, изменится.

Так оно и получилось. Зина приехала за ним на машине. Привезла его домой к родителям, постелила постель, уложила, подоткнула одеяло, подставила к кровати столик, стул, поставила стакан с водой, собралась уходить. Он её остановил, задержав её руку, посадил около себя и, не щадя себя, высказал всё, что пережил за эти годы. Он просил у неё прощения, обвинял себя в жестокости, чёрствости, в непонимании душевных переживаний друга.

Он действительно был не прав с самого начала и до конца. Он просит у неё прощения за это горе и те переживания, которые он доставил ей за эти годы. И если у неё сохранилось ещё чувство любви к нему, он просит её остаться. Он сделает всё от него зависящее, чтобы сделать её счастливой...

И Зина осталась.

Глава IX

Стало модным решать самостоятельно, без совета с родителями и старшими, вопрос женитьбы или замужества.

Разумеется, мы не за то, чтобы эту важную проблему жизни молодых людей решали за них родители. Нелепость такой постановки вопроса очевидна. Тем более если молодые люди полюбили друг друга. Ну а если у девушки или у юноши нет твёрдого убеждения в том, что их взаимное влечение и есть настоящая любовь? Или возникают сомнения иного порядка?.. Тут-то как раз и может оказать неоценимую услугу совет отца или матери, особенно если в отношениях с родителями есть доверие и взаимное уважение.

Опыт, приобретённый родителями, поможет сделать правильный выбор, уберёжёт от ошибки, которая порой дорого стоит.

Расскажу одну историю.

Люба Авдеева шла в медицинский институт по призванию. Она хотела быть врачом, педиатром. Ей нравилось лечить детей, которых она очень любила и постоянно возилась с ними. Поэтому для неё не было вопроса, в какой вуз поступать. В средней школе она училась хорошо, а последний год, заранее узнав программу для поступления в медицинский вуз, упорно готовилась.

Три экзамена выдержала на 5 и только один на 4. Это оказался проходной балл, и Люба, счастливая, пошла на первое занятие. Она была записана в группу, где было три мальчика, остальные девочки. На собрании группы представитель деканата сказал, что старостой группы назначается Олег Морев. Поднялся высокий парень с шапкой волос тёмного цвета. Большие карие глаза прикрывали воспалённые веки. Он носил бакенбарды. Они старили парня, придавали некоторую таинственность. Он поднялся с места и заговорил с группой, как старший с младшими. Молодые, скромные студенты, пленённые властным тоном и жестами, тихо сидели, считая, что лучшего старосты им не надо.

— Нам крупно повезло, — говорили они между собой — Этот наладит дисциплину. Видать, развитой. С ним не пропадем...

Олег действительно держался уверенно, независимо и даже покровительственно. На зачетах он не всегда отвечал на вопросы, но как-то умел выходить из трудных положений и оценки получал неплохие.

— За солидность, — шутили студенты между собой. Олег был хорошо одет, всегда имел при себе деньги, что поднимало его авторитет в глазах ребят и в какой-то мере привлекало девчат.

Но никому в группе Морев не отдавал предпочтения. Любе это нравилось. Она вообще не любила повес.

После первой же встречи, расставаясь, Олег упросил Любу прийти на свидание на следующий же день и сам явился к назначенному часу безукоризненно одетый, с букетом цветов. Люба встретила его приветливо, расспрашивала о занятиях, о школе, которую окончил, об институте. Держала она себя просто, свободно и легко. Олег по-своему расценил её манеру держаться — взял за руку, попробовал привлечь к себе. Люба так на него посмотрела, что он быстро отпустил руку. Они продолжали встречаться, но Люба не позволяла Олегу переходить черту дружеских отношений. Однажды он решил применить силу. Люба вся сжалась, сказала спокойно, ледяным тоном:

— Отпусти!

И две недели не выходила к нему, не отвечала на записки. А когда, уступив его домогательствам, снова пришла на свидание, то заявила: «Никаких вольностей не позволю, а будешь хамить — уйду навсегда». Олег растерялся. Несмотря на свою молодость, он был опытным ловеласом, обманул не одну девушку, а тут — нате, подумаешь, краля!

В душе хоть и возмущался, но виду не подавал. Любу, дочь известного профессора, упускать не собирался. Войти в дом к профессору, уважаемому человеку, живущему в достатке, жениться на его единственной дочери — что может быть лучше?

Все имущество профессора, библиотека, редчайшие книги, которые он уже разглядел, бывая в доме Авдеевых, — все это перейдет к нему. Нет, за это стоит бороться.

И он решил переменить тактику. Он притворился страстно влюблённым в Любу. Сидел около неё задумчиво, часто вздыхал и непрерывно говорил ей, что он без неё ни жить, ни дышать не может. И Люба стала привыкать к его поклонению и постепенно привязалась к Олегу. Он был ей нужен, необходим. Интуитивно чувствовала она какую-то фальшь в словах своего воздыхателя, порой ей было неприятно его слушать — и в такие минуты она хотела порвать с Олегом, но не хватало на это сил. Есть в женской природе такие свойства, которые ни уму, ни сердцу не подвластны.

Но, к чести нашей Любы, скажем: у неё хватило и ума, и здравого смысла окончательно не запутаться в хитро расставленных сетях.

Я всегда с ранней моей молодости восхищался русскими женщинами и много читал о их муках, подвигах и достоинствах. Классические слова великого нашего певца Некрасова о русской женщине волнуют нас и поныне, ибо она за это столетие ничего не потеряла из своих великолепных качеств, а, наоборот, обогатилась, получив образование и приобщившись ко всем сторонам государственной и политической жизни.

Есть женщины в русских селеньях...

Пройдёт — словно солнце осветит!

Посмотрит — рублём подарит!..

Светлый образ русской женщины покоряет. А ведь она в то время была крепостной крестьянкой. Тот же Н. А. Некрасов о ней скажет:

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Декабристки, оставляя дворцы и роскошь, шли в Сибирь за своими мужьями и женихами, разделяли с ними все тяготы каторжной жизни.

Когда иркутский губернатор, имея наказ чинить препятствия женам, едущим к своим мужьям, упрекал княгиню Трубецкую: «И что же? Бежите Вы за ним, как жалкая раба!» — она гордо ему отвечает:

Нет, я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!

.....
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе хватило б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине, любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

А. С. Пушкин восхищался подвигом декабристок:

Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!

Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!

Русская женщина и в годы бесправия и произвола, и на вершине общественного положения, и в крепостном подчинении всегда стояла рядом с мужчиной не как раба, не как вещь для удовольствия, не как фетиш, который на словах превозносили и преклонялись, а на деле ни во что не ставили, — нет, она всегда была как друг и товарищ мужчины во все периоды жизни народа.

Иные циники любят злословить о непостоянстве характера женщины, о якобы её извечной тяге к любовным приключениям, к неверности. Ничего нет отвратительней этой невинной с виду, но в сущности мерзкой клеветы.

Нашим юношам и девушкам надо знать о тех обычаях и традициях, которые веками создавались в русском народе и которые помогали воспитывать наших людей благородными и честными. Так, у нас утвердилась хорошая традиция, говорящая о глубокой внутренней культуре народа: во все века, даже во время крепостного права, отношения между мужчиной и женщиной, мужем и женой, юношей и девушкой — всегда складывались на принципах равенства и глубокого взаимного уважения. Особенно трогательным всегда было отношение юноши к девушке. Оно говорило о чистоте его помыслов и искренности их отношений. Приходится лишь удивляться, откуда наши предки, в основном неграмотные люди, жившие в бедности и бесправии, — откуда они черпали эти светлые понятия, которые и поныне, в век сплошной грамотности и культурной революции, могут явиться образцом для нашей молодёжи.

Вспомните, с какой нежностью в украинской песне батрак обращается к своей любимой девушке. Он просит её выйти в «гай», но, чтобы она не намочила ножки и не простудилась, он ей говорит: «Я ж тэбэ ридную аж до хатыночки сам на руках виднэсу!»

Какое бережное отношение звучит в этих словах по отношению к своему любимому другу, более хрупкому и нежному созданию, которое он, как физически более сильный, обещает беречь и защищать. Он бережёт её как друга, товарища по работе, свою будущую подругу, с которой ему идти рука об руку всю жизнь, как будущую мать своих детей.

Перечитайте Шевченко, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, пересмотрите всю нашу классическую литературу, и вы увидите, как в ней воспеваются и как бережно охраняются великолепные народные традиции в отношениях между юношами и девушками. Сколько в них светлого, чистого, святого. Все это наше, родное, что дорого каждому русскому человеку и что почитается и высоко ценится народами братских республик и всей земли.

Пренебрежение и нападки на нравы и обычаи, какими бы «модерными» фразами все это ни прикрывалось, есть чуждое нашему народу, вредное для нас и для наших взаимоотношений с другими людьми.

Юноша физически сильнее, выносливее девушки. Так создала его природа. Девушка же, наоборот, нежнее, ласковее, слабее. И он, как рыцарь, как джентльмен, должен всегда это помнить. Тот, кто обидит, оскорбит девушку, допустит недозволенное, тот покроет себя позором, и каждый, кто имеет хоть каплю мужской гордости, осудит его.

Существуют во всём мире хорошие традиции, по которым мужчина оказывает знаки уважения женщине. Они основаны на отношении человека к тому, что всего дороже для него. А для любого человека самым дорогим человеком является мать, и не отдать должное матери, не поклониться ей до земли может только плохой человек. Оказывая другой женщине знаки уважения и преклонения, он оказывает их чьей-то матери или будущей матери...

Каждый, уступая место женщине или оказывая ей другие знаки уважения и внимания, подумает о том, что другой мужчина или юноша сделает так же по отношению к его матери, сестре, жене.

По тому, как ведёт себя мужчина, а особенно юноша, по отношению к женщине или девушке, можно безошибочно судить о его внутренней культуре.

Русские традиции, если к ним внимательно присмотреться, разумно направлены на защиту женщины как основы народа. Народ, который не бережёт женщину, обрекает себя на постепенное вымирание. Потому-то как в прежние века, так и ныне государственный ум проявляется прежде всего своим отношением к женщине и будущему потомству.

У наших людей во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной всегда над внешними проявлениями своего преклонения и симпатии к женщине превалировало внутреннее чувство уважения и заботы о ней. И в наше время, когда женщина не только юридически, но и суровой жизнью доказала своё равенство с мужчиной, наша задача заключается в том, чтобы эти новые отношения закрепить, облагородить и сделать их традициями. И пусть никого не смущает тот факт, что некоторые женщины, получив образование, какое-то время не работают, а отдают себя семье и воспитанию детей. Образованная женщина, если она уделит больше внимания детям, принесёт пользы, может быть, не меньше, а больше, чем выполняя ту или иную работу на службе. И если русская мать, будучи в своей основе неграмотной, воспитывала детей с прославленным «русским характером», то можно не сомневаться, что, получив образование, русская женщина в вопросах патриотизма, любви к Родине сделает ещё больше. Примером тому являются наши выдающиеся люди прошлого, наши писатели, учёные, полководцы, педагоги, врачи. Все они в то время воспитывались образованными матерями, и какие это были патриоты!..

Однако я отклонился от своего рассказа.

Олег обхаживал не одну только студентку своего курса, но Люба ничего не знала о его похождениях. Да никто ничего об этом и не говорил. Как опытный человек, Олег никого не посвящал в свои интимные дела и своё отсутствие в группе или в общежитии объяснял «работой в библиотеке». Да Любе и некогда было слушать чьи-либо пересуды. Она была активным, деятельным человеком в жизни. Такой она проявляла себя и в группе, где для неё забот было хоть отбавляй. Но ещё больше внимания и душевных сил отнимали у неё личные неурядицы — две истории, случившиеся в это время с близкими людьми. А надо сказать, что чужую боль она переживала едва ли не сильнее, чем свою собственную.

Первая история — с младшей двоюродной сестрой Машей.

Когда Люба заканчивала второй курс, к ним приехала Маша — поступать в Ленинградский институт культуры. Это была способная и серьёзная девушка, учившаяся только на «отлично». Приехав заблаговременно, она всё время готовилась и считала, что имеет шансы на успех. Однако на первом же экзамене по русской литературе она получила двойку.

Вторая история случилась с подружкой, комсомолкой их курса Галей. Среднего роста, тоненькая, как былиночка, она выглядела подростком. В детстве Галя болела туберкулезом лёгких, и поэтому, несмотря на трудности с общежитием, ей дали отдельную маленькую комнатку. Она училась с первых же дней очень хорошо. Отличалась не только кротостью, но и удивительной добротой. Несмотря на свою болезненность, она никогда о себе не думала, и её постоянно можно было встретить или в профкоме, или комитете комсомола, где она хлопотала за кого-нибудь. Она была из культурной семьи. Мать — врач, отец — педагог. Жили беспечно, часто привозили ей продукты или лакомства — то сами, то через попутчиков, и у Гали всегда было что-нибудь вкусное. Но сама она плохо ела и всё, что ей присылали, раздавала подругам и товарищам, которые любили заглядывать к ней и часто набивались в её комнату до отказа.

Скоро в комнате у Гали появился студент Кирилл. Он был некрасив, и непонятно, почему пользовался успехом у девушек. Держался он независимо, к месту говорил о своих победах в спорте, а если среди слушательниц была Галя, то красочно живописал, как эта победа трудно ему давалась.

Галя вскоре почувствовала, что она встретила человека, которого искало её сердце. И Кирилл сумел быстро её в этом убедить. Он был внимателен, говорил девушке комплименты — заверял в своей готовности делать все для своей возлюбленной.

Был на курсе другой студент — Серёжа, молчаливый, несколько замкнутый юноша. Он учился хорошо, имел первый разряд по спорту, но никогда не говорил о своих победах. А в присутствии Гали он и вовсе лишался дара слова и только краснел, когда она его о чём-то спрашивала. Виделись они редко, тогда как Кирилл заходил к Гале чуть ли не каждый день. Будучи сама от природы правдивой, она не могла и представить, что ей говорят неправду. В своих мечтах она таким и представляла своего будущего мужа. Он всех остроумнее, всех сильнее. Кирилл ей казался идеалом мужества, идеалом мужчины.

Она впала в ошибку, которую совершают многие мечтательные, правдивые и красивые натуры. По своей молодости Галя ещё не знала, что истинное мужество, благородство, храбрость, одаренность всегда сочетаются с простотой, скромностью и даже некоторой застенчивостью. И эта скромность, как правило, увеличивается, если у юноши появилось глубокое чувство к девушке. Даже если у кого-то и есть некоторая бойкость, она чаще всего сразу пропадает, когда юноша искренне влюбляется.

Отсутствие скромности, стремление похвастать своими успехами характеризует человека пустого, болтливое, а если он хвалится своей храбростью — то и труса. Об этом великолепно рассказано в классическом произведении двух русских гениев — в опере «Руслан и Людмила» Глинки по поэме Пушкина. Там Фарлаф —

«Крикун надменный,
В пирах никем не побеждённый,
Но воин скромный средь мечей» —

типичный хвастун, пустой, никчемный, да ещё и презренный трус. А послушайте вы арию Фарлафа — там сто слов в минуту, и все сплошь хвастовство, а на деле — испугался первого встречного всадника и бежал, пока не упал в канаву.

Истинное чувство всегда молчаливо, истинная храбрость всегда скромна. Не буду говорить о других национальностях, у меня нет достаточных знаний для характеристики других народов, но для русского человека скромность всегда характерна. Все герои наших былин и песен невелеречивы, скромны, и Серёжа, который искренне и глубоко любил Галю, был из породы тех самых умных и сильных людей, которые не любят громких слов, не выставляют себя напоказ. Но Галю соблазняли внешние эффекты, она не разглядела человека и полюбила Кирилла. Деликатные намёки подруг на его истинные достоинства не достигли цели, она уже слепо шла за своим кумиром.

Кирилл, добившись любви Гали, стал её эксплуатировать. Он жил в её комнате, заставлял готовить для него пищу. Галя все делала с восторгом, всячески ухаживала за ним. И чем больше подчинялась его прихотям, тем капризнее он становился. Вскоре её унижения были замечены друзьями. Она быстро теряла авторитет. Опустела и её комната, мир суживался, она хуже училась, часто плакала. Между тем Кирилл являлся к ней всё реже. А потом вдруг он перевёлся в другой город. Подруги решили, что для Гали это счастье, но Галя думала по-иному: она не смогла вынести удара, приняла большую дозу снотворного. К счастью, врачи её спасли.

Оправившись физически, она оставалась грустной, одинокой, ни с кем не хотела встречаться. Узнав, где он учится, написала ему письмо, но ответа не получила.

Года через два в этот город приехала баскетбольная команда, в составе которой был Кирилл. Он никого не спросил о Гале, не сделал попытки встретиться с ней. Галя, которая ждала Кирилла и думала все ему простить, после его отъезда слегла, тяжело заболела, у неё открылось легочное кровотечение. Машина «Скорой помощи» доставила её к нам в клинику. Мне и моим сотрудникам её болезнь доставила много хлопот — трудно и необычно протекала; я много часов провёл у её койки — тут-то и узнал её невеселую историю.

Со временем Галя сумела преодолеть муки неразделённой любви. Постепенно она снова стала общительной и веселой, выправилась в учёбе. Удалось нам одолеть и её хворобу. Но горькое чувство обиды, какой-то осквернённости, какой-то вины перед собой и друзьями у неё осталось.

По-разному относятся девушки к измене друга, который оказался непорядочным человеком и совратил её. Переживает ли эту разлуку девушка так тяжело, как Галя, или несколько проще смотрит на это — всё равно такая внебрачная любовь оставляет в душе обманутой девушки тяжёлый, неизгладимый след. Она всё время чувствует себя униженной, она, как птица с подрезанными крыльями, не чувствует сил и способности летать высоко.

Даже если после этого она искренне и глубоко полюбит кого-то и выйдет замуж и, может быть, будет жить счастливо, воспоминание о предательстве сохранится у неё навсегда. Даже если она будет безупречно верна своему мужу, чувство вины и какого-то бесчестия у неё останется. Не зря русская пословица говорит: «Береги честь смолоду».

Это имеет большое значение как для девушки, которая должна беречь себя для мужа неприкасаемой, так и для юноши, который должен не запятнать себя постыдным и бесчестным поступком. Не забывает о таком своём поступке и мужчина, если он, конечно, в основе своей порядочный человек.

В наше время, когда женщина приобщилась к образованию и к активной общественной жизни страны наравне с мужчиной, она тем более стала его другом, с которым идут рука об руку и в горе и в радости. В суровые для нашего народа годы она ни разу не подвела мужчину и, если надо — гибла с ним рядом как героиня.

Вот почему наша женщина заслуживает того, чтобы мужчина не только любил и уважал её как друга, как подругу, но и берёг её.

Подлинная эмансипация и равноправие женщины состоит в том, чтобы обладать равными с мужчинами социальными правами, чтобы не было привилегий для одного пола и не ущемлялся другой. Но это не значит, что эмансипация должна привести к мускулинизации, то есть уподоблению мужчине. Подлинное равенство должно уважать существование физиологических и биологических различий. Подлинная эмансипация состоит в том, чтобы освободить женщину от всего того, что мешает ей развиваться в соответствии с её особыми психическими и биологическими потребностями и особенностями. В частности, учитывая, что физически женщина более слабая, а психически легко ранима, мужчина обязан её оберегать не только от физических перегрузок, но и от моральных стрессов, которые женщина переживает много тяжелее.

Иногда «охотники за девушками» прибегают к имитации любви. Они идут на то, что обманывают девушку в её самом светлом и дорогом для неё чувстве — чувстве любви. Играя в любовь, используя эти свойства девушек, ловеласам нередко удаётся обмануть их цельную, здоровую натуру.

Но здесь мы закончим историю Гали. В минуту самых тяжёлых переживаний первым ей подал сильную и верную руку Серёжа. И будем надеяться, что он поможет ей сгладить и залечить наболевшую рану.

Мы вернёмся к Любе. В то же самое время, но при несколько других обстоятельствах у неё тоже развивалась любовная история...

В конце второго года упорного ухаживания за Любой Олег стал настойчиво просить выйти за него замуж. Она сначала отказала, но в конце концов уступила, сказав, что ответит после совета с родителями.

Олег уговорил девушку пойти в загс на предварительную запись. «Там дают большой срок на обдумывание — мы всегда можем отказаться», — говорил он. Люба пошла.

В загсе Олег держался развязно, даже нахально, и не только с сотрудниками, но и с ней. И это Любе не понравилось.

Расставшись с Олегом, Люба долго сидела задумавшись в своей комнате, а потом пошла к отцу — решила посоветоваться с ним. У них с отцом всегда были тёплые, дружеские отношения. Она любила отца за его ум, доброту, за его неизменно хорошее отношение к людям, за справедливость, за его глубокое знание жизни и своего предмета — русской литературы.

Олег часто приходил к Любе домой; отец видел, что между ними завязываются отношения несколько большие, чем дружба. Но он верил своей дочери, надеялся, что ни на какой безрассудный поступок она не пойдёт, и не хотел вторгаться в её внутренний мир и влиять на её решения. В то же время он беспокоился за дочь, боялся, что она поверит этому человеку, будет обманута.

В кабинете отца не было. Люба удивилась и забеспокоилась. В вечернее время он всегда был дома. Она пошла в комнату матери. Та сидела с повязанной головой и глазами, красными от слез. Сердце Любы болезненно сжалось от предчувствия несчастья. И первая мысль — это упрёк себе, что она, увлечённая любовью к Олегу, совсем не думала ни о здоровье, ни о возможных переживаниях родителей.

— Где папа? — спросила у матери. — И что с тобой? Почему ты плачешь? Да отвечай же, где папа?

— Папу увезли в больницу.

— В чем дело? Что случилось?

— Он уже давно переживал, глядя на твою любовь к Олегу. А когда он услышал, что ты пошла в загс, ему стало плохо. Я вызвала «Скорую помощь», и его отвезли в больницу.

— Но ведь я же пошла в загс на предварительную запись. Это же ещё не брак.

— Всё же так с родителями не поступают. Если мы тебе доверяем, то и ты должна к нам относиться с доверием.

Люба пошла в клинику. Это была наша клиника. И хоть мы, как правило, принимали только хирургических больных, но нам привозили иногда и с болезнями сердца, не требующими операций.

Я был ещё в клинике, когда мне сказали, что привезли на «Скорой» больного с сердечными болями. Распорядившись срочно сделать необходимые анализы и электрокардиограмму, я решил, не уходя домой, посмотреть больного сам.

Так я познакомился, а затем и подружился с этим замечательным человеком, большим русским учёным, талантливым литературоведом и критиком.

При мне ему сделали обезболивающие уколы, и боли в сердце прошли. Прослушав его и посмотрев принесённую электрокардиограмму, я убедился, что у больного ничего опасного нет; у него был кратковременный спазм коронарных сосудов. Успокоив больного, я задержался у его постели, разговорился с ним. Тут как раз и пришла Люба. Порывисто подошла к отцу, бросила на меня вопросительный взгляд. Я успокоил дочь, она присела к нему, стала извиняться за причинённую боль.

— Оставим этот разговор. Он здесь неуместен, — спокойно сказал отец, — да я тебя и не осуждаю. Узнав, что это предварительное посещение загса, я успокоился.

Через несколько дней отец был выписан из клиники. Он очень тепло прощался со мной и взял с меня слово, что я обязательно побываю у них.

Вскоре я познакомился со всеми членами этой семьи. Профессор рассказал мне, что через несколько дней после выписки из клиники Люба пришла к нему в кабинет и откровенно рассказала о своих взаимоотношениях с Олегом. Он слушал её внимательно, не перебивая.

— Мне кажется, что он прямой, честный и очень любит меня, — говорила Люба.

— А ты? Ты любишь его? — спросил отец.

— Я часто сама задавала себе этот вопрос и не могла ответить достаточно ясно. Я не знаю, что такое любовь, и я её никогда не испытывала. Олег мне нравится, мне с ним хорошо. Но если его долго нет, я не могу сказать, что схожу с ума. Во всяком случае, у меня к нему хорошие, дружеские чувства. Надо же мне выходить замуж. Такой любви, как у Олега ко мне, наверное, не будет, а ведь это самое главное.

— В этом вопросе, — сказал отец, — мне очень трудно и слишком ответственно давать советы. Представь себе, я посоветую тебе выйти замуж за Олега или, наоборот, скажу, чтобы ты не выходила. Ты меня послушаешь и будешь несчастна. И я себя буду потом упрекать, и ты будешь винить меня.

— Нет, папа. Ты этого не бойся. Я никогда не стану тебя упрекать, что бы ни случилось. Ты только скажи мне откровенно всё. Я верю в твоё доброе сердце, в твой ум, знание и понимание людей.

— Хорошо. Начнём прежде всего с тебя. Замужество должно быть финалом проявления глубоких чувств, связывающих двух преданных друг другу людей. Только при этих условиях замужество приносит истинное счастье. Любой брак, не связанный истинным чувством, представляет собой вульгаризацию семейной жизни, лишает людей возможности испытать высокие и прекрасные чувства, сталкивает их с пути нормального развития. Чувства должны быть глубокими и сильными — в истинной любви нет места для сомнений.

При этом совершенно неправильно представление о том, что были бы хорошие отношения, а любовь придет, по русской пословице: «Стерпится — слюбится». Пословица отражала философию и психологию прежнего времени, когда браки сплошь и рядом были по расчёту. В тех условиях женщина, а подчас и мужчина, чтобы сохранить семью, должны были терпеть. В наше время положение другое; ныне, когда речь идёт о соединении двух грамотных, высокоразвитых существ, браку должна предшествовать большая духовная близость, люди должны быть соединены узами больших и красивых чувств, прежде чем они подумают о возможности совместной жизни.

В случае обратной очерёдности, когда молодые вступают в брак, ещё не зная, сколь близки они друг другу духовно, трудно ожидать рождения любви. Обычно такие союзы не создают условий для всеобъемлющей духовной близости и никогда не принесут полного семейного счастья. Брак без любви — это очень плохое дело. Настолько плохое, что Л. Н. Толстой назвал брак без любви — ты извини меня — проституцией.

— Но мне кажется, что я люблю Олега.

— Когда ты на самом деле кого полюбишь, тебе ничего не будет казаться. Ты будешь твёрдо знать, что ты этого человека любишь, и именно только его одного. А ты дружишь с Олегом два года и ещё не уверена, любишь его или нет. Пожалуй, я не ошибусь, если скажу: у тебя нет никакой любви к этому человеку. И это очень хорошо. Твое сердце оказалось умнее тебя, и оно лучше разобралось в человеке, которого ты за два года никак не сумела распознать.

— Но он же горячо и искренне любит меня, а ведь ты мне как-то говорил, что на большое чувство способны лишь хорошие, правдивые люди.

— То, что я говорил раньше, я и сейчас тебе могу подтвердить. Но этого человека ты совсем не знаешь. Да, впрочем, это и немудрено. Из твоих слов, да и по собственному наблюдению, мне уже был давно понятен этот человек.

— Но ведь в правдивости и искренности его чувства ко мне и у тебя, наверное, нет сомнений.

— Нет, доченька, есть у меня и в этом сомнения. Боюсь, что в его ухаживаниях есть ещё и какие-то другие расчёты. При этом ради достижения своих личных целей он превратил в игру такое святое чувство, как любовь. И какое счастье, что ты не обманулась в этой игре и не влюбилась в него. У тебя бы всё равно наступило прозрение и отрезвление, но уже тогда расставаться с ним было бы сложнее.

— Зачем ему нужна эта игра?

— Войти в семью профессора, имеющего большой авторитет в городе, неплохой достаток и великолепную, почти уникальную библиотеку, где он становится наследником всего этого. Это уже одно само по себе неплохо для человека, мечтающего прежде всего о личном благополучии. Этот человек из тех, которые живут сегодняшним днём. Они не верят ни во что святое и признают одного лишь бога: наживу. Как сами они говорят? «На наш век хватит, а после нас хоть потоп». Мы, атеисты, не верим в загробную жизнь, но мы верим в бессмертие добрых дел, в бессмертие добра, и каждый из нас, кто имеет сердце, хотел бы внести свою лепту в общую копилку добра. При этом не столь уж существенно, оценят ли наши добрые дела при жизни или после смерти.

Из истории известен пример с адмиралом Ушаковым. У адмирала было очень ценное предложение, выполнение которого принесло бы славу России. Но чтобы оно наверняка было выполнено, он предлагает графу Потёмкину, чтобы он внес его предложение от себя. Последний удивился и спрашивает: «Тебе-то какая польза от этого? Ведь никто не будет знать, что это твоя идея».

«Это неважно, — говорит Ушаков. — Важно, чтобы это было сделано и принесло бы славу России. А потомки разберутся».

Или вспомним, что говорил А. С. Попов, величайшее изобретение которого чиновники старой России не хотели признавать:

«Я русский, люблю все русское и рад, что, если не сейчас, то потомки наши поймут всю сущность и значение для человечества нового средства связи».

Так вот этот Олег твой усвоил в жизни совсем иные понятия, иные принципы.

Люба сидела страшно расстроенная. Когда она ходила в загс, ей всё это казалось как-то несерьёзно, и к Олегу она относилась так же, как будто всё это была игра. Теперь же, когда все перед ней раскрылось и она почувствовала, что нарисованный отцом портрет Олега верен, ей стало жаль и себя, и мечты, которой она предавалась так долго.

У неё не было основания не верить отцу; сколько она себя помнила, отец всегда был прав. И даже очень умные люди, учёные приходили к отцу советоваться с ним и всегда с уважением относились к его словам. Наконец, его статьи, книги... Он так тонко и глубоко разбирал сущность литературных произведений, характеры нарисованных там людей... Так неужели же отец ошибся в оценке Олега?..

Она сидела, облокотившись на стол и опершись на руку, и тихо плакала. Слезы ручьем текли по её щекам. Люба вообще-то почти никогда не плакала, а тут почему-то никак не могла сдержать слёзы.

Отец молчал: не мешал дочери выплакаться. Затем, тронув дочь за плечо, сказал: «Я могу только повторить, что я сказал вначале. Ты взрослая и вправе сама решать свою судьбу. Но я знаю, что ты будешь несчастлива. Мало этого. Я бы очень не хотел иметь у себя такого зятя. И если всё же ты решишь вопреки моему совету соединить с ним свою судьбу, ты сделаешь несчастной не только себя, но и нас с матерью. По существу, мы не только не приобретём себе сына, как мечтали, но и потеряем свою дочь, ибо, выйдя замуж за этого человека, ты крепко испортишь наши отношения».

Наплакавшись, пережив в себе большую внутреннюю борьбу и успокоившись, Люба сказала:

— Спасибо тебе, папа, за твой откровенный разговор. Я всегда знала, что у тебя найду такой совет, который не получу нигде.

На следующий день Олег явился к Любе самоуверенный и развязный. Он считал, что наконец-то он добился самого главного — любви Любы и её согласия на брак. Всё остальное уже зависело от его ловкости и настойчивости. По прежнему опыту зная, что влюблённые девушки охотно уступают просьбам возлюбленных и чем просьба звучит настойчивее, тем скорее она выполняется, он решил, что ему можно и с Любой не церемониться. Подсел к Любе вплотную, стремясь её поцеловать. Люба отклонилась от его поцелуев, но ничего не говорила. Он же смотрел на неё как на свою жертву и, не понимая каприза, снова подступился к девушке, но она решительно встала и отошла к окну.

— Олег, у тебя все зубы здоровы? — спросила она совершенно спокойно и как бы с заботой.

На какой-то момент он смутился, но затем оправился и развязно сказал:

— У меня такие зубы, что я монету могу перегрызть.

Люба ничего не сказала, продолжая наблюдать за Олегом.

Последний почувствовал что-то неладное и, желая закрепить право над будущей женой, подошёл к ней и настойчиво стал привлекать её, стараясь поцеловать.

Люба уклонилась от его ласк.

— Почему ты отказываешься меня поцеловать? Что ты корчишь из себя недотрогу? Ведь я же тебя целовал! Ты же моя жена?

— Нет, Олег, я ещё не жена твоя и неизвестно — буду ли я ею.

— Как это так! Ты же дала мне слово. Ты отказываешься от своего же слова? Где же твоя хваленая принципиальность?

— Зачем ты, Олег, так грубо со мной разговариваешь? Я тебе слова не давала. Я дала предварительное согласие. А окончательное обещала дать позднее.

— Но мы же с тобой были в загсе! — настаивал он, желая сыграть на её правдивости, вспоминая, как она говорила, что никогда на ветер слов не бросает.

— Мы были в загсе на предварительном собеседовании. Нам советовали хорошо все обдумать принять окончательное решение и через три месяца прийти с ним в загс опять...

И всё-таки Люба вышла замуж за Олега. Как это случилось и почему — ни я, ни мать, с которой я разговаривал позднее, понять не могли. Чем и каким образом Олегу удалось переубедить Любу и добиться согласия на брак вопреки логике, советам родителей и даже собственному разуму — трудно себе представить...

Тогда же я потерял их из виду. Не знаю, как они жили первое время. Но через два года меня потрясла весть о внезапной смерти профессора, Любиного отца. Его везли в машине «Скорой помощи» в нашу клинику, и он по дороге умер от инфаркта. В тот же день я позвонил на квартиру профессора. Мне ответил бодрый голос молодого мужчины. Между нами произошел такой диалог:

— Кто звонит?.. Академик Углов? Что вам нужно, товарищ академик?

— Я бы хотел поговорить с хозяйкой — Марией Фоминичной.

— Я здесь хозяин! А Марии Фоминичны нет дома.

— Хорошо. Позовите, пожалуйста, Любу.

— Люба убита горем. Вы же знаете, что у нас произошло большое несчастье. До свидания.

В трубке я услышал короткие гудки. Признаться, я растерялся. Знал, что Мария Фоминична страдала гипертонией, — такие люди особенно тяжело переносят нервные потрясения, при этом у них нередко в эти минуты случается гипертонический криз, а то и паралич. Я бы хотел помочь жене профессора, но как это сделать?..

В то время у меня было много дел, в том числе неотложные, горячие. Только сразу после похорон я сумел навестить семью профессора... Был почти уверен, что Марии Фоминичне нужна помощь. И не ошибся. Она лежала в кабинете мужа и мучилась головными болями. Пришлось вызвать из клиники сестру, мы сделали ей уколы, приняли неотложные меры. И как только ей стало легче, она протянула ко мне руку, сказала:

— Пойдите посмотрите, что они там делают?

Просьба мне казалась странной, неуместной для горестного момента, я забеспокоился: уж не нарушилась ли умственная деятельность, но просьбу поспешил исполнить. Оставил с Марией Фоминичной сестру, сам пошёл осматривать квартиру.

В гостиной у стеллажей с книгами увидел любимое кресло профессора; на спинке висела кожаная куртка. Олега, на сукне сиденья резко выделялись пыльные следы подошв. На верхних полках порядок был нарушен, книги вынимали и затем складывали как попало. Вспомнил, как показывал мне эти фолианты профессор, как бережно вынимал он их и затем вкладывал на свои места. Библиотека у него была уникальная — более 15 тысяч томов, и многие книги редкие, в том числе с автографами выдающихся писателей, критиков, учёных.

Прошел в комнату молодых — там, у окна, точно каменная, сидела Люба. Меня она увидела, но не обернулась, а лишь отстранилась к окну, давая понять, что моё вторжение для неё нежелательно. Мне стало неловко, и я сказал:

— Вашей маме плохо.

— Знаю.

— Мы ей поможем. Не нужно ли что сделать для вас?

— Не нужно.

— А где Олег? — спросил я и почувствовал бестактность вопроса. Она не ответила, и я удалился.

В коридоре со мной заговорила незнакомая женщина:

— Вы доктор? Хорошо, что приехали. Я уж замotalась с ними.

Схватила меня за рукав, горячо зашептала:

— Она-то, Мария Фоминична, за мужнин архив боится и за книги. Умирал-то муженёк в машине, у неё на руках. И сказал будто бы: «Архив верным людям отдай, а книги — в Пушкинский дом, в Академию наук!..» Ну а он-то, молодой хозяин, как только профессора похоронили, так и объявил: «У меня завещание на руках. Библиотека мне отписана». И бумагу Марии Фоминичне суёт — подпись там профессорская, самоличная. До того ли ей, сердешной, в такую минуту, а как глянула на подпись — на диван повалилась, точно птица подстреленная.

— Извините, я что-то не понимаю: какая подпись?

— Ах, ну как же вы не поймете! Подпись профессора. Библиотеку, значит, можно сказать, все своё богатство, он зятю завещал, Олегу.

— Не может этого быть! — не скрыл я удивления.

— Да, выходит, может. Подпись-то самоличная, доподлинная. Мы что же, почерк его, что ли, не знаем!

Вместе со словоохотливой соседкой я зашёл к Марии Фоминичне. Ей стало лучше, она смотрела на меня заплаканными глазами, но в них я уже видел интерес к жизни, к событиям, которые вокруг неё происходят.

— Бог с ней, с библиотекой, — слабо махнула она рукой. — Я за архив боюсь. Увезут меня в больницу, а он все растащит, растрясет. Тут и рукопись книги последней, двадцать лет над ней муж работал, хотел уж в издательство отдать.

Помолчав, горячо заговорила:

— Фёдор Григорьевич, не перенести мне смерти мужа, свалюсь я, чует моё сердце, свалюсь. Соберите бумаги, увезите к себе. Иначе Олег... дьявол этот... все по ветру развеет.

— Но ведь Люба... Дочь.

— Что Люба! Ума лишилась, характера. Ходит словно тень по квартире. И учёбу бросила. Все погибло, Фёдор Григорьевич.

С тяжёлой думой выходил я из квартиры профессора. Больше всего меня поразило его завещание. «Впрочем, что я знаю о жизни этой семьи? — подумал я, стараясь привести в порядок расстроенные нервы. — Чужая душа — потёмки».

С тем я снова погрузился в свои повседневные дела.

Прошло с полмесяца, и мне позвонил коллега — директор известной в Ленинграде клиники по лечению сосудистых заболеваний. Он сообщил, что у него лежит Мария Фоминична и что он хотел бы проконсультроваться по поводу неё со мной.

В тот же день я сидел у больничной койки Марии Фоминичны. Она неплохо себя чувствовала, но в её взгляде я прочёл отрешённость, смертельную тоску.

— Я умираю, Фёдор Григорьевич, хотела бы с вами проститься. Мой муж очень любил вас, но поздно встретился с вами.

— Что это вы говорите, Мария Фоминична! Мне лучше знать состояние вашего организма, позвольте уж мне выносить приговор. Я просмотрел все ваши анализы, послушал врачей — ваше состояние нехорошо, но оно и не вызывает серьёзных опасений. Сейчас только был консилиум, мы назначили курс лечения.

— Нет, Фёдор Григорьевич, — заговорила убеждённо Мария Фоминична. — Мою болезнь вы знаете лучше меня, но моё состояние... извините, оно безнадежно.

Вздыхнула глубоко, продолжала:

— Я не смогу вынести всего, что происходит: Олег начал распродажу библиотеки, Люба в шоке, никого слушать не хочет.

Мария Фоминична говорила спокойно, в голосе её слышалась выстраданная убеждённая уверенность. Впервые я видел неприбранной её красивую голову с черными, не тронутыми сединой волосами. Темные глаза её поблекли.

— Жалко Любашу, сломалась она, цель жизни потеряла, целыми днями сидела дома. Там, в институте, у этого мерзавца другая завелась...

Я постарался отвлечь её от невесёлых мыслей, стал говорить о средствах медицины, которые существуют против гипертонии.

— Но вы нам должны помогать, — говорил я больной. — Вам надо рассеяться, прервать цепь раздражителей, куда-нибудь уехать...

Мария Фоминична была непреклонной. И я решил её оставить, подумать на досуге, как можно помочь этой ещё нестарой женщине, потерявшей всякое желание бороться за жизнь.

Из клиники поехал к бывшему своему пациенту — видному юристу. Рассказал ему историю с завещанием профессора по поводу его личного уникального собрания книг.

— Тут что-то неладно, — заключил я свой рассказ. Приятель записал координаты Олега, сказал:

— Хорошо, проверим.

Признаться, я ничего не ждал от этого визита, но домой поехал успокоенный. Кажется, всё сделал для семьи, которая мне не была близкой, но которую я уважал.

На следующий день у меня была трудная операция; я вернулся с неё в кабинет усталый, опустился в кресло и тут увидел на столе записку, подтвердившую мои самые худшие опасения.

«Завещание профессора исследовано криминалистами. Оно оказалось фиктивным, почерк подделан».

Я хотел было ехать немедленно к Марии Фоминичне, но решил применить психологический приём: послать ей письмо и эту записку. Так и сделал. А вечером, вернувшись домой, узнал, что звонила Мария Фоминична, сказала: будет звонить ещё...

5

Лидия Петровна воспитала сына без мужа, трагически погибшего на военной службе. Сын Коля учился на третьем курсе политехнического института. Все годы Лидия Петровна работала сверхурочно. Частые дежурства по «Скорой помощи» отнимали много времени. Но она всегда старалась находить время, чтобы проверить, выучил ли сын уроки; когда оставалась на ночное дежурство, звонила, чтобы узнать, поел ли, вовремя ли лёг спать. А утром телефонным звонком будила его в школу.

Так и довела его до института.

Теперь, будучи студентом, Коля старался, чем возможно, помогать матери. Летом каждый год ездил в стройотряды, зарабатывая себе на одежду и обувь.

Однажды Коля пришёл домой и смущённо заявил матери:

— Мама, я женюсь!

Мама в тон ему и говорит:

— Что же, сынок, поздравляю; на ком же ты собираешься жениться?

— Есть у меня знакомая девушка, закончила десятилетку, в вуз не поступила, но пока не работает.

— На что же ты собираешься жить?

— На стипендию. Да ты помогать будешь!

— Нет, сынок. Если ты решил обзавестись семьёй — значит, собираешься жить самостоятельно. И я рада этому. Пока ты один и учишься, я чувствую моральную обязанность тебе помогать. Но раз ты женишься, ты отделяйся и живи самостоятельно. Я тоже буду жить самостоятельно — может быть, я ещё выйду замуж.

Сын задумался и ушёл, ничего больше не сказав. Через несколько дней он опять подошёл к матери и уже другим тоном, не так бодро, сказал:

— Мама! Я решил пока не жениться. Подожду до окончания института, когда стану на самостоятельный путь.

— Что же, сынок, может быть, ты и правильно поступил.

Сын окончил политехнический институт и поступил в аспирантуру. После окончания института жениться он сам не захотел. Разочаровался в своей избраннице, которая оказалась ленивой, неряшливой, учиться не стала, а с работой не ладилось.

Коля был благодарен матери за урок. Через три года, когда полюбил настоящему, он понял, какую непоправимую ошибку совершил бы он, женившись раньше, по первому непроверенному чувству, не зная хорошо ни себя, ни свою подругу.

Эта история, касающаяся одного моего знакомого студента, обошлась без родительского конфликта и окончилась благополучно. Возможно, рассудок Коли победил потому, что не было у него сильного чувства, а возможно, воспитан был так, что привык доверять авторитету своей матери, уважать её.

Прислушавшись к её совету и не женившись на девушке, которую, как ему казалось, он любил, он силой воли заставил себя переключить свой ум, желания и любовную энергию на то дело, которому он посвятил себя, то есть на учёбу.

Незадолго до этого мать с горечью говорила, что он реже сидит за книгами, перестал ходить в Публичную библиотеку. После того же, как он решил не жениться, он об этом честно сказал своей девушке и постепенно, тактично прекратил с ней свидания. И это сразу же сказалось на его учёбе и на отметках. Он стал одним из лучших студентов на курсе. После окончания института ему предложили место в аспирантуре.

За три года он подготовил и защитил кандидатскую диссертацию.

Но это случай идеальный. Не всегда подобные конфликты так просто разрешаются. В наше время, когда все процессы претерпевают бурные изменения, подвергаются также серьёзным испытаниям и традиционные отношения отцов и детей. Иные отцы считают, что их дети инфантильны, ко всему безразличны; работают без инициативы, у них нет того энтузиазма, который был так характерен для поколения тридцатых годов и времён Великой Отечественной войны. Дети же нередко говорят: «Наши отцы мыслят категориями дедовских времен, они не видят и не понимают нового времени».

Один молодой человек мне говорил об отцах:

«Они сами работают ненаучными, старыми методами и нам не доверяют, опекают, навязывают свои идеи».

Говорил он раздражённо, нарочно резко. Он, видимо, хотел вызвать меня на спор.

На Западе эти наши взаимные претензии — иногда случайные и вовсе не типичные для всего нашего общества — иные социологи стремятся выдать за конфликт отцов и детей, имеющийся якобы в Советском Союзе. Но никакого конфликта тут, разумеется, нет, а споры отцов и детей, их взаимные претензии и даже элементы отчуждения, носящие, впрочем, временный характер, были и будут, так как в этом проявляется поступательное движение жизни, вечный прогресс наук и общественных отношений.

Один зарубежный коллега жаловался мне на своих четверых взрослых детей.

«У меня собственная клиника, — говорил он, — я хотел передать им своё дело, а они все четверо отказались учиться в медицинских колледжах. Им, видите ли, не нравится профессия врача».

Супруга его поддержала:

«Как это может не нравиться профессия врача? Я этого не понимаю».

Коллега показал мне журнал, в котором он подчеркнул слова из социологического исследования:

«Дети не всегда бывают искренни и откровенны с родителями. Как показал выборочный опрос, с 12 лет дети решают свои проблемы сами, без родителей — в 52—55 процентах случаев, а в 16—19 лет — в 90—93 процентах случаев. В 22—24 года — 76 процентов юношей идут за советом и ищут помощи не у родителей, а у товарищей и у подруг». «Дети не всегда бывают искренни и откровенны с родителями. Как показал выборочный опрос, с 12 лет дети решают свои проблемы сами, без родителей — в 52—55 процентах случаев, а в 16—19 лет — в 90—93 процентах случаев. В 22—24 года — 76

процентов юношей идут за советом и ищут помощи не у родителей, а у товарищей и у подруг».

Потом мой коллега, профессор медицины, и его супруга, домохозяйка, рассказывали, что большинство их друзей и людей, кого они знают, не хотят отпускать от себя взрослых детей, боясь, что без родительской опеки они пропадут, «наделают глупостей» и т. д. А дети до 30 лет, как правило, не желают жить в одной квартире с родителями и даже в одном доме или соседних домах. Многие хотят жить «как можно дальше от родителей».

Видимо, проблема сильно занимала профессора. Он достал из письменного стола тетрадь, прочёл:

«Нынешняя молодёжь привыкла к роскоши. Она отличается дурными манерами, презирает авторитеты, не уважает старших. Дети спорят с родителями и изводят учителей».

И, откинувшись в кресле, едва сдерживая улыбку, спросил у меня:

— Как вы думаете, где и когда сказаны эти слова?

Я сказал:

— В известной мере, их можно отнести к любой стране — в том числе и к нашей.

Профессор рассмеялся и сказал:

— Да это же Сократ!.. Он написал это более двух тысяч лет назад!

В советских условиях молодёжь всех поколений имела и имеет все основания для глубокого и искреннего уважения старших. И это стало нашей славной традицией.

Старшее поколение советского народа приняло на себя самые тяжёлые удары судьбы. Оно испытало ссылку, каторгу, голод, холод, гражданскую войну.

Второе поколение, также уже ставшее старшим, перенесло все ужасы Великой Отечественной войны, блокаду, оккупацию, голод, холод, невероятные трудности в тылу, ранения и смерть друзей и близких на фронте. Люди этого поколения должны почитаться как герои. Как же не уважать таких отцов? Ведь миллионы из них и поныне носят в себе осколки и пули, рубцы от бывших ранений.

Затем идёт поколение людей — они уже тоже стали отцами, которые подняли страну из развалин, в невероятно трудных условиях практически заново создали нашу индустрию и сельское хозяйство. Покидая родные места, эти люди ехали в Сибирь, на Урал, на строительство гидростанций, новых дорог, заводов.

Все наши старшие поколения заслуживают уважения, и поэтому народная традиция — уважение к старшим — подлежит строгому соблюдению, и пренебрежение этим плохо характеризует юношу.

Требую уважения к себе, старшее поколение также должно с большим вниманием и доверием относиться к юношам и девушкам.

Юность наших старших поколений совпала со всеми периодами невзгод нашей страны. И теперь молодёжи достаются трудные этапы больших строек, больших социальных преобразований. Молодежь преобразует целину, покоряет природу, ежегодно работает в строительных отрядах, и нет случая, чтобы наши молодые строители работали плохо, без энтузиазма. Наша молодёжь заслуживает того, чтобы к ней относились с большим доверием, то есть доверяли бы молодым людям ответственную работу.

Не надо бояться так называемой «несерьёзности» молодых людей, возможных ошибок. Не ошибается тот, кто ничего не делает. Надо опасаться людей, которые из-за боязни ошибок предпочитают тормозить любое дело, а не тех, кто в процессе кипучей деятельности совершает ошибки, видит их и на ходу исправляет. Молодость задорна, она смело идёт на риск, но без риска подчас не бывает открытий, смелых свершений.

Надо больше доверять и давать инициативу в руки самой же молодёжи. Доверие к молодым надо проявлять уже в семье и с ранних лет приучать их к самостоятельности.

Бывая за границей, я обращал внимание на то, что многие мои коллеги, начиная с колледжа (соответствует приблизительно нашему 8-му классу), а то и раньше, отправляют детей учиться в другой город, посылая им на жизнь строго лимитированные средства,

хотя сами живут обеспеченно и имеют многокомнатную квартиру и соответствующие учебные заведения в своём городе. После окончания учебного заведения дети, как правило, живут отдельно от родителей.

У одного моего доброго знакомого, крупного американского хирурга, дочь, окончив высшее учебное заведение, работает в том же городе, что и родители, но живёт отдельно от них, снимая комнату на двоих с подругой и платя за угол половину своей зарплаты, хотя у родителей свой особняк, где не менее 10—12 комнат, с несколькими ванными и т. д. Дочь живёт исключительно на свою скромную зарплату.

Они дарят дочери подарки, но своеобразные. Например, брали дочь в свою поездку в Россию и оплачивали ей все расходы. Когда она выходила замуж, они ей дали хорошее приданое.

Такое отношение к детям, стремление с молодых лет приучить их жить самостоятельно, избавлять от повседневной опеки имеет свои положительные стороны.

Конечно, родители, если могут, должны помогать детям и советом, и, может быть, материально, но не глушить их инициативу, не подменять их. Опыт показывает, что наибольшего, в смысле своего развития и в смысле пользы для своего народа, достигают именно те, кто в молодости не рассчитывал на помощь родителей, а пробивался в жизни самостоятельно, преодолевая все препятствия на свой риск и страх.

Конфликт между физической и социальной зрелостью усугубляется ещё и тем, что юноша, созрев физически, стремится к любви, он хочет иметь свою семью, подобно упоминаемому ранее студенту Коле, а его материальные и социальные условия ещё не позволяют ему обеспечить жену и детей.

Конфликт, если он затягивается на долгие годы, для юноши чреват и некоторыми опасностями. С возрастом у него появляется вполне законное желание жить полноценной, наполненной приятными эмоциями жизнью. Вместе с тем надо помнить, что наслаждение — это тог подводный айсберг, о который разбивается нередко жизнь молодых людей. Стремясь получить радости любви, молодые люди иногда не думают, какой ценой они получают и какими последствиями кончаются для них, особенно для девушек.

Никто не станет возражать против наслаждения. Без него жизнь неинтересна и пуста. Вполне законно, что каждый юноша любит жизнь и хочет, чтобы она была полна радостей. Но надо правильно понимать это слово. Нередко юноша, вместо того чтобы сообразоваться со своими собственными вкусами и наклонностями, слепо принимает за наслаждение то, что этим словом обычно называют циники. И если жизнелюбцем называет себя кутила, пьяница, распутник и сквернослов, то такая «радость жизни» ничего, кроме разочарования и горя, неиспорченному юноше не принесёт.

Чем выше поднимается человек в своём интеллектуальном развитии, тем меньше его удовлетворяют чисто физические наслаждения, тем чаще он находит радость в жизни и наслаждение в удовлетворении своих духовных и эстетических стремлений: в интересной, творческой работе, в музыке, в искусстве, в интеллектуальном росте и особенно в добрых делах.

Где же компас, который направит юношу на верный путь? Туда, где он не станет аскетом и ханжой и в то же время не скатится к подлости и грязи. Здесь компасом должно служить прежде всего собственное сердце и ум человека. Остерегайтесь советов случайных людей, а думайте сами, умеете отличать действительно умных, сильных людей, жадно беседуйте с ними, слушайте себе на пользу их речи. Если перед вами девушка и вы решаете, как с ней поступить, спросите себя: как бы вы хотели, чтобы другой юноша поступил с вашей сестрой? Не будет ли тебе самому стыдно, если ты так поступишь? Если не свернешь с пути чести и человечности, не пойдешь по пути лжи и обмана, ни в прямом, ни в замаскированном виде, если не придётся тебе краснеть за себя, значит, ты поступаешь честно и твоё наслаждение не куплено ценой твоего бесчестия и чьего-то горя.

Ещё в довоенные годы, когда я приехал в Ленинград из Сибири и снимал угол у добрых людей в многонаселённой квартире, я невольно стал свидетелем одной любовной

истории, которую хотел бы рассказать. Это история первой любви чистого, благородного юноши Миши, жившего со мной по соседству и порой заходившего ко мне как к человеку молодому и чем-то его привлекавшему.

Родители Миши были актерами. Мать — драматическая актриса и хорошая пианистка, отец работал в кино. Вместе они закончили театральный институт, там же встретились, полюбили друг друга и уже больше ни на день не расставались. Вместе в разъездах и заграничных командировках, вместе воспитывали детей в стеснённых квартирных условиях — двух сыновей, Мишу и Олега. С ними жила мать мужа. На пятерых у них была комната в двадцать квадратных метров.

Семья чистая, светлая, даже несколько с патриархальным уклоном, который, видимо, в неё внесли потомственные сибиряки — родители жены — и петербургские родители мужа. Заглянешь в эту семью на минутку, да так и засидишься, уходить не хочется — тепло, уютно. Отец всё время ходит неслышной поступью, и голоса его почти не слышно — все предоставляет высказываться гостям. Мать заботливо напоит чаем с вареньем и тоже тихо, незаметно сядет у края стола и слушает всех, а кто-то из ребят сыграет на пианино.

В их тесной комнате умещалось и пианино.

Впрочем, Миша больше любил скрипку; он уже учился в специальной школе — по классу скрипки, но для гостей на ней играть не любил.

Я не однажды видел, как он, тренируясь, играл на скрипке разные упражнения. Волосы рассыпались по лицу, большой бледный лоб, упрямо сжатые углы рта, подбородок прижат к скрипке, а смычок и пальцы легко бегают по струнам. Мне было приятно на него смотреть. Я любил Михаила и верил, что он станет большим музыкантом.

Брат его, Олег, был на десять лет моложе Михаила, но тоже увлекался музыкой, ходил в музыкальную школу.

Их мама, Алла Петровна, нередко обращалась ко мне как к врачу, и на этой почве у нас иногда возникали с ней откровенные разговоры.

Как-то я оторвался от соседей и с год с ними не общался. А однажды Алла Петровна пришла ко мне за каким-то советом, и между нами завязалась беседа.

— Позавидовать вам можно, Алла Петровна, — говорю я, — таких орлов воспитываете.

— Ох, как это трудно, знали бы вы только, Фёдор Григорьевич! Вот Миша сейчас заканчивает музыкальную специальную школу, ему так много приходится заниматься, ведь собирается в этом году в консерваторию поступать, а он только недавно выздоровел.

— А что с ним было?

— Сразу и не объяснишь.

Миша смутился, но был спокоен и не останавливал мать.

— Года два назад — Мише тогда семнадцатый год шёл — стала я замечать, что ходит он очень грустный. Спрашиваю, что с ним, — молчит. Стал худеть, осунулся, бледный. Я решила его обследовать. Сводила к врачу. Сделали рентген — ничего. Анализ крови показал небольшое малокровие. Аппетит плохой, проверили желудок — тоже ничего. Но чувствую, что парня что-то точит. Пошли к невропатологу. Тот говорит — он у вас переутомлен. Много занимается. Ему бы отдохнуть да больше бывать на свежем воздухе. Вот близятся зимние каникулы, пусть возьмёт да и поедет на загородную турбазу, покатается на лыжах. Аппетит появится, отдохнет, и все восстановится. Это у него астения от переутомления в период гормонального роста.

Перед каникулами Миша совсем сник. Поздно приходил домой со школы — он учился во вторую смену, — подолгу не мог уснуть. Всё лежит неподвижно с открытыми глазами. Я извелась, тоже не сплю. В слёзы, чтоб никто не видел. Отец успокаивает: «Да пройдёт у него. Это переходный возраст. А может быть, что неладно в школе? Ты сходила бы узнала».

Прихожу в школу, спрашиваю у Мишиного преподавателя. Светлана Александровна говорит, что всё в порядке. Занимается прилежно, играет, как всегда,

лучше всех, с душой. Она им довольна. Только какой-то он молчаливый и грустный стал. Думала, может быть, что дома. Расспрашивать не стала, нужно будет — сам скажет.

Наступили зимние каникулы. Несмотря ни на какие уговоры, Миша за город на лыжные прогулки ехать отказался. Решил заниматься на скрипке в школе, в своём классе. Дома, говорит, ему мешают, отвлекает младший братишка. И вообще он привык заниматься после уроков в школе.

Мы с мужем расстроились. Ведь теряется единственная возможность отдохнуть Мише и побыть на свежем воздухе. Каникулы проходили у нас в доме напряжённо. Миша возвращался уставший. Он очень похудел. Я старалась его подкармливать то блинчиками его любимыми, то пельменями. Всё равно ел равнодушно и неохотно. К концу каникул он немного оживился, даже повеселел. И вдруг за два дня до начала занятий пришёл бледный, с темными кругами под глазами. Глаза лихорадочно блестят...

«Что случилось?» — спрашиваю с замиранием сердца.

«Да так, ничего. Каникулы нам продлили из-за эпидемии гриппа».

«Ну и что же из этого? Ты-то почему так расстроен?»

«Да нет, ничего. Просто я устал», — как всегда, отмахнулся Миша.

И тут вдруг внезапное подозрение охватило меня. А не девчонка ли здесь виною? Спросила осторожно. Вижу, как из бледного стал весь красным. Что-то буркнул себе под нос и засопел, склонившись над тарелкой.

У меня немного отлегло от сердца. Ну, думаю, из всех зол всё-таки наименьшее. Не стала его допытывать расспросами, отошла и потихоньку стала успокаиваться.

Прошел ещё месяц. То ли я теперь смотрела на сына другими глазами, но мне казалось, что Миша немного ожил и смотрит веселее. Возвращаюсь однажды домой, готовлю ужин, жду Мишу. Муж всегда поздно приходит после съёмок, к часу ночи. Вдруг телефонный звонок. Берёт трубку соседка и просит меня к телефону. Сказала, что звонит какая-то дама и просит «Мишину маму». Я подхожу, слушаю.

«Вы будете Мишина мама?» — проговорил женский голос.

«Да, это я».

«С вами говорит мама Иры. Вы, наверное, слышали от сына это имя. Мне кажется, я почти уверена — Миша влюблён в Ирину. Из этого, как я полагаю, ничего хорошего не выйдет. Они слишком разные».

«Ну а ваша дочь, что она думает по этому поводу?» — стараясь быть спокойной, спросила я.

«Моя дочь очень скромная, вообще мне ничего не говорила».

«Откуда же вам все это известно?»

«Мне сказал друг вашего Миши — Аркадий. Он бывает у нас и по секрету от Иры мне сказал, что Миша её преследует. Он приходит к нашему дому перед тем, как Ирочке нужно выходить в школу, провожает её издали, чтоб она не заметила, и то же самое делает, когда она идёт из школы обратно. В школе часто смотрит на неё и краснеет. Дочь ничего не говорит, потому что пока ей нечего сказать. Нам всё это очень не нравится. Мой муж адвокат, и мы строго воспитываем свою дочь. Я понимаю Мишу, он растёт в семье артистов, где царит простота нравов...»

Голова моя закружилась, гнев застил глаза, застучало в висках, но я изо всех сил старалась отвечать спокойно и сдержанно:

«Вы совершенно не знаете нашу семью!»

«Ну хорошо, хорошо, я не хотела вас обижать. Я только разъяснила сущность вопроса. Знаете, что я хочу вам предложить, — перешла она на миролюбивый тон. — Вы ничего не говорите своему сыну. Пусть Аркаша будет за ними следить и нам докладывать, как будут развиваться события. А мы сумеем вовремя принять меры. Это даже будет интересно».

«Какая низость! — в сердцах вырвалось у меня. — Шпионить за собственными детьми. Как вам не стыдно мне предлагать такое? Так вот знайте. Я приложу все усилия, сделаю всё возможное, чтобы Миша ничем не обеспокоил вашу дочь. Это я вам обещаю».

Повесила трубку, взглянула на себя в зеркало и ужаснулась: бледная, с красными пятнами на щеках, на лбу и шее. Я разрыдалась. Потом спохватилась. В углу сидел Олежек, тоже бледный, он испуганными глазами смотрел на меня: видимо, чувствовал беду и тоже готов был расплакаться. Я обняла его, успокоила и снова отправилась на кухню готовить ужин. Надменный голос незнакомой женщины стоял в ушах. Ныло и сосало где-то под ложечкой, в руках не могла унять дрожь. Вздрыгнула, когда щелкнул ключ в дверях и вошёл Миша. Бодро, улыбаясь, поприветствовал нас с Олегом. И вдруг такая обида охватила меня, что я снова чуть не расплакалась.

«Миша, мне надо с тобой поговорить».

«Что-нибудь случилось, мама?»

Мы прошли в комнату. Я, стараясь быть спокойной, дословно передала ему телефонный разговор. Миша покраснел и нахмурился.

«Ну Аркадий! Мерзавец! Всё разболтал. А я ему так верил».

«Миша, тебя волнует только этот вопрос? Неужели тебя несколько не волнует то, что ты предал нас с отцом, доверился приятелю, который над тобой насмехается и разбалтывает все свои тайны, а матери ты не доверил, допустил, чтобы меня так грязно оскорбили. За что? За то, что я так измучилась в догадках, что сердце изболелось, глядя на тебя. Думала, болен ты. По ночам плакала. Ах, Миша, Миша! Как больно ты меня ранил, как обидел! Разве бы я разнесла твою тайну, если бы ты мне доверил. Отцу бы даже не сказала».

Миша сидел растерянный, молчал, потом поднял глаза, вижу, в них слёзы.

«Мамочка, прости меня! Я тебе все, все буду рассказывать. Мне очень нравится Ира, я так хочу с ней дружить! Но она дразнит меня, посмеивается, называет «длинным» из-за моего высокого роста и убегает, не даёт даже пройти с ней рядом».

«Миша, оставь её».

«Мама, ну сама-то она ни при чем. Все этот негодяй Аркашка виноват. Ира ведь ничего не знает».

Долго я убеждала Мишу, призывала к чести, к достоинству, самолюбию — ничего не помогало.

«Мама, она такая нежная, красивая. Какая-то необыкновенная, с загадочными темными глазами, как у мадонны Рафаэля. Одета всегда красиво и изящно. Все наши мальчики в неё влюблены. Она хорошо играет на фортепиано».

Мне было очень тяжело. Я впервые почувствовала, что моего сына ожидает большая беда. Он серьёзно и наивно, по-мальчишески, влюблён. Он готов отдать всего себя, все свои нежные, пылкие чувства, а что может дать ему взамен эта равнодушная кокетливая Ира, мама которой убеждена, что актеры — это развращенные люди?

Мишино чувство оказалось глубоким и сильным. Он и делился со мной будто бы, рассказывал, что бывает в обществе Иры, в компании её товарищей, иногда они вместе ходят в кино, на концерты. Но всё же я чувствовала, что Миша не всё рассказывает мне, что-то утаивает. С Аркадием у него дружба расстроилась, но тот всё вертелся на глазах у Миши, навязывался ему в друзья.

Во всём мне помогала советами моя подруга Лидия, мы вместе ходили в театр и всегда старались брать с собой Мишу. Подолгу с ним беседовали о задачах, стоящих перед ним, приводили примеры о том, как мальчишки, влюблённые в его возрасте, раскисали, переставали заниматься и утрачивали навсегда возможность проявить свои способности.

«Жалко будет, если ты, Миша, не разовьёшь свой талант. Не по-мужски это, — заканчивала всегда беседу Лидия, — мы от тебя так много ждём».

Миша молчал, не возражал. Занимался он много и серьёзно, но преподаватель говорила, что играет он холодновато, хотя техника исполнения всё время улучшается.

Концертные выступления Миши проходили всегда успешно, но получал он почему-то всё чаще четверки.

«Чтобы был всегда в тонусе», — говорила его преподаватель Светлана Александровна.

Меня это беспокоило. Я много времени отдавала Мишиным занятиям. Сижу и часами слушаю, как он играет, поправляю, обращаю его внимание на неровности, вялость, отсутствие выразительности, заставляю его повторять, пока не почувствую, что тот или иной отрывок звучит хорошо.

Миша всегда прислушивался к моим замечаниям. Чутьём улавливал, что я права, и так уж повелось у нас, что он всегда любил играть в моём присутствии. Так я и работу свою оставила и посвятила себя семье, а в основном Мише; теперь, конечно, уже Олегу.

В прошлом году Миша учился в девятом классе. Его одноклассники готовились к встрече Нового года и собирались дать концерт своими силами. Как-то пошла я в школу поговорить со Светланой Александровной. Её в учительской не оказалось, и я решила поискать Мишу, спросить у него о ней. Подхожу к его классу; слышу прекрасную скрипичную коденцу и аккомпанемент на фортепиано. Дверь тихонько приоткрыла и вижу: в середине класса стоит Миша, взволнованный, раскрасневшийся, с опущенными глазами. За фортепиано сидит в полупрофиль Ира и аккомпанирует. Исполняют Моцарта. Ира была эффектна. Пышные вьющиеся волосы обрамляли её длинное лицо. Тонкий с горбинкой нос, придавал ей властное и даже немного хищное выражение.

«Мишель, ты опять здесь фальшивишь, — капризным тоном остановила игру Ира, — тебе трудно аккомпанировать, вот Аркадию мне всегда легче, он очень ясный и понятный, ты же всё время мудришь».

И, глядя на расстроенного Мишу, проговорила с томной улыбкой: «Ну ладно, будем продолжать».

Я ушла, оскорбленная за Мишу и расстроенная. Дома спросила, как у него дела.

«Хорошо», — вяло ответил он.

Я не знала, о чём говорить, и не стала его допытывать расспросами. Перед Новым годом Миша носился как на крыльях, примерял разные маски, рисовал плакаты и много играл. Говорил об ответственности за концерт.

На встречу Нового года он надел свой чёрный костюм, белую рубашку с чёрной бабочкой, начистил ботинки. Заметно было, как он взволнован. Наконец, собравшись, взял скрипку и ушёл.

Мы с мужем встречаем Новый год всегда дома, в компании нескольких друзей. Так было и на этот раз. В час ночи сын вернулся — бледный, расстроенный. Я сделала вид, что не заметила его состояния, пригласила к столу поужинать с нами вместе. Он отказался. Когда все ушли, он мне вдруг сказал:

«Мама, Ира оказалась очень подлой. Дружила со мной и одновременно целовалась с Аркадием. Я сам видел. Застал их в тёмном классе. Когда я ей признался в любви, она ответила, что любит меня. Как же так можно?»

Я старалась его успокоить.

«Ничего, всё это у тебя пройдёт. Она недостойна твоей любви».

«А Аркашка-то, вот мерзавец! Прикидывался другом...»

Несколько дней Миша не брал скрипку в руки. Меня это стало тревожить. Наступили зимние каникулы, но на этот раз Миша в школу на занятия не ходил.

Однажды вечером сидели за телевизором и смотрели концерт Валерия Климова. Сколько чувств в исполнении, какая безукоризненная и виртуозная техника и в то же время сколько нежности и грациозности! Божественно играл Климов. Мы смотрели и слушали как зачарованные. Я тайком следила за Мишей. Он волновался, жадно привстал к экрану, изредка глубоко вздыхая.

На следующий день, наскоро позавтракав, Миша взял скрипку и играл шесть часов подряд. После обеда он снова играл до вечера. И так каждый день.

Настроение у него постепенно улучшалось. Стал собраннее, играл сам, в одиночестве. Я следила и слушала. Даже не делала замечаний, когда слышала фальшивые ноты. Думала: «Пусть разыграется».

Через месяц Светлана Александровна объявила Мише, чтобы он готовился к ответственному ученическому концерту, придут преподаватели из консерватории, от мнения которых будет зависеть дальнейшая судьба учеников. Программа скрипачей сложная — произведения Баха.

Подготовка к концерту стоила многих волнений. Миша говорил, что перед исполнением у него пересохло во рту и замерло все внутри. Но после первых же аккордов скованность прошла, и, увлекшись, он забыл о присутствующих.

Но всех присутствующих игра Миши заинтересовала. После концерта многие подходили и поздравляли Светлану Александровну с успехом её ученика. В комиссии одобрительно, а в зале с восторгом смотрели на Мишу.

«Молодец! Спасибо! — шепнула ему Светлана Александровна. — Завтра поговорим о некоторых твоих ошибках».

6

Упорная, хотя и очень осторожная, направляющая работа матери стала давать свои результаты. Многочасовые ежедневные занятия, чтение и игра с листа, выступления на концертах, прослушивание лучших музыкальных произведений, а главное — тренировка постепенно отвлекали Мишу от мыслей об Ире. Он стал правильно понимать её поступки, и в душе его происходила своеобразная переоценка ценностей. Он уже не краснел при встрече с ней и не искал этих встреч.

Но зато всё то прекрасное и богатое, что было в нём пробуждено его светлым красивым чувством, он направил на музыку. Он работал как одержимый. Мать не могла нарадоваться, глядя на сына, всячески ему помогала. Она вновь стала его незаменимым помощником и советчиком во всём.

Я близко сошёлся с семейством артистов, стал часто бывать у них и с удовольствием слушал разные истории из жизни людей искусства.

Между прочим, узнал историю Светланы Александровны — учительницы Михаила. Природа щедро одарила её музыкальными способностями, она много трудилась, готовя себя к исполнительской деятельности. Однако ей не удалось добиться серьёзных успехов, и мечтам не суждено было осуществиться. А виной тому случай, а вернее — человек, встретившийся ей на жизненном пути и сумевший погасить — может быть, помимо своей воли — все её святые порывы и высокие мечты.

История эта тоже любовная и, как мне кажется, тоже поучительная для молодых людей.

Постараюсь изложить её так, как она мне запомнилась из рассказов моей милой и доброй соседки.

Обаятельная, жизнерадостная, Светлана пользовалась уважением у своих однокурсников и учителей.

От поклонников отбою не было. В ней нравились ребятам увлечённость, целенаправлённость и разум, который ей подсказывал, что ей больше всего нужно и на что у неё есть способности. Общительная и добрая, она всегда была готова помочь товарищам делом или советом. Училась у профессора Х. Он был ею всегда доволен.

Ребята наперебой ухаживали за Светланой, каждый старался перед нею сострить, обратить на себя внимание. Больше всех добивался её внимания пианист Дима. Он нравился Светлане, и у них уже начинала завязываться дружба. Но тут появился другой пианист, Роман. Обыкновенно, когда Светлана играла, он стоял в углу комнаты и слушал. Внешность у Романа была неприметная: средний рост, рыжеватые волосы, он был медлительным и выглядел сутуловатым. Острый, цепкий взгляд обнаруживал в нём наблюдательность и силу характера. Когда он подолгу, серьёзно и внимательно смотрел, Светлане чудилось, что в нём таится большой ум и недюжинный талант музыканта. «Он очень умный», — думала она об этом человеке.

Однажды Роман сказал, что был бы счастлив заниматься с нею вместе и они бы могли составить прекрасный ансамбль пианиста и скрипача.

Роман втайне лелеял мечту жениться на талантливой скрипачке, сопровождать её в гастрольях, аккомпанировать — и гонорары совместные, и семья неразлучная.

Светлана подавала большие надежды, а кроме того, она ему нравилась.

Несмотря на все свои усилия, Роман не смог добиться взаимной симпатии со стороны Светланы, хотя она по-прежнему смущалась и краснела под его долгим пронзительным взглядом. Конечно же, всему виной был Дима, он мешал. И всё-таки Роман решил своего добиться.

В то время Светлана готовилась к конкурсу пианистов и скрипачей имени П. И. Чайковского.

На отборочной комиссии при прослушивании претендентов она не была допущена к участию а конкурсе.

Расстроенная, опустошённая, вернулась Светлана домой. У подъезда её встретил спокойный и задумчивый Роман.

Казалось, что его взгляд всё видел, всё понимал и сочувствовал. И она не выдержала, рассказала ему всё, чем наполнена была она и что выстрадала. Роман внимательно выслушал, ни о чём не спрашивал, а когда она совсем умолкла, многозначительно произнёс:

— Вы, верно, забыли, что таланты редки. Вы хороший, но обыкновенный музыкант — запомните это и не забирайте лишнего в голову.

Так, в одну минуту он опустил её с небес на землю, убил мечту — и Светлана склонила голову.

А через несколько дней, провожая Светлану домой, Роман остановился у освещенного подъезда и, глядя на неё в упор, сказал: «Светлана, я предлагаю вам стать моей женой. Я знаю, за вами ухаживают красивые, сильные парни. Они вам многое обещают. Я некрасив, не силен физически и ничего вам не обещаю. Единственно, в чём могу уверять, — это то, что вы никогда не будете знать нужды. Прежде чем мне отказать, подумайте серьезно о моём предложении...»

И Светлана согласилась.

Свадьбы пышной не было. Был скромный вечер на квартире у Романа. Друзей Светлана не позвала, исключением двух близких подруг. Родители не пришли — они были против её брака с Романом. Были незнакомые люди — друзья Романа, его родные и трое музыкантов. Они много пили, ели и, охмелев, говорил Светлане: за Романом не пропадёшь.

На душе у Светланы было тоскливо, что-то внутри точило и мучило.

На следующий день после свадьбы Роман заявил, что они должны вместе много работать, готовиться к концертной деятельности. Работа Светлану увлекла, так как занятия в консерватории давно закончились и она не представляла, что будет делать дальше. Роман советовал не спешить устраиваться на работу. «Нужно присмотреться, сориентироваться», — говорил он.

Между тем сам Роман времени даром не терял, он всюду бегал, хлопотал, что-то узнавал. Как-то, придя домой вечером, заявил Светлане, что они должны усиленно готовиться к концерту, который они будут давать совместно, солируя оба.

Но уже при выборе произведений они сразу же разошлись. Ему нравилась лёгкая западная музыка «для эффекта у молодёжи», как он любил выражаться.

Светлану, привыкшую к классической музыке, особенно к музыке Глинки, Мусоргского, этот репертуар раздражал, и она никак не соглашалась. Появилась первая трещина в их отношениях.

С трудом отобрали такое, с чем согласились оба, хотя, конечно, ей пришлось уступить больше.

Но ничего хорошего из этого начинания не получилось. Роман не смог подготовиться для сольного выступления, а аккомпанировать он не хотел, да и не мог. Он так играл, что полностью заглушал скрипку. Тогда он решил организовать свой не то

оркестр, не то джаз под названием «Аэлита» с электрогитарой и другими атрибутами современной джазовой музыки.

Светлане отводилась довольно скромная роль, причём произведения, которые она вынуждена была играть, ничего общего не имели с теми, которые она изучала в консерватории и к чему лежала её душа.

Промучившись какое-то время, она заявила решительный протест, сказав, что такую музыку она не признаёт.

«Я мечтала о настоящей, большой музыке, а здесь...»

Роман взорвался:

«Я тоже мечтал, что буду иметь жену — настоящую музыкантшу, а получил недоучку, которая не прошла даже отборочную комиссию на конкурсе, а воображала из себя чуть ли не гения!..»

Это уже было оскорбление. Светлана решила порвать с Романом, но как это сделать? К тому времени у неё родился мальчик — вылитый отец. Большая, обставленная дорогой мебелью квартира, была машина, дача... Наконец, домработница. В сущности, Роман выполнил, что обещал, — создал для неё роскошные условия жизни. Ничего другого он ей не обещал. Так в чём же она его винит? Музыка не та? Так ведь и музыку он выбирает для той же цели — обогащения.

И Светлана смирилась. Правда, ей не удалось заглушить тоску по высокой, настоящей музыке. С завистью смотрела она на Диму, который в материальном отношении жил скромно, но который шёл и шёл вперёд в овладении русской и зарубежной классикой. Уже после её свадьбы они, встретившись, поговорили и разошлись чужими. Дмитрий не простил ей предательства.

Иногда, в минуты отчаяния, когда она окончательно убеждалась, что пропадают её способности, погибает её музыка, ей хотелось всё бросить и уйти. Но... удобства жизни, накопленные ценности держали, с горечью признавалась себе, что победить себя не умеет. Но и музыку Романа не приняла. Однажды, после очередного скандала, бросила джаз и определилась преподавателем в музыкальную школу. «Я хоть другим передам свою любовь к большой музыке», — утешала себя.

История невеселая, но, как мне кажется, в тех или иных вариациях довольно часто повторяющаяся в нашей жизни. В погоне за быстрым успехом, за удобствами быта гибнут не только таланты, но нередко и сами Души — все самые светлые порывы сердца.

Обе истории очень характерны для молодого переходного возраста. Как Миша, так и Светлана находились во власти охватившего их энтузиазма, творческого порыва, который, завладев человеком, не только отвлекает от всяких мелких дел, но нередко выносит человека к вершинам его специальности. Но примерно в это же время — то есть в возрасте 16—18 лет — происходит созревание организма и значительная перестройка не только физического состояния, но и психики юноши (и девушки, конечно). Этот период является периодом переломным и во многом определяет те пути, по которым пойдёт дальнейшее развитие молодого человека.

На его пути появляются соблазны, которые раньше его не трогали. В это-то время со стороны учителей и родителей должно быть проявлено максимум настойчивости и такта, чтобы помочь молодому человеку развить в себе внутренние тормоза, отвлечь своё внимание от чувственной сферы до полного созревания организма. Иначе энергия, истраченная на любовные переживания будет отнята от мышц, от мозга и связанной с ним высшей нервной деятельности. Чем лучше формируется кора головного мозга, а вместе с ней внутренние, продиктованные разумом тормоза, тем легче будет юноше овладеть дальнейшим развитием своих чувств и направлять их по разумному руслу.

Можно считать установленным, что чем развитее интеллект, тем крепче его внутренние тормоза.

Для этого всей системой воспитания необходимо создать возможность для разрядки любовной энергии и превращения её в творческую.

У Миши была большая опасность того, что захватившее его чувство направит всю творческую энергию, все мозговые силы на любовь, поставив под угрозу не только учёбу, но и сами способности. Раннее увлечение любовными похождениями тем и опасно, что оно может отнять мозговую энергию от полезного дела и не даст молодому организму возможности накопить необходимый для жизни умственный багаж, — больше того, может привести к антисоциальным поступкам.

Развитой интеллект, а вместе с ним и развитые внутренние тормоза позволяют молодому человеку переключить энергию, скрытую в различных влечениях, желаниях, на другие жизненные потребности, более важные с точки зрения иерархии человеческих ценностей.

Почти каждое более или менее серьёзное достижение в любой области человеческой деятельности связано с необходимостью ограничения потребностей в сфере влечений и страстей в пользу развития духовных ценностей или ради достижения поставленной цели.

Так, например, спортсмены, которые стремятся добиться высоких результатов, отказываются от удовлетворения некоторых желаний и влечений».

Подобным же образом сублимируют свою энергию учёные, работающие над важными проблемами. Эти проблемы поглощают деятельных людей до такой степени, что работа становится для них самым важным в жизни, и ради неё они ограничивают, а иногда и отказываются от удовлетворения на какой-то период времени других потребностей.

Таким образом, задача воспитания и самовоспитания заключается в том, чтобы энергию нерастроченных чувств направлять.

Это значит, что энергия молодых людей, стремящихся иметь свою семью, но не могущих это осуществить, может быть с успехом переключена на учёбу, на творческую работу, на спортивные игры, на физический труд.

Прежде всего надо знать, что половое воздержание безвредно и что природа разумно заботится о том, чтобы накопившаяся излишняя энергия нашла себе выход. У юношей, у которых организм переполняется любовной энергией, не находящей выхода, возникают сновидения, во время которых они переживают любовный экстаз. Являясь заменой любви, эти сновидения облегчают возможность одинокой жизни. Будучи безвредными, они не должны смущать или служить источником сомнений и угрызений совести, ибо это не зависит от сознания человека и регулируется природой.

Самым важным отвлекающим фактором при этом является труд, особенно любимый. Наибольшее удовлетворение и счастье в жизни познает тот, кто сумеет воспитать в себе трудолюбие и деловитость. Труд — это стимул и источник жизни и прогресса, без которого человек не может идти вперёд.

Труд необходим для душевного здоровья человека так же, как чистый воздух для его физического состояния.

Это высшее, доступное человеку на земле и достойное его счастье. Самое большое богатство, которое можно получить в наследство, — это трудолюбие. Оно даёт возможность человеку создавать то, что другому, лишённому этого качества, недоступно.

Трудолюбие легко позволяет переключать все виды энергии на творчество.

Для отвлечения юноши от раннего увлечения любовными чувствами, тормозящими и часто убивающими его способности, важно с юношеских лет развивать в нём деловитость, приучать всё делать быстро, точно и в любых условиях.

В нашей семье, например, не было специального места для занятий. Мы готовили уроки где только можно, часто в сутолоке и суете быта. Это приучило меня заниматься творческим трудом в любых условиях.

Мы приучены были также всё делать быстро. У нас в семье не было слова «сходи», а только «сбегай». И шагом пойти, выполнить распоряжение у нас было невозможно. Такая привычка всё делать быстро и точно впоследствии очень пригодилась мне в жизни.

В молодости всем нам кажется, что у нас вперёд уйма времени, которого хватит и на работу, и на безделье.

Это глубокое заблуждение, в котором люди очень скоро начинают раскаиваться. Но потерянного времени уже не вернёшь. Поэтому блажен тот, кто вовремя оценил это богатство и всю жизнь относился к нему бережно. Как правило, такой человек успевал сделать в своей жизни что-то полезное, за что ему были благодарны современники и даже потомки. В Англии есть поговорка: «Береги пенсы, а фунты сами о себе побеспокоятся». Эту поговорку лучше переделать, говоря: «Береги минуты, а часы сами о себе побеспокоятся».

Некоторые люди, в том числе и молодые, после обеда, развалившись в кресле и позёывая, убеждают себя, что сейчас у них нет времени заняться чем-то серьёзным; будет больше времени, они и «возьмутся за ум». Такие рассуждения — величайшее препятствие на пути к знаниям и ко всякому большому делу.

Точно так же многие не занимаются ничем серьёзным потому, что у них «нет соответствующих условий».

Как-то мы пришли к одному молодому инженеру, который живёт с женой и ребёнком в хорошо обставленной, со всеми удобствами, двухкомнатной квартире. На вопрос, занимается ли он научной работой, он с искренним удивлением сказал: «Что вы, а где заниматься? Ни места, ни условий для работы у меня нет». Я подумал о том, как в наше время, да и позднее аспиранты и молодые специалисты частенько в одной комнате, со многими детьми с успехом занимались серьёзной научной работой. Да и сам я, помню, будучи в аспирантуре, жил с тремя детьми в двух небольших комнатах без всяких удобств. Это не помешало мне досрочно почти на коленях написать диссертацию и защитить её.

Быть деловитым — это значит беречь не только своё, но и чужое время. А это требует быть точным и при посещении собраний или заседаний. Отсутствие такой деловитости и аккуратности со стороны отдельных людей приводит к тому, что другие, поистине деловые и аккуратные люди, теряют много времени на ожидание неделовых людей.

Надо приучать себя смолоду быть быстрым и прилежным во всех, даже незначительных, делах, не откладывая на завтра, что можно сделать сегодня. Надо преследовать свою цель упорно и неутомимо, и пусть всякая новая трудность или даже неудача не только не лишает тебя мужества, но, напротив, ещё больше воодушевляет.

Один из моих друзей рассказывает: если неудача меня постигает, я тотчас же сжимаюсь, силы во мне прибавляются, я начинаю работать с остервенением. В такое время делаю в два-три раза больше, чем в обычное.

Известно, что человеку настойчивому удаётся очень многое из того, что другому достичь не представляется возможным.

Деловой человек никогда не будет много говорить, особенно пустых (хотя бы и так называемых «красивых» и «громких») слов. Выступления такого человека, как правило, коротки, деловиты, конкретны. Если ему нечего сказать, он будет молчать, а не выступит только ради того, чтобы «что-нибудь да сказать».

Быть деловым — это значит читать много, быстро и уметь улавливать главное. Очень важно не тратить времени на чтение пустой и ненужной литературы. Надо научиться распознавать и читать только умные книги. Имеются в виду не только научные, но и художественные, которые написаны с умом и приносят пользу.

А. С. Пушкин писал: «Чтение — вот лучшее учение... Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Заметьте: «великого», а не рядового, ординарного.

Если каждому деловому человеку ясно, что не стоит вести и слушать пустые разговоры, то уж читать пустые книги и подавно.

«Если позволительно смеяться над пустыми людьми, то, вероятно, позволительно смеяться и над пустыми книгами... Если позволительно говорить: «Не стоит вести и слушать пустых разговоров», то, вероятно, позволительно и говорить: «Не стоит писать и читать пустых книг», — учил Н. Г. Чернышевский.

С. Вавилов добавлял: «Необходимо всеми мерами избавлять человечество от чтения плохих, ненужных книг».

«Дурные книги могут так же испортить нас, как и дурные товарищи» (Г. Филдинг).

«Дурная книга сообщает превратные понятия и делает невежду ещё невежественнее» (В. Белинский).

Читать полезные и не читать пустые книги, концентрировать свою энергию на том, что скорее всего приближает вас к цели, — это тоже своего рода сублимация жизненных ресурсов и энергии, это тоже деловитость.

Я, конечно, не хочу сказать, что всё время надо заниматься только делом. Необходимо занятия чередовать с развлечениями, которые не только не мешают делу, но, наоборот, помогают ему.

Человек, энергично поработавший день, получит гораздо больше удовлетворения вечером, наслаждаясь отдыхом и приятной компанией, чем тот, который весь день бездействовал. Более того, человек, который целый день занимался наукой или каким-либо другим любимым делом, окажется более чутким к красоте природы, к остроумному слову или хорошей игре, чем тот, кто целый день бездельничал.

Вся психология праздного человека характеризуется равнодушием и инертностью, и его удовольствия столь же вялы, сколь и беспомощны все его дела.

Надо только иметь в виду, что деловитость, даже в удовольствиях, проявляется с достоинством. Человек, полюбив, может во многом измениться. У него может закружиться голова, но человеческое достоинство, порядочность, честность во всём он сохранит всегда. Если же он, получая удовольствие, опустится до положения животного, то он опозорится, ибо рядом с наслаждением часто стоит бесчестье, и достойный человек не перешагнёт недозволенной границы.

Важной составной частью деловитости является целеустремлённость.

Каждый разумный человек ставит перед собой конкретную задачу, более важную, чем просто пить и есть. Он хочет приносить пользу своему народу, Родине, и в этом, если возможно, так или иначе находит удовлетворение.

Глава X

Алла Петровна Елисеева, передавая свой разговор с Ириной мамой, с горечью сетовала на то, что нередко приходится слышать разговоры о безнравственном поведении артистов.

— Мне кажется, — говорила она, — в неправильном представлении некоторых наивных зрителей о нашей жизни в значительной степени виноваты те режиссёры, которые в своей работе часто склоняются к примитивному натурализму, а от него легко скатываются к пошлости. Вы бы знали, как часто артисты спорят с режиссёрами. И чем талантливее актёр, тем чаще он противится вульгарщине. Что же касается красивой и чистой любви, то мне кажется, что и в нашей актёрской среде она встречается не реже, чем у других. Да вот, если хотите, я вам расскажу одну историю.

В одной из комнат общежития театрального института жили четыре студентки. Приехали они из разных городов, но всех их объединяла любовь к искусству. Это было в начале пятидесятых годов. Время трудное, голодное. Стипендия маленькая, но все четверо учились самозабвенно, и весёлые, жизнерадостные девушки жили одной дружной семьёй.

Студенты часто заглядывали к ним — в их комнате всегда было много гостей.

Среди ребят, приходивших к ним, Петя Ржанов всем девушкам особенно нравился. Он лучше всех учился на курсе. Красивый и статный юноша, Петя был на редкость скромн и застенчив. Бывало, просидит вечер, и никто его не заметит — сидит в уголке с девушкой, помогает ей в занятиях. И никого из девушек не отличал своим вниманием. Единственное, что они заметили: Петя никогда не подходил к Поле Абросимовой — девушке с красивыми тёмными волосами, заплетенными в толстую тугую косу. Поля относилась к Пете равнодушно, училась она хорошо, в помощи не нуждалась.

Скоро девушки узнали, что Поля выходит замуж. Все радовались предстоящему событию, помогали подруге готовиться к свадьбе. Петя в эти дни реже заходил в комнату, был рассеян, весь как-то сник, осунулся, но эту перемену в нём никто не заметил, а кто и обратил на неё внимание, не придал ей значения.

После свадьбы Поля ушла жить к мужу. Изредка она навещала подруг, но визиты её были всё реже и реже.

Несколько месяцев Поля упивалась своим счастьем. Молодой муж не уставал говорить ей о своей любви, и она платила ему таким же чувством. Весной они в разных группах уезжали на практику. Ей казалось, что она эти два месяца разлуки не переживёт. Муж твердил о том же.

Получилось так, что в одной группе с ним поехала лучшая подруга Полины, и Поля, утешая мужа, говорила, что с её подругой ему будет не так скучно, как ей, уезжающей без знакомых.

Осенью Полина узнала, что муж ей изменил с той подругой. Не говоря ни слова, она взяла свои пожитки и ушла в общежитие.

Потрясенная двойной изменой, она теперь считала, что всякая личная жизнь для неё кончена — отныне она всю себя посвятит театру.

А Петя по-прежнему приходил к девушкам, помогал им готовиться к экзаменам, зачетам, слушал магнитофонные записи. И, как всегда, был со всеми ровен, никого не выделял, ни на кого не засматривался. Однако девушки стали замечать, что Петя побледнел и похудел. Он производил впечатление не то больного, не то истощенного человека. Но и в этом не видели ничего необычного. Время тяжелое, голодное. Работали же все много. Учителя, влюблённые в свой театр, часто до поздней ночи занимались со студентами.

Однажды Петя вошёл в комнату девушек какой-то странно-решительной походкой. Глаза его смотрели вперёд и, казалось, ничего не видели. Узнав, что Поля в числе других девушек находится в прачечной при общежитии, он, не говоря ни слова, направился туда, решительно подошёл к Поле, сказав: «Поля, я тебя люблю», упал на пол без сознания. Девушки принесли его к себе в комнату и вызвали врача. Врач признал:

тяжелое нервное и физическое истощение. И предложил доставить юношу в больницу. Но нет. Девушки не хотели его отдавать в больницу. «Мы его сами выходим», — заявили они врачу.

Они по очереди дежурили около Пети почти всю зиму. И Поля вместе с ними. Петя поправился, пошёл на занятия. Во время болезни он от своего курса не отстал — девушки ему помогали.

Пока Петя был болен, Поля не заговаривала с ним. Когда же он окреп, Поля, оставшись с ним наедине, сказала: «Я получила такой удар от любимого мужчины, что, по-видимому, не в состоянии никого полюбить». Петя спокойно ответил: «Ничего, я подожду». Все девушки переживали за своего любимца. Но, боясь спугнуть зарождавшееся чувство нетактичным вмешательством, молчали. На последнем курсе Поля вышла замуж за Петю. Получив назначение, они вместе уехали на Дальний Восток.

Прошло пятнадцать лет.

На одной из улиц Москвы Настя Смирнова, одна из девушек, живших в комнате с Полей, встретила Петю. Она обрадовалась ему как родному.

«Я знаю: ты пошёл в гору, снимаешься в кино, а как Поля?»

«Поля-то? — Глаза Пети засветились любовью. — Да хорошо живёт. У нас мальчик. Уже большой. Из-за него на время оставила работу. Но мы не жалеем. Живем небогато, но безбедно, а главное, в миру и согласии».

Настя порывисто обняла Петю и крепко поцеловала. «Спасибо тебе за любовь твою».

— Вот ведь... как умеют любить артисты, — заключила свой рассказ Алла Петровна.

Я же мог бы добавить, что пример не менее красивой и преданной любви являет собою и сама чета Елисеевых. Алла Петровна и Олег Николаевич встретились студентами. Несколько лет они крепко дружили — так, что их редко видели в одиночку. И эти годы студенческой дружбы, длинные вечера в кругу начинающих свой путь артистов, мечты о будущей жизни и работе были для них незабываемыми днями юности, светлой дружбы и любви. Перед окончанием института они поженились и уехали в один из периферийных городов. Затем их пригласили в Ленинград. Он стал работать в киностудии, она — в театре. У них родился сын, его с малых лет приобщили к музыке. Затем родился второй сын, и мать целиком посвятила себя мужу и детям. Во всё время их любви и дружбы они не обидели друг друга недоверием или подозрением, и к этому не было никаких оснований. Как я писал, их любовь и дружба не угасли за двадцать лет совместной жизни — наоборот, в отношениях друг к другу появилось больше заботы и нежности. В основе их супружеской жизни лежит готовность бескорыстно действовать на пользу другому, не считаясь с личными интересами, — это-то обстоятельство, на мой взгляд, и создаёт основу для долгой и прочной любви.

2

Когда придёт время, юноша и девушка полюбят друг друга и будут организовывать семью; счастье и крепость её не в малой степени зависят от того, с каким моральным багажом придут они к ней. Если оба сохранили свою чистоту, если не запятнали себя нечестным или легкомысленным поступком, если они искренне и глубоко полюбили друг друга, если они честны и открыты друг перед другом, у них имеются все предпосылки к тому, чтобы быть счастливыми, чтобы семья приносила им радость и удовлетворенность. Но даже и при этом условии имеются только предпосылки для счастья. А будет ли это счастье, зависит от обоих супругов. Любовь и семья накладывают на них, особенно на мужчину, огромную ответственность.

К любви нельзя относиться легкомысленно. Любовь — это большое чувство, при котором происходит как бы слияние двух душ, причём ни одна из них не теряет своей свободы. В этом чувстве разумно сливаются влечение и дружба. При этом любовь тем сильнее и крепче и даёт больше радости, чем разумнее сочетаются эти два чувства, как в воздухе в разумной пропорции сочетаются кислород и азот. И если те же составные части

будут соединены неправильно, какая бы составная часть ни превалировала, воздуха, настоящего, которым можно дышать и быть здоровым, не получится. Так и в любви. Если здесь будет превалировать физическое влечение, такое чувство будет приближаться к животному; там, где превалирует дружба и уважение, но нет или слишком мало влечения, там может легко наступить охлаждение и останутся лишь привычки, которые никогда не могут заменить любовь. Точно так же и дружба. Это чувство очень важная составная часть любви. Но заменить любовь она не может и поэтому не может принести истинного счастья.

Любовь — деликатное и нежное чувство. Тот, кто самонадеянно считает, что «она меня любит, куда она денется!» — тот глубоко ошибается. Чувство легко может угаснуть, а при неправильном поведении супругов — одного или обоих — смениться равнодушием и даже враждебностью. И тому и другому может причинить не только тяжёлые моральные, но и физические страдания.

К нам в клинику поступила Аня С, 26 лет, с резкими болями в пояснице. Рентгеновские снимки крестцово-поясничного отдела позвоночника показали абсолютную норму. Не было ни малейших отклонений в стоянии тел или дужек позвонков, которые бы могли объяснить эту боль. Пригласили невропатолога. Он тщательно обследовал больную и заявил, что вся соматическая нервная система в порядке. У больной оказался выраженный невроз, но никаких причин для болей в пояснице он не нашёл. Мы позвали опытного гинеколога. Нам известно, что при неправильном положении тазовых органов, при спайках, при воспалительных процессах могут возникать сильные боли в крестцово-поясничном отделе.

Гинеколог после тщательного обследования больной «никаких отклонений от нормы» не нашёл. А между тем боли эту молодую женщину беспокоили, и она очень страдала. Фактически она была почти нетрудоспособна. Вернее, могла все делать, сгибаться и разгибаться, но все это с болями, которые не прекращались и в покое.

Несмотря на то что мы её обследовали уже почти две недели, использовали все наши диагностические и консультативные возможности, диагноз не был поставлен. Приглашенный очень опытный ортопед-травматолог высказал предположение, что, может быть, здесь имеет место подвывих межпозвоночного диска, — в этом случае стоит пойти на операцию. Мы с этим не согласились. Во-первых, никакой травмы в анамнезе не было, а во-вторых, сама по себе такая операция может стать источником дополнительных болей из-за возникновения спаек. У нас не было никаких оснований думать о подвывихе мениска, и этот диагноз мы также отвергли. Между тем у женщины боли продолжались, а мы не могли понять причины их возникновения. Мало этого. Мы пробовали применить ей различные виды физиотерапии, но никакого эффекта не достигли.

И, как всегда, трудные ситуации с больными не давали мне покоя. Во что бы то ни стало я должен был докопаться до причины болезни.

Как-то вечером я позвал больную в кабинет и попросил рассказать о себе как можно подробнее.

Она мне рассказала, что два года назад она по страстной любви вышла замуж за молодого человека. Она его уже давно знает и глубоко уважает как хорошего, открытого, очень порядочного человека.

— Я уверена, — сказала она, — что он меня любил, когда женился, и продолжает меня любить. Однако, — продолжала она, — я глубоко несчастна, и мне кажется, что я и больна-то потому, что у меня несчастная любовь. У нас общая специальность, мы вместе работаем, у нас одинаковые увлечения и убеждения. Мы можем считаться идеальной парой. Муж, правда, несколько раздражительный человек, но я, понимая его слабость, стараюсь ему уступать, и у нас, как правило, дело до конфликтов не доходит. И все же... И всё же я не могу считать, что я счастлива. Более того, я очень, очень несчастна...

И она заплакала.

Я дал ей возможность успокоиться, и она продолжала очень застенчиво, тщательно подбирая деликатные слова:

— Я очень любила его и очень хотела его любви. При виде его, при его прикосновении к руке или щеке я вся трепетала. Мне так хотелось его нежности и ласки... Однако муж совсем не обращал на меня внимания. Ему были безразличны моё состояние и мои ощущения. Он, не сказав мне ни одного ласкового слова, не приласкав меня, отвернувшись к стенке, засыпал. Пробовала я ему незаметно подсовывать популярные книжечки, где сказано, как муж должен проявлять к жене нежность и ласку, как он должен заботиться о том, чтобы она была счастлива вместе с ним.

Прочитав одну-две страницы, он откладывал брошюру в сторону. И все шло по-старому. Как часто я ночами плакала: и тяжело мне, и больно, и злость на него с каждым разом все сильнее разгоралась. А потом стали появляться боли в пояснице. Сначала не резкие, а затем все сильнее и сильнее. Я и грелку приложу, и мази разные раздобуду — ничего не помогает.

Вместе с болью нарастало раздражение, чаще вспыхивали ссоры. Будучи горячим, несдержанным, муж не скупился на оскорбления. У меня стало подниматься кровяное давление. Я ещё больше злилась на мужа и часто плакала.

Я тоже стала раздражительной, и конфликты дома у нас почти не прекращаются.

— Почему же вы не разойдетесь, если жизнь ваша так безрадостна?

— Я часто думала об этом. Но знаете, как ни странно, я все ещё люблю его, и как подумаю, что уйду от него, жизнь не мила мне становится.

— Почему же вы не поговорите с ним откровенно, что вы страдаете и отчего?

— Много раз намекала я ему и так и этак. Но он ничего не понимает. А так прямо ему сказать я не в силах.

— Может быть, вы мне разрешите с ним поговорить? Она обрадовалась.

— Я была бы вам очень благодарна. Я давно думала обратиться к врачу, но тоже стеснялась.

После разговора с больной для нас картина заболевания становилась более или менее ясной. Случаи серьёзного заболевания нервной системы и гипертонии как результат неправильной семейной жизни мы наблюдали не раз. Но у этой больной, помимо гипертонии, выявились тяжёлые боли в пояснице. Нам известно, что в поясничном отделе спинного мозга заложены соответствующие центры. Возможно, что имевшие место приливы без соответствующих отливов приводили к застойным явлениям в этом отделе спинного мозга и как результат этого — боли, которые не проходили от обычных методов лечения.

Нам известно также, что целый ряд заболеваний может быть в результате неправильной супружеской жизни.

Здоровая и счастливая жизнь в браке определяется многими биологическими, психологическими, экономическими и другими факторами. И от интимной жизни супругов во многом зависит прочность и счастье семьи.

Невозможность нормальной семейной жизни (например, при жизни в одной комнате с уже большими детьми, с родителями) или неумение её наладить может стать причиной заболевания обоих супругов или стать причиной развода.

Очень отрицательно на совместной жизни сказывается эгоизм супругов. Эгоист способен любить другого человека, но лишь потому, что эта любовь доставляет радость ему, в то время как он совершенно равнодушен к чувствам другой стороны. В интимной жизни эгоизм оборачивается стремлением удовлетворить лишь собственное желание, не считаясь с переживаниями супруги. Эгоистический подход в этих вопросах чаще встречается у мужчин, которые или не разбираются в желаниях и особенностях характера своей жены, либо просто не интересуются ими и, подобно супругу Ани С, озабочены лишь удовлетворением собственного желания. Такое отношение очень быстро может привести к вторичной холодности женщины и даже к возникновению у неё физического отвращения к столь равнодушному и эгоистичному мужчине. Физическое отвращение, в свою очередь, сказывается на её характере, на её отношении к мужу. Это часто вызывает конфликты в доме и нередко приводит к распаду семьи. Поэтому оба супруга, если они

дорожат семьёй, любовью и друг другом, должны полностью избавиться от своих эгоистических черт и все взаимоотношения строить на альтруистическом подходе в совместной жизни.

Альтруизм, то есть бескорыстное стремление делать добро людям, имеет исключительно большое значение в браке. По существу, настоящая любовь есть альтруистическая и заключается она в стремлении создать счастье любимому человеку, даже ценой жертв со своей стороны. Сознание того, что любимый человек счастлив, может быть источником глубокого удовлетворения и счастья для любящего. Для того чтобы брак был счастливым, оба супруга должны проявлять альтруизм во всех сторонах семейной жизни. Каждый из супругов должен заботиться не о себе, а о другой стороне, и таким образом обе стороны будут окружены вниманием и лаской при максимальном моральном удовлетворении. Этим повышается общий уровень культуры брака, что положительно сказывается на всех сторонах жизни супругов и на их детях.

Альтруизм особенно необходим в интимной жизни супругов. Каждый из них должен думать и все делать для того, чтобы доставить счастье, радость и максимальное наслаждение не себе, а своей супруге, и, проявленное с обеих сторон, оно приведёт к максимальному удовлетворению супружеской жизни обоих супругов. Особенно мужчина обязан проявить альтруизм в этом вопросе и считать за счастье не своё собственное наслаждение, а ту радость и счастье, которые он доставил супруге.

В древности у народов Востока мужчинам даже предписывалось, прежде чем думать о собственном наслаждении, добиться максимального наслаждения со стороны супруги. В принципе такой точки зрения должен придерживаться в браке каждый мужчина, а сознание счастья, испытываемого женой, приводит к повышению удовлетворения и счастья у самого мужчины.

Для создания гармонической семейной жизни и счастья обоих супругов большое значение имеет взаимная нежность супругов. Чем больше нежности во взаимоотношениях между супругами, тем выше культура их совместной жизни и крепче супружеская связь.

При этом имеется в виду не показная нежность, когда супруги называют друг друга самыми ласкательными, уменьшительными именами, расставаясь на два часа, целуются так громко, что соседям слышно, а на самом деле изменяют один другому на каждом шагу, и, по существу, каждый живёт своей жизнью. Говоря о нежности, имеется в виду искренняя нежность, которую человек питает к любимому человеку, и важно, чтобы при взаимоотношениях с ним не прятал её куда-то, не боялся, что её кто-нибудь увидит и не поймет, а во всём старался проявить её тактично, с любовью и заботой.

В нежности нуждается прежде всего женщина, которая лишь в атмосфере чуткости, внимания, заботы и нежности со стороны мужа может обрести нормальные условия развития и расцвета её физических и эмоциональных возможностей. Многие женщины заявляют, что именно отсутствие нежности со стороны мужа их больше всего угнетает и лишает их всякого желанья и влечения.

При этом мужчина должен помнить, что женщины более впечатлительны и легче ранимы, чем мужчины. Простое повышение голоса или вскользь сказанное резкое слово, на которое мужчина не обращает внимания, надолго оставляет в сердце женщины тяжёлый след, и ей необходимо длительное время, чтобы избавиться от неприятного переживания. Мужчины не должны этим ни пренебрегать, ни смеяться над этим. Так устроена женщина, и мужчине её не переделать, а надо принимать её такой, какая она есть. Так же, как женщина принимает нас, несмотря на то, что многое, может быть, в нас ей кажется недопустимым.

С другой стороны, даже небольшое проявление внимания, какой-нибудь мелкий подарок, говорящий о том, что муж думает о ней, может надолго привести женщину в хорошее настроение и доставить ей радость. Некоторые мужчины специально настраивают себя на равнодушно-безразличный тон из тех соображений, что якобы внешнее проявление чувств свидетельствует о слабости, что оно подрывает его авторитет и делает смешным. Нет ничего более ошибочного и вредного для культуры совместной

супружеской жизни, чем такое мнение, так же как опасение женщин, что нежное отношение к мужу вредит её человеческому достоинству.

Надо сказать, что в жизни все обстоит как раз наоборот. Если муж после первых дней женитьбы и любовных ласк перестаёт проявлять нежность и внимание к жене, то он сразу же ставит под угрозу их совместную жизнь. Женщина очень болезненно к этому относится, считает, что муж её уже охладил к ней, может быть, даже разлюбил. Она чувствует себя одинокой и покинутой. Будучи обиженной его равнодушием, она сама перестаёт быть нежной, не реагирует на его желания, старается его как-то уколоть, обидеть. Если муж, не поняв жены, начнёт реагировать на её поведение резко и жёстко, будет грубо предъявлять свои супружеские права, не стремясь добиться её расположения и нежности, — конфликт неизбежен, а он может привести к разрыву.

Поэтому в супружеской жизни нежность, забота и внимание должны быть постоянными спутниками обоих супругов. Надо до минимума ограничить вспыльчивость, полностью исключить из взаимоотношений жёсткость или приступы гнева. Эти моменты, даже мимолетные, наносят, особенно женщине, глубокую эмоциональную травму, заглаживать которую потребуется много времени.

Это надо помнить обоим супругам именно в наше время, когда у каждого на работе немало травмирующих психику моментов. Они оба приходят домой, что называется, накалённые, на пределе. И достаточно проявить какую-нибудь бестактность или просто невнимание, как возникает почва для конфликта. Повторные недоразумения охлаждают чувство, притупляют желания, а это, в свою очередь, вызывает раздражительность и создаёт условия для новых конфликтов.

У женщины, живущей в постоянном страхе перед новыми скандалами, ещё не успевшей забыть обиду, нанесённую ранее, всякие попытки мужа к интимным отношениям, особенно если они проявляются недостаточно деликатно, могут довольно рано вызвать физическое отвращение к нему... Глубоко ошибочно мнение некоторых мужчин, что любые недоразумения можно уладить, «приласкав жену». Врачебный опыт и откровенные признания женщин говорят, что заранее не подготовленные всем строем отношения женщина может испытывать от внезапно вспыхнувшей нежности мужа ещё большую к нему неприязнь. Всякого рода грубость, нежелание считаться с эмоциями жены, подобно мужу Ани С., не только приводят к тяжёлым расстройствам в здоровье женщины, но и глушат всякую любовь, вызывая чувство досады и отвращения.

Точно так же и женщина в ласках должна быть особенно нежна к мужу. Рассуждения о том, что проявление нежности говорит о якобы легкомыслии, что в это время она должна быть холодна и сдержанна, ни на чем не основаны и приносят несомненный вред супружеским отношениям.

Необходимо помнить, что все то, что встречается повседневно, может притупиться и постепенно смениться привычкой. В любви и браке это очень опасная вещь, и поэтому оба супруга должны всё время думать о том, чтобы нравиться своему мужу или жене. Очень плохо делают те супруги, которые вскоре же после свадьбы считают возможным при жене оставаться небритым, неопрятно одетым. Это очень скользкий путь, ведущий к охлаждению. Особенно женщина должна быть в тонусе, чтобы муж всегда её видел интересной, красивой, жизнерадостной. Надо, чтобы муж, взглянув на свою занятую чем-то женой, невольно каждый раз любовался ею и думал о том, что бы сделать, чтобы она с ещё большим желанием стремилась быть с ним нежной и ласковой. Нельзя мириться с тем, чтобы у супругов рано наступила привычка и спокойствие. Это обязательно приведёт или к разрыву, или такому охлаждению, что жизнь вдвоём им будет неинтересной.

Для поддержания красивых супружеских отношений очень важно, чтобы между мужем и женой была полная откровенность, основанная на взаимном доверии. Когда появляются у каждого из них «свои» «маленькие» секреты — это уже начало к охлаждению. Лучше перенести какой-то неприятный разговор после признания, а потом примириться, чем всё время держать, что-то про себя, чтобы, не дай бог, жена или муж не

узнали бы. Отсутствие доверия или искренности обедняют супружескую жизнь и делают её малопривлекательной.

Доверие между супругами возможно только тогда, когда каждый будет уверен, что он не встретит насмешки, осуждения или тем более грубости и оскорблений. Случись так, и это навсегда закроет двери к откровенным разговорам. Особенно важны доверие и откровенность между мужем и женой, когда речь идёт об их интимной жизни. Аня С. тяжело страдала от эгоизма своего мужа. Ей очень хотелось подсказать мужу, как он должен себя вести, чтобы и она была счастлива. Но она постеснялась быть до конца откровенной с ним, не могла доверчиво ему все рассказать, как своему самому близкому и дорогому другу. По-видимому, она не была уверена, что он её откровенность поймет правильно, она опасалась, что встретит насмешку, непонимание, а то и грубость. Или же он начнёт ей читать мораль, что в этом вопросе действует не меньше, чем грубость. А между тем если бы такая доверительность и откровенность была бы между Аней С. и её супругом, которые вообще-то оба были хорошими людьми и любили друг друга, то Аня не страдала бы так тяжело два года её супружеской жизни и она не заболела бы.

Во всяком случае, после нашего разговора с мужем Ани отношения у них изменились. А разговор-то наш с ним был очень простой. Вызвав его к себе, я сказал ему, чтобы он в супружеской жизни думал не о себе, а о супруге, а она, в свою очередь, будет думать о нём, а не наоборот, когда каждый думает только о себе. В последнем случае это будет эгоизм, который неизбежно приведёт к распаду семьи. Забота же о другом укрепляет семью. Я спросил его:

— Вы счастливы с супругой?

Он ответил:

— Да, конечно.

— А ваша супруга?

— Я не сомневаюсь, что и она счастлива.

— А вы её хоть раз спросили об этом?

— Зачем спрашивать? Это и так видно — она не спорит со мной, не ругается.

— А в интимной жизни у вас всё благополучно?

— Да, конечно.

— А у вашей супруги?

— А я её никогда не спрашивал, но думаю, что тоже.

— А вы хоть раз интересовались или побеспокоились, чтобы она была счастлива?

— А раз я счастлив, то и она должна быть счастлива.

— Это рассуждения настоящего эгоиста. Вы как мужчина и любящий муж должны были отвечать как раз наоборот: я счастлив потому, что счастлива жена. А вы её об этом ни разу не спросили и ни разу не поинтересовались, есть ли у неё желание и счастлива ли она от ваших ласк? А это и есть эгоизм, который в брачной жизни ведёт к распаду семьи, а в ряде случаев — к болезни жены, как это случилось с вашей супругой.

— Так в её болезни, выходит, я виноват?

— Только вы, и никто другой. Своим эгоизмом, полнейшим невниманием к чувствам и настроениям жены, полным отсутствием желания и каких-либо попыток сделать, чтобы она была счастлива в семейной жизни, вы привели к тому, что она всерьёз заболела, и в течение всех лет замужества она не только не была счастлива, но всё время страдала, хотя и любила и продолжает любить вас.

— Что же я должен был делать?

— Прежде всего не быть эгоистом, не думать о себе, а только о супруге, как думает она о вас. И считать себя счастливым, только видя счастье и радость жены, а для этого во всех вопросах, в том числе и в интимной жизни, заботиться только о ней. Только в этом вы как настоящий мужчина познаете счастье семейной жизни и будете цементировать свою семью, а не разрушать её, как это делает неизбежно каждый эгоист.

— Почему же она мне ничего не говорила?

— А вы её не спрашивали никогда, потому что никогда этим не интересовались. Вам было хорошо, а о ней вы не думали. Пусть будет счастлива тем, что вам доставляет удовольствие.

Если говорить откровенно, то чаще всего именно своим эгоизмом мужчина разрушает свою семью или приводит к тому, что семья значит формально, а каждый из супругов живёт своей самостоятельной жизнью. Зачем вам нужно было, чтобы жена вам сказала, что у неё не всё благополучно? Разве вы не понимаете, что это слишком деликатный вопрос? Это мужчине-то трудно сказать, а женщине с её природной застенчивостью — просто невозможно. А косвенно она вам на это намекала, давала даже читать брошюры, но вы от всего этого отмахивались.

Да, кстати, советую вам внимательно прочитать те брошюры, которые вам давала жена. В них, если они написаны умным врачом, можно узнать много такого, что важно знать обоим супругам.

Месяца через три мы вызвали Аню С. для контроля. Она сообщила, что все боли в пояснице у неё исчезли. С мужем живут в любви и согласии. «Мужа как подменили. Он сейчас так внимателен, заботлив и нежен, что я боюсь остаться у него в долгу, хотя и стараюсь не отстать от него».

Конечно, прочность семьи и счастье супругов зависят не только от интимной стороны их жизни. Она очень важна, но, как я говорил и ранее, она одна, какое бы удовлетворение ни приносила даже обоим супругам, не может дать истинного, большого и прочного счастья. Последнее возможно только при сочетании удовлетворения от физической близости с душевным расположением. Только та любовь будет прочна, которая покоится на взаимном доверии, уважении и дружбе и приносит полное удовлетворение в интимной жизни. Общность интересов, взаимная любовь и уважение не менее важны для прочности брака и счастья семьи. Более того, счастье, испытываемое супругами, в значительной мере зависит от эмоционального союза двух людей. Поэтому интимную жизнь нельзя принимать как единственный фактор во всей совокупности супружеской жизни. Он действительно важен, как один из основных, но лишь в сочетании с психологическим фактором он обеспечивает гармонию в супружеских отношениях.

Важная роль здесь принадлежит личной культуре супругов, а также умению выработать у себя сильные психические и моральные тормоза, которые помогают одному примириться с некоторыми недостатками другого.

Для нормальной супружеской жизни большое значение имеет чувство взаимного уважения, доверия и понимания, усиленное чувством любви и искренней дружбы.

Большое значение для интимной жизни имеют чувства, которыми руководствуется человек в обществе, ибо они находят отражение и в супружеской жизни.

Человек с хорошо развитым чувством уважения к людям и ответственности перед ними таким же проявит себя и в личной жизни.

Если же перед нами человек безответственный, равнодушный к чужим страданиям, нечестный и легкомысленный в общественных делах, он таким же окажется и в личной жизни.

Любовь должна быть основным фактором, объединяющим в браке двух людей. Там, где не соблюдено это правило, не будет почвы для последующего полноценного развития личности обоих супругов. Любая женитьба или замужество «на деньгах», «на квартире» со временем обязательно приведёт к семейной катастрофе.

С другой стороны, выбор супруга, основанный только на интимной стороне взаимоотношений, тоже предвещает мало хорошего, поскольку такой брак не обеспечивает ни мужу, ни жене возможности выхода за рамки одиночества, не способствует развитию собственного «я». При таких браках супруги быстро наскучивают друг другу и общность их расстраивается. Супруги, прожив несколько лет, вдруг осознают, что они совсем чужие.

При браке имеет значение и интеллектуальный уровень супругов. Слишком большая разница нередко плохо сказывается на семейной жизни и часто приводит к разрывам.

Но основное для прочности брака — это искренняя любовь и дружба. Это взаимопонимание и снисходительность друг к другу, умелое, тактичное поведение в различных ситуациях супружеской жизни. Взаимопонимание позволит каждому из супругов высоко ценить достоинство другого и терпимо относиться к недостаткам.

Мужчина в особенности должен беречь и охранять любовь и уважение к жене, борясь со всякими проявлениями собственного эгоизма. Он должен как рыцарь несколько идеализировать жену, всегда держать её на пьедестале.

Когда я молодым врачом работал в Грузии, там от кого-то, то ли от местного учителя, то ли от фельдшера, слышал небольшое стихотворение, в котором, может быть, не было большого поэтического мастерства, но заключалась извечная мудрость народов всех наций и всех времен:

Я спросил на вершине,
Поросшей кизилом:
«Что мужского достоинства
Служит мерилом?»
«Отношение к женщине», —
Молвило небо в ответ.
«Чем измерить, — спросил я
У древней былины, —
Настоящее мужество
В сердце мужчины?»
«Отношением к женщине», —
Мне отвечала она.
«Чем любовь измеряется
Сердца мужского?» —
«Отношением к женщине!» —
«Нет у мерил такого!» —
Возразили служители
Мер и весов.

Чувство любви и нежности, которое испытывает мужчина к невесте, к жене, — это чувство красивое, оно облагораживает и самого мужчину, делает его лучше. Не надо ни упрощать этого чувства, ни растрачивать по мелочам — наоборот, тщательно оберегать, лелеять, поддерживать. Утраченное не вернёшь, а сохранить можно на всю жизнь.

Не делайте ничего такого, чтобы жена, женщина была как бы в подчинённом положении. Делайте так, чтобы она была как бы выше вас. Этого мужчина бояться не должен. Как не должен стремиться подчинить её своей воле. Там, где один подчиняет другого, там быстро кончается любовь как с той, так и с другой стороны.

Женщина, жена, невеста в первое время, пока ещё порыв любви не притупился, никогда не должна забывать, что она сильна не столько своей любовью, сколько умением поддерживать любовь мужа. Но не уступками его слабостям или порокам, а только настойчивой борьбой за своё достоинство, за честь и достоинство мужа. Здесь никакой порыв любви не должен ослаблять требовательность.

Например, жених курит, а она хочет, чтобы он бросил. Этого надо добиться, пока он жених, и этим будет проверяться его любовь. Мужчина ради любимой женщины пойдёт на любые жертвы, тем более на такую, которая направлена ему же на пользу. Но он слаб и просит его уступить. «Я брошу постепенно, — говорит он, — вот увидишь!» И если невеста не добилась своего, то женой она будет уступать всё больше и больше.

Всё это очень тонкие психологические вещи, и надо бережно относиться и охранять их от всего грубого, наносного.

Положим, муж оскорбил жену, обидел её. И, попросив извинения, вечером претендует на ласки. Как бы жена сама ни была настроена, она не должна уступать. Иначе грубость, оскорбление, обида закрепятся, они как бы узакониваются. Наоборот, под влиянием нахлынувшего чувства он делается более ласков, нежен, он может, должен (при настойчивости и такте жены) попросить прощения, извиниться. Тогда все недоразумения выясняются, у них обоих возникает друг к другу и благодарность и уважение, что он извинился, а она простила, и их любовь и ласки принесут им не горечь, а чувство радости и счастья, укрепляющее их любовь.

Особенно женщина должна бороться с пьянством своего мужа, ибо любимая женщина может сделать всё. Уступи она в это время, и, если он слабый человек, он будет алкоголиком. Когда я вижу, что молодая женщина или девушка ведёт под руку совершенно пьяного человека, при этом улыбаясь или заигрывая с ним, я с горечью думаю о том, как непростительно легкомысленно ведёт себя она.

Если он позволил себе напиться при молодой жене или невесте, это должно рассматриваться как серьёзное событие. Ни о каком смехе, ни о каких побрякушках здесь не может быть и речи. Не положи жена этому конец, и перед ней открывается судьба жены алкоголика.

Женщина должна постоянно заботиться о том, чтобы она была любима. Это искусство, которому женщина должна научиться, ибо оно не так часто бывает врождённым. А там, где любовь, там и влияние. Ни на какие уступки, особенно в интимной жизни, жена не должна соглашаться. И уж, конечно, нельзя позволить мужу ударить себя. Женщина должна помнить, что, если она простит хоть один удар, она будет бита постоянно. И пусть она себя не утешает мыслью, что она ответила добром на зло и этим его перестроит. Нет! Хулигана этим не перевоспитаешь. Тут нужны самые решительные меры, вплоть до развода. Иначе семья всё равно распадется, но женщина будет бита неоднократно.

Зашла ко мне как-то Таня. Я ей обрадовался. Мы редко с ней встречались, а после того как Юрий перешёл от меня в другое учреждение, Таня и совсем о себе не напоминала. Пожив некоторое время одна, без Юрия, она потом уступила просьбам Юрия и вновь соединила с ним жизнь.

— После ухода из вашей клиники, — рассказала она, — Юрий попал в сложную ситуацию. Его новый руководитель, зная, как вёл себя Юрий у вас, всем говорил:

«Если он так поступил с первым своим учителем, он так же поступит и со мной».

Вначале новый руководитель понизил Юрия в должности, а затем и совсем удалил от себя.

Спесь с Юрия слетела. Он стал внимательнее ко мне, стал больше заниматься дочкой.

— Ну а вы сами как к нему относитесь?

— Я устала от одинокой жизни, решила терпимее относиться к его характеру. Жизнь наша стала налаживаться. Юрий знал, — продолжала она, — что у меня большая дружба с Рылевыми, слышал, что за мной ухаживал один инженер, и потому ревниво относился к нашим отношениям с Рылевыми, которые меня познакомили с инженером. Но я работала в лаборатории, находившейся в ведении Рылева.

Как-то я с разрешения Юрия устроила вечеринку у себя дома. Пришли Юрий и Галя Рылевы, пришло ещё несколько инженеров. Некоторые с жёнами, некоторые одинокие. Среди них был и тот... инженер, старший научный сотрудник, интересный, умный, эрудированный человек.

Получилось так, что он сел со мной рядом и красиво, тактично ухаживал за мной.

С этого вечера Юрий терроризировал меня, говоря всякие гадости в адрес инженера. Спустя полгода я решила опять пригласить своих сослуживцев на мой день рождения. Муж предупредил: «Не вздумай пригласить инженера». Но как же я могла его обделить вниманием, тем более что он был другом Рылевых? Не пригласив его, я обидела бы людей, дружбой которых я очень дорожу.

Когда Юрий увидел этого инженера, он помрачнел и весь вечер не отходил от меня, не давая мне возможности не только с ним, но и ни с кем другим танцевать. Он ходил за мной на кухню, а когда я возвращалась к гостям, садился около меня. Несколько раз оборвал меня, заметив, что я посмотрела в сторону инженера.

Словом, он этот вечер превратил в сплошное издевательство надо мной. Мне было стыдно за своего мужа и неудобно перед гостями. И я вздохнула с облегчением, когда гости ушли.

Однако мои мучения только начинались. Муж изводил меня своей ревностью. Целый день звонил на работу, справлялся, на месте ли я. Отлучусь куда-нибудь — и тут же упрёки, скандалы с приступами ревности. Сумочку мою проверяет, в карманах шарит — всё ищет письма от любовника. Он, как сыщик, следит за мной. И очень часто, выходя от знакомых или из магазина, я вижу его высокую фигуру, прячущуюся за спины прохожих. Он мучает меня своей ревностью и мучается сам. А между тем нет никаких оснований подозревать меня. Я была верна ему и до замужества и во время совместной жизни. И даже в тот период, когда мы жили отдельно, у меня никого не было.

Я и сейчас очень строго себя держу. Даже не из-за Юрия. Я просто берегу себя. Не хочу пачкать душу легкомысленным поведением. Я бы ушла от Юрия, но мне совестно людей — ведь расхотелись уж однажды.

Отношение ревности разное. Многие считают, что это вполне нормальное чувство. Любящий человек может одновременно и доверять, и мучительно ревновать подругу. И с этим можно согласиться. Близость любящих существ требует полной интимности, доверия и целомудрия, а представление о прежней близости любимого существа с кем-нибудь другим нередко вносит разлад в любовное настроение, порождает известное отчуждение. Подобная ревность может быть названа в какой-то мере естественным человеческим чувством. Поэтому-то всякого рода добрачные связи кладут тем больший отпечаток на жизнь и любовные чувства супругов, чем сильнее их любовь; чем дороже им супруг, тем неприятнее и тяжелее воспоминания о его прежних увлечениях. В то же время ревность, в её некрасивых и часто отвратительных проявлениях можно рассматривать как противоположность любви, как эгоизм, как наследие животного чувства и варварства. Истоки ревности уходят в те времена, когда всё добывалось грубой силой. Ловкость и сила боролись друг с другом, мужчине приходилось ревниво следить за тем, чтобы другой не похитил его любимую хитростью или силой. Отсюда возникали вспышки злобы в моменты приближения соперника. Жестокость, вызванная мужской ревностью, поистине не знает предела. Достаточно сказать о железных поясах с замками, попадающихся и ныне в музеях древностей; поясах, которые средневековые рыцари, отправляясь на войну, надевали своим женам, чтобы успокоить свою ревность. К слову сказать, эти дикие меры, как гласит история, часто не достигали цели. Оскорбленная жена снимала мерку с ключа и посылала своему другу. Так что железные замки не в состоянии защитить от измены в такой степени, как гарантирует глубокое и искреннее чувство любви и уважения к мужу или жене.

Ревность часто превращает брак в ад. Она нередко развивается у мужчин болезненно — до полного помешательства, а у мужей-пьяниц обнаруживает переходы к душевной болезни. При резко выраженных, а тем более патологических проявлениях ревности жизнь женщины превращается в сплошную пытку. Постоянные подозрения, оскорбления, грубости, издевательства, угрозы, обида вплоть до убийства — вот следствие этой отвратительной страсти».

Если же и можно говорить о том, что патологическая ревность — это тоже проявление любви, то любви сугубо эгоистичной, собственнической, скорее животной. Она является ярким свидетельством низкой культуры, отсутствия самовоспитания и внутренних тормозов, чрезмерно развитого эгоизма и себялюбия, слабой воли и полного отсутствия искренней альтруистической любви и уважения к объекту ревности.

Если патологическая ревность у любого человека чаще всего выглядит отвратительно и вызывает неприязненное отношение к ревнивцу, то ревность алкоголика

— это нечто ужасное для женщины. Вряд ли есть необходимость приводить примеры из практики. Они встречаются на каждом шагу и объясняются тем, что эти люди очень часто и очень резко страдают от рано появившейся слабости при интимных отношениях. И чем дальше заходит этот процесс, тем резче нарастает склонность к ревности, которая выражается враждебностью алкоголика к собственной жене, подозрениями в неверности.

Это составляет характерный комплекс симптомов алкоголизма, известный в науке как «синдром Отелло».

Из-за ослабления своих потенциальных возможностей алкоголик перестаёт доверять жене, так как его мучают болезненные подозрения, что жена ищет себе мужа «на стороне».

Юрий Нахватов — человек образованный, у него уже докторская диссертация была подготовлена к защите, но его слабая внутренняя культура стала причиной дикой ревности, которая и привела к разладу семьи.

Что же мог я посоветовать Тане? Если бы Юрий был алкоголиком, эти безобразные проявления ревности были следствием алкоголизма, можно было бы порекомендовать принудительное лечение. Но здесь не было болезни. Была распущенность, полное отсутствие тормозов, эгоизм и чувство собственника.

— Здесь, Таня, только два выхода: или уходить от такого мужа, или сделать всё так, чтобы у него не было никаких предлогов для ревности. Возможно, вам стоит уйти с той службы, где вы поневоле встречаетесь с инженером. Постарайтесь, чтобы каждый ваш шаг был на виду у мужа. Может, он успокоится и перестанет вас терроризировать.

— Я тоже так думала. Я даже себе новое место подыскала. Но вот беда: неприязнь к Юрию не покидает меня даже и тогда, когда он спокоен.

— Может, со временем пройдёт и это чувство.

— Не знаю. У меня нет желания, чтобы это чувство проходило. Единственное, что меня ещё удерживает около него, — это дочь. Из-за неё я и вернулась к Юрию. Но он не способен и на любовь к дочери. Он любит только себя.

Через полгода, а может, и больше Таня пришла ко мне вновь, ещё более расстроенная.

— Вы извините меня, что я прихожу к вам только с одними неприятностями.

— Ничего не поделаешь. Такова судьба наша. Когда у людей хорошо, они про нас забывают. А как только у них что случается, бегут к нам. Так мы и живём всю жизнь в атмосфере горя и болезней. Неплохо бы, конечно, чтобы люди о нас вспоминали и когда они здоровы.

— Я вынуждена была уйти с прежней службы, поступила на новую. С тем инженером не встречалась, Рылевых попросила, чтобы они не говорили мне о нём, особенно при муже. Никуда без Юрия не ходила, и в конце концов он успокоился. И с этой стороны у нас всё хорошо.

— Тогда в чём же дело?

— Ревность, прекратилась, а отношения не наладились. Я не могла преодолеть того чувства неприязни и даже отвращения, которое у меня возникло ещё в то время, когда он терзал меня сценами ревности. Я бы ушла от него, да как подумаю о дочери, как представлю, что ей всю жизнь будут говорить, что отца нет, что он ушёл или мы от него ушли, так сердце холодеет. Так и продолжала жить.

— А что же ещё-то случилось?

— Даже неудобно и говорить. Правда, в вашем отношении ко мне есть что-то такое, что вызывает на откровенность, и я чувствую, что вам можно рассказать то, что никому другому, ни при каких обстоятельствах не сказала бы.

— Ну расскажите откровенно, что вас волнует или смущает.

... Я никого не знала до Юрия. Он уже дружил со многими женщинами и откровенно мне признался, что у него были добрачные связи. Я ему все это простила. Но меня крайне возмущало, что, оказавшись сам не так уж чист передо мной, столь

безудержно и грубо ревновал меня. Но я думала, что, может быть, теперь он ведёт себя безупречно, и часто была снисходительна, когда он, не считаясь с моим настроением, претендовал на ласки. И вдруг я узнаю, что он часто устраивает любовные свидания то с одной, то с другой женщиной без разбора.

— Но, может быть, это просто наговор на него?

— Нет, я бы не стала так говорить, если б сама не убедилась Я перед своей совестью, перед дочерью хочу оправдаться, поэтому мне нужны факты, а не слухи,

— Именно факты.

— Да, конечно. Он по пути к приятелю забежал к женщине на любовное свидание.

— Да что вы, Таня!..

— Он сам потом хвастливо признался об этом своему другу; а что он был у этой женщины, мне также известно, и это было проверено по телефону.

— Ну и ну! Удивили вы меня с вашим Юрием. Я не был о нём высокого мнения, но никогда не думал, что он пал так низко.

— Я не хочу, чтобы он ко мне прикасался.

— Он спрашивает, почему вы к нему изменились?

— Я все ему сказала... Думаете, смутился хотя бы? Нисколько! «Подумаешь, — говорит, — для мужчины такая связь меньше значит, чем для женщины поцелуй. Я их, этих женщин, — говорит, — не любил и не люблю. Я люблю только тебя». Можете себе представить подобный цинизм?

Я, конечно, знал, что многие мужчины, ревностно требуя верности от жены, считают: для мужчины подобные связи незасорны. Но по мере роста культуры таких «умников» становится всё меньше, а уж философия Юрия — она просто беспрецедентна по своей наглости. Сам мучает жену ревностью, а себе позволяет такое.

К сожалению, подобный эгоизм и неравноправное отношение к добрачным связям и изменам со стороны мужчины можно встретить и до сих пор.

Одна наша молодая доктор рассказала, что она года за три до окончания института полюбила студента, и они в течение всех этих трёх лет любили друг друга, и их любовь и дружба доставляли им много радости. После окончания института они поженились. Так как оба были отличниками, при распределении остались в Ленинграде. Её родители, обеспеченные люди, приобрели им двухкомнатную кооперативную квартиру, и молодые устроились на хорошую работу по специальности. Казалось бы, жить да радоваться. Муж старше жены на шесть лет. И она хорошо знает, что у него были добрачные связи, и не допытывалась, не упрекала жениха. Видела, что он искренне любит её, и без колебания вышла за него замуж. Однако конфликт вспыхнул уже в первую брачную ночь. Муж решил, что его избранница не девушка. На все её уверения, что она никого не знала до него, говорил ей: «Лжёшь!»

Он как врач и культурный человек должен был знать, что анатомические вариации, травмы, несчастные случаи и другие факторы иногда вносят нарушения природных строений организма, и здесь необходимо верить человеку.

Кроме того, унизительно и безнравственно тиранить свою подругу за её прежние увлечения, если они даже и были. Тем более что и сам он не святой.

Муж доктора проявил настоящий психологический садизм: потребовал от жены, чтобы она покаялась в своих грехах. Когда же она его стала уверять, что он у неё первый мужчина, что она сама не понимает причины этого недоразумения, он твердил: «Ты лжёшь! Признавайся во всех своих грехах».

Так началась их супружеская жизнь. Он был с нею груб, резок. Прежней внимательности и нежности как не бывало. Конфликт с мужем привёл её в состояние глубокой угнетённости. Она потеряла интерес к жизни, к работе, к домашним делам, часто плакала. У неё действительно никого не было, и она понятия не имеет, почему у неё так получилось. Ей даже приходила в голову мысль признаться в том, чего не было, лишь бы в доме наступили мир и согласие. Но только она была уверена, что мир не наступит, а скандалы приобретут другой характер, быть может, ещё более тяжёлый. Его постоянные

скандалы, обвинения её в том, чего она не совершила, убивали её любовь к нему, и она всё чаще ловила себя на мысли, что муж становится неприятен.

После того как доктор откровенно все мне рассказала, я попросил разрешения поговорить с её мужем. Она обрадовалась. Я пригласил его к себе и деликатно разъяснил этот вопрос. Я рассказал, что анатомические особенности бывают очень вариативны и нередко обычных признаков девственности можно и не обнаружить, хотя девушка и была непорочной. Помимо врождённого отсутствия этих признаков, наблюдаемых не так редко, могут быть различные причины их нарушения травматического и медицинского характера. Манипуляции такого вида, проведённые в детстве, приводят к нарушению природной структуры очень легко и для девушки остаются незаметными.

В ряде стран, например в Индии, Бразилии, нередки случаи полного отсутствия признаков девственности, и объясняется это тем, что матери в этих странах столь энергично подмывают маленьких девочек, что все анатомические признаки оказываются полностью уничтоженными уже в раннем детстве. Наконец, признаки девственности часто встречаются в столь рудиментарном состоянии, что не препятствуют брачной жизни.

Кроме того, для культурного человека унизительно и безнравственно так категорически и столь грубо требовать того, чтобы жена не имела добрачной связи, хотя к себе этих требований он не предъявляет. Подобное отношение к женщине всегда унижало её, а теперь, при полном равенстве, такая постановка вопроса недопустима.

Известно, как тяжело переживали русские девушки в старое время, когда они после брачной ночи должны были перед всеми родными продемонстрировать свою непорочность.

У меня в памяти остался рассказ Наташи Петрушевой, которую я оперировал по поводу гигантской грыжи живота. Она мне рассказала, какое унижение в молодости перенесла она в связи с этим обычаем.

Она была на редкость красивой и развитой девушкой. На работе ли, на вечеринках, Наташа везде выделялась, и все у неё получалось ладно и красиво. С ребятами она держала себя свободно, шутила, смеялась, но ни один из них не посмел сказать про неё что-нибудь вольное. Много было у неё женихов. Но ей никто не нравился, и она заявила родителям: «Будете отдавать против моего желания — из дома убегу, а замуж за нелюбимого не выйду». Совершенно неожиданно полюбила паренька из другой деревни, приехавшего погостить к приятелю на месяц.

По обычаю — сваты, свадьба...

После первой брачной ночи её отец, суровый и мрачный старик, потребовал, чтобы она вышла к ним и его родным, показала сорочку со следами непорочности.

Не смела она послушаться своего грозного отца, вышла из спальни, заливаясь слезами стыда и унижения. А вернувшись к себе в комнату, бросилась на кровать и весь день проплакала. Андрей, муж её, скромный, умный парень, который сам протестовал против этого, никак не мог её успокоить.

На другой же день попросила, чтобы муж увёз её из родительского дома, где так бесцеремонно отнеслись к её девичьей стыдливости.

Она рассказывала мне это уже взрослая, имея детей, — и всё равно переживала.

Это настолько унизительно и тяжело для девушки, что некоторые женщины, борясь за своё равноправие, требуют, чтобы эти признаки уничтожались хирургическим путём ещё в детстве, чтобы женщина, как и мужчина, ни перед кем не отчитывалась.

Обо всём об этом я рассказал цивилизованному ревнивцу. И закончил словами:

— Если не верить человеку, не надо с ним жить, а если верить, надо верить во всём. Иначе нельзя. В чём-то верю, а в чём-то нет. Если так, то, значит, никакой веры нет. А без веры друг другу жить нельзя.

Муж доктора слушал меня с виноватым видом: не перебивал, не возражал. Расстались мы с ним хорошо. Я потом слышал, что жизнь у них после нашей беседы пошла на лад.

Нетрудно было понять настроение Тани. И у меня на душе было горько. Всегда тягостно сознавать своё бессилие. Чувало моё сердце: Таня не уйдёт от мужа, она из тех, кто живёт для других, — она будет нести свой крест ради дочери.

Не однажды я встречал таких женщин на своём жизненном пути.

У меня была больная с лёгочным кровотечением, Екатерина Ивановна, — её я длительно наблюдал, а затем и оперировал. Она мне рассказывала, как её муж, Павлик, изменяет ей на каждом шагу. Екатерина Ивановна была очень красива, стройна, всё у неё в руках спорилось. Тип русской красавицы, которую воспевали наши поэты от Державина до современных. Глядя на неё, я часто думал: как она могла переносить и прощать грязные любовные похождения мужа-пьянчужки.

Он её мог оскорбить, даже ударить, он ей прямо говорил о своих любовницах, а она ему всё прощала и не уходила от него, хотя сама она, с её золотыми руками, жила бы одна куда лучше, чем с мужем.

Мы все, знавшие её, возмущались её рабской покорностью, полным самоунижением, попранием её женской гордости и человеческого достоинства. Советовали ей бросить мужа и жить самостоятельно. Но она нас выслушивала, соглашалась, но потом говорила: «Нет, я своего Павлушу не оставлю».

Конечно, в наш век полной эмансипации и высокой культуры такие женщины встречаются всё реже. Чаще мы встречаем гордых, самолюбивых, с высокими идеалами, со своими твёрдыми понятиями о морали и нравственности. Такие женщины не станут терпеть унижительного отношения к себе. Да они и из чувства физической брезгливости не допустят к себе нечистоплотного аморального человека.

Среди причин, часто приводящих к разрушению семьи или превращению её в формальный союз двух чуждых друг другу существ, является измена.

Помимо чувства любви и нормальных отношений в интимной жизни, от измены человека должно останавливать сознание ответственности за сохранение семьи. Измена может привести к полному прекращению супружеских отношений или к внутреннему разрыву и катастрофически сказывается на чувстве любви, уважения и дружбы, без которых невозможна нормальная семейная жизнь.

Среди причин развода больше половины опрошенных женщин указывают в анкетах на измену мужа. Легкомысленное, я бы сказал, безответственное отношение мужчин к побочным связям сохранилось ещё от того периода, когда женщина как домохозяйка была в полной экономической и социальной зависимости от мужа.

Он полагал, что, если жена и узнает о его поведении, ей некуда будет деться. Сейчас положение женщины изменилось. Она стала независимой и экономически, и в социальном плане. Современная культурная женщина не станет переносить того унижительного положения, в которое её ставит измена мужа. И она разводится с ним.

Женщина не так просто идёт на измену, если её семейная жизнь приносит ей полное удовлетворение и счастье, если с мужем у неё имеется хороший контакт, доверие и понимание. Она труднее идёт и на разрыв, так как для неё семейная жизнь имеет большее значение, чем для мужчины, который может скорее найти удовлетворение в своей служебной или общественной жизни. Для женщины без семьи не может быть полного счастья.

Я был хорошо знаком с одной женщиной-хирургом, которая считалась неплохим специалистом. Девушкой она полюбила на фронте молодого офицера и вышла за него замуж. Они жили очень дружно, угнетало только отсутствие детей. В тяжёлый период войны рискованно предохранялась от беременности, а потом очень хотела стать матерью, но не могла. Она была стройной, красивой женщиной, всегда одевалась со вкусом и неизменно пользовалась успехом у мужчин. Вела она себя вроде бы скромно, хотя близко знавшие её говорили, что у неё был роман и что об этом романе знал муж и тяжело переживал измену. Впрочем, внешне их отношения казались нормальными. И когда его перевели в другой город с большим повышением, она хоть и неохотно, но оставила службу в Ленинграде и поехала с мужем. На новом месте они имели уютную квартиру,

обставили её роскошно. Зашёл я как-то к ним: хрусталь, ковры, так все чисто, красиво, что не знаешь, куда ступить. На ковёр она не разрешала стать в ботинках, попросила надеть тапочки. На диван, прежде чем сесть, подложила салфеточку.

Однако супружество их продолжалось недолго. Через два года после переезда муж её, ещё совсем молодой человек, умер от разрыва внутримозговой аневризмы. Очевидно, сказались длительные душевные страдания. Года через два я навестил ту женщину вновь. Она не вышла и не собирается выходить замуж. Вся её жизнь сосредоточена на воспоминаниях тех счастливых дней, когда они жили с мужем. В комнате я хотел было снять ботинки, но она запротестовала: «Не снимайте и не обращайтесь на вещи внимания. Нечего их беречь! Они нас переживут. Вот я всё берегла, Васе ступить на ковёр не разрешала, а вот ковёр и сейчас как новенький, а Васи уже давно нет. Не надо беречь вещи, надо больше беречь друг друга. До меня, к сожалению, это слишком поздно дошло!..»

Если мужчина любит искренне и нежно, то измена супруги может очень резко сказаться на всей его жизни и деятельности.

Я хорошо знал и сейчас знаю человека, который несколько лет назад перенёс эту драму.

Павел Иванович Матвеев родился на Урале. Он успешно сдал экзамены в Литературный институт и с первого же курса выдвинулся в ряды лучших студентов. Он писал стихи и прозу, пробовал себя в литературной критике. Мечтал по окончании института, а может быть, и ранее написать книгу о Есенине, опубликовать книгу своих стихов. Однако началась Великая Отечественная война, и Павел, бросив учёбу, ушёл на фронт.

Много горячих вёрст прошагал он по дорогам войны. Но даже в самое трудное время не расставался со своим дневником. Писал стихи и заметки о фронтовых буднях, никуда не посылал свои произведения. Изредка читал написанное товарищам — они воспринимали его стихи с восторгом. Несколько объёмистых тетрадей носил за спиной, в вещевом мешке, и думал: вот кончится война, обработаю стихи, покажу профессиональному поэту, а уж затем, если посоветует, отнесу в журнал.

В жарком бою Матвеева контузило, а когда в медсанбате он пришёл в себя, не было с ним вещевого мешка. Ничего не жалел солдат из потерянного: ни теплого белья, ни даже писем от близких, жаль было своих тетрадей. Когда окреп, сколько ни пытался, не удалось найти дневников. Сказали ему: всякого рода тетради со стихами и сочинениями передают фронтовым корреспондентам. Пробовал обратиться в газету, писал в политотдел армии — никто не знал о судьбе его дневников. Несколько месяцев спустя, во время затишья, принёс товарищ военную газету — и к Павлу: «Помнишь, до ранения ты читал стихотворение и говорил, сам сочинил». В газете за подписью корреспондента и писателя помещено было его стихотворение. И ни одним словом не упомянуто, что оно найдено в вещевом мешке раненого.

Что он мог сделать? Чем доказать, что это его стихи?

Затаил под сердцем обиду, носил её всю войну. Закончив воевать, вернулся Матвеев в свой институт. Вся грудь в орденах, весь изранен, но тяжелее всего рана в сердце.

Он, конечно же, с тех пор написал много новых стихов, не однажды печатал их в газетах, и даже в толстом журнале была напечатана подборка его фронтовой лирики, но ему всё казалось, что таких стихов, которые были у него раньше, он написать никогда не сможет.

С жадностью учился, в трудах затягивалась душевная травма. Но однажды попалась ему книга стихов.

Много в ней было стихов незнакомых, между прочим, неплохих стихов, но встретилось и его собственное, самое любимое.

С волнением прочитал его раз, другой...

Оно, мог ли он ошибиться! Стал листать сборник. Вновь стихи незнакомые, а между ними — его, тоже очень дорогое! И так он встретил несколько своих стихов, в них не было изменено ни одного слова. Не надо было ни с чем сверять, он помнил свои выстраданные на войне стихи наизусть.

Посмотрел в начале книги, в конце — не было никаких указаний на то, что эти стихи взяты из дневника раненого солдата.

Вновь и вновь читал он свои стихи.

Читает Павлуша, и слёзы текут по щекам. И радостно ему, и больно, что имя над ними стоит не его.

Первая мысль, которая возникла, — поехать к этому человеку, сказать, что это он, Павел, написал стихи, что он жив и хочет восстановить свои права. Но тут же остановил себя. Разве человек, позволивший себе такую подлость, способен будет на благородный поступок? Надо идти заявить о плагиате. Но какие у него доказательства? Так ведь каждый может заявить! А чем докажешь! И кому скорее поверят: известному ли писателю или безвестному студенту?..

Пометавшись из стороны в сторону, решил, что всякие попытки доказать свой приоритет бесполезны. Надо смириться с этой потерей как с непоправимым несчастьем. Разумом всё обосновал, а сердце не хотело смириться. Оно болело, и ныло, и не давало Павлу покоя. Ночью не мог уснуть: смотрел в потолок, продолжал мысленно убеждать кого-то.

Через несколько дней его привезли в клинику. Врачи развели руками: не понять, почему у молодого человека такая грозная предынфарктная картина?..

Я был в том городе на конференции и в порядке взаимного визита осматривал клинику, когда мой приятель, её заведующий, указав на больного, сказал: «Вот интересный случай: предынфарктное состояние у студента».

Я посмотрел на электрокардиограмму — удивительное несоответствие между хорошей работой сердца, звучными чистыми тонами и картиной сильнейшего кислородного голодания сердца. Налицо тяжёлый спазм сосудов, питающих сердце. Не склероз, не воспаление стенок сосуда — только спазм. Но ведь и он может привести к инфаркту и к гибели человека!..

— Разрешите мне после обеда побеседовать с молодым человеком наедине, — попросил я своего приятеля.

После обхода я подошёл к больному и сел на край кровати. Больные, что лежали на соседних койках, вышли, и мы остались вдвоём.

— Скажите мне, что вас волнует? — сказал я как можно мягче.

—Ничего. Я совершенно спокоен, — раздалось в ответ, но в голосе чувствовалась скрытая боль.

— Мой вопрос не праздное любопытство. Он продиктован желанием помочь вам. Я хочу выяснить причины болезни.

Павел долго молчал, в нём боролись два чувства: с одной стороны, не хотелось кого-то посвящать в эту историю, а с другой стороны, он понимал, что вопрос идёт о его здоровье и жизни.

Наконец он произнёс:

— Как бы вели себя, если бы у вас украли самое дорогое, плоды вашего многолетнего труда?..

— Конечно, я бы страдал от такой потери. Но расскажите мне подробнее, как это случилось.

И он поведал мне свою историю.

— Вы лишились части своих стихов, но у вас есть талант, — сказал я в утешение.

— Обидно, что к человеку пришла слава за чужие стихи.

— Да, конечно, сознавать такую несправедливость очень обидно. Но очень скоро этот человек пожнёт и бесславие. От него будут ждать других стихов, а он дать их не сможет. Пройдёт время, и кончится поэт. И все поймут, что он не поэт и никогда им не

был. Вы же будете писать и напишете много других стихов, у вас появятся книги, вы станете большим, настоящим поэтом, и слава ваша будет расти. Как же вы об этом не подумали, а полностью отдали себя во власть уныния? И вот результат — сердце не выдержало...

Павел успокоился, повеселел, ободрился. Спазмы в сердце уменьшились. На следующий день я сделал ему загрудинную блокаду, а через три дня повторил её. Боли полностью исчезли. На электрокардиограмме исчезли все явления спазма сосудов и коронарной недостаточности. Когда я уезжал, он пришёл меня провожать весёлый, жизнерадостный. Между прочим, мне сказал: «Мне никогда не было так легко, как теперь. И дело не только в том, что моё сердце не болит. Я смелее смотрю в своё будущее, мне кажется, я сумею сделать что-то важное и хорошее». Он смутился. И, боясь, что его обвинят в нескромности, краснел. Мне понравился этот молодой человек, я ещё раз пожелал ему больших успехов в литературе и на прощанье высказал просьбу прислать мне свою первую книгу, а также и все последующие «толстые фолианты». Я так и сказал: «толстые фолианты». Ему это понравилось, он ещё раз улыбнулся и обещал прислать мне свои произведения. И действительно, через год или два он прислал мне книгу стихов, в которой большую часть занимал раздел фронтовой лирики. Стихи мне понравились. Помню, о них был хороший разговор в печати, кажется, велась дискуссия, читатель искал его книгу, о ней я отовсюду слышал хорошие отзывы. Мне было приятно сознавать, что Павел Матвеев, совершивший немало подвигов на фронтах Отечественной войны, стал заметным человеком в литературе, добился успехов в нелёгком литературном труде. Грела мысль и о том, что встретился с ним в трудную для него минуту жизни и оказал ему помощь не только медицинскую, но и добрым словом, нехитрым, но очень важным для него житейским советом. Примерно в это время Павел встретил красивую девушку, Наташу, и полюбил её, и они поженились. Вскоре его пригласили в Москву, предложили ответственную должность в одном издательстве. В очередной свой приезд в столицу я позвонил ему, мы встретились и долго беседовали как добрые старые друзья. Он посвятил меня в свои дела, планы. Паша писал стихи, поэму, печатался в журналах, редактировал других поэтов, помогал им войти в литературу или утвердиться в ней.

По совету друзей начал готовить новый поэтический сборник — и весь ушёл в эту радостную работу, а между тем над ним всё ниже сгущались тучи. Кто-то из обиженных им написал анонимку жене. Не помогла. Семья была крепкая, спаянная взаимной любовью, дружбой, взаимопониманием, детьми... Но анонимщик был не из тех, которые легко отступали. Он избрал другой ход: «случайно» познакомился с женой Павла Ивановича — с Натальей Алексеевной и так же «случайно» стал встречать её по дороге на службу или домой. Он пел дифирамбы её красоте и с «горечью» сетовал на её мужа, который не ценит её, никуда не водит, сидит сам за книжками и у молодой жены губит лучшие годы жизни без радости и развлечений.

Мужчина был молодой, видный и говорил красиво. Наталья Алексеевна, жена поэта, и не заметила, как попала в его искусно расставленные сети, яд сомнений вселился в её душу. Она стала упрекать мужа, повторяя слова «друга», капризничала, а вскоре стала плакать. Возникли первые конфликты. Тут, конечно, есть немалая вина и Павла Ивановича; ему бы расспросить, разузнать, уделить жене больше внимания, но он хотя и был обеспокоен поведением жены, но по-прежнему много работал, готовил свою очередную книгу стихов. А тут «приятель» признался Наталье Алексеевне в «жаркой любви». Она изменила мужу, с которым в любви и согласии прожила многие годы...

Павел Иванович, узнав об этом, был потрясен. Да как же это так! Преданный и любящий друг, с которым было пережито столько радости, счастья и горя, с которым вырастили двух детей, вдруг наносит удар в спину. Дети уже большие, дочь — на стороне отца, сын — на стороне матери (зачем отец так беспечно относился к семье, не уделял матери должного внимания!..).

Тянулись дни горестных переживаний, мучительных раздумий. И не было просвета, облегчения. А тут ещё работа. Подходили сроки сдачи поэтического сборника в

издательство, надо было торопиться с подготовкой стихов. А стихи, как на грех, не шли на ум; как он ни бился над слабыми строчками, они не улучшались. Горестные думы вышибли всё вдохновение, поэзия в таком состоянии не давалась.

Прошли сроки, сборник лежал на столе, началась канитель с разводом. И когда Наталья Алексеевна была полностью свободна, её «друг», который так добивался её любви, который «жаждал» соединить их судьбы и жить одной семьёй, едва Наталья Алексеевна развелась, перестал к ней показываться. А затем прислал письмо, что его срочно переводят на работу в другой город. Словом, чтобы она его не искала и о нём не думала. Павел Иванович узнал об этом: ко всем прочим невзгодам прибавилась ещё и обида за честь и судьбу жены — она была оскорблена в своих чувствах, унижена, брошена — было жаль её, но Павел ничем не мог помочь человеку, которого ещё вчера он любил всем сердцем и защищать которого был готов от любой напасти. Окольными путями слышал о её готовности к примирению, но он не мог ничего с собой сделать, его сердце не могло простить измену.

Шло время. Женщины не обделяли Павла Ивановича вниманием, были среди них и такие, которые нравились ему. Особенно одна молодая поэтесса. Как-то вечером она позвонила по телефону и предложила послушать её стихи.

— Я приеду к вам домой, — сказала поэтесса. И она приехала. И засиделась допоздна.

После чтения стихов потекла беседа доверительная, почти интимная.

— Так тяжело одинокой женщине, — говорила она, — так хочется иметь около себя большого, сильного и ласкового друга...

Они договорились, что поживут вместе, присмотрятся друг к другу и, если убедятся, что им вместе хорошо, зарегистрируют свой брак.

И тут... случилось так, что Павел Иванович ощутил предательскую слабость... Вообще-то в этом нет ничего странного, с точки зрения медицины вполне понятное явление. Слишком велика была эмоциональная травма слишком он был издёрган и переутомлён напряжённой работой... Отнесись он к своей неудаче спокойно, попривыкни к своей новой подруге, и у него все бы пришло в норму. Тут главное — не предаваться панике, не считать себя больным, а сохранить спокойствие. Но он растерялся, даже испугался своей беспомощности. А тут и стыд примешался, чувство неловкости перед молодой женщиной. Он знал со слов товарищей, что женщины не прощают мужчинам их слабости.

И на самом деле, в этот сложный для мужчины психологический момент многое зависит от того, как поведёт себя женщина. Будь с ним умная, деликатная и, главное, любящая подруга, а не эгоистка, она бы отнеслась к его конфузу просто, спокойно, сказала бы: «Не огорчайся, ты переутомился, у тебя это пройдёт». А ещё лучше — не придавать этому факту значения, не обратить внимания. Всё бы потом наладилось.

Но его новая подруга была не из деликатных. Не скрывая разочарования, она стала высмеивать неудачника.

Ко всем прочим психическим нагрузкам прибавился этот сильный эмоциональный стресс.

Павел Иванович потом много отдыхал, лечился, но страх перед новой неудачей не проходил. И что хуже всего, сник, угас весь жизненный тонус, поубавилось творческое вдохновение. Он продолжал работать, писал стихи, но прежнего сильного чувства, свежей, оригинальной мысли он сам в них не находил. Он даже на какое-то время бросил писать совсем. В такой-то жизненной ситуации я зашёл однажды к нему в его одинокую холостяцкую квартиру. Не сразу и даже не при этой нашей встрече он рассказал мне историю последних лет своей жизни. И началась длительная упорная работа его близких людей, в том числе и мне пришлось принять в ней участие; мы общими усилиями вернули Павла к творчеству, и прежний жизненный тонус в нём почти полностью восстановился, но это уже другая история, я бы не хотел здесь её рассказывать.

Глава XI

Во все века семья служила мощным фактором развития человека и общества. Это среда, в которой складываются отношения между людьми, в которой протекает большая часть их личной жизни.

Одной из самых важных и ответственных обязанностей семьи является воспитание детей. От родителей во многом зависит личное счастье будущего человека, полноценность его будущей семьи, а отсюда в значительной мере его ценность для общества.

Здоровье семьи и общества — это разные вещи, хотя и связаны между собой.

Любовь и взаимное уважение между супругами — залог счастья человека. Без них счастья не будет, даже если у человека всё хорошо на службе, его уважают, у него есть друзья и, самое главное, он здоров. Болезнь — несчастье. Она старит и убивает человека. К счастью для нас, мужчин, наши женщины очень часто, почти всегда, в период болезни мужа, как бы ни была она тяжёла и длительна, проявляют удивительный такт, нежность и заботу и искреннюю любовь к своему больному другу. И мне всегда бывает радостно смотреть на таких женщин и гордиться ими. Они никогда не покажут вида, что они устали, измучились, исстрадались, и терпеливо сносят капризы больных мужей, сохраняя к ним любовь, уважение и верность. Видел я немало и таких семей, где тяжело больная жена, особенно с пороком сердца, годами оказывается прикованной к постели, а муж терпеливо исполняет домашние работы, ухаживает за детьми и ни разу не упрекнёт жену, не намекнёт на свою усталость.

Там, где нет любви и уважения, болезнь чаще приходит, быстрее развивается, хуже поддаётся лечению и раньше сводит человека в могилу. Перед моим мысленным взором как живой стоит мой добрый знакомый Василий Васильевич, директор музея. Удивительно скромный и нетребовательный в своих запросах, он при наших встречах ни разу не пожаловался на своё недомогание. Между тем вид его внушал серьёзные опасения. Я не однажды приглашал его прийти ко мне в клинику, на обследование, но он уверял, что чувствует себя хорошо. Я продолжал настаивать.

— Хорошо, — сказал он однажды. — Сначала вы придёте ко мне на работу, я покажу вам музей, а потом и я к вам приду.

Мы с женой не стали задерживаться с этим визитом. То, что нам показал Василий Васильевич, произвело большое впечатление. Наш новый друг был не только умелым администратором, но и заботливым хозяином, тонко чувствующим красоту, хорошо знающим историю культуры.

В фотолаборатории, где хранились альбомы архитектурных ансамблей, произведения знаменитых и неизвестных русских зодчих. «Я вам покажу сооружения, которые украшали наш город, но которых теперь нет. Их снесли, разрушили...»

Василий Васильевич показал нам фотографии бывших церквей, построенных в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях, надгробные памятники выдающимся полководцам, учёным, писателям...

— Вот написанные мною статьи в газеты и журналы в защиту памятников старины. Одни мне сочувствуют, помогают, другие... — махнул он рукой. — И говорить не хочется.

Потом зашли к нему в кабинет: маленькая комната, заваленная вещами, бумагами, фотографиями. Здесь же стоял и диван, заменявший хозяину кровать.

— Вы и спите тут? — спросил я.

— Да, иногда приходится.

— У вас семья?

— Да, есть семья, — как-то неохотно сказал он. — Вот завтра приду к вам в клинику, там и расскажу.

На следующий день я узнал от Василия Васильевича историю его болезни, которая в какой-то мере явилась и историей его жизни. С первых дней Великой Отечественной войны он ушёл в ополчение, оттуда перешёл в действующую армию и пробыл на фронте

до победы. Дважды был ранен, но каждый раз возвращался в строй. После войны вернулся в Ленинград и не застал ни жены, ни дочери. Дом разрушила бомба. По слухам, жена с дочерью эвакуировались, но поезд был разбит с воздуха. Все попытки найти следы близких оказались напрасными. Много лет Василий Васильевич жил один — всё казалось, что жена с дочкой найдутся.

Когда ему было уже за пятьдесят, он встретил женщину, которая внешне напоминала его жену. Она была лет на двадцать моложе его.

Вторичный брак не принёс счастья Василию Васильевичу. Эта женщина только внешне походила на его первую супругу. Квартирные неурядицы её раздражали, она всё время ворчала, требовала, чтобы он ходил по начальству, добивался хорошей квартиры. Дома она заняла всю площадь, выжив его из спальни и из кабинета. Постоянные ссоры с женой держали его нервы в неослабевающем напряжении.

Установлено, что неблагоприятные факторы быстрее приводят к возникновению болезни у тех, у кого нервная система в постоянном раздражении.

Василий Васильевич уже давно страдал язвой желудка. Это и понятно: режим питания не соблюдался в течение многих лет, не наладился он и при новой жене. Но теперь к этому присоединилось ещё и нервное напряжение. Боли усилились. Появились симптомы, которые мы называем «желудочный дискомфорт».

Долго мучился Василий Васильевич, наконец не выдержал и четыре года назад обратился к хирургу. Его положили в больницу, прооперировали: оказался рак желудка. Известие об операции и о болезни не произвело на его жену никакого впечатления. В больницу она не ходила, а когда муж вернулся, делала вид, что не замечает его. Он же, едва выйдя из больницы, вновь погрузился в свою работу.

— Как вы себя чувствуете? — спросил я.

— В последние месяцы все хуже и хуже. Пропал аппетит. И самое скверное: стало трудно глотать.

Мне стало страшно за моего нового друга. Это симптом распространения опухоли на пищевод. Операция уже невозможна.

Сделали рентгеновский снимок. Картина на нём предстала хуже, чем я предполагал. Появился рецидив опухоли желудка, так как Василий Васильевич не обращал на себя внимания, к врачу не ходил, опухоль достигла больших размеров, срослась с печенью и распространилась вверх по пищеводу. Любая попытка операции лишь ускорила бы печальный исход.

Я положил его в клинику. Пригласил профессора Русанова, который по праву считается одним из лучших специалистов хирургии желудка и пищевода. Александр Андреевич очень внимательно обследовал больного и также заявил, что сделать что-либо невозможно. Между тем в клинике я постарался создать Василию Васильевичу такие условия, чтобы он мог не только лечиться, но и работать. Вечером оставлял ему ключ от своего кабинета, и он там занимался. Хорошо подобранная диета, лечение, витаминизация, переливание крови и белковых препаратов заметно улучшили его общее состояние. У него повысилась работоспособность, вернулся интерес к жизни и работе. Однако заболевание прогрессировало. Постепенно пища совсем перестала проходить. И жил он только на вливаемых ему белковых препаратах и крови.

Да, это был человек замечательной силы духа. Отлично сознавая, что у него сочтены не только дни, ней и часы, он продолжал работать, торопился подготовить материалы для разных учреждений, отстаивал, защищал от разрушения памятники старины.

Крест свой нес до конца. В последний раз зашёл ко мне в кабинет, сказал: «Спасибо вам, спасибо...» И вышел. А вечером сказал: «У меня нет больше сил». И затих. Потерял сознание. И к ночи умер.

За многолетнюю жизнь врача я много раз видел, как умирают люди. Недюжинные натуры, борцы и герои встречают свой смертный час с достоинством, без истерики.

Меня всегда восхищала красота души русского человека. Его мужество просто, непоказное — он живёт скромно, без претензий и с достоинством встречает смертельную опасность и саму смерть. Поэты и писатели разных эпох оставили нам много прекрасных описаний мужества и душевной красоты, проявляемых нашим народом в минуты опасностей.

Вот строки из «Василия Тёркина» Александра Твардовского:

Был в бою задет осколком,
Зажило — и столько толку.
Трижды был я окружен,
Трижды — вот он! — вышел вон.

И хоть было беспокойно
Оставался невредим
Под огнём косым, трехслойным,
Под навесным и прямым.

И не раз в пути привычном,
У дорог, в пыли колонн,
Был рассеян я частично,
А частично истреблен...

Но, однако,
Жив вояка,
К кухне — с места, с места — в бой.
Курит, ест и пьёт со вкусом
На позиции любой.

М. Ю. Лермонтов живо и ярко обрисовал душевное состояние русских солдат накануне боя в Отечественной войне 1812 года. В то время как в стане неприятеля накануне боя солдаты бравировали своей храбростью, старались показать себя равнодушными к предстоящему бою — смеялись, громко шутили,

Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

В простом русском крестьянине поэт разглядел величие души народа. А вот что писал А. С. Пушкин: «Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступке и речи? О его смелости и смысленности и говорить нечего. Переимчивость его известна. Проворство и ловкость удивительны. Никогда не встретите вы в нашем народе того, что французы называют un badaud [*фр.* ротозей] никогда не заметите в нём ни грубого удивления, ни невежественного презрения к чужому!» Так наш великий поэт писал о русском народе сто пятьдесят лет назад.

Каким же кощунством выглядит в наше время изображение русского народа некоторыми западными писателями как грубого и невежественного народа, которому якобы чужда человечность, который ничем как только пьянством и развратом не отличается.

Желая намеренно оклеветать советских людей, умалить их роль в победе над фашистской Германией, сейчас многие западные писатели стремятся представить образ советского воина в превратном свете: изображают его бесчинства на территории других стран, жестокость, склонность к насилию, разврату. Клеветы более чудовищной нельзя и вообразить. Весь мир знает о благородстве советских людей, совершивших великий подвиг, во время Отечественной войны, заслонивших грудью не только свою землю, но и

принесших освобождение многим странам Европы. Никому не удастся ни умалить, ни тем более очернить наш подвиг в годы Великой Отечественной войны.

...Василий Васильевич был истинно русским человеком. Он до последнего часа писал статьи, деловые бумаги, просьбы — отстаивал всё, что дорого каждому патриоту нашей Родины, — и умер на посту как солдат.

Жена его пришла в клинику через много дней после смерти Василия Васильевича. В первый и последний раз. Потребовались какие-то документы.

Мне было трудно разговаривать с ней спокойно.

Хочется мне рассказать и другую историю.

... Я знаю эту женщину давно, ещё с довоенных лет. Во время блокады погибла почти вся её большая семья. Чудом остались живы она сама, маленький сын и бабушка.

У мальчика Сашки ещё долго было одутловатое лицо и восково-бледная кожа — следы перенесенной дистрофии. Возможно, в блокаду он простудился. У него так и остался кашель.

Елена Аркадьевна ко мне пришла с Сашей и попросила его посмотреть. Мы нашли у него полное поражение левого лёгкого, в котором под влиянием хронической пневмонии развились расширения бронхов. В этих расширенных бронхах, бронхоэктазах, как мы их называем, мокрота скапливается, нагнаивается и плохо откачивается, что создаёт постоянный очаг интоксикации. При этом заболевании человек всё время чувствует недомогание: слабость, субфебрильную температуру, плохой аппетит, отсутствие работоспособности.

Все эти явления были у мальчика давно, и он бы, наверное, уже погиб, если бы не самоотверженный труд бабушки, которая в нём души не чаяла и всю себя посвятила внуку.

И на этот раз вместе с Еленой Аркадьевной и Сашей пришла его бабушка. Она не хотела оставлять внука у нас, и нам пришлось уговаривать её.

— Я бы давно его привела к вам, — говорила Елена Аркадьевна, — но, как только я упомяну о хирурге, бабушка дрожит от страха.

Когда были установлены бронхоэктазы, захватившие все лёгкое, я позвал маму и бабушку, показал им бронхограммы и сказал, что ничем, кроме операции, Саше помочь нельзя.

Бабушка ударилась з слёзы и заявила, что согласия на операцию не даст и об этом напишет письменное заявление. Мать, конечно, тоже была убита горем, но согласилась на операцию. И мы уже вместе стали уговаривать бабушку.

Сошлись на том, что мы будем пока лечить Сашу терапевтически, улучшим его состояние и, когда подготовим к операции, вернёмся к этому вопросу снова. Более месяца мы лечили парня и добились хороших результатов. У него исчезла мокрота, появился аппетит, улучшился состав крови. Он прибавил в весе и за много лет впервые почувствовал себя здоровым.

Основным методом лечения, давшим такой результат, был так называемый постуральный дренаж, то есть дренаж положением тела. Несколько раз в день мы укладывали Сашу то на живот, то на бок поперек кушетки, заставляя его опускаться с неё вниз головой и кашлять. Мокрота, которая, как в мешках, находилась в расширенных бронхах, стекала вниз, и больной её легко откашливал. Освободившись от неё, он сразу же испытывал облегчение. У него исчезла слабость, появился интерес к жизни.

Такое состояние Саши лишний раз убеждало, что если удалить больное лёгкое, то парень будет чувствовать себя совсем здоровым. Но бабушка расценивала иначе. Она сказала: «Так, как вы его лечите, я тоже сумею его лечить — и не надо подвергать мальчика риску операции».

Как мы ни бились, пришлось отпустить Сашу. Он окончил среднюю школу, затем институт, стал инженером, но по-прежнему, как в бытность мальчиком, всецело находился под покровительством бабушки.

Елена Аркадьевна, много лет пробыв без мужа, погибшего на войне, вышла замуж, переехала в Москву. Бабушка Сашу не отпустила, и он стал в ещё большей от неё зависимости. Но Саша не тяготился этой опекой. Ему было приятно ни о чём не думать, ни о чём не заботиться. Он и женился на девушке Люсе, кажется, потому только, что Люся нравилась бабушке. Люся и сама, выйдя замуж без любви, оставалась к нему равнодушной. Постепенно для Саши создалась ситуация, от которой он тяжело страдал морально. Жена явно им пренебрегала, так как у него дурно пахло изо рта. Она стыдилась, что её муж больной, и ни за что не хотела пойти с ним ни в кино, ни в театр. Когда же он пытался опуститься вниз головой, чтобы откашлять мокроту, она над ним посмеивалась. Он старался при ней этого не делать, отчего состояние его ухудшалось.

Прошло несколько лет. К заболеванию лёгких у него присоединились боли в сердце. Врачи признали стенокардию. Настойчиво рекомендовали поехать на курорт. Он звал с собой Люсю. Та отказывалась, а он без неё ехать не хотел.

Наконец, когда боли стали нестерпимы, он поехал один. Там он ходил как отрешенный, ни о чём не хотел думать, ему не хотелось жить.

Курорт ему не помог.

Вернувшись, он узнал, что Люся подала на развод. Александр равнодушно отнёсся к уходу жены.

В свои тридцать пять лет он чувствовал себя стариком и не хотел думать ни о жене, ни о семье. Он углубился в себя, думал только о болезни. Однако лечиться к врачам по-прежнему не шел. Не обращал внимания на окружающих его женщин.

Впрочем, одна из сотрудниц, Анюта, понравилась ему. Как-то шли с работы пешком, и он узнал историю Анюты. Семнадцатилетней девушкой она полюбила одного парня. Он долго обманывал её, а затем женился на другой. После такого удара Анюта на какое-то время возненавидела всех мужчин.

— Теперь я к вашему брату потеплела, — сказала Анюта, смеясь, — и вот, как видите, иду с вами рядом.

Рассказ Анюты произвел на Александра сильное впечатление.

— Вы не должны ожесточаться, — говорил он ей. — Такие мужчины скорее исключение, чем правило. Да и какой это мужчина?..

Он горячо говорил об этом ещё и потому, что сам был предан женщиной. И он тоже рассказал свою историю Анюте.

С того вечера началась их дружба, а потом и любовь. Они поженились. В течение нескольких лет предавались счастью, ни о чём не задумываясь. Жена знала о его болезни, заботилась о нём, поощряла все виды борьбы с нею — и он чувствовал себя неплохо. Но у них не было детей. И со временем это стало тревожить Александра. Он подозревал в бесплодии жену. Однажды сказал ей:

— У нас нет детей, это плохо. Ты бы ходила к врачам.

— Я ходила, — спокойно возразила Анюта. — У меня все в порядке. Дело за тобой.

И тихо, боясь обидеть мужа, проговорила:

— Может быть, твоя болезнь лёгких сказывается. Саша был поражён. У него никогда и не являлась подобная мысль.

Тут же отправился к врачу. Ему сказали: постоянная интоксикация со стороны лёгких угнетает гормональную функцию. Весь организм к этому адаптировался, но зародившиеся клетки не могут сопротивляться.

— Надо убрать лёгкое, — заявили ему.

Так, спустя двадцать лет Александр, Елена Аркадьевна вновь явились в мой кабинет. С ними была и Анюта.

С того времени хирургия лёгких сделала большие успехи. Но и болезнь Саши не стояла на месте. Сделав анализы, я пригласил Елену Аркадьевну и Анюту.

— Видите эти снимки? В левом легком нет здоровых участков. Оно все состоит из рубцов и полостей, в которых застаивается и нагнаивается мокрота. Она всасывается в

кровь и, как яд, отравляет все клетки организма. Ни один орган в теле такого больного не может работать нормально, так как все они отравлены. Однако хуже всего приходится мозгу и сердцу. Эти два органа, по весу составляющие сравнительно небольшую часть веса человека, потребляют почти половину всей крови, исходящей из сердца. А раз они получают больше крови, то им достаётся и больше токсинов. По существу, они всегда находятся в состоянии интоксикации.

Но этого мало. Сердце проталкивает кровь через оба лёгких. А одно из них не функционирует, оно не снабжает кровь кислородом. Следовательно, через него она проходит впустую, и сердце половину своей работы производит напрасно. Можете себе представить, сколько бесполезного труда оно совершает!

Сосуды лёгкого находятся у него под сердцем. Чтобы к ним подобраться, надо рукой сместить его вправо. А разве оно, такое слабое, выдержит столь сильное давление рукой?!

— А что же делать, Фёдор Григорьевич?

— Мы и должны сейчас решить, что делать. Такой продолжительный срок болезни приводит к резким изменениям стенок сосудов. При перевязке, если не рассчитать силы, такой сосуд можно ниткой перерезать, как бритвой. А там — неуправляемое кровотечение!..

— А вы скажите своим помощникам, чтобы они не очень крепко затягивали, чтобы не перерезать сосудов.

— А если не очень крепко затянуть, лигатура может соскользнуть, и те же последствия, если не хуже...

Долго она сидела задумавшись, а затем сказала:

— Всё равно надо рисковать. У него сейчас единственная надежда на операцию.

— Скажу вам по совести, Елена Аркадьевна, что если двадцать лет назад я сам настаивал на операции, то сейчас, отлично понимая её необходимость и даже неизбежность, не хотел бы я за неё браться. Может быть, вы пойдёте к другому хирургу?

— Что вы, Фёдор Григорьевич! — взмолилась она. — Об этом не может быть и речи. Он вам верит. Только вам. Уж не откажите по старой дружбе.

— А если случится самое плохое?

Елена Аркадьевна долго молчала, а потом тихо сказала:

— Что бы ни случилось, упрёка не услышите. Вы же советовали делать её раньше...

— Ладно, бог даст, обойдется. А как считает Анюта?

— Я думаю так же, как Елена Аркадьевна.

Саше мы не стали излагать всю опасность операции. Мы, как правило, больных стараемся не пугать, но родственникам всегда говорим всю правду.

На операцию я шёл с волнением.

То, что я встретил, превзошло мои ожидания. Грудная полость была вся в рубцовых спайках. Чтобы войти в неё, надо было каждый сантиметр пути отвоевывать. Сосуды в спайках мелкие, захватить их и перевязать трудно, вся поверхность кровоточит. Мы потратили много времени, чтобы раскрыть рану грудной клетки и подойти к легкому. А тут предстояло самое трудное: высвободить лёгкое из спаек и подойти к его сосудам и бронхам.

Как я и предвидел, рубцово-сморщенное лёгкое перетянуло сердце в большую сторону, и оно прикрывало собою все сосуды лёгкого и бронхи. Когда мы, рассекая рубцы, подошли к тому месту, где должны быть сосуды, оказалось, что сердце «лежит» на них и к ним не подойдешь, пока резко не оттянешь сердце вправо. Между тем сердце «не любит», когда его трогают. На каждое прикосновение оно отвечает аритмией. А тут мы вынуждены его сместить в сторону, и довольно сильно. Как только в первый раз ассистент попытался отодвинуть сердце вправо, оно дало такие перебои, что наркотизатор с

тревогой попросил приостановить операцию. Он опасался, что может наступить остановка сердца.

После перерыва в операции ассистировавший мне опытный хирург, который, правда, редко мне помогал, ещё осторожнее обхватил рукой сердце, стал отодвигать его вправо. Пока он двигал лишь слегка, сердце как-то терпело. Однако до сосудов было ещё далеко. Чтобы к ним подобраться, надо было отодвинуть сердце много правее. Но для значительного смещения сердца на него надо было давить сильнее, а при этом перегибались крупные сосуды, что сразу же сказывалось перебоями. С трудом подойдя к лёгочной артерии, я обвел её ствол лигатурой и, так как мои руки были заняты тем, что я отодвигал окружающие ткани, попросил ассистента завязать узлы. «Смотрите не перетяните ниткой сосуд. Силы-то у вас много», — говорю ему.

Наложили одну лигатуру, вторую. Пересекли сосуд. Все спокойно. Кровотечения нет.

Стали перевязывать другие крупные сосуды. Так постепенно, шаг за шагом, всё время сдвигая сердце вправо, мы перевязали и пересекли сосуды, прошли и пересекли бронх...

Отделив лёгкое от спаек с грудной стенкой, мы его удалили. Все это заняло почти четыре часа. Больной потерял немало крови. Мы усиленно переливали ему кровь, но больной лежал бледный, с давлением на невысоких цифрах.

Сделали небольшой перерыв, и снова за работу. Наконец стали закрывать грудную клетку: сшили ребра, мышцы, заканчивали швы на коже. Я уже собрался снимать перчатки, как наркотизатор с тревогой сообщил:

— У больного исчез пульс!..

Я взглянул на лицо. Оно было мертвенно-бледно!..

— Внутреннее кровотечение! Срочно раскрывать грудную клетку!

Несколькими движениями скальпеля пересекли все нитки. Раскрыли плевральную полость. Она вся была полна крови!.. Сердце было неподвижно.

Какой же сосуд кровоточит? С какого сосуда соскользнула лигатура?

У меня всё время где-то подсознательно держалась тревога за легочную артерию, которую не сам перевязал.

Нередко, когда мои руки заняты, ассистент завязывает первый узел. Но я тут же беру концы и, дополнительно их натянув, проверяю прочность наложенного узла. Только в исключительных случаях, проверенному ассистенту, я доверял завязывать все узлы, не проверяя их. Здесь же мне ассистировал опытный хирург. Я положился на него, а кроме того, по техническим причинам проверить его узел я не смог. На всякий случай предупредил, чтобы он не перерезал сосуд, то есть чтобы он не очень крепко пережимал его. И меня не покидала тревога: достаточно ли прочно он затянул узел?.. Я сразу же направил руку к тому месту, где должна быть культя лёгочной артерии, и, обхватив весь этот участок сердца, крепко сжал рукой. Ассистенты вычерпали кровь. Кровотечения не было. Значит, я пережал то, что надо. Второй рукой в очень неудобных условиях начал массировать сердце. После нескольких массажных движений работа сердца восстановилась. Теперь необходимо заменить мою руку зажимом. Это непросто. Может опять начаться кровотечение, и второй раз его не остановить. Держу сосуд. Спрашиваю:

— Как больной?

— Пульс появился, но нитевидный.

— Налаживайте переливание крови и во вторую вену! Лейте кровь струйно!..

Постепенно давление стало подниматься, у меня же онемела рука, не было сил сжимать кровоточащий сосуд...

Убедившись, что кровь подают в две вены, что давление стало лучше, место, где располагалась культя лёгочной артерии, я сжимал пальцами. Взяв в другую руку зажим, я подвёл его бранши под пальцы, сжимающие культю сосуда, и зажал замок зажима. Кровотечение остановилось. Теперь можно спокойно продолжать оживление, ибо прошло то, что было с больным, — клиническая смерть.

Когда увидели, что никаких признаков кровотечения нет, мы зашили грудную клетку.

Саша был молодой, он осилил сложную операцию, перенёс тяжёлый послеоперационный период и через месяц выписался домой. К концу пребывания в клинике Саша сказал, что он никогда не чувствовал такой легкости в дыхании, такой бодрости и такого прилива сил, как сейчас. И этому нетрудно найти объяснение: удалив лёгкое, мы не только убрали очаг интоксикации, но и освободили сердце от половинной бесполезной работы.

Прошло несколько лет. Как-то на днях приехала в Ленинград Елена Аркадьевна и зашла в клинику. Она рассказала, что у Саши с женой всё хорошо. У них двое детей, живут они дружно и счастливо.

«Да, — подумал я, — нелегко мне далась операция, но привела-то его ко мне Анята. А ведь могла это же самое сделать и его первая жена. Ну пусть не было у них любви, но должно же быть чувство семейного долга, наконец, простое человеческое участие!..»

Жизнь нередко показывает, что хорошая, дружная семья, основанная на взаимной любви и уважении, на честном, правдивом поведении супругов и на заботе друг о друге, — такая семья не только приносит радость и счастье, но и способствует сохранению здоровья каждого из них.

Мне не раз приходилось отмечать, что человек, у которого на службе нервная, травмирующая психику обстановка, скорее заболевает сердечным недугом, если у него в семье не все благополучно.

В здоровой любящей семье он быстро отвлечётся, его покинут мрачные мысли и спазм сосудов сердца сменится расслаблением. При плохой же семейной обстановке служебная нервность дополнится новыми раздражителями и приведёт к инфаркту или гипертонии.

На примере Василия Васильевича мы видели, что отсутствие любви и внимания со стороны жены, неустройство быта способствуют тому, что болезнь оказывается запущенной. В семье, где царит любовь и забота, один из супругов скорее, чем сам больной, заметит: с его другом что-то неладно; появилась какая-то нездоровая бледность или быстрая утомляемость. Обеспокоенный, он немедленно отправит его к врачу, и заболевание будет выявлено заранее. Где же нет любви и взаимного уважения, там лучше не иметь семьи.

У некоторых людей в наше время существует превратное понятие о морали. Они строго осудят человека, если он разошелся с женой или с мужем. Но мягче отнесутся к мужчине, который имеет любовницу, а то и двух. Мне же кажется, куда честнее разойтись, чем изменять другу, предавать его тайно и постоянно.

Энгельс писал: «Развод при отсутствии любви — это благо для них и для общества». Вот почему постоянной заботой каждого, кто желает сохранить семью, должна быть забота о поддержании любви, о том, чтобы любовь не замещалась просто привычкой.

Кто не мечтает о любви на всю жизнь, но, к сожалению, в жизни бывает и иное. Недаром народная мудрость гласит: «Жизнь прожить — не поле перейти». Формальное сохранение семьи, на мой взгляд, ханжество, которое причиняет страдание всем и не приносит удовлетворения никому. Многие, стремясь формально сохранить семью, когда между супругами нет ни любви, ни дружбы, ни элементарного уважения друг к другу, делают это ради детей. Нередко ради детей отказываются соединить свою жизнь с другим, любимым и достойным человеком, особенно когда дети-подростки «категорически возражают» против этого. И женщина остаётся одинокой, уступив мнению ребёнка.

Выиграет ли кто от этого? Как правило, все проигрывают, и в первую очередь дети.

Нередко, став взрослыми, они спрашивают:

— А почему ты, мама, вторично не вышла замуж?

— Ты же мне запретила, сказала, что если выйдешь за этого чужого дядю, то я от тебя уйду.

— Что же ты, мама, меня, дуру, слушала? Разве я, несмышлёныш, что-нибудь понимала? Ты должна была это решить сама и никого не спрашивать. Теперь вот и остаешься совсем одна. Я ведь уезжаю вместе с мужем. Как же ты одна-то?

Не лучше бывает и в том случае, если родители, став давно чужими друг другу, продолжают жить в одной квартире. Дети при такой ситуации страдают больше, нежели живя с одной матерью или с отцом. Здесь они постоянно в напряжении, в горе — они чувствуют обман и тяжело его переживают. Дети видят значительно больше, чем мы думаем. Неискренность, а иногда и враждебность родителей тяжело отражается на их неокрепшей и чувствительной нервной системе.

Дети, лишённые нормальной, здоровой обстановки в семье, впоследствии, сами став родителями, часто оказываются неспособными создать полноценный домашний очаг и достойно воспитать себе смену. Возникает порочный круг причин и следствий, которые снова и снова становятся источником драматических ситуаций.

Отсутствие знаний, неумение обращаться с детьми, а также ненормальные условия жизни часто приводят к тому, что родители, сами того не желая, наносят детям душевные травмы, искривляя их всю последующую жизненную линию. Так, жизнь родителей в одной комнате с детьми при их неосторожном поведении может причинить ребёнку тяжёлую травму, если он станет нечаянным свидетелем их интимных отношений. Такая картина для ребёнка — огромное потрясение, которое может отрицательно сказаться на всей его будущей жизни.

Некоторые родители, желая предупредить девушку от преждевременных соблазнов, убеждают, что чуть ли не каждый мужчина её враг, который думает лишь о том, чтобы её обесчестить. Возникающие у неё очень сильные тормоза могут сделать девушку на всю жизнь холодной. Между тем как устойчивость к соблазнам может быть сформирована нормальным путем, путём воздействия на разум, а не на чувство страха.

Бывает, что эмоциональная травма, перенесенная дочкой в результате откровенно «лёгкого» поведения её матери, может впоследствии сказаться на её отношении к семейной жизни. Если она любит своего отца и испытывает за него обиду, когда слышит презрительные отзывы о своей матери, то в результате у девушки возникает сильное внутреннее предубеждение к любым проявлениям семейной жизни, что даже любовь к мужу не в силах преодолеть это состояние.

Случается, что родители, не доверяющие друг другу и питающие взаимные подозрения в изменах, тайком поручают ребёнку следить друг за другом. Выполнение подобных поручений детьми приносит двойной вред.

Внушаются подозрения по отношению к ближайшим людям, а кроме того, наблюдения за конфликтной ситуацией нарушают нервную систему детей. Если, например, ребёнок выследил отца и «доказал» его неверность матери, он встаёт перед проблемой: сказать матери и выдать отца (которого он любит так же, как и мать) или не сказать ничего, а стало быть, сделаться соучастником отцовской измены, оскорбительной для матери? Такого рода конфликтные ситуации впоследствии превращаются в источник весьма болезненных воспоминаний детства и становятся причиной негативного отношения к браку или, что ещё хуже, к собственной жене или мужу.

На мой взгляд, ненормальная семейная жизнь, измена, конфликты, а тем более скандалы или полное равнодушие и фактическая отчуждённость в семье действуют на ребёнка гораздо отрицательнее, чем развод с сохранением человеческих и даже дружеских отношений со старой семьёй. Поэтому не столь очевидно, как считают некоторые защитники сохранения формальной семьи, что хуже для ребёнка: остаться ли без одного родителя или потерять уважение к обоим и жить в отравленной атмосфере лжи и равнодушия.

Я знаю молодую чету, которая живёт в постоянных распрях. У них есть сын — умный, любознательный мальчишка. В младенческом возрасте, видя ссору родителей, он

плакал, а подросток — стал горько задумываться. Однажды, уже будучи учеником первого класса, он молча слушал взаимные оскорбления отца и матери, потом вдруг тихо, со слезами на глазах сказал: «Не ссорьтесь, пожалуйста!»

Родители являются для детей тем миром, из которого они черпают примеры для своих поступков, и тем эталоном, по которому строятся затем взаимоотношения мужчин и женщин.

Невротическое состояние, развившееся в ранней стадии из-за неурядиц в семье, часто затем продолжается и в зрелом возрасте. Оказывается, что среди людей, страдающих различными расстройствами в интимной жизни в зрелом возрасте, большой процент составляют те, кто родился и вырос в семье, не отличавшейся согласием между матерью и отцом.

Мудрые, нравственно чистые люди совершают порой истинно героические поступки ради сохранения семьи. Врезалась в память история, которой я был свидетелем в годы войны. Алексей Николаевич Скобелев, коренной ленинградец, пошёл на фронт с первых же дней войны, оставив дома любимую жену и двух детей. Однажды с группой товарищей он вышел на ответственное задание в тыл врага. Нанесли подробную схему оборонительных сооружений фашистов и уже почти вернулись к своим, но у переднего края нашей обороны Алексей Николаевич задел спусковое устройство мины. Взрывом залепило лицо, резануло по рукам...

Отнесли его в медсанбат — там ему сделали операцию. Зрение, к счастью, сохранилось, а руки ампутировали почти по локоть. К нам в клинику его доставили уже после операции. Раны заживали медленно. Он ходил сам не свой. Его семья жила в двух кварталах от нашего госпиталя. И он узнал, что жена его и дети живы, выстояли самое голодное время. Но он о себе не сообщил, не зная, как жена отнесётся к нему, калеке. Мы не раз беседовали с ним и убеждали его, что жена будет рада возвращению в семью мужа и отца. Но он не соглашался на то, чтобы вызвать жену.

Я попросил Наташу, санитарку, жившую в соседнем со Скобелевым доме, осторожно разузнать, что там, в семье Алексея Николаевича.

Наташа пришла в палату и сказала:

— А я, Алексей, видела твоих — Нину и ребятшек. Голодное время пережили, теперь хорошо у них...

Алексей Николаевич какое-то время молчал, а потом глухо проронил:

— Что же говорит Нина?

— Говорит, что давно от своего Алёши писем, не получает. Очень, говорит, переживаю, места себе не нахожу...

— Надеюсь, не сказала, что я здесь и какой я калека?

— Как же могу! Раз нет твоей воли на это, я разве буду встречать... Но напрасно ты так, Алексей. Нина ждёт, страдает. Позвал бы на свидание!

— А что хорошего она увидит на свидании? — с болью и даже со злобой, так не свойственной его характеру, выкрикнул Алексей Николаевич. И добавил с горечью: — Какой я теперь для жизни человек?

— Нина замечательная женщина, — продолжала Наташа, — такую поискать... Как уж она мне говорила про тебя, Алексей! Слышал бы! Лишь бы, говорила, своего Алёшу хоть одним глазочком увидеть...

— Хватит, — оборвал Алексей Николаевич, лег на койку и отвернулся к стене.

Не то что он в ней сомневался. Вспоминая их красивую, — полную любви и счастья жизнь, он был уверен, что жена примет его по-прежнему. Но чувство неполноценности, сознание того, что он калека, а она, молодая, красивая, будет жить с ним из жалости, угнетало его.

Наконец нам удалось уговорить Алексея Николаевича, и мы послали его жене письмо с просьбой прийти к нам в госпиталь. Она прибежала, запыхавшись, возбуждённая и испуганная. Я завел её к себе и начал исподволь беседу. В конце спросил: «Как вы отнесётесь, если муж ваш вернётся домой полным инвалидом?»

Она сидела на краю дивана, едва дыша: была уверена, что её подготавливают к чему-то страшному. «Скажите, — тихо спросила она, — он жив?» — «Да, жив», — отвечаю. «Это правда?» — робко и с каким-то тайным испугом спросила, взглянула мне в лицо. «Да, правда». — «Ну слава богу», — облегченно сказала она и перекрестилась, хотя, как говорил Алексей Николаевич, она была неверующая.

«Где же он? Могу ли я на него посмотреть?» — «Да, можете. Но я хочу вас предупредить, что у него нет рук. Вы, пожалуйста, не испугайтесь этого и не фиксируйте на них внимания, а то ему будет тяжело».

Она стояла бледная, неподвижная, смотря в угол своими ничего не видящими глазами. Нет рук?! Как же так? Тех рук, которые так ловко и красиво умели все делать. Как же он, её бедный Алёша, будет обходиться без рук? За что же это?..

Наконец она очнулась от своих горьких мыслей и спросила: «Куда мне идти, чтобы увидеть Алёшу?» — «Никуда не надо идти. Он сам придёт к вам». Я оставил её в кабинете и сам пошёл в палату к раненому и сказал ему: «Вас жена ждёт в моем кабинете». Он быстро вскочил на ноги, бледный, слегка пошатываясь, пошёл навстречу своей судьбе.

Свидание было трогательным. Вначале Алексей Николаевич чувствовал себя очень неловко, не зная, куда девать культы рук. Но она была к нему так ласкова и заботлива, с такой нежностью гладила его голову, прижимая к своей груди, так остроумно и просто рассказывала про дела их сына, который вместе с сестрёнкой готовился встретить отца, что он даже забыл о своих руках. Она же ни разу не упомянула об этом, и только когда культя его правой руки оказалась около неё, она её нежно погладила и поцеловала. От этого поцелуя он весь как-то напрягся, невольно вспомнив о своём уродстве. «Вот что, Нина, — тихо, но твёрдо сказал он. — Подумай хорошенько. Может быть, нам лучше сразу разойтись, чтобы тебе всю жизнь не мучиться и не жалеть, что ты живёшь с калекой. Я тебя заверяю, что осуждать тебя не буду и все пойму правильно».

Она обняла его и нежно приблизила к себе. «Что ты, Алёша! Как можешь так говорить? Ведь у нас дети. А как им без отца? Ведь если они просто будут слышать твой голос, то и это большое счастье для семьи. А что касается меня, то как ты можешь во мне сомневаться? Я тебя ещё больше теперь люблю. Разве ты виноват, что с тобою случилось несчастье? Хороша бы я была, если бы друга своего в несчастье бросила. А ты разве бросил бы меня, случись со мной такое?»

Алексей Николаевич никак не ожидал такого вопроса и невольно задумался. Потом твёрдо сказал:

— Нет, я бы тебя не оставил.

— Ну вот видишь! А почему же ты считаешь, что ты лучше меня? Ты не способен на плохой поступок, а я, выходит, способна? Нет, Алёша. Мы будем жить вместе до конца.

Вскоре Алексей Николаевич выписался из госпиталя и вернулся домой. Я несколько раз встречал его и во время и после войны. Дети растут, жена работает, ему тоже в артели инвалидов нашли подходящее дело.

Мне не раз приходилось видеть, когда тяжёлый инвалид возвращался домой и жил без любви и внимания... Нередко в такой обстановке бывший воин терял интерес к жизни, спивался, опускался. Иное наблюдалось в семье Алексея Николаевича. Когда бы я ни зашёл к ним, я заставал хорошее настроение, весёлый, непринуждённый смех. Сын его не спускал с отца влюблённых глаз, гордясь им, героем войны. Они с отцом очень дружили, и он с восторгом старался своими маленькими ручонками заменить руки отца. Нина с нежностью ухаживала за мужем.

Русская пословица говорит: «На миру и смерть красна». Тем более на миру скрашиваются все несчастья. И таким миром для человека как в радости, так и в горе является прежде всего хорошая, дружная семья.

И. Дроздов. Размышления над письмами читателей

В 1978 году в издательстве «Молодая гвардия» вышла книга Ф. УГЛОВА «Человек среди людей». А ещё раньше книга печаталась в журнале «Наш современник». Отдельные главы из неё передавались по Всесоюзному радио. С тех пор на имя автора поступали и продолжают поступать письма-отклики. Эти письма — дыхание живой жизни, мысли и чувства наших советских людей, их отношение к добру и злу, их понятие чести, подлости, благородства, низости — словом, ум и душа народа.

Писем много, их тысячи, и каждое представляет интерес. Но мы остановим своё внимание лишь на немногих, наиболее характерных.

В письмах содержатся лестные отзывы в адрес автора и редакторов; но мы умышленно пройдем мимо комплиментов, хотя в них не только слова благодарности в адрес автора, но и в адрес врачей, всех тружеников здравоохранения, — наконец, в адрес нашего социалистического государства, которое неустанно заботится об охране здоровья трудящихся.

Обратимся к вопросам этическим, моральным, нравственным, которые затрагивают читатели, а следовательно, и автор книги.

Письма читателей — естественное продолжение разговора, поднятого академиком Угловым.

«Вы ответили на многие жизненные вопросы, которые возникли у меня. Я поняла: в жизни надо прежде всего быть человеком и оставаться им всегда. Ещё раз спасибо за то, что дали возможность поверить в себя.

Еремина Татьяна».

Автор письма, живущая в Барнауле по улице Паровозная, не написала о своём возрасте, о роде занятий, но, наверное, Татьяна — человек молодой, может быть, школьница, или студентка, или молодой специалист, недавно окончивший вуз; одно несомненно: она думает о жизни, о своём месте среди людей, о том, как ей стать настоящим Человеком.

Вот на этот главный вопрос: как быть Человеком? — и стремится ответить в своей книге «Человек среди людей» Фёдор Григорьевич Углов. Впрочем, слово «ответить» не совсем отражает смысл и строй записок врача. Автор не ставил перед собой такой задачи. Да и ни один автор литературного произведения — в том числе авторы романов, повестей — пожалуй, не осмелится поставить перед собой цель научить читателя, как ему стать Человеком. И если Татьяна Еремина всё-таки написала: «Вы ответили на многие жизненные вопросы», — то это ещё говорит и о том, что она много думала над этими вопросами, она подготовлена к пониманию их и книга лишь явилась толчком для окончательного созревания её жизненной позиции в каких-то главных, основополагающих направлениях.

Однако и сыграть роль последнего импульса в формировании личности, подвинуть всякого, кто прочтёт книгу, хотя бы на один шаг к благородству — это будет уже большая заслуга автора.

Книгу свою Ф. Углов адресовал молодёжи. И конечно же, наибольший резонанс она нашла прежде всего среди молодых людей.

Вот из Челябинска автору пишет курсант военного училища штурманов Игорь Мещеряков:

«Недавно ко мне приезжал отец, и привез книгу «Человек среди людей», и посоветовал её почитать... Когда я её читал, то часто поглядывал, когда она кончится, мне очень не хотелось, чтобы она кончалась. Когда меня отрывали от чтения, я ждал, когда наступит час и я начну читать снова. Читал Ваши записки и находил мои ошибки в жизни. Например, о курении. А я три недели назад бросил курить и уже сожалел об этом. Смотрю, многие курят — и мне хочется. А тут Ваша книга. Она укрепила меня в моем решении. Теперь-то уж я курить не начну. Точка. Навеки! И ещё меня интересует вопрос: как Вы, человек такой работы, такого возраста, и знаете

столько о молодёжи! Желательно, чтобы больше написали о нас, парнях. Ведь сколько девушек страдает из-за плохого поведения парней, сколько их становится женщинами в очень раннем возрасте. А потом, брошенная, отворачивается от других, начинает бояться хороших ребят. А другие понаслышке, начиная дружить с парнем, уже думают о плохом. Вот я, к примеру, дружу с девушкой, мы с ней-любим друг друга, но когда мы с ней познакомились, она тоже была осторожна. И это правильно. И под военной формой есть, извините за выражение, подлецы».

В письме слышится тревога сердца — не за себя, за других. Хотя и не прямо, но косвенно выражается мысль: берегите человека. Не обидьте, не зашибите грубым словом, дурным поступком — мысль, проходящая красной нитью через всю книгу.

Пишет М. Любомищенко из Рязани: *«Ведь сколько говорится о коммунизме, прогрессе, о высокой морали, а многие ещё сами не научились относиться бережно к самим себе, к родным, сотрудникам, людям, с которыми мы встречаемся в метро, на улице, в магазине... Ваши записки наглядно показывают людям, как не надо себя вести, показывают печальные результаты дурных взаимоотношений».*

Доброта! Речь о ней — о её врачующей, исцеляющей роли; свойство души, без которого не мыслится человек вообще и в особенности люди нашего социалистического мира.

Один читатель сделал выписки из книги. Они тоже в основном о доброте.

«Если пуля, выпущенная врагом, может повредить часть тела, то грубое слово попадает в сердце и нередко валит человека наповал».

«Если придерживаться правила разговаривать с санитаром или уборщицей с таким же уважением, как ты; говоришь с министром или академиком, тебе никогда не будет стыдно за своё отношение к людям».

«Почти всегда скромность пропорциональна талантности».

Да, скромность — это тоже доброта, это стремление оставаться в тени и проявлять интерес и внимание к другому.

И наоборот: грубость — это отсутствие доброты; бездушие, бессердечие, нежелание думать о другом, пощадить, пожалеть.

Целый ряд этических, нравственных, социальных и философских проблем затронул, а иногда и принципиально поставил в своей книге академик Углов. И говорит он о них не как сторонний наблюдатель или кабинетный учёный, а как патриот, активный участник преобразования жизни на отчей земле. Он потому и не оставляет равнодушным каждого, кто прочтёт книгу.

«Первый раз читаю книгу, где всё так тесно сплетается и освещено с точки зрения медицины и жизни... Ваши рассуждения о пьянстве многих заставляют задуматься».

Кацман И. Р. Минск».

Читателя привлекает личность автора, его жизненный путь, его нравственный кодекс, помогающий ему овладеть вершинами своей профессии, принёсший ему мировое признание, любовь и благодарность больных и всех, кто его знает. В этом кодексе нет ничего нового и тем более удивительного — в нём всё та же, знакомая каждому со школьной скамьи основа, которая и составляет понятие: высокая нравственность, любовь к людям, трудолюбие, честность, принципиальность.

Ещё в предыдущей своей книге «Сердце хирурга» Ф. Углов как бы обобщает свои представления о типе человека, который ему привлекателен, которому он бы хотел подражать. Приведены слова офицера российского флота, первого исследователя Аральского моря о свойствах и типических чертах русского человека: «...он сметлив, расторопен, послушен, терпелив и любит приключения — мудрено обескуражить его, он смеётся над лишениями, и опасности имеют в глазах его особую прелесть».

Вдумчивый читатель многие из этих качеств находит и в самом авторе книг «Сердце хирурга» и «Человек среди людей».

Фёдор Углов вступил в науку уже опытным хирургом, проработавшим много лет в Сибири, где ему приходилось срочно, не откладывая и не надеясь на столичных светил, от которых его больницу отделяли тысячи километров, делать самые различные, иногда неожиданные и головоломные операции — вплоть до вскрытия грудной клетки, черепной коробки и т. д. Но, попав в клинику академика Н. Н. Петрова, он как бы овладевал всем заново, трудился как одержимый. Зная, как важно ловко завязывать узел где-то в глубине организма при сложной операции, он таскал с собой моток ниток и всюду, где только можно, завязывал узлы. И так быстро научился их завязывать, что однажды во время операции Николай Николаевич Петров, посмотрев на него, сказал: «Ну и зол ты, Углов, узлы завязывать!» В другой раз учитель отметил другую черту в своём ученике: «Опять ты, Углов, ходишь за мной как тень отца Гамлета! Узнаю, папенька, твою настойчивость».

Очень скоро молодой доктор из Сибири стал ассистентом академика Петрова.

В клинике Н. Н. Петрова в те годы производились операции настолько сложные, новаторские, что их не делали не только в нашей стране, но и ни в какой другой стране мира. Из всех других ассистентов и помощников академика Петрова молодой ассистент из Сибири выделялся каким-то особым, неистовым трудолюбием. Петров, бывало, производя операцию или наблюдая за тем, как её делает его ассистент, тронет Углова за плечо, мягко проговорит: «Отдохни, папенька, отдохни. С кровотечением справились, страшное позади».

В другой раз заметит: «Досталась тебе эта операция, папенька. Вот гляжу и не могу определить, кто хуже выглядит: больной или хирург!»

Николай Николаевич Петров, искуснейший хирург своего времени, учёный, основавший школу отечественной онкологии, занятый уймой дел, подолгу потом не замечал своего ученика, но затем, производя совместно с ассистентами операцию, вдруг скажет главному ассистенту, профессору или операционной сестре: «А Федя-то действительно неплохой хирург...»

И уже потом, в блокадные дни Ленинграда, когда Николай Николаевич часто болел — у него была то пневмония, то приступы бронхиальной астмы, академик Петров скажет своей дочери Анне Николаевне: «Позови Углова, пусть он меня полечит».

Однажды Углов нашёл своего учителя в бессознательном состоянии. Уролог сделал ему операцию, и у больного началось общее заражение крови. Углов ввёл ему внутривенно однопроцентный хлористый кальций, проделал другие процедуры — применил метод борьбы с сепсисом, разработанный, кстати, самим Николаем Николаевичем. Сделал перевязку, обеспечил лучшее опорожнение раны.

И ездил к нему регулярно, до полного выздоровления пациента.

Петров в обычной своей шутиливой манере скажет Углову: «Отпугнул ты, папенька, белых ангелов от меня. А я уже видел их. Летают, такие маленькие, с недоразвитыми крылышками».

Много лет спустя, когда Николая Николаевича уже не будет в живых, а ученик его Федя станет и сам академиком, лауреатом Ленинской премии, почётным доктором многих зарубежных институтов и колледжей, Фёдор Григорьевич в своих воспоминаниях напишет об учителе: «Я любил его с той застенчивой нежностью и преданностью, что бывает, наверно, лишь при сыновней любви. Мало кто из учеников Николая Николаевича был так часто и так подолгу с ним, не уставая по многу раз слушать его лекции и беседы, сопровождать при палатных обходах, как я. И чем больше узнавал учителя, тем сильнее крепла моя привязанность к нему, тем ближе моему сердцу становился он».

Как самое дорогое, заветное чувство несёт через всю свою жизнь Фёдор Григорьевич любовь к учителю. И может быть, эта верность как нельзя лучше характеризует с положительной стороны благодарного ученика. Способный помнить добро способен и его творить.

Как-то в беседе со мной ученик Углова Сергей Сергеевич Соколов, ныне сам известный хирург, руководитель клиники сердечных болезней в Москве, сказал мне: «Если бы Фёдор Григорьевич не сделал в своей жизни ничего другого, а только

разработал методику операций при раке лёгкого, он и тогда бы заслужил благодарность соотечественников. Но Углов был одним из пионеров хирургии сердца, желудочно-кишечного тракта, печени, сосудов. И в каждом разделе сумел сказать своё веское слово. Его книга «Рак лёгкого» стала учебным пособием едва ли ни во всех медицинских вузах мира, а совсем недавно издан фундаментальный труд Ф. Г. Углова о природе и характере неспецифических заболеваний лёгких и о методах лечения пневмонии. И ко всему этому — тысячи и тысячи операций, сделанных Угловым, спасённые им люди, очастливленные семьи. Я, знаете ли, когда думаю о таких людях, как Углов, то мне невольно приходит в голову мысль: как многое может сделать один человек!»

А вот как характеризуют его иностранные коллеги.

У него в клинике и в институте побывал президент секции США Международной корпорации хирургов Гарольд Холстранд. Вернувшись на родину, он поместил в журнале статью, где, между прочим, есть и такие слова: *«12 мая... приглашён на первое научное заседание, которое было открыто докладом профессора Углова Ф. Г. об оригинальных работах по пневмонии.»*

На следующий день... мы имели честь наблюдать, как профессор Углов резецировал аневризму левого желудочка под искусственным кровообращением. Техника и оборудование были высшего калибра, а руки профессора Углова были сказочно мягки.»

Аттестация, делающая честь не одному только хирургу Углову — всей системе нашего здравоохранения, нашей Советской Родине.

А вот как о себе пишет в книге Ф. Г. Углов: «Меня воспитал мой великий и великодушный народ, простые русские люди — крестьяне, рабочие. Несмотря на то, что в период моей юности они были на девяносто процентов неграмотными, они привили мне чувство человеческого достоинства, национальной гордости, глубокого уважения к простому человеку любой национальности и любой профессии. Они воспитали во мне презрение ко всякой грубости, подлости, пошлости, зазнайству. И я всегда испытывал истинное чувство гордости за мой народ и считал, что мой сыновний долг перед ним не оплачен, что, сколько бы я ни отдавал сил служению Родине и народу, я останусь всегда перед ними должником, как каждый сын перед родителями и ученик — перед учителями. И мне хотелось бы посоветовать моим читателям: берегите себя, своё сердце, свою душу — своё здоровье. Ваша жизнь нужна Родине, народу. Только здоровый человек, полный нравственных сил, физического здоровья и творческого вдохновения, может возвеличить Родину и приумножить её прогресс своими руками.

Физическая и нравственная крепость советских людей — это в конечном счёте залог непобедимости нашего государства».

И снова — даже тогда, когда автор говорит о себе, — он не преминет напомнить: наш «сыновний долг перед ним (Отечеством) не оплачен». И тут слышится святая неудовлетворенность собой, тревога за себя и за других; слышится все то же предостережение: «берегите себя, своё сердце, свою душу...»

Масштаб личности автора даёт ему моральное право судить и осуждать, горячо утверждать и протестовать... В книге встречаются суждения резкие, подчас безапелляционные, но — странное дело: они не вызывают естественного в подобных случаях протеста. В письмах встречаются — впрочем, очень редко — несогласия по частным местам; например, по трактовке чувства ревности, но по вопросам принципиальным читатели не возражают, всё принимают как должное и близко сердцу.

В книге «Человек среди людей» органично сплелись три компонента: содержание, форма изложения и личность автора. При чтении её страниц невольно возникает мысль: а было ли бы всё это так просто, естественно и убедительно, если бы это же написал другой человек — ну, скажем, профессиональный литератор, учёный-социолог или педагог?.. Пожалуй, нет. Было бы всё то же, и так же убедительно звучали примеры, авторские рассуждения, но не было бы того элемента доверия к автору, неожиданности и того радостного удивления, которое испытывают многие читатели при чтении записок врача. В самом деле: хирург — и такие, казалось бы, далекие от его

профессиональных интересов вопросы: дружба, любовь, верность, честность, грубость, подлость, предательство...

Видно, уж сильно болит под сердцем, коль за перо взялся!

Видно, уж время пришло и дальше терпеть нельзя!..

Впрочем, правомерна и другая схема рассуждений: он — врач, свидетель тысяч драматических историй, кому же, как не ему, заговорить в полный голос о вопросах нравственности и морали.

И третья схема: человек прожил большую жизнь, многого добился — имеет моральное право...

Возьмем на веру любую схему — может быть, и все три, приведённые нами, — в любом случае налицо органическое и удачное соединение всего того, что говорится в книге, с тем, кто это всё говорит.

Как написала группа пенсионеров из Калуги: *«...книга написана не только велением разума, долгого жизненного опыта, но и горячим, гуманнейшим сердцем Человека с большой буквы, через сердце которого проходят, тревожа и волнуя его, «все трещины мира», все неполадки нашей жизни».*

Святым беспокойством за то, что мы ещё не всё сделали, что в нашей жизни ещё не всё совершенно, проникнут весь разговор автора с читателями; и потому, что эта тревога зовёт людей вперёд, напоминает им об их высоком жизненном предназначении, именно потому книга находит живой отклик в сердце читателей. И как всегда, доверительность, искренность собеседника побуждает к откровению, так и в этом случае книга вызвала поток читательских писем. Авторы их как бы продолжают мысли автора, стараются развить их, проиллюстрировать примерами из жизни. И почти в каждом письме видна активная патриотическая позиция — тот самый высокий гражданский дух, который так свойствен советским людям.

«Если бы все учёные, — пишет из Ялты З. Крюковченко, — так доходчиво и убедительно рассказывали и доказывали о вреде курения, пьянства и пр., то, может, и сдвинулось бы с места всё то, что мешает нам работать и жить. Вот Сочи добился того, что город стал городом некурящих, а Ялта как кочегарка, и почти все врачи курят. Как же им будут верить больные, что курить вредно? Почему-то Швеция взяла на себя обязательство в течение 25 лет стать страной некурящих. Идёт борьба за оздоровление нации, а у нас многие курят, и девушки, и даже дети».

С течением времени, с внедрением в нашу жизнь новейших достижений науки и технического прогресса, наконец, с повсеместным улучшением всех сторон быта и повышением культуры люди все нетерпимее относятся к изъянам в человеческих отношениях, к проявлениям низменных эгоистических страстей.

Вот что написал автору известный в Закавказье хирург, профессор Габибли: *«По существу, всё, о чём Вы пишете, известно многим. Об этом, как правило, говорят между собой при неофициальных встречах и беседах. Очень часто эти темы обсуждаются после возвращения с кладбища, похорон, когда в людях на какое-то время просыпается Человек с большой буквы. Всё дело в том, что Вы обнажили многие недостатки, затронули вопросы о взаимоотношениях людей... Сделали попытку, пользуясь живыми примерами, определить способы излечения этой тяжёлой, коварной болезни».*

Я убеждён, что если каждый твёрдо уяснит, что вслед за хамством, грубостью непременно и немедленно последует осуждение, то тогда только воцарится порядок во взаимоотношениях. Если та кассирша магазина, которая обидела приезжую учительницу, знала бы, что за неё, учительницу, сразу вступятся люди из очереди, она бы вела себя иначе».

Равнодушие окружающих — особое оружие, стимулятор хамства, хулиганства и всего низменного. Не помню, где-то я прочёл такие слова: «Если есть у вас друг, не бойтесь его, в худшем случае он вас предаст. Если у вас есть враг, не бойтесь его — в худшем случае он вас убьёт. Бойтесь равнодушных, с молчаливого согласия которых вас и предадут и убьют».

Берегите человека!.. Если бы эти слова стояли эпиграфом к книге, они были бы уместны и оправданы. О чём бы ни говорил автор, какую бы проблему ни затронул — всюду слышится забота о здоровье человека, о нравственной крепости общества, о силе государства, которая, между прочим, во многом зависит от морального и духовного единства живущих в нём граждан.

В одном из писем читаем:

«Нас около пятидесяти человек, объединённых общественной работой, мы посещаем инвалидов, дежури́м в приёмные дни, устраиваем одиноких в дома-интернаты, слушаем, а иногда сами читаем лекции по самым разным вопросам, отмечаем коллективно праздники, выезжаем в наши чудесный городской бор... Да, есть у нас такая Раиса Захаровна Андреева — ленинградка; между прочим, она родилась в 1888 году. Её мы очень бережём...»

Пишут отовсюду, подчас не сообщая ни возраста, ни рода занятий, иногда забывая поставить подпись. Одно общее во всех письмах: высокий гуманизм и гражданский пафос.

Время изменяет многие критерии, меняется отношение к профессиям; с одних слетает ореол новизны, другие теряют привлекательность, лишаются романтической окраски, в моду входят новые профессии, таинственно будоражат сердца вступающих в жизнь поколений.

Может быть, в последнее время в какой-то мере поубавилась и престижность профессии врача. Книги, подобные «Человеку среди людей», создают старой профессии новую славу.

Об этом хорошо сказала в письме автору известная наша певица Муи Гасанова — народная артистка РСФСР:

«Да, мы, люди искусства, даже и не подозревали, какая может быть адски трудная работа у хирурга, Хирурга с большой буквы. Вы дали нам возможность понять и оценить труд врача».

А вот письмо студентов Новосибирского государственного медицинского института:

«Нас в группе 12 человек, у всех нас разные характеры, взгляды, но нас глубоко тронула Ваша откровенность, желание воспитать настоящего врача, Человека... На нашем курсе состоялся диспут, среди всех присутствующих не было ни одного, который бы остался равнодушным в обсуждении вопросов, которые Вы ставите. Каждый из нас испытывает гордость за выбранную нами профессию».

Взволнованный разговор ведут читатели о глубоко укоренившихся дурных привычках — пьянстве и курении. «Моя трудовая деятельность, — пишет москвич А. Смирнов, — связана с материальным производством, где люди в основном морально и нравственно стоят на высоком уровне. Однако и здесь наблюдается значительное влияние пьянства и сквернословия».

На двадцать шестом съезде партии было заявлено: пьянство у нас стало серьёзной проблемой. Автор «Человека среди людей» — сторонник полного отказа от употребления спиртного. На одной из страниц книги читаем: «Наша жизнь так интересна, так красива и коротка, что, право, не стоит заливать себе глаза водкой и смотреть на жизнь затуманенным взором».

В печати мы встречаем много статей, посвящённых борьбе с пьянством. На эту тему читаются лекции, проводятся беседы — и, несомненно, просветительская работа приносит обществу большую пользу, многих удерживает от употребления алкоголя.

Уже давно вносит свою посильную лепту в эту чрезвычайно полезную деятельность Фёдор Григорьевич Углов. Его статьи в центральных и местных газетах, выступления на радио и телевидении надолго остаются в памяти читателей и слушателей, они отличаются какой-то скульптурой, зримой доказательностью, бескомпромиссностью суждений и выводов. Он в этих беседах как бы продолжает бой за жизнь и здоровье

человека — бой, который вот уже полстолетия со скальпелем в руках ведёт у операционного стола.

Доводы хирурга насчёт алкогольного отравления не оставляют ни сомнений, ни оптимизма.

Обратимся к методу его доказательств:

«Мне как врачу приходилось наблюдать трагедии, явившиеся в результате употребления алкоголя, особенно в юношеском возрасте.

К нам в клинику поступил Сергей Н. Ему едва перевалило за двадцать, а у него уже был цирроз печени с тяжелейшим желудочным кровотечением. Он рано начал употреблять спиртные напитки. По-видимому, именно у молодых печень легче подвергается тяжёлому отравлению, и как следствие этого — гепатит, то есть воспаление печени с исходом в цирроз, когда печёночные клетки заменяются рубцом...»

А вот другое место в книге:

«Есть люди, которые рассуждают примерно так: «Плохо, если человек не умеет пить, если он напивается до свинства, но если пить понемногу и не часто — это ничего. Есть же пословица: «Пей, да дело разумеи». Или: «Пьяный проспится, дурак — никогда». Да, такие пословицы есть, и родились они, очевидно, в ту пору, когда народ не знал всей пагубы, заложенной в спиртных напитках. С тех пор далеко шагнуло и сознание народа и наши сведения о вреде алкоголя. Ратовать в наше время за умеренное, «культурное пьянство» равносильно призыву «культурно употреблять морфий или гашиш». Ныне наукой доказано, что алкоголь такой же наркотик, только с более медленным инкубационным периодом».

Едва ли не каждый день доктор Углов встречает человеческую драму, а то и трагедию, содеянную алкоголем. Однажды он сказал: «Каждое четвёртое сердце, которое я держал в руках, было разрушено или подорвано спиртными напитками». И как человек, принимающий близко к своему собственному сердцу чужие беды и боли, он ещё с молодых лет стал активным борцом за абсолютную трезвость. Он часто говорит: «Чтобы бороться, надо знать противника». И он изучает все исследования алкогольной пагубы, проводящиеся как в нашей стране, так и за рубежом. Собрал огромный научный и статистический материал. Написал десятки собственных исследований — с одними выступал в газетах, другие опубликовал в книгах, журналах. И естественно, что эта сторона деятельности Углова нашла горячий отклик среди людей, которых волнуют эти вопросы. Людей таких тысячи и тысячи.

«Вы описываете пьянство и алкоголизм, — пишет одна читательница, — словно все берёте из моей жизни. Вот уже семь лет, как я разошлась с мужем-пьяницей и живу с сыном, которому 15 лет. Мне иногда говорят, что напрасно я так сделала, что сейчас многие пьют и начальство, и рабочие. Вот и будешь жить одна, а так бы всё-таки был муж. Но мне всё время кажется, что я не сделала ошибки. А прочитав Вашу книгу, нашла подтверждение своим мыслям, что некоторые женщины предпочитают одиночество ежедневным оскорблениям. И это мне тем приятнее, что Вы мужчина, совершенно мне незнакомый, правильно оценили моё решение... Я медсестра. 20 лет работаю в кабинете функциональной диагностики. За это время столько насмотрелась алкогольной травмы... А сколько за ними требуется ухода! Сколько тратится дорогостоящего лекарства, а если травма, то вызывают к ним специалистов, производят операции. И что же мы, персонал, испытываем от таких пациентов? Одно отвращение и гадливость».

Писем много. И все от души, от той самой бескомпромиссной искренности, с которой ведёт разговор с читателем и сам автор.

Ну а возражения?.. Желание поспорить, опровергнуть — встречается ли такое в письмах?..

Да, встречается. Но редко. Пожалуй, на тысячу писем одно.

Например:

«Вот... место, с которым я не согласен. Вы, Фёдор Григорьевич, в своей книге пишете: «Если и является ревность проявлением любви, то любви сугубо эгоистичной,

собственнической, скорее животной. Ревность является ярким свидетельством низкой культуры, отсутствия самовоспитания и внутренних тормозов, чрезмерно развитого эгоизма и себялюбия...»

Это, на мой взгляд, не совсем верно. Ревность — чувство естественное, биологически оправданное. Ревность — тень любви. Нет ревности — значит, нет и любви... Ревность — это боязнь потерять любимую (любимого), которая дороже всего на свете».

Впрочем, автор письма замечает:

«Как мне кажется, спор наш — из-за терминологической неточности».

Автор письма обнаруживает не только стремление иметь собственную точку зрения, но и способность глубоко проникать в суть деликатнейшего этического вопроса, рассуждать о нормах поведения людей современных, воспитанных в условиях небывалого роста культуры и условий социалистического общежития.

В самом деле: что же такое ревность? Как она проявляется в наше время? Как должна проявляться?..

Вопросы не праздные. И простого ответа на них не найдёшь.

Вообще, с точки зрения социологии или истории культуры, письма читателей представляют собой примечательное явление. Едва ли не каждое из них свидетельствует о высокой культуре советских людей, их образованности, способности иногда встать вровень с автором и рассуждать с ним на равных. Иные читатели стремятся дать научное обоснование книге автора, определить метод повествования, жанр произведения.

«Хотя все написанное Вами названо «Записки врача», я всё же считаю это произведением, но не приравниваю к тому, что пишут писатели... Тут нет вымысла, это не роман, не повесть... но — всё рассказанное жизненно, правдиво, документально, наполнено глубоким человеческим переживанием... Я глубоко тронута Вашим отношением не только к человеческим несчастьям... но и проникновенным пониманием духовного мира людей, встретившихся Вам.

Людмила Одинцова, г. Дзержинск».

Тут новое дыхание читательских интересов, новый уровень людей, к которым адресуется ныне любой автор. Разумеется, он не отрицает важности классических образцов литературного жанра — романа, повести, рассказа; не умаляет их значения и в наше время, но требует одного неперемennого условия: все рассказанное должно быть жизненным и правдивым.

Не того ли требовал от русских писателей великий наш критик Белинский и вся демократическая литературная критика? Не потому ли и поднялась на такую высоту русская литература, что все лучшие произведения её были жизненными и правдивыми?..

Письма-отклики на книгу Ф. Углова «Человек среди людей» — а их, повторяем, много — могли бы и сами по себе составить книгу, и это была бы очень трогательная, очень волнующая книга, где главным героем был бы наш современник, наш беспокойный, всегда ищущий и готовый чутко откликнуться на всё возвышенное, благородное Советский Человек.